

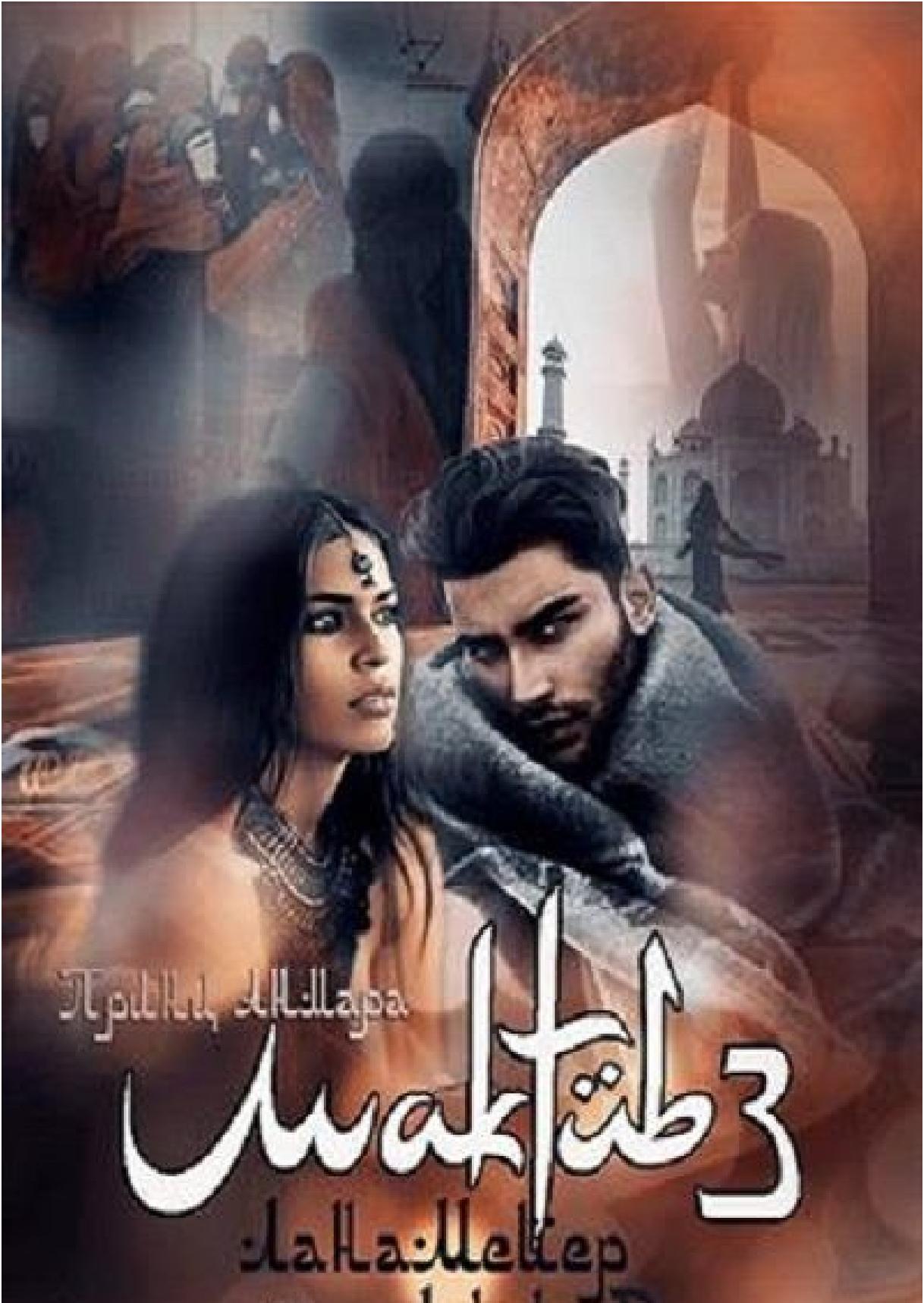
تولید و کارگردانی: علی محمد صالح

3 Partak

داستانه

18+

تیکت

Dil-e-Hayat

3 Takat

Dil-e-Hayat

18+ AlexcD

Алекс Джиллиан

Макбут. Принц Анмара

*... Жизнь без любви — цветок без аромата,
как говорят на Востоке.*

Понсон дю Террайль. Тайны Парижа.

Пролог

Провинция Кемар. Поселок Аззам. Семнадцать лет назад.

Имам Ибрагим пришел на торжество последним. С его появлением смех и музыка стихли, и все присутствующие склонили головы в почтенном молчании. В тени финиковых пальм за простыми деревянными столами на широких скамьях, которые гости вынесли из собственных домов, расположились почти все жители Аззама. В самом центре, на отдельном кресле, обтянутом белой тканью, в традиционном головной уборе и расшитой золотом рубаше усадили самого виновника события — одиннадцатилетнего Джамалья Камалю, который с задумчивым выражением лица и вымученной улыбкой принимал поздравления от многочисленных гостей, среди которых почти не было женщин. Исключение составляли только мать и сестры Джамалья. Оставаясь практически незаметными, они бесшумно сновали между столами, подливая воду, сок и травяной чай в стаканы; убирали грязную посуду и доносили блюда с угощениями, состоящими в основном из баранины и тушеной фасоли, отварного риса, свежих овощей и фруктов, фиников, щербета и других восточных сладостей. Ибрагим занял место рядом с Омаром Камалем, ободряюще улыбнулся побледневшему Джамалю.

— Сегодня особый день, Джамаль. Ты проявил смелость и укрепил свою веру и должен запомнить его, как лучший в своей жизни, — произнес Ибрагим. — Это мой скромный дар тебе, — извлек из широких складок рясы небольшой бумажный сверток и протянул мальчику. Джамаль поблагодарил Ибрагима. Он уже точно знал, что внутри. Коран — традиционное неизменное подношение имама.

Торжество в центре маленького поселения устроили по случаю совершения обязательного для всех мусульманских мальчиков обряда. В бедном поселении Аззам суннет (исламский термин, означающий обряд обрезания, представляющий собой усечение крайней плоти) праздновался с особым масштабом. Если семья была слишком бедна, чтобы подготовиться к церемонии и после угостить гостей, то все жители поселка принимали участие, помогали деньгами, приносили в

дом родителей мальчика продукты и ткани, чтобы мать могла сшить сыну для обряда новый костюм.

Но если для родителей, близких родственников и гостей суннет был радостным событием, то мальчишки, как правило, очень волновались перед обрядом. Первое испытание будущего мужчины на храбрость, первая боль, которую нужно пережить, не показав окружающим своего страха. Имам Ибрагим много лет проводил церемонию сам, в мечети, в присутствии близких родственников. Несколько десятков мальчишек от рождения до двенадцати лет прошли через его руки, и все они сейчас присутствовали здесь, чтобы поздравить Джамалья Камалья.

— Пришел мой черед поздравить тебя, Джамаль, — немного волнуясь, начал его отец. Омар встал, поправил белоснежную кандуру, надетую в честь праздника, и извлек из кармана тряпчатый мешочек, уместившийся в ладони. — Теперь ты достаточно взрослый, чтобы оценить значение моего дара, — Омар наклонился к сыну и положил кулек в протянутую руку сына. — Ты был послан мне самим Аллахом в утешение, когда мы с женой горевали после потери нашего первенца, и сейчас стал опорой и помощником. Каждый день я возношу молитвы Всевышнему за то, что он указал мне путь, когда я пребывал в отчаянии, — взволнованно проговорил Омар. Мальчик мягко улыбнулся отцу и с любопытством расшнуровал тоненькую веревку, перетянувшую мешочек, перевернул и изумленно выдохнул... Ему в ладонь упал тяжелый перстень, излучающий благородное сияние. Он взял его пальцами, с восхищением, немного даже недоверчиво рассматривая со всех сторон. Да и как тут поверить собственным глазам? Откуда у бедного реставратора могло взяться такое дорогое украшение? Сверкающие драгоценные камни так и притягивали взгляды не только Джамалья, но и всех присутствующих. На оттиске перстня при близком расстоянии можно было увидеть серебристую лилию, обвитую змеей с глазами-рубинами.

— Очень щедрый подарок, — не сводя глаз с кольца, произнёс имам Ибрагим, но, спохватившись, что не дал сыну поблагодарить отца, замолчал и учтиво отвел взгляд.

— Спасибо, отец. Я сделаю все, чтобы ты никогда не разочаровался во мне. Клянусь, что всегда буду опорой тебе, матери и сёстрам, — взволнованно произнес Джамаль, сжимая перстень в

кулаке. — Но Аллах свидетель, имам прав, это слишком дорогое подношение.

— Кольцо принадлежит тебе, Джамаль, и я хочу, чтобы ты хранил его, и, когда наступит подходящий момент, передал своему сыну. Пообещай мне это, сын.

— Клянусь, отец, — кивнул мальчик, вставая со своего импровизированного трона и обнимая отца, у которого в глазах сверкнули слезы.

Чуть позже, когда эстафета поздравлений перешла к другим жителям Аззама, Ибрагим обратился к Омару с вопросом, который не давал ему покоя с того момента, как он увидел в ладони Джамалья кольцо.

— Кто так щедро расплатился с тобой за работу, Омар? — негромко спросил он. — Или ты купил кольцо в ближайшем городе?

Мужчину не задел нетактичный вопрос Ибрагима. Они много лет были знакомы, Омар часто выполнял разного рода поручения имама за символическую плату и давно считал себя его другом.

— Я нашел перстень в пустыне, Ибрагим, — немного поразмыслив, прежде чем ответить, произнес Омар.

— Махрус благоволит тебе, друг. Обычно он безжалостен к одиноким путешественникам, — задумчиво отозвался имам, обратив на Джамалья Камалья внимательный взгляд. Ему вдруг вспомнилось, как одиннадцать лет назад, едва успев похоронить первенца, Омар вернулся с заработков с ещё одной трагической вестью. Умерла при родах его сестра, которая много лет назад вышла замуж и уехала в небольшой городок по ту сторону Махруса. Младенец выжил, но оказался крупным сиротой. Муж несчастной умер от пневмонии за несколько месяцев до рождения ребенка. Ибрагим тогда поддержал желание Омара вырастить племянника, как родного, не раскрывая ему печальных обстоятельств его появления на свет.

— Ты говорил, что твой сын тоже неплохо справляется с кистью? У меня, пожалуй, найдется для него работа в мечети, — произнес Ибрагим, широко улыбаясь старому другу.

Анмар. Пять месяцев назад.

Джамаль

Я знаю, почему Кадер не убил меня. Я знаю, кто мог вызвать группу АРС в столицу Кемара раньше времени. Я до хрена чего знаю, но сейчас должен сыграть роль того, кем привык меня видеть Таир Кадер.

— Он назвал имена? — сыплет вопросами полковник.

— Нет. Никаких прямых обвинений.

— Он что-то говорил о премьер-министре Дамире Видаде? — конкретизирует Кадер, заодно проверяя мою реакцию на прозвучавшее имя.

— Нет. Ни слова, — бессовестно лгу я. — Предполагаю, что информация сфабрикована с целью нанести удар по кабинету министров и дискредитировать короля в глазах народа и правительственных структур других стран, посеять смуту и на почве многолетнего растущего недовольства правлением аль-Мактума свергнуть монарха, заручившись политической поддержкой влиятельных союзников.

— Кому это нужно?

— Искандеру аль-Мактуму, — озвучиваю я одну из имеющихся версий. — Наследник не собирается ждать смерти короля. Ему нужна власть, трон психически нестабильного отца. В руках американцев подобная информационная бомба сможет нанести серьезный урон политике Анмара, повлечь за собой многочисленные необратимые последствия. Мы оба понимаем степень угрозы, Кадер.

— Почему я должен тебе верить?

— У меня нет причин лгать. Нет причин сотрудничать с ЦРУ и отказываться от страны, которая, как ты правильно заметил, дала мне все, что я имею. Дай мне закончить операцию, Кадер. Я получу данные и ликвидирую Видада. Я знаю, где его искать. Без меня вам его не найти. Времени нет. Возможно, прямо сейчас они покидают Анмар.

— А если снова провалишь задание и упустишь его?

— Сделаешь то, что считаешь нужным.

— Ты помнишь, какой вопрос я задал тебе, когда мы встретились с тобой в первый раз? — резко меняет тему полковник с целью поставить меня в тупик.

— Да, сэ́р, — сплываю я. Шаги Кадера стремительно приближаются, отскакивая от стен гулким эхом. Он резко сдёргивает повязку с моих глаз, и я жмурюсь, хотя освещение в комнате для допросов достаточно тусклое, чтобы не травмировать сетчатку. Пока Кадер снимает металлический обруч с моего горла, я, проморгавшись, озираюсь по сторонам слеповатым взглядом. Картинка немного плывет, двоятся и троится, фокус нарушен из-за удара по голове и продолжительного давления на глазные яблоки. Обстановка, вполне ожидаемая: стальные звуконепроницаемые стены, металлический стол, прикрепленный к полу, круглая раскачивающаяся лампа под потолком, тяжелая железная дверь. В этих карцерах допрашивают особо опасных политических преступников в целях сохранения полной секретности данных показаний. Интересно, чем я заслужил подобную честь?

— Прочитируешь? Можно своими словами, — продолжает Кадер, снова вставая передо мной. Он, бл*дь, издевается? Дерьмовое чувство юмора, или умом тронулся и решил предаться ностальгии?

— *«Ты хочешь научиться стрелять в тех, кто уничтожил Аззам? Я не говорю про правосудие и закон. Придется держать оружие. Направлять в головы тех, на чьих руках кровь многих невинных жертв. Ты сможешь, Джамаль?»*

— Феноменальная память, — констатирует Таир. Если он и удивлён, то виду не подаёт. Я глубоко втягиваю тяжелый спертый воздух. Без ошейника дышать стало заметно легче.

— В момент стресса возможности памяти могут обладать противоположными свойствами — стирать обстоятельства травмирующих событий или фотографически отпечатывать их в подсознании, — ровным, бесстрастным тоном сообщаю я, бросая выразительный взгляд на свои прикованные к подлокотникам «пыточного» кресла запястья. Кадер невозмутимо пожимает плечами, не торопясь освободить мои руки.

— Ты всегда был самым способным среди агентов, Джамаль. У тебя есть здравый смысл и правильно выработаны инстинкты выживания, ты чувствуешь опасность и обладаешь быстрой реакцией, умеешь принимать самостоятельные решения, не боишься ответственности и готов исправлять совершённые ошибки даже ценой собственной жизни, — к моему недоумению Кадер пускается в

перечисление моих достоинств. Техника «хороший полицейский» сейчас не совсем к месту. На меня не действуют стандартные уловки во время допроса. Я их выучил наизусть ещё в первые годы обучения. — Но сейчас мне необходимо быть уверенным в правильности твоих приоритетов.

— Тебе они известны, Кадер. Я работаю на благо королевства, — четко отвечаю я. Таир пристально смотрит мне в глаза и отводит взгляд первым.

— Означает ли это, что ты по-прежнему готов стрелять в тех, кто уничтожил Аззам?

— Да, полковник, — киваю я, озадаченно сдвинув брови. Почему он заговорил об Аззаме именно сейчас?

Кадер снова делает шаг вперед и, не глядя на меня, отстёгивает сначала один железный браслет на запястье, потом другой. Облегченно вздохнув, я разминаю затекшие руки и, подняв голову, натываюсь взглядом на протянутый Кадром пистолет.

— Зачем? — хмуро спрашиваю я. Кадер сосредоточенно и решительно смотрит на меня.

— Возьми, — отдает жёсткий приказ. И когда я выполняю, командует снова. — А теперь поднеси к своему виску и стреляй.

— Я вроде как уже собирался это сделать, но ты меня остановил, — ему впервые удалось поставить меня тупик. Если это какой-то новый экзамен, то я явно к нему оказался не подготовлен.

— Сейчас не стану. Давай. Ты только что сказал, что готов стрелять в тех, кто уничтожил Аззам, — наши взгляды скрещиваются в напряженной поединке. Пульс подскакивает, простреливая виски резкой болью. Перед глазами снова расплываются тёмные пятна.

Прищурившись, я сжимаю кольт в руке, пытаюсь понять, что именно хочет от меня Таир Кадер. Существует только одно логическое объяснение, а это означает, что пришло время открывать карты, но первый ход я оставлю за полковником. Уверен, что у нас с ним разнящиеся версии событий. И чтобы выиграть в конечном раскладе, мне придется придержать козыри в рукаве.

— Отец никогда не рассказывал тебе о том, как ты появился в его семье, Джамаль? — Повернув голову набок, ровным тоном спрашивает Кадер.

— Нет, — хрипло отвечаю я, качнув головой. — Наверное, как и все остальные дети, — опускаю глаза, ощущая предательскую боль под ребрами. Это неправда....

— Нет? — резкий голос Кадера выдергивает меня из тяжелых воспоминаний. Я отрицательно киваю головой, стиснув челюсти до хруста. — Или мне говорить не хочешь?

— Отец ничего мне не рассказывал, — стальным тоном повторяю я. Таир проходится по мне изучающим взглядом.

— А подарок его помнишь? Уверен, что да. С твоей-то памятью.

— Откуда тебе известно про кольцо? — вскинув голову, ожесточённо спрашиваю я.

— Помнишь, значит, — ухмыляется Кадер с толикой удовлетворения. Отходит назад, присаживается на край стола, сунув руки в карманы военной формы. Сукин сын уверен, что контролирует ситуацию. Хотя, учитывая мое положение, у него есть на это все основания.

— Я потерял его в мечети вовремя теракта, — произношу я, не сводя с полковника сверлящего настойчивого взгляда. — Никто не знал!

— Почему ты так уверен? Я же знаю, — бесстрастно передергивает печами Кадер, доводя меня до бешенства своим снисходительным видом.

— Откуда? — рычу я, и, словно издеваясь, Таир выдерживает значительную паузу, берет бутылку воды со стола и бросает мне в руки. Быстрота реакции не подводит, несмотря на небольшую рассеянность сознания.

— Под пытками люди бывают очень болтливы. Особенно женщины, — расстегивая пару пуговиц на рубаше, произносит Кадер. — Когда наш отряд прибыл в Аззам, спасти было некого, и мы бросили все ресурсы, чтобы вычислить исполнителей теракта. Это было несложно. Они здорово наследили и уйти далеко не успели. На выполнение этой задачи ушло несколько дней. Обнаружили, окружили и захватили повстанцев без боя, застав врасплох. Нас насторожило сразу несколько моментов. Накрыв преступную банду, мы освободили больше десяти пленников, которых, по всей видимости, собирались продать торговцам Шатров, но из Аззама был только ты и в клетке держали исключительно тебя. Да и сам теракт

отличался от остальных провокаций повстанцев. Аззам — достаточно мирный поселок, ничем не выделяющийся, население бедное, по большей части необразованное. И к тому времени повстанцы заметно поутихли, а тут вдруг такая трагедия! Поэтому вопросы, разумеется, у меня возникли. Я тогда ещё сам участвовал в операции, а не в кабинете бумажки заполнял. Допрашивали долго, ублюдки стойкие попались, но заговорила только женщина. И очень интересную рассказала историю. Я бы не поверил, но совпадения слишком очевидные, — Таир снова останавливается, испытываяще глядя мне в глаза. Его интересует моя реакция, но ему невдомек, что я делаю то же самое: детально анализирую каждое слово, интонацию и мимику, с которой оно произнесено.

— Что он тебе рассказал? — не выдержав, резко спрашиваю я.

— Теракт заказал кемарский шейх Шараф аль-Гафар, по утверждению этой суки являющийся одним из организаторов Шатров Махруса. Обещал огромное вознаграждение, если будут выполнены все условия. А потребовал он уничтожить Аззам, сжечь дотла, сравнять с землей, в живых оставить только Джамалю Камалю и доставить к нему. Я экстренно организовал спецоперацию, и Шарафа аль-Гафара вычислили и перехватили, когда он находился на территории Анмара. Стойкость шейха к пыткам оказалась ниже, чем у исполнителей его приказов. После третьего допроса он уже не отрицал своей причастности к деятельности Шатров и сдал нам несколько громких имен, среди которых значились бизнесмены и шейхи, проживающие не только на территории Кемара, но и в Анмаре. К сожалению, вся структура Гафару была неизвестна, и он назвал только тех, с кем сотрудничал лично. Организаторы бизнеса на живой плоти намеренно создали сложную иерархическую цепочку, чтобы обезопасить верхушку. Когда мы частично разобрались с первым вопросом, перешли ко второму — к мальчику, ради похищения которого уничтожили целый поселок. И то, что я узнал, повергло меня в шок. Шараф аль-Гафар в Кемаре вел внешне благочестивую жизнь, спонсировал школы и приюты, совершал паломничества в Мекку, где однажды и познакомился с аззамским имамом, поведавшим ему удивительную историю об одном из своих прихожан и его сыне. Имам рассказал, что однажды Омар вернулся из

пустыни с младенцем на руках, сообщив, что это ребенок его сестры, оставшийся круглым сиротой, и стал воспитывать как родного.

Обычная вроде история, банальная. Сколько таких семей? Да вот когда во время празднования суннета отец подарил сыну кольцо, которое вряд ли было по карману Камалю, перебивающегося временными заработками, имама заинтересовало его происхождение. На прямо заданный вопрос Омар ответил, что нашел перстень в пустыне. Имам, как лицо религиозное, воспринял историю Камалю как промысел Всевышнего. Мало кого Махрус одаривает дарами. Чаще убивает или сбивает с пути, а тут сначала ребенок, потом кольцо. Чудо, не иначе. Но только Шараф аль-Гафар в чудеса не верил. Он выпросил у имама все подробности: возраст мальчика, точную дату рождения, цвет волос, глаз, как выглядит кольцо, откуда возвращался Омар Камаль, когда появился в посёлке с ребёнком на руках, — Кадер замолкает, задумчиво потирая подбородок, словно сомневаясь, стоит ли продолжать дальше. Его взгляд неотрывно блуждает по моему лицу.

— Почему ты замолчал? Говори дальше, — требую я.

— Я скажу, если ты дашь мне клятву здесь и сейчас, что все, что будет сказано в этих стенах, никогда не выйдет за их пределы, — металлическим тоном отвечает он.

— Считай, что она у тебя есть. Я могу подписать документы о неразглашении, если необходимо.

— Все изменится после того, как ты узнаешь правду.

— Говори, — мы обмениваемся напряженными взглядами, после чего Кадер коротко кивает.

— Нам придётся вернуться на двадцать восемь лет назад. К тому моменту, когда жена короля была похищена торговцами в пустыне. Все, кто ее сопровождали, были убиты, а ее тело нашли только спустя полгода.

— Мне это известно из отчетов, — ровным голосом сообщаю я, ощущая, как по позвоночнику стекают капли холодного пота от бешеных усилий удержать себя в состоянии внешней невозмутимости.

— Тогда тебе должно быть известно и то, что ее обнаружили на следующий день после твоего рождения. А изображение на оттиске на перстне, которое имам необдуманно описал Гафару, являлось частью графского герба, принадлежавшего старинному датскому

аристократическому роду, из которого происходила Карен Остен. И если бы ты поднял старые выпуски газет со времен, когда она прибыла в Анмар впервые, то смог бы узнать на сохранившихся фотографиях кольцо, подаренное тебе Омаром Камалем.

— Если бы я родился шестимесячным, то не выжил бы, — ожесточенно произношу я.

— Правильно, Джамаль, — кивает Кадер. — Думай дальше.

— В отчётах нет ни слова о том, что Малика была беременна в момент похищения.

— Об этом никто и не знал, кроме короля и его близкого окружения. Махмуд ибн Фахид аль-Мактум запретил вносить эту информацию в архивы даже с грифом строгой секретности. Теперь ты понимаешь глубину его отчаяния после исчезновения беременной жены? Он потерял не только любимую женщину, но и ребенка. Его ярость уничтожила не только причастных к похищению, но и невинных людей, и этих смертей ему до сих пор не простили. У короля много врагов, они повсюду, даже на нашей земле. Король одержим мыслью, что его окружают предатели, и его сложно упрекнуть в предвзятости.

— Почему его... то есть меня, не искали? — оборвав Кадера на полуслове, спрашиваю я.

— Мы нашли обезображенное, объеденное дикими животными тело Карен Остен, Джамаль. Надежды на то, что рожденный ребенок выжил и не был разорван хищниками не было, — жёстким тоном произносит Кадер. Я задерживаю дыхание, отгоняя представленную ужасающую картинку. К горлу подкатывает горький комок, и я сплываю его, запивая водой из бутылки. Как бы ни было тошно, но мне необходимо, чтобы Кадер говорил дальше. Это поможет собрать недостающие данные, — Мактум тоже ее видел, Джамаль. Он узнал Малику по волосам и родинке на шее. И, разумеется, экспертиза подтвердила, что останки принадлежат Карен Остен.

— Если Гафар знал, что Малика была беременна, значит он имел отношение к ее похищению, — прихожу я к логичному выводу.

— Виновные нам известны, но, к сожалению, правосудие не всех настигло, — взглянув на циферблат наручных часов, произносит полковник. Этот жест говорит мне о многом. Сжимаю зубы, пытаюсь сохранять невозмутимость. — Кахир аль-Мактум, младший

завистливый брат, организовал похищение. Малика отчасти сама навлекла на себя беду. Она убедила Махмуда развернуть масштабную операцию по борьбе с организованной работорговлей. А те, кто стоял за этим прибыльным бизнесом, не собирались так просто прикрывать лавочку. Торговцам нужны были деньги от продажи живого товара, Кахиру — власть. Интересы сошлись. И те, и другие просчитались, недооценив масштабов ярости и жажды мести Махмуда аль-Мактума. Он уничтожил многих, но не всех.

— Как Малика оказалась в пустыне? — задаю следующий конкретный вопрос. Я замечаю, как на скулах Кадера начинают нервно двигаться желваки, во взгляде проскальзывает подозрение. Моя реакция на озвученную информацию не соответствует его ожиданиям, но отступить уже поздно, он сказал слишком много.

— Деревня, где ее удерживали в одном из домов, подверглась обстрелу военных, Малика воспользовалась всеобщей паникой и сбежала. Это трагическая случайность. Если бы Малика осталась, то, возможно, смогла спастись.

Я отвожу взгляд в сторону, стискивая зубы. Не смогла бы. Она была смертельно ранена.

— Ты не выглядишь удивлённым, Джамаль, — сжимая губы, напряженно произносит Кадер. Я спокойно выдерживаю его тяжелый жесткий взгляд.

— За годы службы я научился логически воспринимать факты, какими бы они ни были, отключив лишние эмоции, — выдаю ровным выверенным тоном.

— Это правильно. Думать всегда надо головой, а не сердцем, — соглашается Кадер, немного расслабляясь, но холодок подозрительности в его глазах ещё присутствует.

— Именно это я пытаюсь делать. Есть какие-то лабораторные доказательства и подтверждения моего близкого родства с королем?

— Разумеется, — заверяет Кадер снисходительным тоном, словно я спросил вопиющую глупость. — Все тесты были сделаны ещё в первый год твоего обучения.

— Почему ты мне говоришь о моем происхождении только сейчас?

— Я ждал этого вопроса, Джамаль, — Полковник медленно подходит ко мне и забирает пистолет, убирая в кобуру. Я настороженно наблюдаю за его действиями, пытаюсь предугадать,

какую версию выдвинет Таир, чтобы убедить в правильности своих действий. — Я уже говорил, что у короля много врагов и ещё больше недовольных его правлением. Показания Гафара дали понять масштаб преступной организации, называемой «Шатрами Махруса», и если ему было известно о том, что первый сын короля выжил, то знают и те, кто стоят на ступень выше. Они могут оказаться кем угодно. Министрами, членами королевской семьи, шейхами, имеющими колоссальное влияние в своих провинциях. Люди ради денег и власти готовы на все, Джамаль.

— То есть ты защищал меня, скрывая правду? — вырывается у меня скептический вопрос.

— Именно так, Джамаль. Я вырастил из тебя солдата, борца с правильными приоритетами. Ты предан своей стране и знаешь о ней больше, чем выращенные под юбками матерей сыновья Мактума. И со своей стороны я сделаю все, чтобы ты занял место, которое полагается тебе по закону...

— Хочешь посадить меня на трон? — ухмыляюсь я. — А что думает об этом директор АРС?

— Старый генерал держится на своем посту, только благодаря протекции короля, — фальшиво улыбается Кадер. — Он неплохо послужил нашей стране, но его время ушло. Генерал Амин Башар не имеет ни малейшего отношения к секретной информации о твоём происхождении.

— В отличии от премьер-министра? — высказываю я ещё одно подозрение.

— Советник поддерживает мое решение, но ему необходимо убедиться в том, что тебе можно доверять.

— Многие в курсе, я посмотрю, кроме отца и сына, — мрачно замечая я, игнорируя последнюю часть реплики Кадера.

— Теперь ты тоже знаешь, Джамаль, — сурово произносит Кадер.

— Да, — опускаю взгляд на свои руки, непроизвольно сжатые в кулаки. На запястьях краснеют следы от металлических браслетов. Вот она истинная зарисовка действительности и реальных мотивов Кадера. Он стоит напротив полностью одетый, расслабленный, уверенный в собственной неуязвимости, а мои ноги до сих пор скованы, и я по-прежнему абсолютно голый. Это тонкий психологический ход с его стороны. Полковник дает мне понять, кто управляет ситуацией.

— Почему сейчас? — повторяю вопрос, на который так и не услышал конкретного ответа.

— Обстановка в стране накаляется. Наследный принц молод, но не глуп. Он точно знает, чего хочет, и имеет мощную поддержку в обществе. Выдвигая либеральные идеи, резонирующие с жесткой политикой отца, Искандер привлек на свою сторону пострадавшие от действий аль-Мактума провинции и регионы. Существует ещё одна серьёзная причина, Джамаль. Король серьезно болен. Диагноз был поставлен три года назад, и тогда врачи прогнозировали восемь-десять лет жизни, при условии качественного лечения. Но сейчас состояние Махмуда резко ухудшилось. Учитывая, что информация о его заболевании засекречена, объяснять вспышки гнева на публике становится все сложнее. Как видишь, у нас не так много времени, Джамаль.

— А теперь расскажи мне про условия, — хрипло произношу я, анализируя услышанное.

— Какие условия? — настороженно уточняет Таир.

— Что я должен сделать, чтобы стать официальным наследником Махмуда аль-Мактума?

— Мне всегда импонировал в тебе трезвый подход к делу, Каттан, — удовлетворённо отвечает Кадер. — Для начала мы должны избавиться от угрозы международного конфликта, которую представляет собой Ильдар Видад. Сам факт того, что младший брат пример-министра замешан в работоторговле бросает тень на короля и его окружение. Если американцы вывезут его, и он даст показания о своей совместной деятельности с Шатрами, подкрепив это документальными данными, записями, схемами перевозки, списками покупателей и поставщиков — это будет началом колоссального резонанса. Ильдар ненавидит брата, он начнет называть имена тех, кто когда-то перешел ему дорогу, и ему поверят. Сукин сын готов на все, чтобы прикрыть свой зад.

Здесь сложно оспорить. Во всем, что касается Ильдара Видада я абсолютно согласен с Кадером. Ублюдок заслужил приказ на физическое уничтожение. И кому, как не мне, в течении полугода наблюдающему за ним в Нью-Йорке не знать этого? Ильдар Видад никогда не стремился к власти, хотя Дамир пытался пристроить его в Правление. Какое-то время Ильдар проработал на административной

должности в Правительстве, но не срослось. Его больше интересовали женщины, развлечения, путешествия. Отец братьев владел гостиничным бизнесом, но после отделения Кемара, понес серьёзные потери. Некоторые отели остались за пределами Анмара и, разумеется, перешли в руки новой власти. А то, что осталось здесь Ильдар благополучно спускал на ветер. Несмотря на то, что братья не ладили, но Дамир не раз вытаскивал Ильдара из неприятностей, и когда тот вдруг всерьёз занялся семейным бизнесом, тогда уже действующий советник аль-Мактума вздохнул с облегчением. Вероятно, в этот момент Ильдар и сошёлся с людьми, имеющими отношение к Шатрам или чуть позже, когда устав от управления отелями, рванул в Америку и создал там модельное агентство, дорвавшись до ниши, которая его интересовала больше — красивые, доступные девушки, приносящие ему прибыль не только позированием для журналов и на подиуме. Для прикрытия занялся благотворительностью, организовал центр для реабилитации детей и женщин. Некоторым действительно помогал, а других заставлял работать на себя, превращая в дорогих шлюх. Выдала его связь с «Ядовитым любовником», к которому он отправлял девушек, впоследствии обнаруженными убитыми. А дальше клубок раскручивался все сильнее. Выяснилось, что кастинг на набор моделей часто заканчивался для некоторых красавиц, мечтающих стать супермоделями, путешествием в Анмар, где те предавались руки работоторговцев и продавались на аукционах за бешеные деньги. Ильдар получал процент, который и составлял большую часть его прибыли. Несомненно, у него может находиться информация о внутренней структуре Шатров, но допускать ее разглашение за пределы Анмара нельзя. Проблему работоторговли необходимо решать на местном уровне. Вопрос в том, почему до сих пор Шатры Махруса практически беспрепятственно осуществляют свою деятельность.

— Я избавлюсь от него от Ильдара и не допущу утечки данных. Мне необходима подготовленная группа и надежное прикрытие, — уверенно заявляю я. Какое-то время Кадер хранит молчание, обдумывая мои слова.

— Откуда ты знаешь, где его искать? — задает резонный вопрос, к которому я подготовился заранее.

— Я оставил мисс Доусон подарок с жучком внутри. Позволишь мне возглавить операцию, и я избавлю тебя от проблемы в ближайшее двенадцать часов.

Кадер складывает руки за спиной, пристально глядя мне в глаза. Несколько шагов взад-вперед по узкой камере, и наконец, он принимает правильное решение.

— Хорошо, — кивает Кадер. — Я дам тебе группу и назначу старшим. Но ты должен понимать, это будет последнее задание, Джамаль. Экзамен на верность. За каждым твоим шагом будут наблюдать. Я тщательно проверю и проанализирую все твои действия при выполнении. Ты должен понимать, что сейчас твое будущее зависит исключительно от тебя самого. Малейшая ошибка может перечеркнуть все, чего мы добились на сегодняшний момент.

ГЛАВА 1

«— Помнишь, у Хемингуэя в «Прощай оружие» Кэтрин перед смертью просила Фредерика не говорить «наши слова» другим женщинам? Это важно, Мэрилин. Это очень важно — не говорить другим «наших слов». Надеюсь, ты это понимаешь.»

Артур Миллер к Мэрилин Монро

Наши дни. США, Нью-Йорк.

Рика

«Мисс Доусон, хотите сказать, вы не в курсе, что поддерживаєте ежедневный контакт с наследником Анмара?»

Сказать, что этот вопрос, заданный Стефаном Смитом мне только что на жестком допросе, который устроили мне «боссы» отдела национальной безопасности, парализовал меня, поверг в шок, окатил ледяной водой с головы до ног, заставив нервно дрожать и обессиленно сжимать кулаки, находясь под прицелом соколиного взгляда моего бывшего начальника, значит — не сказать ничего. Последний час жизни был одним из самых унижительных эпизодов, какие только довелось пережить за минувшие годы. Даже проклятый аукцион в «Шатрах Махруса» и вывод на торги в шеренге других девушек показался мне приятным мероприятием, по сравнению с «моральной экзекуцией» в некогда родных стенах штаба.

Подумать только: члены организации, которую я всегда считала своей семьей, отдушиной и смыслом жизни, допрашивали меня, как последнюю предательницу нации, опасную террористку, способную разжечь международный конфликт, шпионить для другой страны, только потому, что я общаюсь с мужчиной, которого считала хорошим инструментом для достижения своей благой цели, ну и просто интересным человеком, с которым мне комфортно проводить время,

встречаться и избавляться от жутких воспоминаний о путешествии в Анмар, которое стало серьезным испытанием для моей психики.

Осуждающие взгляды, приглушенный шепот в мою сторону... нет ничего более оскорбительного, чем неоправданные стрелы презрения, выпущенные в спину. Я бы нашла что ответить каждому, кто бы посмел обвинить меня в предательстве напрямую — каждый из присутствующих на допросе свято верил в то, что я нахожусь в сговоре с Искандером Аль Мактумом и передаю ему бесценную информацию, не подлежащую разглашению.

К слову, до сегодняшней пытки я понятия не имела, что «биржевой инвестор», кем он представился, Дерек Мак, на самом деле наследный принц Анмара, а по совместительству — ещё один наглый лжец, которого я притянула к себе. Подлецы и подонки врываются в мою жизнь без приглашения, буквально срывают дверь с петель, и мне стоит перестать этому удивляться и задуматься, почему я являюсь «лакомым кусочком» для двуличных мужчин.

После прямого вопроса Смита я долго приходила в себя, сквозь вату слышала хриплый голос отца, в который раз вынужденного меня оправдывать и защищать перед своими коллегами. Дурное предчувствие сковало грудь ледяными иглами и, кажется, я две минуты просто молчала, не в силах произнести оправдательную речь — я будто наплоталась сухого песка. Из долбанного Махруса. Из чертового Анмара, постоянно напоминающего мне о себе и о том, что значит для меня эта страна, мой дом в прошлом, а в настоящем — место, где я оставила осколок своей души. Осколок, за которым не должна возвращаться.

Джамаль. Нуждаешься ли ты во мне так же сильно?.. Думаешь ли каждый день о своей Эйнин перед тем, как закрыть глаза? Я думаю и вспоминаю... не могу избавиться от тебя, выкорчевать из сердца, вырезать, испепелить и уничтожить. как бы ни пыталась. Помню все до мелочей, могу вновь и вновь погружаться глубоко в наши воспоминания, воспроизводить моменты близости до мельчайших деталей. Зачем я это делаю? Должно быть, я мазохистка. Я скучаю, безумно, если бы ты только знал, насколько. до боли в сердце, до оглушительного и отчаянного крика, от которого сотрясаются стены души и режет горло. А ты скучаешь по мне, мой

асад, получая удовольствие, вдохновение, покой и безмятежность в объятиях и поцелуях других женщин?

Конечно, я тоже небезгрешна. Все это время, что Дерек Мак ухаживал за мной, я благосклонно принимала его приглашения на свидания, охапки цветов и другие жесты внимания, которые мужчина оказывает мне на протяжении последних двух недель. На самом деле мы довольно сильно сблизились, вместе работая над моим будущим проектом — той самой школой для брошенных и попавших в трудную ситуацию детей, которая станет для них не тюрьмой-интернатом, а настоящим домом. Дерек заверил меня в том, что поможет мне найти других спонсоров, и сам пожертвовал десять миллионов долларов, что и стало стартовым капиталом, фундаментом, заложенным для возведения счастливого будущего для сотен детских судеб. От одной мысли о том, что я ступила на дорогу, что приведет меня к моей истинной мечте — помощь людям не через войну, а мир, мое тело покрывается мурашками, а сердце в груди поет, будто становится больше от счастья и предвкушения великих событий. Теплота, согревающая меня изнутри, заполняет все пространство невыразимой тоски по Джейдану. Но я люблю эту боль, толкающую меня на действия. Если бы я так не стремилась забыть и отпустить его, я бы не делала все возможное, чтобы заполнить кровоточащую бездну, которая образовалась там в день, когда я в последний раз проводила его истекающее кровью тело замыленным пеленой слез взглядом.

Ведь это то, чего я действительно хочу — быть полноценной, наполненной личностью и идти по жизни, находясь рядом с таким же мужчиной. За последнее время многое изменилось во мне, и я уже не мечтаю быть сильной, находясь в отношениях, больше не хочу быть роковой ищейкой, роль которой приходилось играть целые годы службы. Я имею в виду лишь то, что не хочу впадать в зависимость от любимого, чувствовать себя «половинкой целого» без него. Теперь, когда страсть к Джейдану едва меня не разрушила, я понимаю, что ищу мужчину, с которым мы будем служить друг другу, нашей общей цели и миссии.

Когда я узнала, что Дерек заинтересован в том, чтобы помочь мне со школой, сопоставила наши характеры и схожие взгляды на жизнь, я вдруг поняла, что он — неплохой вариант, достойный человек, с

которым у меня сложится замечательное будущее при условии, что я отпущу Джейдана в своих мыслях и не буду находиться на грани истерики и агонизирующей ревности, когда представляю его в постели, в том самом доме, который он построил для меня в окружении других женщин. Мне даже жаль, что мой нрав, гордость и упрямство, вся моя суть даже не допускают мысли о том, чтобы *быть третьей...* ни первой, ни второй я быть не хочу, не умею. «Все или ничего» — мой девиз, к сожалению.

Ты весь мне нужен, Джамаль, только мой, начиная от подушечек сильных, длинных пальцев, заканчивая шрамами, которые навсегда скрыл замысловатыми символами. Я хочу быть единственной, кто знает о них, и о тех, что спрятаны куда глубже, чем поверхность кожи.

От такого, как Дерек, я никогда не стану зависима, и в то же время он воплощает в себе многие из качеств, которые привлекают меня в мужчинах. Достойный и сильный «кандидат» по всем параметрам: заботливый и щедрый, целеустремленный и сильный, несомненно обладающий дальновидностью и высоким интеллектом. Давно заметила, что «его высочество» бывает холодным, отчужденным и даже надменным — я старалась не придавать недостаткам Дерек значения, а теперь понимаю, откуда дует ветер — прямоком из королевского дворца, расположенного в Асаде. Вчера, когда мы вместе сходили на премьеру нового Бродвейского мюзикла, я впервые за время нашего знакомства позволила ему чуть больше, чем следовало бы. Если раньше наше прощание скреплялось целомудренным поцелуем в губы и дружеским объятием, то вчера... За это «чуть-чуть» один хладнокровный солдат с глазами цвета индиго свернул бы Искандеру шею, а меня бы швырнул на плаху, но не для того, чтобы казнить мгновенно — а для того, чтобы наказывать: долго и мучительно.

Я знаю Джейдана. Вся его суть в моменты, когда Видад бросал на меня голодные взгляды в том злосчастном номере отеля «Океан», отвергает даже вероятность того, что я могу принадлежать другому мужчине. Я до сих пор помню, как ощущала собственнические волны, исходящие от Джамали, что накрывали меня щитом уверенности в том, что с ним я в безопасности, а Видада повергали в паническое

состояние, заставляя его выглядеть так, словно он находится в раскаленной до ста градусов сауне.

Несмотря на это, я позволила себе попробовать ощущать, прикасаться, чувствовать Дерека. В тот момент, когда мы целовались в машине, я фактически начала испытывать к нему чувства, видеть в нем мужчину... и зачем, спрашивается? Для того чтобы узнать, что он лжец, который наверняка собирается использовать меня в своих интересах и целях и разочароваться?

Слишком быстро я возвращаюсь в положение недалёковидного агента, которая даже не знает, как выглядит принц Анмара. Наследников, насколько я знаю, двое, и я никогда не придавала значения их сложным полным именам. да и фотографии принцев изучать не доводилось.

Несмотря на ледяной ветер, что дует с Гудзона и намеревается превратить мои волосы в мочалку, а губы в змеиную кожу, лицо у меня пылает огнем, кровь пульсирует в висках, вены на лбу вздуваются от пережитого стресса и казни на полиграфе. Я до сих пор не могу отойти от того, что услышала на допросе, и остыть после пережитого унижения. Меня как в болото с дерьмом и грязью окунули.

Мы с Дерексом должны были поужинать сегодня вечером, и он взял с меня обещание, что я позвоню, как только освобожусь после «встречи с рекламодателями». Кажется, я должна была сделать это ещё полчаса назад, как только покинула здание штаба, и, судя по вибрации телефона в кармане пальто, мистер Мактум устал ждать моего звонка и решил взять инициативу в свои руки. Осознание того, что сам принц Анмара ищет со мной встречи, будто одержимый, с одной стороны льстит и будоражит сознание, а с другой — заставляет задуматься об истинных мотивах Искандера. Что-то мне подсказывает, что я являюсь не объектом его воздыхания, а чистым намерением, изначально намеченной целью. Но как узнать наверняка, что ему нужно на самом деле? Почему я?!

Достаю телефон из кармана и, скептическим взглядом пробежавшись по высветившейся на экране фотографии Дерека, уверенным движением смахиваю пальцем в сторону «отклонить вызов». Поднимаю руку вверх, привлекая внимание ближайшего таксиста, и следующие полчаса провожу в пробке, направляясь в свою квартиру на Манхэттане. Звонки Дерека не прекращают насилие над

моим телефоном. Стоит заметить, что такая беготня за девушкой не совсем характерна для поведения принца. Мужчины такого уровня привыкли к другому отношению, а значит Искандеру Аль Мактуму нужна не я, а нечто куда более ценное для него.

Информация.

Наша встреча не была случайной. Что, если меня вновь хотят сделать пешкой в большой игре? Все эти знаки внимания, широкие жесты симпатии от принца — игра со стороны Дерека, способ войти в круг доверия. Учитывая версию, что Видад был связан с наследником, этот вариант актуален как никогда.

«— Деятельность Шатров прикрывается премьер-министром? Поэтому группировка до сих пор существует, несмотря на ожесточенную борьбу? Ты сотрудничал с работниками с позволения Дамира? Кто ещё задействован? АРС, Правительство? Искандер аль-Мактум? Наследник? Я угадал? В чем его выгода? Или он и есть твое прикрытие?» — вспоминаю обрывки фраз, которыми Джейдан закидывал Видада в спальне отеля «Океан», пока я не находила себе места, сотрясаясь от ужаса в другой комнате.

Я думала, что хорошо разбираюсь в людях, полагала, что без труда вычисляю лжецов и манипуляторов, особенно когда мой разум не затуманен страстью и влюбленностью, как в случае с Престоном. С другой стороны, могу с уверенностью сказать, что интерес Дерека к моей персоне, как к женщине — не поддельный. Его горячие взгляды, полные влечения и жажды, искры, полыхающие за прозрачной гладью радужки льдисто-голубых глаз более чем красноречивы.

Женщины всегда ощущают, когда мужчины смотрят на них как на добычу, сексуальный объект.

Вопрос лишь в том, какие цели у Дерека помимо той, что стала мне очевидна вчера в машине.

И почему я была так беспечна, не проверив его сразу? Ах да, это же я влюбилась в человека, который оказался женат. И он тоже был со мной вполне искренен, как мне казалось. Почему судьба вечно толкает нас на одни и те же грабли? Будто хочет, чтобы мы прошли через определенные уроки и перестали, наконец, ошибаться... да только мы не всегда в силах распознать эти уроки, потому что не слышим голос своей души.

И этот голос просил меня, чтобы я осталась с Джейданом. Там, на земле. В засушливой пустоши, где он в последний раз произнес мне нашу с ним клятву: «Если суждено, я выживу и найду тебя».

Разум же находится с сердцем в постоянном конфликте и знает: Джейдан — опасный человек, в первую очередь он идеальный солдат АРС, который всегда будет действовать исключительно в интересах своей «семьи». Очередной порыв промозглого ветра, атакующий мое лицо и укладку, как только я выхожу из такси, заставляет меня инстинктивно поднять ворот пальто и ускорить шаг в сторону входа в жилой комплекс, где расположена моя городская квартира. В тот момент, когда пальцы нащупывают в сумочке ключи от домофона, я вздрагиваю всем телом, реагируя на знакомый, окликающий меня голос, и ощущаю в груди перебойный стук сердца.

— Рика, в чем дело? — с силой сжимаю веки и, поджав губы, мысленно жалею о том, что не успела скрыться внутри здания хотя бы минутой раньше. Твердые и уверенные шаги Искандера застают меня врасплох настолько, что я роняю только что найденные ключи на асфальт и прежде чем успеваю наклониться за ними, чувствую, как мое плечо сжимает сильная мужская рука, пресекающая попытки бегства. Мое тело начинает содрогаться от новых ледяных потоков воздуха, в то время как Дерек разворачивает меня к себе легким и уверенным движением. Мой взгляд встречается с льдисто-голубыми, кристально чистыми глазами Дерека, что смотрит на меня оценивающим, долгим, мучительным взглядом, требующим от меня ответов. Мне нечего сказать этому новоявленному принцу Анмара, по крайней мере сейчас, пока эмоции после допроса не утихли, и с моих губ так и норовят сорваться претензии и упреки.

— У нас был запланирован ужин, — надменные нотки, сталью звенящие в его низком голосе, стали более различимыми и явными, теперь, когда я понимаю, кто он на самом деле. Беглым взором изучаю лицо Искандера, словно вижу его в первый раз: вот он, принц из сказок «Легенды Анмара», но внутреннего восторга и трепета от возвышающегося надо мной голубоглазого Аладдина я не испытываю.

Мой любимый контраст: смуглая кожа, светлые глаза, темные волосы. Типаж один, но он совершенно не похож на Джейдана, наверное, потому, что я с девяти лет считаю асада самым уникальным

и красивым мужчиной на Земле. Даже если его лицо будет изуродовано шрамами, полученными на службе, даже когда его кожа покроется глубокими морщинами, а от заострённых скул и чувственных губ останутся лишь воспоминания, он останется для меня идеальным творением, созданным... для меня.

Но я не увижу Джейдана глубоко старым и даже в зрелом возрасте просто потому, что нам не суждено провести жизнь рука об руку. Мактуб, что связал нас, ошибся... что-то пошло не так. Наверное, в следующей жизни нам будет дано все это исправить и попытаться счастья, ну а пока...

— Ты и я. Нас ждет японская кухня. Я тебя обидел? Может, не понравились цветы? — сдержанным тоном интересуется Искандер, и перед моим внутренним взором всплывает образ шикарного букета из гортензий пастельных оттенков, который я была намерена выбросить в мусоропровод, когда терпела «порку» от начальства.

— Я не люблю, когда мне лгут, Дерек, — с вызовом в голосе чеканю я, бросая уничтожающий взгляд на ладонь Искандера, накрывающую мое плечо. — А точнее

— *Искандер Аль Мактум, принц Анмара*, — агрессия, с которой произношу его настоящее имя, заставляет воздух между нами завибрировать. Черты лица принца мгновенно меняются — скулы становятся более впалыми, веки сужаются в оценивающем меня и презрительном прищуре, но лишь на мгновение. — Когда вы собирались сказать мне об этом, ваше высочество? — язвлю я, и в этот момент из жилого комплекса выходит молодой парень, открывая мне доступ в здание без ключа, и как только я порываюсь войти внутрь, Искандер усиливает хватку на моем плече, заставляя замереть.

Не многим мужчинам удастся поставить меня на место, но у него определенно есть потенциал.

— Пусти, я сказала, — настаиваю я, пока он молчит, переваривая новость о том, что я теперь знаю часть правды.

— Не пойдешь ты никуда, — с твердой уверенностью в голосе заявляет Дерек. — Успокойся. Какое значение имеет кто я такой, Рика?

— Ты серьезно это спрашиваешь? За дуру меня держишь? Хочешь сказать, ты не знаешь, кто я такая? И встретились мы случайно?! Отпусти меня! — вспыхиваю я, пытаюсь сбросить его мощную ладонь

со своего плеча. Вскидываю руки, которые Дерек ловит в воздухе, сдавливая в сильных кулаках тонкие запястья. Несколько секунд мы сражаемся, используя в битве лишь полные непонимания и гнева взгляды. Дерек прижимает меня к стеклянной двери, его ладонь обхватывает покрытый бусинками пота затылок, один быстрый рывок — и он сжимает мои губы своими, силой врывается в рот языком и, зафиксировав мою голову в неподвижном состоянии, фактически насильно выхватывает из меня ответ на свой горячий, требовательный, не терпящий отказа поцелуй.

Это могло бы быть сильно, эмоционально, умопомрачительно горячо, если бы не было бы так больно.

Легкие пустеют и вспыхивают изнутри, атакуемые агонизирующим пламенем. Губы Искандера, без перерыва на вдох обхватывающие и впивающиеся в мои, ощущаются неправильно. И чем приятнее и глубже становится наш поцелуй для моего тела, тем тяжелее и противнее становится в душе: сегодня я «предательница» не только своей страны, но и человека, которому хочу принадлежать по-настоящему. Я чувствую, как все внутри отвергает сейчас вторжение Дерек в мое личное пространство, но спустя несколько секунд сама отвечаю принцу на поцелуй, вторгаясь языком в его рот, жадно и порывисто пробуя момент страсти на вкус, воруя дыхание Дерек... мои руки скользят по сильным мужским плечам, кончики пальцев ощущают шершавую ткань дорого костюма, обонятельные рецепторы улавливают аромат нишевого парфюма, который мне определённо нравится. но тело не обмануть, и сквозь дымку искусственных запахов я ощущаю аромат его кожи: мои губы просто обессилено замирают, желудок неприятно скручивает в стальной узел после того, как до мозга наконец доходят сигналы, трактуемые моим организмом как само-уничтожающиеся действия.

Это не он.

Я не могу, не хочу быть ни с кем другим...

Но Джамаль может. Он спит со своими женами, трахает их, возможно, прямо сейчас, называя каждую данным им особенным именем.

— *Вот это сильно, Эйнин. Эйнин, Эйнин... - набатом стучит в висках его голос, а в теле импульсами воспоминаний вспыхивают ощущения, испытанные в тот момент, когда я впервые ощутила его вызванные мощным оргазмом толчки внутри себя.*

Стоп. Хватит.

Почему ты не можешь как он, Рика? Ты можешь, ещё как, имеешь право. Ты свободна. И ты **будешь** с другим мужчиной. Нужно принять это, нужно открыться другому. свет не сошелся клином на синеглазом асаде, и ты должна перестань искать в жизни пути, которые сведут вас снова. Их нет.

— Ты сейчас пойдешь со мной на запланированный ужин,

— с неохотой отрываясь от моих губ, Искандер замирает, отдав приказ срывающимся шепотом. — Я заказал столик, нас ждут, крошка. Обещаю, что отвечу на все твои вопросы.

— А если я откажу? — протестую я, упираясь раскрытыми ладонями в его грудь, пытаюсь оттолкнуть от себя самого Искандера аль Мактума, который наверняка не привык к подобному пренебрежительному отношению со стороны женщин.

— Тогда мне придется увезти тебя в Анмар силой, — его губы раздвигаются в ехидной усмешке. — Через пару дней я уезжаю, Рика. И я не хочу терять тебя. Если ты боишься раскрыть мне некоторые из своих тайн, поспешу успокоить: я знаю о твоей бывшей работе, но не она стала причиной моего интереса к тебе.

— Думаешь, я поверю? — возвожу глаза к небу, горько усмехаясь. — Что тебе нужно от меня? Что, Дерек? Я ничего не знаю, и, если ты хочешь устроить мне очередной допрос... — сильнее отталкиваю его я, отворачивая лицо в сторону. Властным движением он обхватывает мой подбородок и заставляет посмотреть на него.

— Никакого допроса не будет, Рика. Я просто открою тебе правду о причинах нашего общения. Я и так хотел это сделать.

— Твоя правда неактуальна, Дерек. Я все равно тебе не верю. Этот ужин станет для нас последним. Скажи «спасибо» за то, что я действительно голодна, — отстраняясь от Искандера, бросаю на него испепеляющий взгляд. Искандер держится достойно и воспитанно — никакой агрессии, оскорблений в ответ на мои неуместные выпады в сторону наследника. Лишь собранная в кулак воля, расправленные

плечи и твердость намерений ассоциируются с его отстранённо гордым образом.

— Мы оба знаем, что он не будет последним. Я сделаю тебе предложение, от которого, я думаю, ты не сможешь отказаться, — интригующим голосом заявляет Дерек и, опускаясь на ступеньку ниже, подает мне руку, другой указывая в сторону своего obsидианового цвета Bugatti. Нервно выдыхаю, стараясь сбросить с себя необъятный груз, камнями заполнивший пространство грудной клетки. Душу сковывает тревога и предчувствие непоправимого. но соглашаюсь и уже через минуту опускаюсь в удобное кресло роскошного автомобиля, принадлежащего принцу.

Мне не очень комфортно находиться в столь интимной обстановке с Искандером сейчас, когда я понятия не имею, чего от него ждать. Должно быть, после тяжелого дня у меня развивается паранойя, но в каждом движении, жесте и слове Дерек я вижу двойное дно, мысленно пытаюсь угадать, что за «предложение» он хочет мне сделать. Принц тем временем выкладывает карты на стол не торопится и медленно изучает японское меню, предварительно заказав нам бутылку вина.

Я с нетерпением жду ответов на терзающие меня вопросы, принимая закрытую позу: руки на груди скрещены, подбородок высоко вскинут. Ресницы слегка опускаю, стараясь даже не смотреть на Искандера, оттягивающего начало дискуссии. Мы посещаем этот японский ресторан не в первый раз: не самое популярное место в районе Сохо, но определенно одно из самых лучших для романтических свиданий. Редкое вино, изысканные блюда и атмосфера полного уединения, создающаяся благодаря тому, что просторный зал ресторана поделен на небольшие зоны, скрытые от посторонних взглядов широкой портьерой — сегодня нам досталась кабинка с красной тканью и черным иероглифом, символизирующим «страсть». Откинувшись на мягкие подушки, останавливаю взгляд на хрустальном подсвечнике в виде распустившегося лотоса и погружаюсь глубоко в себя и свои воспоминания, наблюдая за волнообразным пламенем свечи... мне бы определенно здесь

нравилось, если бы все эти «занавески» и приглушенный свет не напоминали мне шатры, установленные в одноименном лагере пустыни Махрус.

— Обожаю Нью-Йорк за то, что тут можно каждый день наслаждаться кухней разных национальностей, — издалека начинает Дерек, на что я отвечаю ему истребляющим взглядом. Едва заметным жестом он поправляет часы на своем запястье, из чего я делаю вывод, что Искандер нервничает не меньше меня.

— Я согласилась поужинать с тобой не с целью обсудить достоинства этого города и разнообразие ресторанов. Я хочу знать, — уверенно заявляю я, наконец обращая на него прямой и открытый, испытывающий взгляд. — Почему я? Что тебе нужно? Или перейдем на «вы», ваше высочество? — мне плевать, что я подстебываю самого принца Анмара. На этой земле он не принц, а у меня слишком дурное настроение, чтоб играть в легкую и вежливую «девочку-девочку». Огнедышащая стерва возвращается, мать вашу. Не разрывая зрительного контакта с Дерексом, я обхватываю ножку бокала с красным вином подушечками пальцев и прокручиваю ее между ними.

— Перестань, Рика. Давай без этих формальностей. Мне нравится твой характер. Все мое окружение обращается ко мне как подобает этикету, и мне это порядком наскучило. Здесь я расслабляюсь. С тобой я почувствовал себя... свободнее, чем в Анмаре, — Искандер аль-Мактум накрывает мои пальцы ладонью, и в тусклом свете свечи я замечаю на одном из них слабый след от кольца Джамалы, которое все это время бережно хранила у сердца. Сейчас я ношу его на шее, и оно скрыто от посторонних глаз шелковой жемчужного цвета блузой.

— Ты была замужем? — вдруг задает вопрос Дерек, несмотря на то, что кольцо Джейдана я носила не на безымянном пальце.

— Нет. А ты? — сухо отвечаю я, а про себя думаю, что мне стоило задать этот вопрос Джамалу ещё тогда, когда мы впервые встретились в картинной галерее.

— Нет, Эрика. Но если я и женюсь, то на единственной — ответственности мне и без брака достаточно. Мое положение требует огромной отдачи стране, семье, и в будущем мне бы не хотелось разрываться между женами, каждая из которых требует одинакового внимания. Сама понимаешь, последующие жены всегда недовольны тем, что первая жена считается старшей, главной и.

Он знает. Он знает про Джамалю... и про нас? Иначе к чему эти слова?!

— Мне можно идти? Или перейдем к делу? — обрываю его монолог я, замечая, как черты лица Искандера искажаются порывом гнева и раздражения. Мгновенно разглаживаются, когда он вновь нацепляет на себя бесстрастную маску миротворца.

— Твой нрав пленителен. Смелая, открытая, дерзкая, — большой палец Искандера скользит по костяшкам моих.

— Я приехал сюда с единственной целью — предотвращение намечающейся войны в своей стране.

— И как это связано со мной? Значит, ты не отрицаешь того, что наше знакомство не было случайным? Почему я — твоя цель? Не тяни. Что ты хочешь от меня узнать?

— Да, Рика, естественно, наша встреча не была случайной. Но это не значит, что я не одобряю твои идеи, как и не означает, что мое отношение к тебе, как к интересной и привлекательной девушке, неискренне, — с акцентом продолжает принц, выражаясь сложными для английского языка фразами. — Признаться, целей у меня несколько. И поскольку мне известно об операции АРС и какую роль сыграла в ней ты, я хочу знать и видеть полную картину того, что произошло несколько месяцев назад. Я хочу знать, известно ли тебе то, что хранил в себе уничтоженный АРС и преступником Джамалем Каттаном носитель? Учитывая то, что вы некоторое время находились вместе и были близки, — Искандер бросает на меня красноречивый взгляд, от которого кровь мгновенно приливает к моим щекам и шее. Бесстыдные картинки, горячие признания, эмоциональные ссоры... достаточно одного триггера, короткого импульса, чтоб все это вновь закружилось в киноленте воспоминаний. — Он мог раскрыть тебе некоторые факты, которые мне необходимы для того, чтобы установить правила своей игры, нацеленные на избежание войны, Рика. Я хочу для Анмара только самого лучшего, чтобы достичь гармонии, я мечтаю избавиться от «Шатров Махруса» раз и навсегда, как и от прогнившего АРС, который стоит за всем этим на самом деле. Меня не устраивает их деятельность и штаб, состоящий из предателей страны, жестоких и беспринципных людей, для которых играют роль лишь власть и деньги. Это важно, не спорю. Но разве такой ценой?

Что? «Шатры Махруса» — деятельность АРС?

— Что бы ты ни сказал мне сейчас, это может оказаться ложью, — одергивая ладонь, я шокирую принца следующим заявлением: — А как насчет того, что мне известно, что ты состоял в сговоре с Ильдаром Видадом? — я высказываю одну из версий как истинную, чтобы отметить реакцию Искандера, сохраняющего полное самообладание и спокойствие. Он кажется действительно здравомыслящим и уравновешенным мужчиной, во главе с которым Анмар и Кемар наконец встанут на путь к процветанию. Но первому впечатлению доверять не стоит, психологическая обработка его портрета и жестов также не дает мне верных ответов. Искандер аль-Мактум умен и собран, и докопаться до правды будет очень непросто. — Откуда мне знать, что ты не лжешь, когда говоришь, что АРС стоит за организацией «Шатров», не покрывая тем самым свои собственные «грехи»?

— Рика, очнись, — железным тоном произносит Искандер, глядя на меня так, словно перед ним сидит несмышлёная школьница. — АРС уничтожили свидетеля и информацию, которая должна была пролить свет правды на виновного в процветании этой гнилой пирамиды по торговле живыми людьми! — Искандер повышает голос, густые и темные брови сдвигаются к переносице, образуя на лбу две перпендикулярные морщины. — Я действительно сотрудничал с Ильдаром Видадом. Но фактически договор не успел состояться. Я планировал отплатить ему политическим убежищем взамен на данные: доказательства вины АРС во главе с Таиром Кадером. Не смотри на меня так, Эрика, — обращается с просьбой Дерек, оценивая тревожным взглядом мой растерянный вид. — Джамаль Каттан — верный пес АРС, не более. Он также следует интересам своей организации, как бы тебе ни хотелось отрицать этот факт. Тебе ли не знать, как это работает? Агенты слепы, у них не развито рациональное мышление по отношению к своей «вере» — в данном случае по отношению к АРС. Джамаль Каттан — опасный преступник, который и осуществил уничтожение доказательств. Он в курсе всего происходящего, Эрика. Он знает всю схему изнутри, я в этом уверен. Это ты хотела услышать от меня? Меньше всего я хотел, чтобы находящийся в нестабильном состоянии отец развернул войну, поэтому был вынужден пойти на крайние меры, чтобы остановить его, Дамира и АРС... мне жаль, что для тебя это выйдет иначе, — я не

могу вымолвить в ответ ни слова, ощущая, как поступление новое информации собирается плотным комом в горле. — Но смею заверить, что моя совесть чиста: ты вскоре сама убедишься, что «Шатры Махруса» — деятельность АРС и действующего правительства, а активная борьба с организацией — лишь прикрытие для ее процветания, Эрика. Как думаешь, существовали бы «Шатры» до сих пор, если бы у столь прокаченных солдат и агентов АРС действительно стояла цель их уничтожить? Ты и сама понимаешь, что нет. Это невозможно. Они только создают иллюзию борьбы, играют в защитников, помогая советнику, верхушке АРС и, возможно, даже моему нестабильному и нездоровому отцу срубать миллионы на жизнях невинных. Как тебе такой расклад, Рика? Достаточно исчерпывающий ответ на твой вопрос? — официант давно принес нам горячие блюда, но за напряженной беседой мы с Искандером давно забыли про содержимое тарелок, и сейчас смотрим друг на друга сканирующими взглядами, будто это поможет нам прочесть мысли друг друга.

— Я не знаю, что сказать... — растерянно шепчу я, пока не в силах принять то, как быстро все меняется. И кем является Джейдан, если все сказанное Искандером — правда. Чудовищем. Настоящим чудовищем, поддерживающим деятельность людей, которые хотели продать меня в рабство. Которые украли Эмилию и, возможно, уже на сегодняшний момент испили ее душу досуха. Или убили. убили мою маленькую, напуганную девочку.

— Я все понимаю, Рика. Чувства — ужасный недостаток для любого агента. Даже бывшего. Тебе трудно поверить в то, что Каттан — истинное отродье Шайтана. Но.

— Ты слишком много знаешь о моей настоящей профессиональной деятельности, — отрезаю я, не опуская с него подозрительного взгляда.

— Это нормально. Я давно понял, что АРС — не те люди, которым я смогу доверять, и сформировал свои информационные каналы и собрал вокруг себя тех людей, которые верны мне, а не отцу и советнику. Но вернемся к Каттану. По моим сведениям, он не раз подставлял тебя, Эрика, — *и не раз спасал мне жизнь.* — Уволили тебя именно из-за того, что он выставил все так, словно ты специально сдала АРС ваше местоположение, когда вы пытались

покинуть Анмар. Он играл твоими чувствами, затуманивал разум. прошу тебя, не позволяй этому вновь повториться. Боюсь, с каждым разом, с каждым днем цена за ошибки повышается, Эрика. Боюсь, что скоро «Шатры» достигнут неискоренимых масштабов.

— Зачем ты говоришь мне о нем сейчас? Это подозрительное стремление повлиять на мое мнение?

— Потому что хочу, чтобы ты рассказала мне все, что знаешь, не испытывая угрызений совести по отношению к бывшему любовнику, — бесстрастно заявляет аль-Мактум. И поспорить с логичностью и адекватностью его слов мне трудно.

— Судя по твоему лицу, мне даже больше ничего говорить не нужно. Ты взрослая девочка, Рика, сообразительная, и можешь проанализировать и сопоставить факты в выстраивающуюся цепочку событий. Я надеюсь, ты не станешь покрывать преступника Каттана. И если есть какие-то доказательства, хотя бы минимальные... или знания, где они могут храниться, я хочу знать об этом, Рика. И чем быстрее ты их раскроешь, тем быстрее мы приступим к уничтожению Шатров.

— Я ничего не знаю, Искандер, — с сожалением выдыхаю я, слегка опуская плечи. Я так запуталась, не знаю, кому и чему верить. — Находясь рядом с Каттаном, я думала, что у нас совместная операция, сотрудничество. Я ему доверяла, верила. — губы непроизвольно начинают дрожать, когда я осознаю, как глупо и слепо повиновалась зову сердца. — Я поняла, зачем ты здесь, но хочу тебя разочаровать: у меня ничего нет. Носитель информации действительно уничтожен. Я больше не агент ЦРУ. И сейчас, как ты уже заметил, я вкладываю все свои деньги, силы и ресурсы

в благотворительность. И не понимаю, почему ты сразу не сказал мне правду. Я зла не потому, что ты принц Анмара, а потому, что ты лгал мне. Не уверена, что могу доверять тебе, Искандер.

— Я понимаю тебя, Рика. Ты находилась под влиянием Каттана, в полной зависимости от него, и поэтому совершала необдуманные поступки, сопоставимые с предательством своей страны. Легкая форма стокгольмского синдрома, не так ли? Ты все это прекрасно знаешь, как и понимаешь, что Джамаль умело манипулировал тобой все это время, преследуя только свои цели. В связи с этим я в

последний раз тебя спрашиваю: ты обладаешь информацией, компрометирующей АРС или других подозреваемых?

— Нет, Дерек. Ничего у меня нет. А если бы было, я бы здесь не сидела. У меня с «Шатрами» личные счеты, и во снах я вижу, как уничтожаю каждого причастного к этому чистилищу голыми руками.

Искандер аль-Мактум медленно выдыхает, стараясь скрыть разочарование во взгляде. Теперь мне все более-менее ясно, и я не жалею о том, что согласилась поужинать с ним. Все факты, приведенные Дерекком — действительно играют против АРС, и каким бы жутким потрясением для меня это ни было, я склонна верить ему... а у меня есть другие варианты? Я сама видела, как жестоко Джамаль расправился со свидетелем, в то время как я всегда требовала от него суда и объяснений. Он же не пояснял мне ничего, лишь растравил сознание красивой историей о короле и Малике, постоянно уходя от ответов на мои каверзные вопросы. К тому же он лгал мне все время: о женах, о своей личности, о целях, которые он преследует. Что в наших отношениях было искренним, кого я полюбила? Я понятия не имею кого. Джейдана Престона, Джамала Каттана? Художника с синими глазами, что спас меня от неминуемой гибели?

Да. Последнее. Но того мальчика больше нет.

— Хорошо, Рика. В любом случае я был рад знакомству с тобой. И я, как и ты, уже давно занялся созданием подобного приюта по реабилитации пострадавших в Анмаре. В том числе и от военных действий в Кемаре. Годы идут, а шатры до сих пор не уничтожены. Мой отец нестабилен и серьезно болен, хотя от меня это пытаются скрыть. Я поставил себе цели, которых намерен рано или поздно достичь. Надеюсь, теперь ты меня понимаешь. И не злишься за то, что представился «биржевым инвестором», — Искандер подавляет глухой смешок, но моему ответу мешает вибрирующий на столе телефон Искандера, который он сразу поднимает и, бросая взгляд на экран, произносит:

— Прости, Рика. Мне нужно ответить. Звонок действительно важный, — я медленно киваю и следующие пять минут наблюдаю за тем, как сменяются эмоции на лице Искандера. В основном это сочувствие, ответственность и напряжение — я не слышу, о чем рассказывает Дереку его собеседник, но сам Искандер лишь время от

времени бросает в трубку дежурные фразы «ты знаешь, что делать», «сколько их?», «я скоро приеду, и мы разберемся».

— Еще раз прости, — не отступая от правил этикета, извиняется Искандер, сосредоточив внимание на мне, убирая телефон во внутренний карман пиджака. — Нашли новых детей, которым удалось сбежать от своих покупателей. Их трое. Две девочки и мальчик десяти лет. Мой приют пока не готов, и всех пострадавших я размещаю в комфортном коттедже на территории дворца, — поясняет Искандер, заставляя мое сердце судорожно сжаться от боли и сочувствия, а в душе загореться слабой надежде на то, что среди сбежавших могла быть Эмилия.

— Сколько их уже там? Как они сбежали? — оживившись, заваливаю Искандера вопросами, нервно теребя в руке салфетку.

— Узнаю, когда приеду. Обычно я разговариваю с каждым: вдруг кто-то из них слышал то, что не должен был слышать, пока находился в «Шатрах». Но, как правило, они сломлены и неразговорчивы, Рика. А я не настаиваю на разговоре, чтобы не травмировать их ещё больше. Очень жаль, что будущее страны уничтожается вместе с их судьбами. Если так пойдет и дальше, огромная часть подрастающего поколения будет истреблена. Во что превратится Анмар? В колонию рабов? Я этого не допущу, — сжав зубы синхронно с кулаком, обещает Искандер, бросив на меня такой взгляд, от которого каждый волосок на моей коже встал дыбом, овеянный энергией его непоколебимой решительности и уверенности в своих действиях. — Кстати о предложении, от которого ты не сможешь отказаться, Рика. Понимаю, как это звучит для тебя, и в твои планы не входило возвращение в Анмар. Но я хотел бы тебе предложить... поучаствовать в помощи этим детям. Здесь же я найму бригаду рабочих, которые пока будут также заниматься строительством школы.

— Зачем тебе я? — пытаюсь понять, не играет ли Искандер на моих чувствах, и распознать расчетливые нотки в его голосе. Может, с его стороны — все происходящее такая же игра, чтобы еще больше меня запутать? Активная деятельность АРС по борьбе с «Шатрами Махруса» против активной деятельности Искандера, пекущегося о детях и будущем своей страны. что из этого реальность, а не постановка?

— Ты прошла через подобное дважды. Я видел, как ты успокаиваешь детей, как общаешься с ними, как даришь надежду. Исцеляешь, Рика, — мягко шепчет Искандер, не скрывая своего восхищения. — Мне не все равно. Как я уже сказал, дети — это будущее моей страны. Я знаю, ты не доверяешь мне, Рика. И честно, я не стану убеждать тебя в обратном, я уже все сказал. Кому поверить — решать только тебе. Скажешь «нет», и я приму это решение. Тем не менее вылетаю в Анмар я послезавтра. Здесь, моя миссия закончена.

— Зачем нужно было ждать две недели? Последний вопрос, — уточняю я, все ещё подозревая Искандера в неискренности.

— Эти две недели я не бездельничал, Рика. К тому же. мои планы немного изменились, когда я узнал тебя, увидел. Ты мне небезразлична, и я говорю об этом прямо. Я привык получать то, чего я хочу. и буду рад, если в Анмаре у нас появится возможность узнать друг друга поближе. Но, конечно, главной причиной моего приглашения остается твоя помощь детям. Сейчас с ними работают опытные психологи, в том числе и те, которых я отобрал в штатах, но большинство детей боится их. Понимаешь? — я медленно киваю, прекрасно понимая, что он имеет в виду. Я сама через это прошла

— и после спасательной операции из шатров я не нуждалась в психологе. Я нуждалась в семье, любви, поддержке и заботе... понимании.

— Я согласна, — отвечаю быстро, пока не передумала. Мысли вертятся вокруг Эмилии, которая прямо сейчас, может быть, находится на территории дворца. А значит, совсем скоро мы встретимся, и бремя ответственности за то, что я не спасала ее, спадет с моих плеч.

Но есть куда более веские и искренние причины моего возвращения в Анмар, о которых мне даже думать страшно. Снова на грабли, снова стремлюсь в свой сладкий, но полный яда омут, в агонию... прыгнуть в бездну, оказаться рядом. На одной земле с Джамалем. Я безумна. Зависима. Теперь я знаю, какое он чудовище, и все равно тянусь к нему. сквозь землю и океан, словно связывающая наши души нить вновь притягивает нас к друг к другу. обстоятельства складываются в пользу моего возвращения. Мактуб? Или выбор? Или еще не поздно отказаться?

Сложно. Страшно. Но когда дело касается Джамалия, выбора у меня нет. *Если он чудовище, то я должна лично убедиться в этом.*

— Ты поедешь в Анмар? Снова? — уточняет Искандер, видимо сам пребывая в шоке от того, что я согласилась на очередной опрометчивый поступок в своей жизни.

— Да, но, если ты пообещаешь мне, что в моем распоряжении будет личный самолет, который в любой момент сможет отвезти меня в Штаты. Рабства с меня предостаточно. Мне нужны гарантии безопасности,

Искандер, и постоянная связь с Америкой: с отцом, с братом. Кстати, алиби для бывшего места работы тоже необходимо. Для всех я лечу в Анмар, потому что у нас с тобой — роман, — выставляю свои условия, глядя на то, как Искандер расплывается в довольной улыбке, наблюдая за тем, как я бросаю ему вызов. И аль-Мактум принимает его.

— По рукам, мисс Доусон, — Искандер протягивает мне руку и, скрепив наш договор рукопожатием, мы наконец переходим к поглощению вина и остывшего ужина. — Ты первая женщина в моей жизни, которой я позволяю диктовать какие-либо условия. И последняя.

— То ли ещё будет, ваше высочество, — игриво отвечаю я, осушая бокал с терпким на вкус вином до самого дна.

ГЛАВА 2

Анмар. г. Асад

Джамаль

После полученного сообщения от Кадера о срочной встрече прошла почти неделя, прежде чем он соизволил появиться. Внешняя камера зафиксировала незваного гостя, послав тревожный сигнал на мой мобильный. Но какого черта Таир делает здесь? В доме, где я никогда не принимаю визитёров, где единственной прислугой является Адела, мать девочки, которую на моих глазах продали на аукционе. Мне пришлось подключить личные связи, чтобы найти Эмилию, но внутренней разведке удалось вычислить только Аделу, нелегально вывезенную в Анмар вместе с дочерью. Их разделили на границе и продали в разных лагерях Шатров Махруса. Женщине удалось сбежать, и она обратилась в полицию в надежде, что там помогут с розысками дочери. Так я и вышел на нее и организовал дальнейшее расследование. Аделе некуда было пойти, а я нуждался в порядочной прислуге. Чтобы не сойти с ума от волнения и тревоги, она согласилась. И стала первой женщиной, переступившей порог дома, построенного для одной гордой шпионки. Надеюсь, уже экс-шпионки. Убрав телефон, я тщательно вымыл руки в раковине, досуха промокнул полотенцами, сбросил грязную рубашку, вместо нее натянув чистую футболку, и покинул студию, закрыв дверь на автоматический замок.

— Джамаль, к тебе визитер, — без церемоний и на «ты» обращается ко мне подоспевшая Адела, заправляя выбившиеся светлые волосы в тугой пучок на затылке. Я изначально установил между нами простую и непосредственную модель общения. Европейкам нелегко вникнуть в бесконечные церемонии и обычаи Ближнего Востока. Взгляд Аделы останавливается на моем лице. — Краска на щеке, — подсказывает она, показывая на себе, где именно осталась клякса.

— Спасибо, — киваю я, вытирая пятно ребром ладони. — Постарайся не показываться, — прошу я, чтобы уберечь Кадера от

соблазна. Мне известна слабость моих соплеменников к блондинкам. Адела ещё очень молода. Немного за тридцать, стройная и статная. У работорговцев неплохой вкус, и в женщинах они толк знают, да и какой смысл похищать товар, который не будет пользоваться спросом?

— Может, этот мужчина пришёл с новостями об Эмилии?

— с надеждой спрашивает Адела. Я качаю головой, привычным жестом дотрагиваясь до шрама, оставшегося от ранения в шею. Хирург из госпиталя, где меня экстренно оперировали, сказал, что от смерти меня отделяло три миллиметра. Очередное везение? Или снова судьба?

— Нет, не думаю, — честно отвечаю я, чтобы она зря не мучилась в ожидании. — Я обязательно сообщу, если что-то прояснится. Иди к себе и не выходи, пока гость не покинет дом.

— Хорошо, — согласно кивает женщина.

— Я, наверное, тоже уеду. Три дня уже не был дома, — теперь, произнося «дом» и подразумевая под этим словом место, где я живу с Лейлой и Аидой, меня охватывает дискомфортное неправильное чувство. Возможно, я все ещё не восстановился от полученных ранений, но как дома я чувствую себя только здесь, закрывшись в мастерской. Запах краски и растворителя вместо сладковатых духов скупающих по мне жен. Жёсткий матрас и кушетка вместо их нежных объятий. Я становлюсь затворником...

А когда-то одиночество пугало меня, оглушая тишиной пустых комнат. Я вырос в большой и любящей семье и в одно мгновение потерял всех, кто был мне дорог. Как долго смех сестер, мягкий негромкий голос матери и мудрые наставления отца звучали в моей голове, когда я засыпал на казенной койке в подготовительном лагере АРС. Я и сейчас ещё вижу в обрывочных снах их расплывчатые лица, они приходят все реже, напоминая о прошлой жизни, в которую нет возврата. От мысли, что я мог стать причиной их гибели, мои внутренности выворачивает от боли, бессильной злобы. Я могу найти виновных и предать их тела мукам, но никто не вернет мне семью, не вдохнет в них душу, не облегчит страдания, через которые им пришлось пройти в последние мгновения своей жизни. Этот груз ответственности всегда тяжким камнем лежит на моих плечах. Во времена первых секретных операций, когда мне подолгу приходилось жить под вымышленными именами в чужих странах, искусно

притворяясь тем, кем не являюсь, я нашел свой способ забвения. Маски вымышленных личностей на какое-то время становились ближе моего настоящего внутреннего «я». Только человек так устроен, что любое лекарство рано или поздно вызывает стойкое привыкание, перестает действовать и нуждается в альтернативной замене. Жить в разных городах, целовать красивых женщин, находить преступников, заслуживающих наказания, — все это стало для меня обыденностью, рутинной, и я с отчаянной тоской ожидал завершения задания. Мной овладевала дикая тоска, когда я возвращался в пустую пыльную квартиру. Все, что у меня было тогда — это служба, тяжелые воспоминания, голубые глаза Эйнин, сквозь пелену слез смотрящие с портретов, расставленных вдоль голых стен, и отголоски чужой настоящей жизни, доносящиеся из соседних квартир. И в одну из бессонных ночей, слушая, как за стенкой плачет младенец, я впервые столкнулся с одиночеством лицом к лицу, узнал его, нашел наконец название гнетущему чувству, которое не отпускало меня после Аззамского теракта.

Женившись на Лейле, я еще какое-то время надеялся, что она сможет помочь мне, что вместе мы сможем выгнать тени прошлого из нового красивого дома, в который я привез молодую жену. Но альтернативное лекарство не помогло. Она любила меня, я знаю. И сейчас любит. И Аида тоже. Они — прекрасные, достойные девушки, я буду заботиться о них и оберегать до конца наших жизней, но пустоту в моей душе способна заполнить только одна. От болезни с именем Эрика Доусон нет никакого альтернативного лечения, кроме нее самой. Когда ситуация стабилизируется, она займёт предназначенное ей место. Эрика будет сопротивляться отчаянно и дико — так, как умеет только она. Мне придется надавить на нее, убедить, заставить вспомнить о своих корнях, принять традиции, в которых выросла она сама. Бой будет неравным и ожесточённым. Она проиграет... как обычно, и позволит мне сделать ее счастливой по тем правилам, что установлю я. Если мы хотим получить что-то большее, то должны пожертвовать чем-то меньшим. Другого варианта для нас нет и быть не может. Она создана для меня. И мы оба это знаем. Спустившись, неторопливо подхожу к двери и, открыв, пропускаю незваного гостя. Обменявшись вежливыми приветствиями, мы

располагаемся в мягких низких креслах за чайным столом в центре гостиной. Кадер внимательно осматривается, не спеша переходить к цели визита. Дизайн и экстерьер этого дома очень отличаются от первого. И он больше похож на дворец махараджи, чем на особняк архитектора.

— Не замечал в тебе увлечённости роскошью, — сухо замечает Таир.

— Хороший вкус и возможность его воплощать в деталях

— это вовсе не одержимость роскошью, — возражаю я, замечая, как Кадер поджимает губы. — О чем ты пришел поговорить? Хочешь сообщить, что моя реабилитация подошла к концу, и пора приступить к следующему этапу?

— Почти полгода без работы, и ни одна из твоих жен до сих пор не беременна, — Кадер уводит разговор в неожиданную степь. — Чем ты занимался, Джамаль? Разве женатый мужчина должен проводить время в пустом доме вместо того, чтобы заботиться о продолжении своего рода?

— Неужели тебя привел ко мне демографический вопрос в моей семье? — бесстрастно уточняю я. Кадер натянуто улыбается.

— Твоя семья — это и моя семья. Не забывай об этом, Джамаль.

— Уверен, ты не позволишь мне забыть, — отзываюсь иронично. — Извини, я не предлагаю чай или кофе. Сам видишь, дом пока пустует. Я уже собирался уезжать.

— Мы можем поехать вместе, но сначала дела, — наконец переходит к главному Кадер. — Искандер аль-Мактум укрепляет свои позиции, Джамаль. Он вступает в договорённости с влиятельными шейхами. Входит в доверие к министрам, заручается поддержкой зарубежных партнеров. Отдаленные регионы страны видят в нем миротворца и реформатора.

Благотворительные акции, гуманитарные конвои, международные конференции, которые активно обсуждаются в прессе. На последнем совете он в очередной раз поднял вопрос о возвращении Кемара в территориальный состав королевства, за что получил пощечину от короля. Инцидент произошел публично. В зале было много журналистов из других стран.

— Я слежу за сводками новостей, — сдвинув брови, задумчиво киваю я. — У наследника безупречная репутация. Если ты хочешь

утопить его, то сделать это будет крайне сложно. Доказать его причастность к сговору с Ильдаром Видадом невозможно. У нас нет ничего, кроме подозрений. Скажи мне, что выигрывает правительство, воюя с наследником?

— Одним из наследников, — уточняет Кадер.

— То, что Искандер ненавидит действующее правительство, ещё не значит, что в первый же день коронации отправит вас всех в отставку.

— Так и будет. Не сомневайся.

— Как ты собираешься его остановить? — опираясь спиной на мраморную столешницу камина, я непроизвольно покручиваю четки Эйнин на запястье.

— Необходимо собрать закрытое экстренное совещание. Пора начинать действовать.

— К чему такая спешка, Кадер? — спрашиваю я, бросая на него пристальный взгляд.

— Мы ждали достаточно, Джамаль. Или ты решил отступить?

— Нет, — твёрдо отвечаю я и невольно напрягаюсь, скользнув тыльной стороной ладони по трехдневной щетине. Этот жест привлекает внимание Таира к мелькнувшим четкам на моем запястье. Он прищуривается, рассматривая талисман Эйнин, затем переводит тяжелый взгляд на мое лицо.

— Если есть нечто, что может заставить тебя совершить ошибку и поставить под угрозу наши планы, то ты должен сказать мне прямо сейчас, — Кадер хищно улыбается и добавляет, подняв на меня выразительный взгляд. — Или кто-то?

— Нет, — уверенно и ровно отвечаю я.

— Мне известно, кому принадлежат четки на твоём запястье.

— Это не более чем реликвия. Многие солдаты хранят пули, извлечённые из ран, считая их своим оберегом, — я невозмутимо встречаю напряженный сканирующий взгляд Таира, убирая руку с интересующим его атрибутом в карман.

— Не пытайся обмануть меня, Джамаль. Несмотря на то, что ты женат на моей дочери, я отлично понимаю, как слаб бывает мужчина против соблазна, особенно если у него такое красивое лицо и тело, как у агента Эрики Доусон.

— Тебе известно, что я использовал чувства агента Доусон, чтобы выследить Ильдара и уничтожить его.

— Но ты не ликвидировал ее и закрыл своей спиной, когда Хассан попытался сделать за тебя грязную работу, — с притворным равнодушием замечает Кадер.

— Эрика Доусон — дочь одного из больших боссов ЦРУ. Ты всерьёз думаешь, что нам бы спустили ее убийство? Она не располагала никакими важными данными, и ее гибель только усилила бы напряжение между странами, учитывая обстоятельства и присутствие израильских пограничников, — странно, что Кадер вообще поднял вопрос, который был досконально изучен ранее.

— Мне до сих пор не удалось выяснить, как они оказались в зоне операции, которую мы тщательно выбирали, — задумчиво произносит он.

— Случайность ты исключаешь?

— Нет, — отрицательно качает головой Кадер. — Не исключаю. В обратном случае у меня мог быть только один подозреваемый, — Таир складывает пальцы в замок, откидываясь на спинку кресла, не сводя с меня острого взгляда. — Джамаль, мы работаем вместе много лет, и ты разочаровывал меня в исключительных случаях. Я верю тебе, но должен убедиться в том, что мы с советником не ошиблись, поставив на тебя. Без нашей поддержки ты уже завтра будешь валяться с простреленной головой в каком-нибудь овраге.

— Я помню, что обязан тебе всем, Кадер, и я знаю, что на кону стоит судьба страны, а не только моя, — отвечаю самым убедительным тоном, на который способен в сложившейся ситуации. Я уловил тонкую угрозу в словах Таира и знаю, что в критической ситуации он способен прибегнуть к кардинальным методам.

— Времени мало, Джамаль, — быстро произносит Таир, поджимая губы. Его взгляд выдает тревогу, которую полковник пытается тщательно скрыть. — Король совсем плох, а Искандер уже начал действовать.

— Ему сообщили о заболевании аль-Мактума? Кто? Сам король?

— Это исключено. Мактум не встречается с сыном лично. Мы позаботились об этом, иначе Искандер давно бы догадался и без помощи шпионов. У наследника свои способы получать секретную информацию, нам периодически удается выловить и уничтожить

лазутчиков, но Искандер крайне острожен и очень хитер. Поэтому нам необходимо собрать совет и сделать официальное заявление, пока Искандер не усилил свое влияние. Его авторитет среди народа — ничто против имеющихся у нас фактов. Срочность обусловлена не только состоянием Мактума. Уверен, что Искандеру удалось выяснить кое-что еще...

— Что именно? — нахмурившись, уточняю я, ощущая неприятное покалывание в области позвоночника. Я задерживаю дыхание в предчувствии удара.

— Пару недель назад он вернулся из зарубежной поездки в Штаты, Джамаль. А вчера на личном самолете Искандера в Асад прибыла его гостья. Никто иная, как бывший агент американской разведки Эрика Доусон. Нехилое совпадение, не так ли? — полковник наклоняется вперед, чтобы не пропустить мою реакцию, своевременно оценить и сделать собственные выводы. Даже автоматная очередь не произвела бы на меня столь оплушительного воздействия. Сохранять самообладание, когда тебе вонзают острие кинжала в незажившую рану и начинают медленно проворачивать вокруг своей оси — невероятная задача, даже для агента широкого профиля с многолетним стажем и опытом ведения боевых операций в условиях особой опасности. И все же мне приходится брать всю свою волю в кулак, чтобы ни один мускул не дрогнул на лице. Ничем не выдать острого желания стиснуть зубы и вырвать Кадеру кадык, который, к слову, заметно задергался, когда я задержал ненадолго взгляд на его горле.

— Зачем она ему нужна? — холодно спрашиваю я, пытаюсь пересилить пронзительную боль в висках. Из-за гула крови с трудом различаю слова. Черт возьми, когда я перебирал возможные вероятности о возвращении Эйнин, то имел в виду совсем другое. Она совсем обезумела? Какого Шайтана она делает рядом с Искандером? Что, бл*дь, за пи*дец творится? С тем же успехом она могла нарисовать на лбу мишень и встать под пули снайперов. Я отправил ее домой не для того, чтобы она явилась сюда в разгар войны. Роль стервы приелась за полгода, и она снова решила стать марионеткой, но в чьих, бл*дь, руках? На чьей стороне ты играешь сегодня, глупая женщина?

— Меня тоже сильно волнует этот вопрос. Официальная версия — благотворительная деятельность. Покинув службу, мисс Доусон активно занялась помощью детям. Наследник пригласил ее сюда, как будущего руководителя реабилитационного детского центра, который он активно строит. Однако мои наблюдатели сообщили, что ведут они себя как влюбленная пара. Возможно, у тебя есть соображения по этому поводу?

— Нет, — излишне резко отвечаю я. — Эрика Доусон не может быть полезна Искандеру, как источник информации. Она ничего не знает.

— Ты уверен? — уточняет Кадер, не сводя с меня немигающего взгляда.

— Да, — твердо говорю я.

— Тогда остается только два варианта.

— Какие?

— Не притворяйся идиотом, Джамаль. Ты соображаешь лучше, чем многие из нас. Случайность их встречи можно смело отмести, как и внезапно возникшую влюбленность наследника. Первый вариант — агент Доусон не уволена и находится здесь на очередном здании, а, значит, Искандеру удалось заручиться поддержкой ЦРУ, что может существенно усложнить нам задачу. Или же она нужна ему для того, чтобы добраться до тебя. Оба варианта ведут к одному выводу

— наследнику известны наши планы. И он не собирается сдаваться. И я хочу быть уверенным в том, что ты не подставишь нас ради какой-то американской сучки. Мне нужно знать наверняка, Джамаль. Если она угроза — я устраню ее, и стены дворца Искандера ее не защитят.

— Она в его дворце? — внутри закипает ярость, которую я не испытывал даже в прямом противостоянии с противником.

— Это имеет для тебя значение?

— Нет, — холодно отвечаю я, выдерживая пронизательный взгляд Кадера.

— А я думаю, что ты мне лжешь, Джамаль, — ухмыляется он. — Но я не стану повторять ошибку, которую когда-то совершил брат короля. Если ты хочешь — ты ее получишь. Это будет мой подарок. От чистого сердца. Желание обладать женщиной — не грех, а вот

неспособность удержать ее в узде — слабость. Хочешь — бери — этим девизом руководствовался мой отец.

— Подобные подарки не преподносятся просто так, — напряженно отзываюсь я.

— Считай это жестом доброй воли и залогом нашего длительного сотрудничества, — расплывается Кадер в широкой улыбке.

— Когда? — мне не приходится уточнять свой вопрос. Таир понимает меня правильно. Удовлетворенно ухмыляется, решив, что нашел мою ахиллесову пяту.

— Через пару дней на крупном благотворительном мероприятии. Искандер, как организатор фонда, будет там. Разумеется, со спутницей. Гарантирую, что оттуда она больше не вернется во дворец Искандера.

— Мое присутствие обязательно?

— Будет много прессы, но на фуршет после мероприятий журналистов не допустят. Там можешь появиться. Проверь реакцию Искандера. Возможно, он как-то выдаст себя. Не подведи меня, Джамаль. И не забудь сделать перевод на пожертвование. Это все-таки благотворительный вечер.

Рика

Мной овладевает невыносимое чувство тревоги, как только я приземляюсь на территорию Анмара в одном из личных самолетов наследника, который он благосклонно предоставил в мое пользование, выполнив главное условие пребывания в этой стране. Аль-Мактум пообещал, что одного моего звонка капитану будет достаточно для того, чтобы он собрал экипаж в любой момент и отвез меня обратно в США. Столь быстрое возвращение в Америку пока не входит в мои планы, но подобная договоренность создает хотя бы иллюзию безопасности и уверенности в том, что на этот раз эта земля не принесет мне очередную порцию боли и унижения, а Махрус не полотит своими песками и не заберет в злосчастные «Шатры». Где бы я ни находилась, я всегда буду под защитой охраны самого наследника Анмара, а это уже заявка на полную неприкосновенность.

Искандер аль-Мактум вылетел из Нью-Йорка на сутки раньше, а я последний день дома провела с Лукасом и Мэттом — напряженный,

полный горечи и страха взгляд отца, наотмашь отрезвляющий мою глупую затею, связанную с возвращением на Ближний Восток, оставил прочный отпечаток в моих воспоминаниях.

«Береги себя, Эрика. Я понимаю, почему тебя тянет в Анмар, и не стану лезть к тебе с непрошеными советами, — тихо произнес Мэтт, когда мы прощались в аэропорту. До этого мгновения я не осознавала, насколько сильно отец любит меня и как глубоко может ранить его полный слез взгляд, которым он никогда не позволит пролиться, оставаясь в моих глазах сильной и надежной опорой. — Но, пожалуйста, будь осторожна, Рика. Ты — моя единственная дочь, и мне бы не хотелось...» — его голос сорвался, Мэтт так и не смог закончить фразу, да и я сначала не понимала, почему он прощается со мной. Прочувствовала лишь, когда отец порывисто прижал меня к себе и заключил в крепкие отцовские объятия, позволив мне проронить пару тоскливых слез на его голубую рубашку. Я прекрасно ощутила то, что он хотел сказать мне без лишних слов. *Мэтт боится не только за мою жизнь.*

Он боится того, что рано или поздно моя кровь и истинное происхождение возьмут верх над западным воспитанием, и я пойму, что жизнь в Америке — не для меня.

И я до сих пор не знаю, правдиво ли его невербальное предначертание, потому что я сама не уверена в том, где мне хорошо и комфортно, и по каким законам я хотела бы жить. Если бы я могла взять из каждого родного мне места только плюсы, то жила бы в полной гармонии с самой собой, но это звучит как несбыточная утопия.

Я и сама устала от разрастающегося раскола в душе, который с каждым днем становится мощнее и глубже, пуская трещины по западному образу жизни, частью которого я стала. Привыкла быть вольной птицей, которая не способна вечно опускать взгляд в пол по указке и рта не раскрывать без чужого позволения. В Анмаре, какие бы послабления и вольности ни давались женщинам в последнее время, как бы ни заверяли СМИ в том, что у нас есть права выбирать место работы и учебы, жизнь местной женщины все равно протекает под девизом «подчинение». И, несмотря на то, что все мое нутро отрицает этот догмат, мое сердце принадлежит этой стране гораздо

больше, чем переработанный западной культурой разум, и именно поэтому я вновь и вновь пересекаю границу своей родины, где даже городской воздух напоминает мне запах нашей скромной хижины в Аззаме и мысленно возвращает к тихому, убаюкивающему голосу матери, читающей мне сказки перед сном.

Сдержанно улыбаюсь внимательно разглядывающему меня сотруднику таможенной службы, акцентируя внимание на белой кандуре мужчины, контрастирующей с его кожей бронзового цвета, и осознаю, насколько же в разных вселенных я живу. Внутреннее напряжение нарастает, когда я прохожу границу и ловлю на себе осуждающие взгляды женщин, чьи лица покрыты никабом. Несмотря на то, что на мне полностью закрытый брючный костюм, я чувствую, что все равно привлекаю внимание прохожих, даже в тот момент, когда пространство аэропорта наполняет певучий призыв муэдзина к дневной молитве и многие из ожидающих своего рейса анмарцы направляются к молитвенным комнатам, расположенным по всему периметру здания.

Практически перед выходом в зону, где меня ожидает личный водитель и телохранитель, замечаю высокого мужчину в кремового цвета кандуре, неспешной и гордой походкой направляющегося к выходу из аэропорта, в окружении трех женщин, полностью облаченных в черную национальную одежду, переговаривающихся друг с другом на арабском языке. Судя по обрывкам их фраз, это три жены обеспеченного сайиди, которые довольно дружелюбно сосуществуют друг с другом, несмотря на то, что делят на троих одного мужа.

По телу пробегает волна болезненных мурашек, словно капли воздуха, превращаясь в сотни ледяных игл, впиваются под кожу, когда я представляю себе на месте одной из трех жен — себя. *Такую жизнь мне предлагал Джейдан?* Жить в отдельном доме, но посещать общественные мероприятия подобным организованным «гаремом», слушаться его во всем, бесконечно покоряться и отдавать всю себя, при этом любезно ворковать с его первыми женами, быть с другими «любовницами» чуть ли не лучшими подружками?! Должно быть, я безумная собственница, но одна лишь мысль о подобной жизни отравляет изнутри, заставляет черстветь сердце. Мне трудно представить себе такую любовь, ведь мой родной отец всегда смотрел

на маму как на единственную женщину на Земле. В моем сознании многоженство никогда не являлось нормой.

Наконец я замечаю водителя, удерживающего над головой табличку с надписью «Miss Dowson» и, обменявшись краткими приветствиями, мы покидаем здание аэропорта. Ловлю себя на мысли, что совершенно не боюсь садиться в машину практически к незнакомцу, что удивительно, учитывая мой прошлый печальный опыт в этой стране и похищение людьми из «Шатров Махруса». Я стараюсь доверять этому миру. Иначе бы давно сошла с ума от мании преследования и содрогалась бы каждый раз, когда таксист закрывает все двери в авто нажатием одной кнопки на приборной панели.

Асад встречает меня спертым от жары воздухом, заставляя заскучать по промозглому ветру с Гудзона, ровным и широким дорогам в восемь полос и чередой зеркальных небоскрёбов, выстроившихся в гордый ряд вдоль линии горизонта. Их сияние ослепляет каждого, кто подъезжает к городу, заманивая гостей своей показной роскошью и искусственно воссозданной в городе зеленью, благодаря которому Асад часто сравнивают с ожившим оазисом.

До резиденции Искандера мы едем около двадцати минут, но как только выезжаем с трассы на узкую пальмовую аллею, за которой я наблюдаю идеально подстриженный зеленый газон с гуляющими по его просторам павлинами, распутившими свои зелёно-синие хвосты, я понимаю, что мы фактически на месте. Мой взгляд останавливается на огромном дворце песчаного цвета, выполненном в традиционном арабском стиле. Мы неумолимо приближаемся к моей новой «золотой клетке» и, наконец, объезжая позолоченный фонтан в форме вытянутого кувшина по кольцевой дороге, останавливаемся перед дворцом Искандера Аль-Мактума. Следующие пятнадцать минут, пока Мустафа провожает меня до моей спальни, я нахожусь в некоем трансе, ощущая полное погружение в одну из «Легенд Анмара», которую в детстве читала мне мама.

Каблуки стучат по полу, выложенному светлой мозаикой, пока я разглядываю окна и дверные проемы в форме куполов мечети и слегка сжимаю веки от бьющего в глаза вибрирующего света, созданного лампами и отяжелевшими от драгоценных камней люстрами, и буйства красок, в котором преобладает красный, золотой и песчаный цвет. После минимализма, господствующего в апартаментах Нью-

Йорка, пестрые персидские ковры и покрытые золотом вазы действительно режут мой взгляд, но другого интерьера я и не ожидала от дворца, в котором живет будущий правитель Анмара — каждый элемент здесь олицетворяет дань древним традициям и культуре страны.

— Ваша комната, мисс Доусон, — Мустафа открывает передо мной одну из дверей внутри главного здания дворца и первой пропускает меня в новую обитель. Признаться, я думала, что буду жить где-то рядом с детьми, возможно, в одном из коттеджей резиденции, поэтому роскошная спальня под боком у наследника не входила в мои планы. — Если вам что-то понадобится, просто наберите кнопку вызова прислуги, — Мустафа оставляет небольшой планшет на журнальном столике из красного дерева, поверхность которого украшает букет белых орхидей, заключенных в высокий литой золотом кувшин. Обнадеживающе улыбнувшись мне, водитель поспешно выходит из комнаты, оставляя меня наедине с благовониями, насквозь пропитавшими пространство комнаты, и броской, свойственной арабскому стилю роскошью, от которой с непривычки кружится голова. Точнее кружится она от слишком резкого цитрусового запаха — с ароматами Искандер или его учтивая прислуга перегнули палку. Не в силах терпеть приступы тошноты, подхожу к окну и, с трудом раскрыв тяжелые бархатные портьеры, ставлю оконную дверцу в режим проветривания помещения. Внимательным, изучающим взглядом медленно рассматриваю раскинувшиеся передо мной просторы, а именно внутреннюю часть территории резиденции принца. Мне важно все, до мельчайшей детали. То, что я вижу, выглядит как искусственный Эдем: пышные пальмы контрастируют с завезенными в Асад цветными кустарниками; вычурные фонтаны, расставленные по всей территории необъятного моим взором сада, украшают выложенные песчаные, в тон дворцу, каменные дорожки. То, что я вижу, мне определенно нравится, но красота и мое ощущение погружения в арабскую сказку отходит на второй план, когда я замечаю несколько внушительных жилых помещений на территории Искандера Аль-Мактума. Очевидно, в одном из них Дерек как раз и приютил пострадавших детей, за которыми мне предстоит следить, постепенно исцеляя их души. Вот только один вопрос никак не дает мне покоя: какого черта

Искандер поселил меня в свой замок, а не в дом для гостей? Почему я, обычная девушка, фактически представительница другой страны, удостоена жить в одном доме с самим принцем Анмара? Уму непостижимо, но мне рано делать выводы из поступков Искандера: остается только наблюдать за происходящим и анализировать его поведение — так, на всякий случай. Профессиональная привычка.

В момент, когда я понимаю, что львиная доля неприятных ароматов выветрилась, я возвращаюсь в спальню для того, чтобы переодеться в длинное, закрывающее колени и плечи платье. Я вечно мучаюсь с замком на его спине, и как раз в ту секунду, когда завожу две ладони назад, пытаюсь закрыть молнию платья до конца, содрогаюсь от настойчивого стука в дверь — не дождавшись моего ответа, в спальню заходит Искандер, заставая меня в неловком и немного уязвимом положении.

— Прости, — хриплым голосом произносит Искандер, не сводя с меня пристального взгляда. — Я не привык предупреждать о своем визите. Обычно я сам принимаю визитеров. Но я хотел убедиться в том, что Мустафа хорошо тебя принял, и ты добралась до Анмара в хорошем расположении духа. Надеюсь, ты долетела с комфортом? — чуть задрвав острый подбородок, интересуется Искандер, ненавязчиво напоминая мне о своем скромном «крылатом» даре. Самолет и правда был потрясающий, я впервые спала на ортопедической кровати в полете.

— Проспала почти всю дорогу, ваше высочество, — сцепляю руки на талии, оставив попытки застегнуть упрямое платье. Чувствую себя неловко, но не избегаю внимательного взгляда Искандера, которого впервые вижу в национальной одежде — он облачен в тёмно-синюю кандуру, не скрывающую проработанные рельефные плечевые мышцы и напряженные бицепсы, которые обычно облегает пиджак из плотной ткани. Я прекрасно понимаю, какими глазами на него смотрят все женщины — принц красив, умен и создает впечатление сильного, способного держать в надежном кулаке страну, человека. На первый взгляд Искандер Аль-Мактум не имеет изъянов, как внешних, так и внутренних — судя по его рьяному желанию помогать детям и беспокойству о будущем Анмара, он станет достойным правителем.

Искандер «крепкий орешек», и, несмотря на то, что я больше не агент ЦРУ, я не могу избавиться от привычки изучать личность,

стоящую передо мной, с целью выяснить, какое содержимое скрывается за твердой и внешне идеальной «скорлупкой».

— Почему вы сделали для меня исключение и пришли сами? — интересуюсь я, наблюдая за тем, как Искандер медленным шагом преодолевает расстояние между нами. С каждой секундой он все ближе и ближе, и я ощущаю, как струны души внутри меня болезненно натягиваются и вспыхивают огнем, обжигая сердце.

Я наедине с другим мужчиной, в закрытой спальне. В чертовом платье, которое начнет слетать с моих плеч, если немедленно не застегну его. Джамалю бы это не понравилось... но он мне не муж, чтобы я переживала о его мнении, не так ли?

— Глупый вопрос, Эрика. Учитывая то, что произошло между нами после премьеры мюзикла, — лукаво ухмыляется Дерек, замирая на расстоянии вытянутой руки от меня. В светлых глазах вспыхивает желание, напоминающее мне о довольно горячих поцелуях, которые я позволила принцу. — И я разрешаю тебе обращаться ко мне без лишних формальностей и приставки «ваше высочество», — поправляет меня

Искандер, и я выдыхаю с облегчением, когда понимаю, что мне не нужно будет постоянно контролировать себя, обращаясь к принцу.

— Ты мне нравишься, Эрика, — не моргая, непоколебимым тоном заявляет Искандер, и я замечаю, как его светлые глаза меняют цвета, приобретая стальной оттенок. — Как человек и как женщина. Я не хочу давить, но тебе не избежать моего внимания, — Искандер обольстительно понижает голос и обходит меня вокруг оси, останавливаясь за моей полуоткрытой его взору обнаженной спиной. Я чувствую его взгляд, обволакивающий каждый позвонок по бегущим вдоль них мурашкам. — Ты мне позволишь? — я медленно киваю, не в силах произнести ни слова. Затаив дыхание, я слегка сжимаю кулаки, поборов внутреннее желание отказать наследнику.

Говорить «нет» принцу Анмара — не лучшая затея, учитывая обстоятельства, при которых я здесь оказалась. У меня есть определенные задачи, которые я еще обязана выполнить, и я не уеду с этой земли, пока не спасу как можно больше детей, а главное девочку, которая никак не покидает мои мысли и сердце — Эмили.

Слегка вздрагиваю, когда ощущаю, как Искандер прикасается к молнии платья и медленно ведет замок вверх, намеренно прикасаясь к

моей коже. Но дрожу я не от наслаждения, а от ярких, вспыхивающих перед внутренним взором воспоминаний об эпизоде в моей жизни, когда мой истинный сайиди проделывал с молнией на моем платье похожее действие — только вел ее вниз, открывая своему голодному взгляду мое тело.

— Ты не надела трусики, Рика, — стучит в висках низкий, полный желаний вздох, голос Джамала. Тот вечер, проведенный в его мастерской, невозможно забыть, стереть из памяти. Оковы, в которые он заковал меня, подвесив в беззащитной позе, и божественно сладкие дразнящие движения кистью по самым чувствительным местам... черт, с кем бы рядом я ни находилась, хоть с самим принцем Анмара, каждая моя мысль принадлежит Джейдану.

И сейчас он бы убил меня за то, что я позволяю другому мужчине прикасаться к себе. Хотя... он никогда об этом не узнает. Возможно, ему давно плевать, и он забыл обо мне в череде насыщенных будней с женами и не менее ярких ночей.

— У меня есть для тебя подарок, — нарушает затянувшееся молчание между нами Искандер и вновь обходит меня, параллельно взяв за запястье. Я не успеваю заметить, откуда принц достал и как открыл небольшую бархатную коробочку, на дне которой поблескивает тоненький браслет с рубиновой подвеской.

— Искандер, я не могу принять. — начинаю неуверенно мямлить я. Мягко говоря, подобный подарок вводит меня в полный ступор.

— Отказов я не принимаю, Эрика, — с легкой угрозой напоминает Искандер и, не спрашивая моего разрешения, застегивает браслет на моем запястье. — Обычно я дарю массивные украшения. Но для тебя мне захотелось найти что-то особенное, Рика, — принц сжимает мою руку так, что его большой палец зажимает мой пульс. — Что-то изящное и нежное. И в то же время импульсивное, как цвет этого камня, — Искандер опускает взгляд на искрящийся красный рубин, который действительно сверкает так, словно внутри него полыхает крошечное пламя.

— Спасибо, Искандер, — расплываюсь в обеспокоенной улыбке, но не спешу одернуть руку и вызволить ее из каменной хватки принца. — Но хочу напомнить, что приехала сюда для того, чтобы

помочь детям. В мои планы не входило. жить в твоём дворце, — невольно веду плечом не в силах скрыть своей тревоги по этому

поводу. Кто знает, что таится под маской принца, и не переиграет ли он наш договор так, что я в два счета превращусь из особой гостьи в наложницу?

— Я не буду давить на тебя, Рика. И я прекрасно помню, зачем позвал тебя сюда. На данный момент здоровое подрастающее поколение — одна из моих главных целей. Сейчас тебе стоит отдохнуть после перелета, возражения не принимаются, — раздает приказы Искандер, словно замечает в моих глазах слишком явное желание поскорее отправиться в другое здание резиденции и проверить его на наличие Эмили. — С завтрашнего дня ты все свое время будешь проводить с детьми и помогать менеджерам в продумывании инфраструктуры для будущего центра. Мустафа проводит тебя, познакомит со всеми участниками проекта. У меня будет много дел, связанных с длительным отсутствием, поэтому мы не увидимся ближайшие пару дней.

— Они там? — пользуясь случаем, аккуратно избавляюсь от ладони Искандера и подхожу к окну, показывая в сторону двухэтажного дома, построенного в таком же стиле, что и дворец Аль-Мактума. И только сейчас замечаю две женские фигуры в обычной одежде во внутреннем дворе пристроя. В голову закрадываются тяжелые мысли — едва ли это дом для прислуги. Что-то мне подсказывает, что это и есть знаменитый гарем принца, о котором сдавленным шепотом ходят слухи и сплетни. Конечно, он состоит из женщин, добровольно выбравших себе такую судьбу, ведь быть наложницей принца согласна каждая вторая девушка в Анмаре... многие из них мечтают стать той «единственной», что наследник выберет в жены, что и это довольно глупо, учитывая то, что они не являются представительницами голубой крови. Или же Искандер ведет двойную игру и сам не пренебрегает услугами «Шатров Махруса»? *Кто эти женщины?*

— Нет. Там, — Искандер указывает на ещё одно здание, почти ничем не отличающийся от предыдущего. — Я вынужден тебя оставить, — прощается Искандер, проследив за моим взглядом, обращенным к двум женщинам. Бросив беглый взгляд на наручные часы, усыпанные мелкими бриллиантами, принц направляется к двери

и перед тем, как уйти, напоминает мне: — И кстати, не забудь про официальный прием в пятницу. Хорошо выпишись. Все необходимое тебе также доставят. Завтрак, обед и ужин также будут приносить в спальню, — нервно сплываю, потому что подобные условия начинают напоминать мне тюрьму, к тому же я понятия не имею, о каком приеме идет речь.

— Какой ещё прием? — только и успеваю спросить я, но Искандер ничего не отвечает, лишь раздвигает губы в загадочной улыбке и покидает мою спальню, унося с собой аромат тяжелых нот арабского парфюма. Я наконец могу вдохнуть полной грудью, упасть на высокую постель и с болезненным стоном произнести:

— Черт, во что я опять ввязалась? — закрыв лицо бархатистой подушкой, я пытаюсь не думать о предстоящем «приеме», на котором наверняка будут присутствовать журналисты и операторы, а это значит, что мое появление в Анмаре, не останется для Джамала Каттана незамеченным.

Я уже знаю, что среди спасенных детей в резиденции Искандера нет Эмилии. Сегодня я навестила каждого, и устала держать внутри себя слезы, подступающие к векам, как только видела их обреченные, печальные и сломленные взгляды, которые медленно оживали после небольшого разговора со мной. Это чувство согревает изнутри — видеть, как они медленно просыпаются от того кошмара, который пережили наяву. Каждому из них требуется индивидуальный подход, забота, внимание, понимание и, конечно же, — время.

Мне осталось познакомиться с последним мальчиком, которого, судя по данным в моем списке, зовут Реза — именно о нем и ещё двух девочках сообщили Искандеру во время нашего последнего ужина. Он сбежал от своих жестоких хозяев меньше недели назад, а значит разговор с ним будет таким же тяжелым, как с двумя предыдущими малышками, которые даже двух слов связать пока не могут и по привычке опускают взгляд, пугливо вздрагивая при любом моем движении.

Когда я открываю дверь, невольно замираю на пороге, наблюдая за тем, как Реза сидит за столом и, расправив плечи, увлеченно водит

карандашом по бумаге. Он не поворачивается в мою сторону, в отличие от предыдущих детей, но удивляет меня не его закрытость и равнодушие по отношению к нарушившей его одиночество незнакомке, а увлеченность делом, которым он занят — простой карандаш летает по листу бумаги с сумасшедшей скоростью, а Реза наблюдает за происходящим на нем с таким сосредоточенным видом, словно в мире нет ничего важнее, чем этот лист и истории, зарождающиеся на пустом холсте. *Кого-то мне это напоминает. Еще один маленький художник?*

— Привет, Реза, — тихо нарушаю его уединение я, подходя к мальчику ближе. — Меня зовут Эрика, — опускаюсь на стул рядом, ожидая реакции юноши. Наконец Реза отрывается от рабочего процесса и медленно переводит взгляд на меня, а затем и поворачивается в мою сторону всем корпусом. Пытаюсь ничем не выдать разрывающего нутро чувства боли, сочувствия и сострадания к мальчику, когда замечаю внушительный шрам, протянувшийся от спинки носа до уха по всей левой скуле — сейчас он зашит, поскольку Резе была оказана высококвалифицированная помощь, но, судя по внешнему виду пореза, его наносили раскаленным ножом: края кожи вокруг залатанной раны сильно обожжены, обуглены. Мне хочется голыми руками придушить ублюдков, которые сделали это с беспомощным мальчишкой. Внутри меня бушует дьявольское цунами, я чувствую в себе сильнейшую потребность взять в руки пистолет и выместить свою злобу на этих нелюдей в своем подземном крохотном штабе в Нью-Йорке, но внешне остаюсь спокойной и, сохраняя полное самообладание, улыбаюсь мальчику, не обращая внимания на нанесенное ему увечье.

— Я занят, — грубоватым и гордым тоном отвечает Реза. Сдвинув брови к переносице, он вновь обращает свое внимание к листу и начинает прорисовывать мелкие детали рисунка. Перевожу взгляд на кончик карандаша, наблюдая за действием, развернувшемся прямо перед носом у маленького творца: сердце пропускает удар, когда я вижу полную картину, изображенную легкими штрихами простого карандаша.

Это пустыня. Резе удалось передать песчаную бурю россыпью крохотных точек, поднимающую подол плаща маленькой девочки, протянувшей две руки к своему юному спасителю — судя по шраму

на скуле, Реза изобразил самого себя, пытающегося удержать девочку за запястья, но в картине присутствует некая третья сторона, злая сила, представленная в виде огромного змея, свернувшегося на песке массивными кольцами и ухватившегося пастью с острыми зубьями за край плаща утопающей в песках героини. Ее рот широко раскрыт в крике помощи, а лицо Резы преисполнено боли, отчаяния и желания ее спасти... но он не в силах тягаться с неподвластной ему стихией и ужасающим змеем, намеренным отнять его подругу.

— Ты очень красиво пишешь. Очень живой и печальный рисунок. Может, на следующем ему удастся ее спасти?

— задумчивым голосом протягиваю я, рассматривая фигуру девочки, лицо которой плотно закрыто вуалью из растрепанных ветром волос.

— Нет, — отрезает Реза, не поднимая взгляда.

— Почему?

— Потому что ее уже не спасти. Она мертва, — железным тоном отвечает Реза, ломая в руке карандаш, и швыряет его части поверх листка.

— Кто она? — едва слышно вырывается из моих уст, сердце бьется в груди как оголтелое.

— Наша семья ходит на местный рынок каждые выходные. Я задержался в ковровой лавке, а потом... ничего не помню. Меня ударили. Очнулся я уже в этом гадюшнике, что эти уроды называют «детским рынком». Первой, кого я увидел, была *она*. Я прятал её, когда приходили за девочками. Она тихо пела мне, когда я не мог уснуть, или мы просто разговаривали ночи напролет, когда не были заняты работой, что нам поручали. Я очень полюбил её, но, конечно, не сказал ей об этом. А потом пришли другие, в такой же одежде. Забрали ее. они сказали, что убьют, если она будет сопротивляться. А я знаю Эмили. Она не станет молчать, — невольно сжимаю ладонь Резы, услышав знакомое имя. Едва ли это простое совпадение, учитывая возраст мальчика. Он поднимает на меня подозрительный взгляд, но не спешит одернуть руку. Я теряюсь в его черных глазах, полных решимости и смелости, скрывающих истинную скорбь, печаль и растерянность, которую он сейчас испытывает.

— Нет, нет, нет, — качаю головой, наблюдая за тем, как широко распахиваются глаза Резы, отражая искреннее удивление. — Она не

умерла, слышишь? — ведь скорее всего так Эмили и попала в тот самый фургон, в котором мы вместе плакали и жались друг к другу, содрогаясь от страха. — Ты обязательно должен нарисовать, как вы снова встретитесь.

— Хорошо. Ты права, — соглашается со мной парень и, прищурив веки, избавляется от моей хватки. Проходит минутами он более дружелюбным тоном обращается ко мне: — Как там тебя зовут? Эрика?

ГЛАВА 3

«Мужчина жесток, когда он не любит больше. В особенности, если он любит другую.»

Анн и Серж Голон, "Анжелика".

Кемар. Аззам. 17 лет назад

Омар Камаль с отцом возвращались из небольшого поселка, где целый месяц реставрировали мечеть, пострадавшую от пуль повстанцев. Путь лежал через пустыню. Они вышли с рассветом, половина расстояния была уже пройдена, когда отец предложил устроить привал, заметив пару одиноких финиковых пальм. Оставалась всего пара километров до Аззама, но солнце шпарило так, что дышать было невозможно. Они сели прямо на песок в тени скудных листьев, прислонившись спинами к жесткому шершавому стволу дерева, отец протянул Джамалю бутылку воды, и заметив подаренный перстень, блеснувший на пальце сына, резко сжал его локоть.

— Тебе не стоит носить его открыто, Джамаль, — строго произнес он. На смуглом обветренном лице Омара Камаля обозначились глубокие морщины.

— Почему? — удивился Джамаль, снимая кольцо и задумчиво рассматривая его со всех сторон. За три месяца, что прошло с момента, когда отец подарил сыну перстень, он надел его впервые, а до этого носил на веревке под кандурой. В голову Джамалю невольно закралось неприятное подозрение о незаконном происхождении подарка, но он тут же отбросил его прочь. К тому же мальчик слышал, как отец рассказывал имаму, что нашел перстень в пустыне. Тогда эта версия показалась правдоподобной, но сейчас... Джамаль взглянул на раскинувшуюся перед ними знойную бескрайнюю пустыню с рыжеватыми дюнами и плавящимися песками. Его босые ноги в поношенных сандалиях по щиколотки увязли в ржавом золоте. Их с

отцом следы уже исчезли, хотя прошло не больше минуты; пустыня мгновенно поглощает все, что люди оставляют ей, скрывая навсегда под толщей песка.

— Я хотел тебе рассказать сразу после праздника, но не осмелился. Наблюдал, как ты играешь с сестрами во дворе, и подумал, что у меня еще есть время оставить все так, как есть.

— Что такое, отец? — сжав кольцо в кулаке, Джамаль настороженно посмотрел в потемневшее лицо отца. Омар устремил взгляд в сторону горизонта и взволнованно заговорил. Сердце у мальчика забило, как оголтелое, он даже дышать перестал, замер, обратившись в слух и не разу не прервал отца.

— Одиннадцать лет назад я шел в Аззам этой же дорогой, но мой путь занял вместо шести часов все двадцать. Тогда были сложные времена, военные Анмара бесчинствовали, врывались в деревни, города, обыскивали дома, устраивали допросы, казнили людей без суда и следствия, обвиняли в политических заговорах против короля, предательстве. Но какие заговоры могли вести простые деревенские жители против Мактума? Мы никогда его не видели, в столице не бывали, а о его борьбе с братом за трон узнали, когда начались гонения, обстрелы, обыски. Аззам сия участь миновала, но часто бывая в других поселках, я много чего ужасного слышал и видел. Отправляться на заработки в одиночку было опасно, но выбора особого не было. За любую работу брался. А пуля или мина — они и в Аззуме достанут. В общем, отработал я тогда неделю в городке Риян, деньги получил, и на обратном пути услышал грохот взрывающихся снарядов неподалеку. Показалось что бомбят посёлок на восточной границе провинции. Я сделал значительный крюк, чтобы не нарваться на военных, но немного заблудился с испугу и пришлось заночевать в пустыне. Мне не привыкать, соорудил палатку и даже успел уснуть. Ночь была тихая, безветренная, холодная, а тёплой одежды я не взял, поэтому сон был чуткий. Меня разбудили жалобные стоны. Сначала подумал, что зверек какой в лапы хищника угодил или птица кричит, а потом прислушался... Нет, не может ни птица, ни животное женским голосом кричать. Я вышел из палатки и пошел на звук, хотя не видно было не зги. Фонарик прихватил, но толку от него, если тьма вокруг густая, как сливочное масло. Я нашел ее в тридцати метрах от палатки, за барханом. Девушка, юная

совсем, с непокрытой головой, в рваной кандуре. Посветил фонариком и обомлел. Волосы белые, как платина, кожа, как молоко, лицо от боли перекошено, рубашка в крови, руки и ноги осколками порезаны, на плече рана глубокая. Подумал, что из-под обстрела девчонка сбежала. У меня воды была с собой фляжка маленькая, я наклонился и попить хотел дать. Она испугалась, биться начала, а потом закричала не своим голосом, за живот схватилась. Я сначала и не понял, что девушка беременная. Худая очень, да и ночь темная выдалась. От шока и боли у нее роды начались. Вокруг не души, она кричит, мучается. Что делать? Чем помочь? Не оставлять же с дитём умирать. Ее бы мне в одиночку все равно не дотащить на себе, а так подумал, хоть ребенка похороню, как полагается. Не верил, что живого родит. Раненая вся, живота не видать совсем... Но ошибся я. Роды быстро прошли. Мне и делать ничего не пришлось. Она торопилась сильно, боялась не успеть. Силы все свои отдала, а мальчик живой родился, закричал сразу. Я пуповину ножиком обрезал, и положил на грудь девушки. Она была уже очень слаба, но у нее хватило сил обнять сына и прижаться губами к окровавленной головке, и ребенок перестал плакать, почувствовав тепло матери. А потом голову подняла и на меня посмотрела. Глаза ясные, светлые, губами шевелит, словно сказать что-то хочет. Я рядом на колени присел, и она зашептала, быстро, обрывками фраз, неразборчиво, но главное я понял. Поверить не мог, испугался до смерти. Сидел на песке и думал, что мне дальше делать. А девушка так и умерла, склонившись над младенцем и сжимая израненными руками, словно пытаясь защитить. Я забрал ребенка, снял с себя рубаху, обтер, как смог, и завернул. А потом увидел кольцо на ее пальце. Сверкнуло в темноте, необычное, красивое, с камнями, блестящими. Что драгоценные они, я уже потом понял, а когда с пальца ее снимал, не до того было. Хотел, чтобы у сына память от матери сохранилась. Я там ее оставил. Прикрыл одеялом своим, мальчонку забрал и ушел ещё до рассвета. Думал утром вернусь с мужиками из поселка, заберем тело и похороним. Да, не судьба видимо. Утром военные совсем близко бомбить начали, словно озверели, и так несколько дней подряд. Мы с женой из подвала не выходили, не за себя боялись, за ребенка. У нас незадолго до этого первенец умер, и мы решили, что сына нам Аллах послал, тряслись над колыбелькой, глаз не сводили. Я

много тогда думал о белокурой девушке, что ребенка нам подарила, а сама умерла в муках, о словах ее последних, в которые поверить было страшно, и я решил, что привиделось ей в горячке. От боли люди с ума сходят, а она юная совсем была. Не из наших мест, нет у нас таких беленьких и голубоглазых. Откуда взялась, что случилось? Много версий у меня в голове крутилось. От работорговцев сбежала, когда обстрел начался, или от мужа — кто ж теперь угадает? Но на рабыню не похожа была, да и перстней с рубинами рабыни не носят. Украсть могла, но опять же — ты посмотри на герб на оттиске. Не наше это, Джамаль, не мусульманское. Будет лучше, что бы кольцо не видел никто. Люди разные бывают, и украсть могут и позавидовать, и придумать что-нибудь... — отец прервался, чтобы вдохнуть раскалённого воздуха, провел ладонью по взмокшему от волнения лбу, посмотрел на сына неуверенно. — А ты, что молчишь. Ни одного вопроса не задал?

— Не родной я вам, выходит? — охрипшим голосом спросил Джамаль, и обняв отца, на плече его лицо спрятал. В горле зацарапало, плакать хотелось, но слёз не было, только в груди горело так, что дышать больно.

— Да, как неродной, Джамаль? Мы тебя на своих руках с матерью вынянчили, есть в тебе наша кровь или нет — не имеет значения. Ты дальше слушай, чтобы понять все правильно.

Джамаль

Голова лопается от боли. Мерзкое ощущение. Я не склонен к мигреням, мой болевой порог гораздо выше, чем у большинства людей. Никаких особых техник или тренировок — жизнь научила и закалила — слишком часто и безжалостно била. Первые несколько ударов всегда ощущаются ярче, но после... после ощущения притупляются, пока не становятся привычными, терпимыми. Физическая боль меня давно не пугает, но есть и другая, к которой у меня ещё не выработался иммунитет, потому что я не так давно узнал об ее существовании.

Тряхнув головой, откидываюсь на обитое кожей изголовье кровати, пытаюсь прогнать неприятные симптомы. Но становится только хуже. Боль перемещается на затылок, сдавливая голову

сильнее. Мышцы ноют от напряжения, в котором я нахожусь с того момента, как Кадер ошарашил меня новостями. Мне не привыкать выстраивать логические цепочки и многоходовые комбинации, и я делаю это почти с удовольствием. Ничто так не тренирует мозг, как постоянная его загрузка сложными задачами. Но иногда всего одна неучтенная деталь способна разрушить самую прочную доведённую до совершенства мысленную конструкцию, и пытаюсь понять, где именно просчитался.

Продолжая анализировать сложившуюся ситуацию, я рассеянно наблюдаю за грациозными и пластичными движениями Аиды, решившей поднять мое настроение чувственным танцем. Нет, мне вовсе не мешает думать ни ритмичная быстрая музыка, ни соблазнительные покачивания бёдер рыжей красавицы, ни волнообразные движения живота, ни мелодичный звон монеток на ее поясе, ни томный взгляд ярко накрашенных глаз цвета расплавленной ртути. Зеленая легкая юбка взлетает при каждом движении танцовщицы, обнажая стройные босые ноги, округлая грудь сексуально подпрыгивает в тугом лифе, декорированном стразами и блёстками, привлекая к себе особое внимание. Аида изгибается подобно змее, каждое движение отточенное, чувственное, эмоциональное. Она превосходно владеет своим телом, передавая через танец внутренний огонь и страсть. Цвет волос, данный моей жене от природы, полностью отражает ее суть. Мы распознаем темпераментных горячих женщин с первого взгляда, даже если они пытаются вырядиться скромницами. Проверенный не единожды радар редко ошибался. В Аиде действительно есть что-то пленительное, языческое, но даже самое вкусное лакомство рано или поздно приедается, теряет первоначальный вкус и остроту. Да и длительные поездки за границу не способствовали укреплению привязанности. Я могу привести десятки доводов, почему складывается так, а не как-то иначе, но только истинная причина скрывается глубже. Ни Лейле, ни Аиде не удалось затронуть мое сердце, которым владел голубоглазый призрак Эйнин, оживающий на многочисленных полотнах. Если бы я мог знать, что она выжила, и судьба сведёт нас снова, но, увы, я не обладаю даром предвидения, и никто из нас не властен над временем. Изменить прошлое невозможно, как и отменить приятые решения.

Я вовсе не горжусь тем, что собираюсь сделать, но Аллах свидетель, Эрика Доусон перешла все границы. Я сделал все, чтобы она возненавидела меня и даже под страхом смерти не рискнула появиться в Анмаре, но неугомонная своенравная пантера снова здесь, вместо того чтобы оплакивать разбитое сердце в Нью-Йорке. Случайность любого рода я смело вычёркиваю — она приехала сюда с определенной целью. Новое задание, месть или что-то еще за гранью моего понимания? В случае с мисс Доусон сложно строить логические схемы. Она абсолютно непредсказуема. Сейчас меня больше интересует, как далеко Эрика зашла, и что ее связывает с Искандером.

Мои наблюдатели сообщили, что ведут они себя как влюбленная пара.

Если она трахается с ним, я ее убью. Не сразу. Мысль о том, что, возможно, прямо сейчас Эрика ублажает принца, рисует в голове тошнотворные образы. Неконтролируемая, бессильная и бесполезная в данный момент ярость заставляет стискивать челюсти, от напряжения ломит скулы, сердце отбивает барабанную дробь. Гребаное богатое воображение не всегда играет мне на руку. Опустив руку на колено, я непроизвольно сжимаю пальцы в кулак и вздрагиваю от резкой боли в травмированной ладони. Звон монеток и бодрые ритмы вызывают внезапный приступ раздражения. Подняв голову, я встречаю горячий многообещающий взгляд Аиды. Никогда не смогу представить агента Доусон в подобном образе, даже использовав все свое пресловутое воображение. Она станцует для меня только под дулом пистолета, при этом не забывая плевать ядом. Но даже в этом случае я буду сходить с ума от бешеного желания подмять ее под себя и трахать без остановки, пока злобное шипение не сменится умоляющими стонами.

— Хватит, — резко бросаю я. Ида озадаченно хмурится, улыбка сползает с красивых губ, и она останавливается, растерянно хлопая ресницами. — Выключи музыку, — требую я, и она беспрекословно выполняет приказ.

— Тебе не понравилось, сайиди (с араб. мой господин)? — мягко спрашивает она, не выказывая своей обиды и удивления. Обычно Аиде удается быстро и легко снять мое внутреннее и внешнее напряжение.

Не только танцами, разумеется. Но сегодня ее особые таланты меня оставили безучастным.

— Ты была восхитительна, Ида. Я просто немного устал, — уклончиво отвечаю я. Неторопливо и грациозно приблизившись, она присаживается на край кровати и, протянув руку, запускает пальцы в мои волосы.

— Я могу сделать тебе массаж. Помогает от усталости и головной боли, — взгляд стальных глаз обеспокоенно изучает мои черты. — Или приготовить расслабляющий травяной чай.

— Ты очень заботлива, Аида, — подушечки ее пальцев находят пульсирующий источник боли в висках. С удивлением замечаю, как неприятные симптомы стихают под массирующими легкими касаниями. Закрываю глаза, позволяя искусным рукам Аиды продолжить начатое.

— Мы с Лейлой очень любим тебя и волнуемся, — придвинувшись ближе, приглушенно воркует она, обдавая меня теплым дыханием. Она пахнет розой, и невольно этот аромат навеивает воспоминания совсем о другой женщине и прикосновениях моей кисти, смоченной в розовом масле, к скованному обнаженному телу. Скоро у нас появится возможность повторить пройденный урок. Эйнин заслужила небольшую взбучку.

Небольшую — это мягко сказано. Надеюсь, у нее есть логическое объяснение сотрудничеству с Искандером аль-Мактумом. Немыслимо... О чем, Шайтан меня побери, я думаю? — Ты сам не свой после ранения. Нас тревожит твое состояние, Джамаль-джан (с араб, Джан — душа, жизнь). Если тебя что-то тревожит, то ты можешь обо всем рассказать своей Аиде, — ее пальцы неспешно спускаются на бордовый шрам от пули на шее.

— Я не любитель разговоров, — отзываюсь сухо, ощущая растущее внутри раздражение.

— Ты мог погибнуть, Джамаль, а сейчас ведешь себя так, словно ничего не случилось. Не стоит все держать в себе, любимый. Мы с Лейлой едва с ума не сошли, пока нас держали в неведении. Но Аллах милосерден, он услышал наши молитвы, и ты снова с нами, но.

— Ида, сделай лучше свой чай, — резко обрываю жену, перехватывая ее запястье и отводя в сторону.

— Я снова что-то сделала не так? — в распахнутых глазах мелькает искреннее недоумение. «Все не так, Аида». Но дело не в ней, мысли о другой женщине приводят меня в обжигающую ярость.

— Ты становишься так же болтлива, как и Лейла.

— Ты несправедлив к ней, — Аида неожиданно вступает за первую жену.

— Вы не виноваты в моем настроении, — смягчившись, объясняю я. — Ни ты, ни Лейла. Поэтому прекрати пытаться меня. Я уверен, что это проделки одной любопытной и ревливой красавицы, которая наверняка стоит под дверью, пытаясь подслушать, о чем мы говорим.

— Ты считаешь, что я не способна заметить, что мой муж изменился? — теперь она выглядит обиженной. — Что его что-то гнетет, он почти не бывает дома, не уделяет нам внимания, не проводит ночи в постели с собственными женами.

— Ты забыла, Аида, что я несколько месяцев назад получил сложнейшие ранения, из-за которых не могу полноценно заниматься профессиональной деятельностью. Я архитектор, а, чтобы работать с чертежами, нужны обе руки, и это чертовски огорчает меня.

— Чтобы любить своих жен, руки не нужны, Джамаль, но я понимаю... Чай. Я принесу, — сбивчиво произносит она, внезапно вставая. Струящийся шелк взмывает в воздух, монетки мелодично звенят, когда Аида резко разворачивается и направляется к двери. Распахивает ее намеренно широко, чтобы продемонстрировать, что мои выводы о Лейле ошибочны. Разумеется, я утрировал, но Аида восприняла мои слова буквально. Признаться, я бы с большим удовольствием выпил виски, чем травяной чай. Алкоголь не лучшее лекарство от головной боли, но с навязчивыми мыслями иногда помогает справиться. И кальян бы не помешал. Встав с кровати, я выхожу на балкон, прихватив с собой сигареты. Прикурив одну, опираюсь локтями на перила, рассеянным взглядом приходясь по цветущему круглый год внутреннему саду. Недалеко от круглого мраморного фонтанчика я замечаю Лейлу, одиноко сидящую в тени финиковой пальмы. Она выглядит глубоко задумчивой и несчастной. Аида проболталась, что брат звонил после того, как мы с Эрикой появились в его доме, и, разумеется, поделилась новостями с Лейлой. Случайно или нет, но я уверен, что это Лейла донесла информацию Кадеру. Именно поэтому нас с Эрикой вычислили так быстро. Я

должен был предупредить Равиля, но кто бы мог предположить, что мужчины порой не менее болтливы, чем женщины.

— Джамаль? — окликает меня Аида, проходя на балкон. И в этот момент Лейла поднимает голову, встречая мой взгляд, в котором вспыхивает неприкрытая боль, быстро встает, одёргивая подол голубого шелкового свободного платья, и уходит, опустив голову. Если она шпионит за мной осознанно, то я должен быть начеку круглые сутки. В собственном доме, с собственной женой. С ума сойти. Ида обнимает меня за плечи, прижимаясь сзади полной грудью.

— Ты должен поговорить с ней, — положив голову на мое плечо, тихо говорит она, провожая взглядом удаляющийся силуэт первой жены. — Лейла очень страдает. — Аида мягко тянет меня назад, увлекая в спальню.

Мы усаживаемся среди разбросанных пестрых подушек на полу напротив друг друга. Ида успела переодеться в кружевное изумрудное платье, просвечивающее очертания миниатюрного стройного тела. По комнате распространяется запах травяного настоя. Приятный, надо признать. Взяв чашку из рук жены, я пробую горячий напиток, втягивая ноздрями опьяняющий аромат.

— Надеюсь, это не приворотное зелье? — пытаюсь пошутить я, чтобы снять сковывающее меня напряжение. Аида загадочно улыбается, медленно придвигаясь ближе. Между приоткрытыми розовыми губами блестят жемчужные зубы, светлые глаза искрятся весельем.

— Если бы я знала такой рецепт, то использовала бы ещё в первую нашу встречу, — отвечает Ида, откидывая за спину тяжелые медные волосы и демонстрируя красивую линию плеч, изящную шею и хрупкие ключицы. Мой взгляд непроизвольно движется в глубокий вырез платья, едва прикрывающего полушария упругих грудей.

— Насколько я помню, в тот момент тебе было, мягко говоря, не до приготовления зелья, — мрачно напоминаю я.

— Это точно, — тяжело вздохнув, подтверждает Ида, скользнув кончиками пальцев по моему плечу, обтянутому белой рубашкой. — Тебя привел Аллах, другого объяснения нет. Тот человек убил бы нас.

— Я просто услышал крики, — это не совсем правда. Я находился на задании неподалеку, когда получил сигнал, что в один из домов деревни ворвался мужчина с оружием. Заезжий кочевник или один из

торговцев, отставший от каравана. Его раньше никто не видел. Не совсем моя компетенция, но так как я был ближе всех, то решил взять ситуацию под свой контроль. Разумеется, действовал, как частное лицо.

— Крики слышала вся деревня, но никто и пальцем не пошевелил, чтобы помочь, — ожесточённо отвечает Ида. Я сделал еще один поток чая, ощущая на языке необычный терпкий и одновременно свежий вкус, обладающий согревающим и расслабляющим действием.

— У него было оружие, а у соседей — нет, — напоминаю я. Мы редко касаемся в разговорах обстоятельств нашего знакомства. Уверен, что для Иды это не самые романтические и приятные воспоминания.

— Он был ранен, а они просто побоялись, — оспаривает она. И снова заблуждается, но лучше пусть думает, что ее односельчане — трусливые шакалы.

В действительности события развивались иначе. Окровавленный, вооруженный обрезом бедуин ворвался в дом Равиля по наводке одного из местных жителей. Аида промышляла изготовление настоек, неплохо разбиралась в травах, лечила детей, беременных женщин, за что за спиной ее прозвали ведьмой. Наша вера не одобряет разного рода шаманство, но в деревнях, вроде той, где выросла Аида, нет другой доступной медицины. Остаются только знахарки. Травницы. И другие целительницы. В случае с Аидой сыграл немаловажную роль ее юный возраст и яркая внешность. Женщины в деревне ее ненавидели, сочиняли нелепые истории, а мужчины.... Мужчин останавливал только Равиль, но парня с обрезом остановить у него не хватило сил. Я успел вовремя, иначе обезумевший от боли и агонии раненый бедуин расстрелял бы и брата, и сестру за отказ последней оказать ему помощь. Дали как может помочь травница мужчине с огнестрельной раной? Наша схватка была короткой, но сукин сын успел слегка задеть меня, выстрелив из обреза. Со взбесившимися скотами, у которых перед глазами бардовая пелена и кипящая ярость в крови, сложно действовать согласно наработанным планам. Задело несильно, но шрамы остались, которые в последствии пришлось скрыть под татуировкой.

— А самое неприятное, Джамаль, что меня же и обвинили во всем. Никогда не могла понять, почему человека, который старается всем помочь, ненавидят и хотят уничтожить, унижить, растоптать, — с

горечью говорит Аида, прижимая одну ладонь к вздымающейся груди. Я перевожу взгляд на порозовевшее от переживаний лицо. И внезапно понимаю, зачем она завела этот разговор. Аида пытается отвлечь меня, напомнить, что в нашей жизни случались события и похуже. И опять мимо. Тот случай в ее деревне не был самым сложным в моем послужном списке.

— Пора забыть о случившемся, а соседей простить, — миролюбиво говорю я, допивая чай. — Сейчас тебе ничего не угрожает.

— Простить? — возмущается Ида. — Они едва не убили меня.

— Мы все представляли жуткое зрелище, когда они ворвались в дом. — замечаю я, вспоминая стены и пол, залитые кровью убитого. Настоящее логово Шайтана. Аида в рванном, окровавленном платье, трясущаяся от ужаса, оглушенный Равиль без сознания, бездыханный труп бедуина, раскинувшегося в центре крошечной комнаты. И я тоже выглядел не лучшим образом. Есть чего напугаться суеверным жителям крошечной деревушки, где до сих не во всех домах проведено электричество. Мне пришлось тогда увезти Аиду, иначе они наверняка подвергли бы девушку самосуду, обвинив в самых немыслимых преступлениях. Разумеется, вернуться назад, после того как уехала с мужчиной, Аида не могла.

Я не собирался жениться, даже в мыслях не было. Действовал по обстоятельствам. Бросить девчонку там — обречь на мучительную смерть от своих же. Максимум что мог предложить — работу в нашем с Лейлой доме. Но что-то определенно пошло не так с какого-то момента.... Переодевшись и умывшись, Аида внезапно преобразилась и произвела на меня ошеломительное впечатление. Я не влюбился. Это было чистая похоть, которую Ида всячески поддерживала, используя свои девичьи уловки. Она постоянно попадалась мне на глаза, не забывая каждый раз благодарить за спасение с нескрываемым обожанием во взгляде и робкой смущенной улыбкой. Однако мои мысли были очень далеки от благородных.

Аида стала не только объектом сексуального желания, но и раздражающей помехой. Трахнуть служанку в собственном доме, где живет моя официальная супруга — за гранью дозволенного даже для меня. То, что допустимо в Нью-Йорке, в Асаде воспринимается совсем иначе. Я собирался сослать возмутительницу своего спокойствия к

своим знакомым, которым требовалась прислуга, но Лейла умоляла оставить Аиду, тоже удивительным образом попав под чары рыжей колдуньи. Наслушавшись душераздирающих историй о судьбе Иды, она прониклась к ней, как к родной сестре. Можно сказать, что я пошел на поводу у своих инстинктов, женившись на Аиде, но, что в тот момент, меня сдерживало? Я мог позволить себе содержать двух женщин. К тому же обе они не возражали против заключения брака. Решение казалось логичным и взвешенным. Двум женщинам не так одиноко в доме, когда муж месяцами отсутствует; свою потребность в болтовне и сплетнях они реализуют друг с другом и теткой Лейлы, приглядывающей за моими женами во время длительных командировок. А что касается мужского долга... Какой молодой мужчина откажется от двух красавиц, готовых по очереди делить с ним постель? Ждать его месяцами, окружать заботой и любовью?

В Асаде никого не удивить большими семьями, в которых больше одной жены. Тут даже не вопрос религии и традиций, а больше — финансовых возможностей. Содержать даже одну жену — недешевое удовольствие, и позволить взять вторую, третью и четвертую могут позволить только самые обеспеченные анмарцы. Взять хотя бы Дамира аль-Видада. Жен советник короля меняет, как только старшей исполняется восемнадцать. Разводится всегда тихо, не привлекая внимания общественности. Пожизненное содержание и значительный откуп затыкают рот отвергнутым женщинам и позволяют сменить место жительства, начать жизнь с чистого листа.

— О чем ты думаешь? Снова где-то не здесь. — мягко произносит Аида, вставая коленями между моими расставленными бедрами. Одной ладонью она прикасается к моей щеке, другой ласково поглаживает плечо. От ее волос по-прежнему пахнет розой, и это чертовски сбивает с мысли. Ида шумно вздыхает, придвигаясь ближе, в широких от возбуждения зрачках качается мое отражение. Меня и правда слегка качает. Странные ощущения нарастают стремительно. Легкое головокружение, туман перед глазами, пульсирующее тепло в венах, оттенки цветов ярче, биение сердца громче. Аида чувственно улыбается, и движение ее губ слегка искажается, замедляется во времени, а голос не успевает за губами. — Позволь мне помочь тебе, сайиди. Не думай ни о чем, — ее пальцы опускаются к пуговицам на

рубашке, неторопливо расстегивают их. — Тебе необходимо расслабиться.

— Это то чего мне точно нельзя делать, — ухмыляюсь я, и мой голос звучит слишком низко, глухо, заторможено. — Скоро все изменится, Ида. Для нас всех, — произношу я, когда она резко распахивает рубашку и прижимается губами к моему соску, сжимает острыми зубками, отбросив за ненадобностью робость и застенчивость.

— Все уже изменилось, любимый. Ты можешь рассказать обо всем, что тебя тревожит. Я всегда выслушаю тебя, и пойму, как никто другой, — она внезапно толкает меня ладонями в грудную клетку, и я падаю спиной на мягкий ковер. Веки кажутся тяжелыми, мне не хочется шевелиться и принимать участие, но в то же время я ощущаю мощное сексуальное возбуждение.

— Эй, я же сказал, что не в настроении, — произношу с трудом разбирая собственный голос, когда Ида берется за мои брюки, уверенно расстегивая ремень.

— С настроением всё в порядке. А руки тебе не понадобятся. Аида сегодня все делает сама, — мягким обволакивающим голосом воркует она, расстегивая ширинку и жестко сжимая мой пульсирующий член ладонью, давая понять, что я в надежных руках, — Аида позаботится обо всем, хабиби. — резко сдергивает мои брюки вниз вместе с боксерами и забирается на меня сверху, потираясь промежностью о твердую эрекцию. Задрав подол платья, она мгновенно избавляется от него, выбрасывая за спину. Поднимает руками густые волосы, призывно выгибаясь. Облизав пересохшие губы и задыхаясь от похоти, я смотрю на ее полные груди с розовыми твердыми сосками, протягиваю руки, чтобы сжать их в ладонях, и замечаю, как мелко дрожат пальцы. Взгляд движется выше к покрасневшему возбужденному лицу Аиды, но вместо стальных глаз жены вижу прозрачно-голубые, вместо медных волос по ее плечам струятся черные локоны. Я застываю, потрясённый видением. На висках выступает холодный пот, и я запоздало замечаю, что головная боль давно утихла. Аида продолжает сладострастно улыбаться, не заметив напряжённого выражения моего лица.

— Как же я скачала по тебе Джамаль, — наклоняясь, шепчет она мне прямо в губы. Скользит теплым язычком вдоль линии рта. — Так

безумно скучала, — повторяет приглушенно, со стоном потираясь о мой стояк. Ее губы плотно прижимаются к моим и с стискиваю зубы, не позволяя углубить поцелуй и в следующее мгновение резко отстраняю от себя, схватив за горло. Аида испуганно всхлипывает, схватившись за мое запястье. В распахнутых, снова серебристых глазах мелькает изумление и испуг, только подхлестывающие мою ярость. Второй рукой сгребаю рыжие локоны на затылке, оттягивая голову назад.

— Что за пойло ты мне дала? — грубо спрашиваю я. — Может не врали жители деревни, и ты правда ведьма, Аида?

— Нет, клянусь, — она трясется от страха, по щекам стекают отчаянные слезы, но не пытается пинаться или сражаться со мной. Опомившись, убираю пальцы, отпуская ее. Прижав ладонь к горлу, на котором наверняка останутся синяки, Ида отползает в сторону, горько рыдая. — Я хотела, чтобы ты забыл о проблемах и вспомнил обо мне, — пытается оправдаться она. Черт, а пойло и правда сработало, я на время отвлекся и... вспомнил, но совсем не об Аиде. Дернув головой, сбрасываю остатки дурмана.

— Больше никаких твоих волшебных чаев, поняла? Хочешь заниматься этой ерундой возвращайся в деревню и испытывай свои чары на местных мужиках, которые, уверен, не успели забыть тебя, — свирепо бросаю я.

— Никогда. Клянусь, Джамаль, — торопливо обещает Ида, мелко вздрагивая от пережитого стресса.

— Опоить меня вздумала. Совсем свихнулась, — жестко ухмыляюсь я, постепенно успокаиваясь. Подняв зад, подтягиваю брюки и затягиваю их. — Я почти угадал, когда говорил про приворотное зелье. Только как видишь оно подействовало не так, как ты ожидала.

— Нельзя приворожить мужчину, мысли которого принадлежат другой, Джамаль, — охрипшим голосом произносит Аида, и я удивленно смотрю в ее наполненные слезами глаза. — Ни травами, ни колдовством. Это все миф. Мне все равно, кто она. Но ты наш муж. Наш с Лейлой. Мы не заслужили твоего пренебрежения.

— Это Лейла вбила в твою голову мысли о другой женщине? — нахмурившись, требовательно спрашиваю я.

— Я не слепая, сайиди, — поспешно надевая платье, с горечью произносит Аида. Встав на ноги, она окидывает меня изучающим печальным взглядом. — Я больше не стану навязываться тебе, Джамаль. Ты знаешь, где находится моя спальня.

— Да, что за Шайтан в тебя вселился, женщина? — Ида впервые осмелилась упрекать меня и выставлять условия. Ей больше свойственны покорность и смирение, а значит, тут точно не обошлось без влияния Лейлы.

— Шайтан тут не причём, сайиди, — хриплым шепотом отвечает она, и добавляет громче, вскинув подбородок и уверенно глядя мне в глаза. — Я хочу своего мужа. Только и всего. Кто может упрекнуть меня в этом?

ГЛАВА 4

Рика

— Последний штрих, — Шерил Трип — одна из лучших визажистов Европы, и именно ее Искандер нанял в качестве моего личного мастера по красоте и возложил на девушку ответственность за мой внешний вид на официальных мероприятиях. Если доверять безостановочной болтовне Шерил, которая сразу проговорила мне о том, что заключила контракт с менеджером наследника на два месяца, в ближайшее время мне предстоит посетить далеко не одно светское собрание. Сегодня мой дебютный выход в свет, боюсь представить, сколько камер направят в нашу сторону и сколько журналистов-стервятников будут готовы продать душу дьяволу ради того, чтобы урвать у спутницы принца хотя бы небольшое интервью. Но этот факт совершенно не льстит и не радует меня, как могло бы показаться, наоборот — меня напрягает излишнее внимание, ведь мои цели пребывания в Анмаре далеки от незатейливой демонстрации своих нарядов на подобных тусовках с королевским размахом.

Сама до конца не понимаю, в каком качестве буду присутствовать на благотворительном вечере, сопровождая Искандера Аль-Мактума. И я не представляю, какую сенсацию и новость раздуют из этого СМИ и как отреагирует на провокационные заголовки Джамаль... меня не должно волновать его мнение, *дважды женатого человека, верно?* Все время забываю о пропасти размером с кратер вулкана, пролегающей между нами, и не могу избавиться от гнетущего чувства, что каждую секунду, которую я провожу во дворце Искандера, я предаю Джамалю. или саму себя. Мои чувства к нему — смертоносный ком из закипающей магмы, которая может взорваться в любой момент, но я тщательно фильтрую свои мысли, стараясь даже не рассчитывать на встречу с Каттаном снова. Наша встреча не принесет нам ничего, кроме боли, разочарования и горького осознания того факта, что мост над бездной, разверзнувшейся между нами, никогда не будет построен вновь.

Хотя, где-то глубоко в душе, внутри меня все ещё жива закоренелая стерва, которая не прочь позлить Джамалю легким флиртом с Искандером Аль Мактумом. Я знаю, насколько это глупо, но не могу отделаться от желания увидеть его ревность и ярость, хоть какое-то доказательство искренности его чувств ко мне в тот момент, когда он заметит меня с Искандером в утренних СМИ. Видеть его одержимость мной — мой самый большой страх и самый сладкий наркотик, и впервые я распробовала его оттенки именно в «Шатрах Махруса», когда Джейдан овладел мной в тесном шатре, устроив предварительный допрос с пристрастием. Его голод — это то, что способно надолго заткнуть мою гордость и усмирить мой нрав дикой пантеры до состояния ласковой ручной кошки. Шерил захватывает две пряди волос спереди и сцепляет их на затылке серебристым гребнем, распыляет на мои завитые в объемные локоны волосы целую тонну лака, от чего они становятся упругими и игриво пружинят при каждом повороте головы. Шерил удалось сделать невозможное — не меняя истинные черты моего лица, подчеркнуть его достоинства и замаскировать недостатки, при этом сделать это так мастерски, что я с легкостью узнаю себя в зеркале. Обычно для съемок мне делали такую сильную коррекцию лица, что я потом с трудом смывала с себя нарисованные впалые скулы и чересчур тонкий нос.

— Мне очень нравится, ты волшебница, — благодарю я Шерил, перекидывая волосы на одну сторону, наблюдая за тем, с какой любовью мисс Трип очищает каждую кисть и аккуратно складывает ее в свой увесистый кейс визажиста.

— Так я накрутилась бы сама, если бы была приглашена на прием с принцем, — заговорщицким шепотом подмечает Шерил, сканируя меня пылливо хитрым взглядом. Не дождавшись моего ответа на свою провокацию, она распускает хвост густых рыжих волос, опускается на мягкий пуфик перед туалетным столиком рядом со мной и мечтательно выдыхает: — Меня чертовски привлекают восточные мужчины. Может, и для меня найдется красивый шейх?

— Нравятся темненькие? — удивленно вскидываю брови, замечая в глазах Шерил плохо скрываемую тоску, печаль и грустный блеск в глазах, свойственный исключительно одиноким женщинам. Бесконечно ищущий свою судьбу взгляд — надежный способ

оттолкнуть от себя всех достойных кандидатов на твое сердце, но об этом я не стану говорить ей вслух.

— У нас, в Голландии, очень трудно найти настоящего мужчину. Красавцев много, но мужественных и сильных можно пересчитать по пальцам, причем мне хватит одной руки. Может, мы и сами виноваты в том, что они стали ленивыми и трусливыми в отношениях с женщинами... вечно выступающие за свои права феминистки породили подкаблучников и мягкотелых неудачников, — Шерил возводит глаза к потолку и недовольно поджимает губы, поморщив вздернутый носик, будто вспоминает неприятную для себя картину:

— Куда чаще можно встретить двух мило воркующих парней, держащихся за ручку, чем мужчину, носящего свою девушку на руках! Здесь абсолютно другой мир. Так много мужчин с безумной звериной энергетикой, от которой у меня голова кружится и колени дрожат, — Шерил картинно вздыхает, прикладывая внешнюю сторону ладони ко лбу, и нервно хихикает: — Время идет, а я так давно одинока. Не обращай внимания на все, что я тут несу, — отмахивается она, явно жалея, что так разоткровенничалась. Хотя про «звериную энергетику» она права, по крайней мере, я знаю одного восточного мужчину, обладающего подобной внутренней мощью, и это не Искандер Аль-Мактум.

— Брось, ты так молода. Ты еще встретишь свою... судьбу, — сердце невольно пропускает удар, когда я произношу последнее слово. Мактуб мало встретить, важно — сохранить, удержать, сберечь. мы не смогли этого сделать, отказавшись от подарка Вселенной, или же обстоятельства оказались выше судьбоносной встречи?

— Мне тридцать пять, за плечами неудачный брак, — Шерил опускает одну из пышных кистей в пудру и успокаивающим движением начинает похлопывать ей по щекам. — Любимая работа, к счастью, спасает положение.

— Ты выглядишь не старше двадцати семи, — ободряющим тоном делаю искренний комплимент я. — В следующий раз я выбью тебе местечко на мероприятии. Как знать, может, ты задержишься в Анмаре дольше, чем на два месяца? — предлагаю я, замечая, как взгляд Шерил меняется, а губы раздвигаются в широкой улыбке, делая ее серьезные и четкие черты лица мягкими и миловидными.

— Ловлю на слове, — чересчур активно кивает девушка, в тот момент, когда в дверном проеме появляется напряженная фигура моего телохранителя. Мустафа провожает меня к кортежу из автомобилей, сопровождающих Искандера на мероприятием открывает дверь черного Maserati, помогая мне поместить длинный шлейф платья в салон так, чтобы не испачкать его крупными пылинками. Жемчужного цвета ткань платья приятно холодит все тело во влажном анмарском климате, спущенная линия плеч и внушительный вырез на бедре — достаточно откровенный для Анмара, но совершенно уместный и целомудренный для Западной девушки, делает наряд игривым, провокационным и притягивающим взгляды. Поправляя собравшуюся в складки ткань, замечаю Дерек, направляющегося к машине в сопровождении охраны, облаченного в стального цвета костюм, напоминающий мне своей формой доспехи. Мое сердце не сбивается с ритма, не делает сальто и не поет от благоговения, когда я вижу красавца и будущего правителя страны, но я прекрасно знаю, что на приеме Искандер не избежит голодных, расчётливых и влюбленных женских взглядов, а я — завистливых и презрительных, обливающих с ног до головы ядовитой желчью.

— Ты превосходно выглядишь, — Искандер опускается рядом, сразу поворачивая корпус в мою сторону.

— Почему я приглашена на подобное мероприятие? — я действительно не понимаю, почему Искандер оказывает мне такую честь и внимание, даже если я ему действительно нравлюсь, он должен понимать, что выходить в свет в сопровождении «оголенной» по местным меркам модели из США — не лучшая идея.

— Ты уже забыла? У нас роман, — с плутистым смехом напоминает Дерек. Мужчина аккуратно накрывает мою ладонь своей, и мы оба опускаем взгляды на наши соединенные руки. В горле пересыхает, но не от сладкого волнения и соприкосновения с принцем, а от того, что испытываю отчаянную потребность одернуть руку, но не могу так открыто продемонстрировать свое нежелание сближаться с Искандером. Мне нужна его защита в этой стране, необходимо выполнение моей изначальной миссии, с которой я сюда прилетела, и я понятия не имею, чем все может обернуться, если Искандер Аль Мактум раскусит меня и поймет, какие цели, помимо организации реабилитационного центра, я преследую.

— Разве женщине можно появляться с тобой на публике в таком виде? — поворачиваюсь на кресле так, чтобы прикрыть обнаженную разрезом платья коленку. — И поверь, это ещё самое скромное из тех, что мне предоставили на выбор. Как я понимаю, они были отобраны с учетом твоего вкуса и пожеланий.

— Асад — мой город, Анмар — моя страна, Эрика. *Мне можно абсолютно все*, — его взгляд на мгновение превращается в острую молнию, пронзающую меня мощным разрядом, и властным жестом Искандер накрывает ладонью бедро над моим коленом. Желудок болезненно скручивает жгучим узлом, дыхание схватывает — его прикосновение слишком интимное, личное, и мне неприятно ощущать его, но есть причины, по которым я вынуждена играть роль той, что благосклонно принимает внимание Мактума, поэтому я продолжаю загадочно улыбаться, стараясь понять, насколько искренна его охота на меня, или же он также преследует в связи с бывшим агентом ЦРУ свои личные выгоды?

Через полчаса мы подъезжаем к поражающему воображение отелю «Luxury Asad Hotels», утопающему в огнях, мерцающих серебристым холодным светом, подобно звездам в открытой пустыне. Двигаясь вдоль побережья, невольно ловлю себя на мечтах о чудесном утре с видом на океан, открывающемся с верхних балконов отеля, и размышляю о том, как было бы приятно проснуться в одном из таких номеров с любимым мужчиной, не спеша позавтракать заказанными в постель терпким кофе и свежими круассанами, или, наоборот, отказаться от лишних калорий и «позавтракать» друг другом. Иначе порой нельзя выразиться — иногда мне правда казалось, что Джамаль выпивает меня жадными плотками, вечно ненасытный, голодный и требовательный — его поцелуи, переходящие в неудержимые укусы, действительно напоминали попытки «съесть» меня. Я хорошо помню, как невозможно удержаться от близости с ним, когда Джейдан рядом. Как хочется попробовать с ним *все*, что ни с кем другим никогда в жизни не захотела бы... Я и сама была готова съесть его, ублажить каждый миллиметр тела. ощущаю, как кровь приливает к лицу, а низ живота начинает пульсировать от воспоминаний и возникновения соблазнительных горячих картинок перед внутренним взором: я вижу Джамала, растянувшегося поперек круглой кровати в отеле «Океан». Его тело полностью расслаблено, не считая рук, сжимающих

шелковую простынь в твердый кулак, и мышц пресса, сокращающихся сильнее каждый раз, когда я глубже вбираю в рот его каменный и всегда готовый принимать мое внимание и ласку член. То, какой сексуальной, раскрепощенной и женственной я чувствую себя рядом с ним, тоже своего рода наркотик. Ненасытной и жадной до его совершенного и сильного тела, которому хочется вечно доставлять удовольствие, наблюдая за вспыхивающими искрами вожделения и удовлетворения, тлеющими в глазах цвета индиго. Огромных усилий мне стоит сдержать стон в груди, не предназначенный для слуха Искандера.

Возвращаюсь в реальность, с болью отпуская более горькие воспоминания, которыми закончилось наше приключение в пустыне. надеюсь, на этот раз мое пребывание в отеле обойдется без неприятных «сюрпризов».

Все двери открывают перед тобой с особым почтением, когда ты являешься спутницей Искандера Аль-Мактума. Как я и предполагала, даже девушки из обслуживающего персонала провожают меня гневными взглядами, в то время как журналисты на входе пытаются прорваться к нам сквозь барьер из охраны с непроницаемыми лицами, а фотографы делают снимки каждого нашего с Дерекком шага и возбужденно перешептываются.

— Мы как раз вовремя. К началу аукциона «Лакшери корп». Самые эксклюзивные новинки коллекции не попадут на витрины магазинов, а будут распроданы здесь в единственном экземпляре, — я киваю, делая вид, что внимательно слушаю Искандера, хотя мне нет дела до процветающего бизнеса Саадатов и ослепляющих своим блеском лотов, каждый из которых представлен на сцене большого аукционного зала и закрыт стеклянной коробкой. Когда мы занимаем приготовленные специально для нас места в первом ряду, я откровенно скучаю, наблюдая за наигранным ведущим, развлекающим толпу обеспеченных анмарцев, крупных бизнесменов и инвесторов, каждый из которых ведет борьбу за поблескивающие побрякушки с целью продемонстрировать свой доход и возможность тратить миллионы долларов на украшения для своих меркантильных дам. Блеск драгоценных камней напоминает мне об украшении, которое для меня стоит куда больше всех сокровищ, которые только можно найти в недрах Земли — о кольце Джамала. Я не расстаюсь с

ним никогда, даже когда не надеваю на палец или цепочку, потому что не доверяю прислуге Искандера, что ежедневно убирается в моей спальне, и поэтому сегодня я не нашла иного варианта, как спрятать перстень в уплотненный лиф своего платья. Надежнее места не придумаешь.

— Я думаю, оно подойдет к твоему браслету, — касаясь моей ладони, Искандер привлекает к себе внимание, выводя меня из задумчивого транса, и указывает на главный лот сегодняшнего вечера — алмазное тонкое ожерелье с завершающим изящную сверкающую композицию массивным рубином. — И здесь чего-то не хватает. Такую шею нужно подчеркивать, — Дерек

опускает выразительный взгляд на мое открытое декольте и, приподнимая бровь, непринужденным тоном интересуется: — Хочешь? — таким тоном, словно речь идет о мороженом за один доллар. Не дожидаясь моего ответа, поднимает вверх табличку, заявляя о своем участии в торгах за лот под названием «Страсть Афродиты».

Желающих потягаться с принцем не так много, но благодаря искусственно созданному всеми присутствующими «кошельками» азарту, у Искандера включается инстинкт охотника и хищника, и каждый раз, поднимая табличку в воздух, он озвучивает цену в полтора раза выше предыдущей. Наконец я облегченно выдыхаю, когда слышу три звонких удара, возвещающих об окончании схватки.

— Лот «Страсть Афродиты» продан принцу Искандеру аль-Мактуму! Мои поздравления, ваше высочество, — поднимая бокал с шампанским, Искандер салютует мне и расплывается в превосходительной ухмылке, кидая ленивый взор на стеклянную коробочку, которую нам подносит один из секюрити. — Дамы и господа, на этой ноте мы завершаем аукцион «Лакшери корп» и приглашаем вас на праздничный ужин, — совершенно не стесняясь бросать на меня сканирующие взгляды, гости организованно покидают зал, бурно обсуждая представленные украшения и баснословные суммы, за которые они были распроданы. Чувствую себя, мягко говоря, неуютно, замечая, как весь местный «бомонд» ловит каждый мой жест и взгляд, пытаюсь найти во мне изъяны и недостатки, но стараюсь не опускать голову и держать гордую осанку, не обращая внимания на бесполезные замечания сплетников.

«Слишком вульгарная!»

«Как откровенно...»

«Вы видели ее губы? А нос и грудь? Она вся сделанная.»

— и это еще самые безобидные отрывки тех фраз, которые я слышала в свою сторону.

— Искандер, я не могу его принять. Колье стоит три миллиона долларов... — нервно выдыхаю я, находясь в шоке от того, что наследник потратил столь баснословную сумму на ожерелье, которое я, честно говоря, носить не собираюсь. В висках пульсирует горькая мысль, что чувствую я сейчас себя точно так же, как тогда, в «Шатрах Махруса», где Джейдан заплатил за меня вдвое меньше этой суммы. Но дело не деньгах, черт подери, а в явной параллели, пролегающей между этими аукционами.

Быть проданной мне не так обидно, Рика. Или хотела, чтоб купил тебя кто-то другой?

Мой ответ прост, Джамаль. Нет.

Глядя в глаза принцу Анмара, преподносящего мне свой нескромный дар, я понимаю, что принять от Искандера злополучное ожерелье будет настоящим испытанием. Я слишком серьезно отношусь к украшениям любого рода и браслет, подаренный Аль-Мактумом, я надела только на данное мероприятие, чтобы избежать лишних вопросов от Дерека.

«Только ты и я. Только наше, Эйнин.»

Это действительно только наше. Кольцо, четки. То, что всегда плотно прилегает к телу. То, что пронизано насквозь нашей особой историей и энергетикой. Только *наше* я хочу прижимать к своей коже, позволять соприкасаться с отбивающими пульс венами.

Надеть ожерелье, подаренное Искандером — это настоящее предательство по отношению к Джамалю, это хуже, чем плевок в лицо...

Хотя мне становится легче, когда я с горечью понимаю, что своим женам Джамаль дарит целые горы украшений — обеспеченные восточные мужчины балуют своих жен именно украшениями, так как анмарская женщина, несмотря на то, что вынуждена носить паранджу и никаб, всегда отражает статус и положение мужчины.

Жена состоятельного и успешного мужчины в Анмаре может надеть на себя все золотые и платиновые браслеты сразу, и это не сочтется безвкусицей, наоборот — «голые руки» считают признаками жены неудачника и бедняка.

Замечаю, как скулы Искандера слегка впадают от напряжения и ожидания моей реакции. Когда все посторонние лица покидают огромный зал, Дерек встает за мою спину и перекидывает локоны на правое плечо, чтобы украсить мои ключицы дорогим украшением. Слегка вздрагиваю, ощущая прикосновение холодного металла к чувствительной шее. Кто бы мог подумать, что столь тонкое ожерелье будет ощущаться на коже словно ошейник?

— Ты достойна куда больших даров, Эрика, — я полностью цепенею, не в силах пошевелиться, когда чувствую прикосновение губ Искандера к затылочной зоне. — Если ты будешь моей, я подарю тебе все, о чем ты мечтаешь, — неистово шепчет Аль-Мактум, повергая меня в шок броскими и красивыми заявлениями. Похоже, принц заигрался. Или действительно влюблен? А может, банальнее — просто хочет трахнуть? — Ты вкусно пахнешь, — внезапно обхватывает мою талию, заковывает в тугое кольцо жестких рук, прикусывает мочку уха. Его язык скользит вдоль линии моей шеи, пока я отчаянно пытаюсь сообразить, как обозначить личные границы наследнику, за которые заходить не следует. Зажимаюсь, приподнимая плечи, и плавно уворачиваясь от его губ и навязчивых прикосновений. Наконец, полностью отстраняясь, нервно оглядываясь по сторонам:

— Не надо, Искандер, — его взгляд становится каменным, хлестким. Принц явно не привык к отказам. — Не здесь, хорошо? Тут так много людей... — как назло в зале давно никого нет, и я не сомневаюсь, что всех по-быстрому выпроводили по указке охраны Искандера. — К тому же я не готова... сблизиться с тобой. Пойми меня правильно, я здесь. не для того, чтобы стать твоей, Искандер, — не сразу нахожу правильные слова, но пытаюсь усмирить пыл принца, наблюдая за тем, как часто поднимается и опадает его грудь. — Я приехала в Анмар помогать детям. Кстати, всего за пару дней я добилась определенных успехов — каждый из них рассказал мне о том, где родился и о своей семье. Пора приступать к поискам. У половины из них есть родные и близкие, которые их очень ждут.

— Конечно, мои люди займутся этим уже сегодня. А тебе я дам столько времени, сколько нужно. Ты мне нравишься, Эрика. По многим параметрам, как внутренним, так и внешним. Я не требую ничего взамен. Пока нет. Мне нравится. эта игра, которую ты ведешь. Впервые мне интересно, — он подмигивает мне, имея в виду эту атмосферу «охоты», которую я создала в наших отношениях. Правда в том, что сделала я это не специально, мне действительно хочется держаться сейчас на расстоянии от принца.

— Спасибо за подарок, — подавленным и вымученным тоном произношу я, и, судя по поджатым губам Искандера, это не то, что он хочет от меня слышать. Чтобы сгладить неловкость, возникшую между нами, благодарю его коротким поцелуем в щеку и стараюсь перевести тему, нежно заглядывая в его светлые глаза снизу-вверх с особо трепетным выражением. — Я проголодалась, может, присоединимся ко всем в ресторане? — а это уже откровенная ложь. Даже при желании не запихну сейчас в себя ничего калорийнее листка салата.

Мы выходим в ресторан, вновь попадая в шумный муравейник. Так, называемые сливки общества, и от их показной «жирности» меня подташнивает. Красивая жизнь... меня многое в ней привлекает, но не лицемерие, которое является неотъемлемой частью диалогов подобной публики.

Пространство наполнено хаотичным смехом, вычурными тостами и звуком столкновения хрустальных бокалов, арабскими музыкальными мотивами, погружающих приезжих из Европы и Америки гостей в местный колорит, Восточную сказку. Женщины, объятые паранджой, вновь приковывают ко мне свои убийственные взгляды, некоторым пялиться не мешает даже присутствие мужа. Я же в свою очередь, легонько поведя плечом, расплываюсь в дружелюбной улыбке, держась как можно ближе к Искандеру. Заметив это, он аккуратно обхватывает мой локоть повелительным жестом, наклоняется к моему уху и отдает тихое наставление:

— Не обращай на них внимания. Ты здесь со мной. Я глубоко верующий человек, но, признаться, считаю, что красота женщины не должна быть только для мужа. Мне нравится, когда мне завидуют. Когда все восхищаются тем, чем могу обладать только я, — самоуверенно заявляет Искандер таким тоном, словно я вещь, и он

уже мной «обладает». Конечно, я продолжаю улыбаться Дереку, пусть потешит свое эго, но подтверждать его явный намек я не намерена.

— Мне нужно отойти, Эрика, я скоро вернусь. Закажи себе пока что-нибудь, — Искандер одним жестом подзывает бармена, и я с облегчением отпускаю своего спутника:

— Конечно. Я буду ждать тебя здесь, — складываю кисти рук на барной стойке, поворачиваясь к собравшимся в ресторане спиной.

— Мустафа наблюдает за тобой. Ты в безопасности, — обнадеживающим тоном заверяет меня Искандер, и как только он уходит, я заказываю бокал Prosecco.

В одно мгновение кожа на спине покрывается инеем, вынуждая меня прогнуться и поежиться от ощущения на себе пристального, словно нацеленная мишень наемника, взгляда. Возможно, у меня паранойя, но, почувствовав себя слишком уязвимо, я поворачиваюсь к залу лицом, пытаюсь полностью расслабиться с помощью специальных дыхательных техник, выученных наизусть ещё в лагере ЦРУ. Но никакие уроки и правила не избавляют меня от знакомого чувства, которое я ощущаю только когда рядом Джамаль Каттан, но я знаю, что это лишь проекция моего подсознательного желания... увидеть его.

Конечно я хочу, до одури хочу, чтобы он был где-то рядом. Чтобы мы остались одни, поговорили обо всем и наконец расставили все точки над «и»... хочу услышать, что он никогда не любил ни одну из своих жен и что не притрагивался ни к одной из них после меня. утопия, мечта, несбыточная сказка наивной девочки. Мне, как и всем девочкам, свойственно мечтать, медленно потягивая из бокала шампанское.

А потом каждая клеточка моего тела леденеет от ужаса, в то время как в груди происходит настоящий апокалипсис, и сердце, будто залитое керосином, вспыхивает огнем мгновенно. Дышать так трудно, что все, чего я хочу, это сорвать с себя чертовы три миллиона долларов.

Я вижу его, моего асада. Прямой взгляд исподлобья. Холодный, жестокий, выбивающий почву из-под ног одним выстрелом. Мир перед глазами расплывается, за его спиной танцуют две незначительные тени, которым я с удовольствием показала бы, кому

принадлежит этот широкоплечий мужчина, не сводящий с меня пристального, приковывающего к месту, взора.

Я не знаю, как все ещё стою на ногах. Мне хочется кинуться к нему через весь зал и впиться раскаленными от горечи, боли, обиды и желаний губами в его рот, зацеловать до смерти, обхватывать точеные скулы, гладить легкую щетину ладонями и костяшками пальцев, пока не дождусь ответа... признаний... эмоций... сдавленного горячего шепота, разливающегося медом по венам. Чего угодно. И хочется убить его, чтобы больше никогда не видеть в компании двух других женщин. Да, их лица и тела скрыты, но я прекрасно знаю, какими соблазнительницами могут быть на деле «скромные» арабки. Он трахал каждую из них, после всего, что было между нами.

Черт, меня просто накрыло, или я схожу с ума.

Это не Джейдан. Конечно нет. Мне показалось. Его и не может быть здесь, на приеме наследника.

— Джамаль, — тихо выдыхаю я, набирая в грудь побольше воздуха. Смотрю на мужчину, которого представила Джейданом, а потом на бокал шампанского, которое подозрительно быстро ударило в голову и вызвало нехилые галлюцинации. Мне не стоило пить сейчас, нельзя ни на минуту терять бдительность.

«Вас вообще чему-нибудь учит полученный опыт, мисс Доусон? Вы совершаете одни и те же ошибки.» — так и слышу в голове возмущение Стефана Смита, который был бы недоволен моим опрометчивым поведением. *Джамаль*

— Невероятно! — восхищённо восклицает Лейла, буквально прилипнув к окну. — Никогда не была здесь в темное время суток. Даже не думала, что отель такой громадный. — Поправив нижнюю часть никаба, она возбужденно оборачивается к Аиде, скромно сложившей ладони на коленях. — Ты видела что-нибудь более красивое?

Я сдержанно улыбаюсь, поправляя галстук. Западный стиль одежды выбран неслучайно. На приеме будут присутствовать в большей степени голливудские звезды, режиссёры, писатели, сценаристы, модельеры, дизайнеры, меценаты, филантропы и

бизнесмены. На подобного рода мероприятия национальный костюм необязателен.

— Нет, никогда, — не разделяя энтузиазма моей первой жены, отзывается Ида. Лимузин съезжает с основной трассы на второстепенную. Аида взволнованно впивается тонкими пальцами в колени сквозь шелковую, расшитую серебристыми и золотыми нитями абайю. Из украшений только пара колец и тонкий золотой браслет. Удивительная скромность. Я обеих ни в чем не ограничиваю, но подаркам обычно радуется только Лейла. Этот факт легко объясняется разными условиями и уровнем жизни, в которых воспитывались девушки.

Настороженный взгляд Аиды встречается с моим. Она напряжена, немного испугана. Не могу изучить всю палитру эмоций, потому что вижу только глаза. Я предлагал женам обойтись без никаба, ограничившись платком, но они предпочли привычный стиль. Ида опускает стекло, устремляя взгляд на пустынный пляж с белым песком и прозрачными лазурно-голубыми волнами, мягко надвигающимися на берег залива. Побережье явно манит девушку больше, чем сверкающие огни Luxury Asad Hotels — самого роскошного отеля на побережье. Отдых здесь могут позволить немногие. Шейхи-правители автономных областей Анмара, изнутри похожих на маленькие королевства; крупные бизнесмены, заезжие миллиардеры, аристократы из других стран и прочая избранная публика. Неудивительно, что Искандер аль-Макум выбрал для проведения грандиозного светского события именно этот отель. И собрал всю элиту, чтобы продемонстрировать миру и потенциальным партнёрам свои высокие идеалы, щедрость, ну и заодно показать, кто правит балом.

Надолго ли?

— Жаль, что мы не успели на аукцион «Лакшери Корп». Он уже закончился, — с сожалением вздыхает Лейла, когда мы приближаемся к веренице других опаздывающих, создавших набольшую пробку перед пропускным пунктом. — Алмазная корпорация шейха Саадата создает необыкновенные украшения. Я читала, что Рашид Саадат пожертвовал несколько эксклюзивных комплектов из последней коллекции, созданных в единственном экземпляре со стартовой ценой от миллиона, — ещё один протяжный вздох. Ухмыльнувшись, я

переглядываюсь с Аидой, которая выразительно закатывает глаза. После небольшого недопонимания, случившегося пару дней назад, мы больше не поднимали тему отношений и других женщин, и, надеюсь, у нее хватит ума больше не устраивать сцен ревности с попытками опохмелить меня возбуждающими настойками.

— У тебя недостаточно украшений, Лейла? — сухо спрашиваю я, бросив выразительный взгляд на ее руки, увенчанные сверкающими браслетами и кольцами. — Если ты так хочешь, я могу переговорить с шейхом, предложу ему спроектировать новый дворец в управляемой им провинции, которых, насколько я слышал, там уже не один десяток. И кто знает, может, алмазный король Рашид Бин Мохаммед аль-Саадат найдет для тебя комплект твоей мечты.

— Нет, не надо. Я только на лоты взглянуть хотела, — смущенно потупив взгляд, тараторит Лейла.

— Подъезжаем, — сообщаю я.

Периметр отеля оцеплен суровыми и крепкими, одетыми в дизайнерские костюмы. Эти же внушительного вида стилисты останавливают подъезжающих на люксовых автомобилях гостей, тщательно сверяя приглашения со списком. Некоторых проверяют чуть дольше, некоторых чуть меньше. Мы проезжаем без каких-либо препятствий. Заслуга Таира Кадера, выбившего мне особый статус. Прямо на берегу, перед подсвеченным золотыми огнями огромным отелем расположены просторные павильоны, в которых в дневное время проводились разно профильные благотворительные акции. В одном до сих пор проходит масштабная пресс-конференция известных деятелей киноиндустрии и шоу-бизнеса для самых продаваемых журналов. Разумеется, гонорары за интервью пойдут не в карман артистов, а в фонд помощи детям.

Лимузин паркуется на специально отведённой стоянке, где нас уже ожидает улыбчивая девушка- администратор и провожает в роскошный ресторан, располагающийся в главном корпусе отеля. Зал оформлен с королевским шиком. Броско, дорого, вычурно, местами безвкусно. В глазах пестрит от чрезмерного количества атрибутов люксовой жизни. Яркая, богатая публика сверкает белозубыми улыбками, выгуливает свои эксклюзивные, сшитые на заказ платья и смокинги, блестит дизайнерскими украшениями, смеется, пьет элитное шампанское, пробует изысканные закуски. Шумно,

многолюдно, немного душно из-за обилия миллионеров на один квадратный метр площади. Играет музыка, мельтешат туда-сюда проворные официанты. Гости собираются небольшими компаниями, образуя что-то вроде кружков по интересам, где ведут не только светские разговоры, но и заключают крупные сделки. Бизнесмены стараются выжать максимум даже из благого дела.

Аида с Лейлой растерянно озираются по сторонам, стараясь не отставать от меня. У них не большой опыт посещения публичных мероприятий. Я слишком редко и помалу живу в собственной стране, чтобы успевать выводить в свет своих жен.

— Мы не задержимся надолго, — оглянувшись, успокаиваю я их. — Можете пока пройтись, осмотреться.

Или музыку послушайте, — киваю в сторону небольшой сцены, располагающейся в глубине зала, на которой выступает ливийская популярная певица под оркестровое сопровождение. — С напитками осторожнее. Лучше спросить у официанта, что в бокале, прежде чем пробовать. Не нервничайте, я рядом. Проводив взглядом Лейлу с Аидой, примкнувшим к женам одного из шейхов, я оборачиваюсь и практически сразу замечаю решительно направляющегося ко мне Дамира аль-Видада. Как представитель власти, в отличие от большинства гостей, премьер-министр отдал предпочтение традиционной одежде. Волевой жесткий взгляд, суровое лицо с тяжёлым подбородком, крупное телосложение, глубокие носогубные морщины. Ему за шестьдесят, но держится бодро и передвигается браво — для своего возраста.

— Ас-саламу алейкум, Каттан, — приветствует он меня первым, поравнявшись. — Я слышал много хвалебных рекомендаций о проектах, которые заказывали у тебя мои друзья, — сразу переходит к делу. — Говорят, что ты лучший архитектор в Асаде.

— Ва-алейкум ас-салям, эфенди. Рад встретиться с вами лично, — подчеркнуто вежливо отвечаю я. — Планируете построить дом?

— Да, мой старший сын решил жениться, — потирая подбородок, задумчиво произносит Видад, блеснув благородным блеском камней на унизанных перстнями пальцах. — Хочу сделать подарок. Но сразу должен предупредить, что я очень сложный заказчик. Договориться будет непросто.

— У меня есть несколько новых проектов к рассмотрению и, если вы желаете обсудить их индивидуально, я в вашем полном распоряжении.

— Мне нравится твой подход, Каттан. Готовность сотрудничать, учитывая высказанные предупреждения, похвальна. Это уверенность или смелость?

— И то и другое, советник, — сдержанно отвечаю я, не отводя взгляд от самоуверенного снисходительного лица Дамира аль-Видада.

— Тогда договорились. За тобой приедут, когда у меня появится свободное время, — коротко кивнув, он дает понять, что моя короткая аудиенция закончена, и, окинув меня напоследок придирчивым внимательным взглядом, удаляется в другой конец зала. Разумеется, никакой проект советнику не нужен, и на личной встрече речь пойдет совершенно о других делах. С трудом сдерживаю циничную усмешку, отлично понимая, что в настоящий момент за мной наблюдают десятки пар глаз. Но уже через пару секунд внимание толпы переключается на организатора благотворительного вечера, который уверенно входит в раскрытые двери ресторана со своей спутницей.

Скулы сводит от напряжения, когда мой жадный взгляд буквально приклеивается к темноволосой красавице в длинном, подчеркивающем фигуру элегантно жемчужном платье с открытыми плечами, сочетающемся со стального цвета смокингом Искандера аль-Мактума. Я знал, что увижу ее сегодня, готовился морально, но все внутренние установки летят к чертям, когда воображаемый образ Эйнин обретает реальность. Когда я видел Эрику в последний раз, ее лицо и руки были в моей крови, а бледные щеки заливали слезы. Я помню ответ, который прочитал в испуганных голубых глазах, когда предложил ей остаться.

Так какого черта ты здесь делаешь, Эйнин? Сумасшедшая неугомонная авантюристка с маниакальной способностью влипать в неприятности. У меня зубы сводит, когда я замечаю, как Искандер собственническим жестом дотрагивается до ее локтя и, наклоняясь, что-то быстро говорит на ухо. Подняв голову, Эрика кивает и соблазнительно улыбается ему, хлопая ресницами, как глупая кукла. *Ах ты сука.* Сердце стучит с перебоями, от ярости темнеет в глазах. Я не знаю, что с ней сделаю, если она раздвигает для него ноги. А мисс Доусон может, Шайтан ее поberi. А почему нет? Мисс Доусон

нравится трахаться, и нравы страны, где она воспитывалась с девяти лет, позволяют получать удовольствие где угодно и с кем угодно. И она чертовски зла на меня. Нашла отличный повод щелкнуть меня по носу, детка? Готов поклясться, что тебе чертовски не понравится отдача.

Искандер оставляет Эрику одну возле барной стойки и отправляется завоевывать расположение гостей. Я следую взглядом за потенциальным соперником. Надо отдать ему должное, на публику работать он умеет. Сияет доброжелательной располагающей улыбкой, приветствуя собравшихся, останавливаясь возле каждого, пожимая руки и обмениваясь парой фраз. Он выглядит искренним, открытым, готовым к диалогу внимательным собеседником, что подкупает симпатии людей. Молодой, привлекательный, высокий, атлетически сложенный. Смокинг цвета мокрого асфальта сидит на нем как вторая кожа, все движения максимально расслаблены. Он чувствует себя комфортно и уверенно. Пройдясь взглядом по залу, замечаю, как женщины жадно разглядывают его. И дело не в том, что он принц и обладатель миллиардного состояния. Искандер обладает исключительным качеством нравится людям, и знает, как правильно им воспользоваться. Кадер прав в своих опасениях, Искандер аль-Мактум вполне способен сместить отца и сделать это без единого выстрела. Словно почувствовав мой взгляд, Искандер неожиданно прерывает разговор с алмазным шейхом Рашидом Саадатом и, подняв голову, бегло оглядывает зал. Отступаю назад, скрываясь за спинами гостей, и прислоняюсь к одной из гипсовых фигурных колонн, поддерживающих высокий свод потолка из толстого стекла, сквозь которое виднеется звездное небо.

Мое внимание возвращается к Эрике Доусон. Тонкими пальцами она держит бокал шампанского, отпивая содержимое мелкими глотками. Ее волосы крупными локонами струятся вдоль спины и плеч, прикрывая смелый и провокационный для Анмара наряд. Изящное ожерелье обвивает длинную шею, сверкая алмазным блеском. Подозреваю, что это один из лотов из коллекций «Лакшери Корп», на которые хотела «только посмотреть» Лейла.

Плюсую ещё один пункт в список вопросов, на которые Эрике придется ответить. Сегодня у нее точно не получится расплатиться с

принцем за щедрый подарок. Эрика поворачивается в профиль, перебрасывая волосы через плечо, рассеянно блуждая взглядом по лицам гостей. Она выпядит вызывающе, сексуально и раскованно, и дело не в платье, которое на другой бы женщине смотрелось совершенно иначе. Эрика Доусон сама по себе источает секс. Грация и чувственность в каждом жесте, походке, наклоне головы, улыбке, взмахе ресниц. Я смотрю на нее всего несколько секунд, а член уже встал по стойке смирно, распирая ширинку брюк. То же самое происходило и в первую нашу встречу на выставке, и во все последующие. Сейчас эмоции мощнее, потому что я знаю, каково это — трахать ее до полной потери контроля, без прорыва и остановки, доводить ее до диких криков и отчаянных стонов, вбиваться на бешеной скорости и смотреть, как она кончает, заливаясь румянцем, кусая губы и запрокидывая голову, разрывая острыми ногтями мою спину. Меня бросает в жар от калейдоскопа горячих воспоминаний, спина под смокингом покрывается испариной, пальцы непроизвольно сжимаются в кулаки и впервые не чувствую боли в левой ладони, потому что ощущение давления в паху беспокоит меня больше.

«Если она проблема, я ее уничтожу», — слова Кадера всплывают в памяти, мгновенно отрезвляя меня. *Она проблема, черт возьми*. Еще какая. Сейчас я сам готов уничтожить суку, заметив, что, как и все женщины в зале, она неотрывно наблюдает за Искандером аль-Мактумом, а тот, время от времени оборачиваясь, посылает ей пламенные взгляды.

К черту, надо сваливать отсюда, пока я не слетел с катушек и не придушил Эрику прямо здесь. Мы скоро встретимся, и в более подходящих для приватной беседы условиях. Пусть наслаждается вечером. У нее осталось на это не больше пары часов. Отрываюсь от колонны и стремительной походкой направляюсь к своим закутаным с ног до головы женам. Брошенные своими собеседницами, они скромно стоят возле журчащего фонтанчика в форме лотоса и с нескрываемым изумлением разглядывают полураздетых актрис и моделей, которые пьют шампанское и громко смеются над шутками своих спутников.

— Мы уезжаем домой, — сообщаю я, и Лейла благодарно улыбается, не скрывая облегчения. Аида поддерживает ее быстрым

кивком головы. Сделав знак идти за мной, я направляюсь к выходу и намеренно прохожу мимо Искандера аль-Мактума. Он замечает меня, когда между нами остается десяток шагов. Одного быстрого взгляда на его потемневшее лицо достаточно, чтобы понять, что еще одно опасение Кадера нашло подтверждение. Искандер узнал меня. И он видит во мне угрозу. Я мгновенно улавливаю волны напряжения и агрессивной энергии, исходящие от аль-Мактума, несмотря на то, что между нами находятся другие гости. Голливудская улыбка на губах принца, обращенная к собеседнику, испаряется, в светлых глазах появляется ледяное жесткое выражение. Изучающий взгляд оценивающе проходит по мне вверх-вниз, задержавшись на оставшемся от ранения шраме на шее. Я резкорываю зрительный контакт, сворачиваю в проход, ведущий к выходу из ресторана, затылком чувствуя сверлящий взгляд Искандера.

ГЛАВА 5

Рика

— Искандер, я немного устала, — мягким тоном обращаюсь к принцу. Аль-Мактум подходит ко мне лишь через сорок минут общения с чиновниками и представителями нефтегазовой промышленности из других стран. С шампанским давно покончено, и, умирая от скуки у барной стойки, я медленно потягиваю воду с лимоном, пытаюсь хотя бы изнутри очистить себя от постоянных осуждающих взглядов. Если честно, создается впечатление, что местным женщинам просто больше нечем заняться. Но лишнее внимание действительно утомило меня, и очень скоро я понимаю, что с гораздо большей пользой провела бы этот вечер, оставшись в резиденции с детьми. Поиграли бы в настольные игры, порисовали вместе с Резой... я бы узнала, как можно больше об Эмили, с которой мысленно срослась так сильно, что даже порой пугалась своей одержимой привязанности к девочке: меня не покидало настойчивое чувство эмоциональной связи с Эмили и долга перед малышкой. Что бы со мной ни случилось, как бы тяжело ни было отвергать внимание Мактума и отдалять секунду нашего сближения, я не покину Анмар, пока не вызволю ее из адского логова. — Мне неудобно просить тебя об этом, но я бы хотела вернуться в резиденцию, — губы Искандера сужаются до тонкой линии, ему явно не нравится тот факт, что его спутница собралась «слинять» раньше времени.

— Подождешь ещё час и поедешь со мной, или хочешь уехать прямо сейчас? — уточняет Искандер, вскидывая брови, и беглым взглядом окидывает большой зал, будто высматривает особо важную персону, с которой ему необходимо решить важные вопросы. Хотя, судя по тону его голоса, наследник бы и сам с удовольствием покинул свое же мероприятие вместе со мной.

— Я бы хотела уехать сейчас. Прости меня... Жутко кружится голова от спиртного. Я как маленькая, — наигранно страдальческим тоном выдыхаю я, слегка помахав на себя кистью руки. Выражение

лица принца отображает искреннее беспокойство, что довольно мило с его стороны.

— Мне бы не хотелось отпускать тебя одну, учитывая тот факт, что на тебя сегодня смотрели все, кому не лень, — в который раз за вечер он собственническим жестом сжимает мой локоть, язык его тела кричит мне о том, что Искандер очень не хочет никуда меня отпускать, и ему необходимо держать меня на коротком поводке. Зачем? Вопрос, на который у меня пока нет ответа. Это может быть, как искренней симпатией, так и проявлением скрытых мотивов, которые он преследует, общаясь со мной.

— Боишься, что украдут прямо из-под твоего носа? — заливаясь смехом, откровенно флиртую я. — Не сомневаюсь, что твоей охране я могу доверять.

— Мустафа — надежный человек, и я знаю, что он отдаст жизнь за меня и *мои интересы*, — сканирующий взгляд Искандера скользит по моему лицу, тон его голоса и словосочетание «мои интересы» мне определенно не нравятся, но я держу язык за зубами, чтобы не ляпнуть какую-нибудь грубость в сторону принца. — Хорошо, можешь ехать.

— Спасибо, — медленно освобождаясь от руки Аль-Мактума, коротким взмахом ладони прощаюсь с ним и направляюсь к водителю и одновременно телохранителю Искандера. Без особой тоски покидаю пределы отеля «Лакшери Асад хотел» под аккомпанемент печального завывания слова «хабиби» в исполнении популярного анмарского певца. Мустафа открывает передо мной дверь черного Mercedes'a и, замечая мое напряжение при виде новой машины, спешит уточнить:

— Maserati будет ждать сайиди, мисс Доусон. Вам предоставлен другой автомобиль. Что-то не так? — поясняет водитель, поправляя темные очки, съехавшие на переносицу.

— Все превосходно, — спешу заверить Мустафу. Сейчас я готова доехать до кровати даже на усталом верблюде. С облегчением выдыхаю, опускаясь в салон Мерседеса, и снимаю с себя туфли на высоких каблуках, ощущая, как гудят ноги. Дверь со стороны водителя захлопывается, после чего мгновенно раздается характерный «щелчок», возвещающий о блокировке замков. Всегда раздражает. Я и в Нью-Йорке порой боялась молчаливых таксистов — слишком подозрительными они мне казались.

— Вам не холодно? — уточняет телохранитель, когда мы трогаемся и вскоре выезжаем на знакомую мне освещенную трассу.

— Нет, все в порядке, Мустафа, — не знаю почему, но легкая улыбка, которую я замечаю на лице водителя, напрягает меня, сея в душе зерно нехорошего предчувствия. Сердце слегка ускоряет темп, просто так, без явной на то причины, а значит в игру вступает банальная женская интуиция. На всякий случай я достаю из сумочки телефон и уже собираюсь набрать номер Искандера, как совершенно четко осознаю, что связи... здесь нет. Как такое может быть? Она была еще пять минут назад, на территории отеля!

— Долго нам ехать? — спрашиваю нарочито непринужденным голосом, замечая, как мелко начинают подрагивать кончики пальцев. Разумеется, не от страха, это все от усталости. легкая форма паранойи, от которой следует избавиться. — Разве нам сюда? — резко интересуюсь я, когда понимаю, что

Мустафа плавно сворачивает на неосвященную яркими огнями трассу. За окном непроглядная тьма — тонированные стекла нещадно скрывают окружающий нас мир, запирая меня в черной коробке с так называемым блестящим телохранителем.

— Мисс, главную дорогу сейчас моют, — Мустафа указывает в сторону навигатора, словно начинает ощущать мое беспричинное беспокойство. — Не переживайте. Дорога займет чуть больше времени, но очень скоро мы будем в резиденции, — сжимаю кулаки, пытаюсь уловить в его голосе лживые нотки... и они действительно есть, или у меня галлюцинации второй раз за день? Будет глупо, если я нападую на ни в чем не повинного Мустафу просто выполняющего свою работу. Внимательно разглядываю нижнюю часть лица водителя, пытаюсь сравнить с тем образом его внешности, что я отлично запомнила. Тот же подбородок, очерченные светлые губы, выделяющиеся на фоне темной кожи... это он, иначе и быть не может. Если не считать одной маленькой детали... Мустафа вновь раздвигает губы в слабой улыбке, и только сейчас я понимаю, что у моего телохранителя была особая отличительная черта, которой я не сразу придала значение — щербинка между большими зубами. Сейчас ее нет. Едва ли он успел поставить себе виниры за пару часов.

— Куда вы меня везете? — более требовательным и срывающимся тоном спрашиваю я и, не выдержав выброса адреналина в крови,

обхватываю псевдо- Мустафу за горло, впиваясь в его шею острыми ногтями, отчего водитель теряет ровное управление, и Мерседес начинает беспорядочно вихлять по непроглядной дороге, по которой даже машины не ездят. — Отвечай, ублюдок. Кто ты? На кого работаешь?! — неистово шиплю я, следуя своей любимой тактике «лучшая защита — это нападение», но Мустафа вместо ответа резко бьет по тормозам, отчего меня слишком сильно прижимает лицом к задней стороне его кресла. От ужаса и нарастающего ощущения страха я ещё сильнее впиваюсь руками в шею ложного телохранителя и разбираю его осиплый от моей хватки голос:

— Я вас везу домой, мисс Доусон. Все будет хорошо, я просто выполняю свою работу, — подобное похищение и правда не в стиле Шатров Махруса. Я всерьез начинаю думать, что допустила ошибку, и веду себя как полная дура — нападаю на человека, сопровождающего меня в резиденцию. Но все мои сомнения в один миг исчезают, как только я ощущаю острие ледяной иглы, пронизывающее насквозь вену, пульсирующую не шее. Усыпление — это так банально. Так по-американски. Шатрам Махруса вообще не свойственно похищать девушек подобным образом — они предпочитают грязные словечки, унижение, вонючие фургоны и не упускают возможности поиздеваться над будущими сплетницами.

Мой разум мгновенно сковывают острые щупальца крепкого сна, буквально рывком засасывают в лабиринт из воспоминаний, страхов, опасений, связанных с тем, что ждет меня там, по ту сторону... после пробуждения. И я не знаю, будет ли встреча с моим похитителем более приятной, чем встреча с представителем «Шатров Махруса».

Джамаль

В салоне лимузина я наконец позволяю себе расслабиться и, закрыв глаза, откидываюсь затылком на удобный подголовник. Расстёгиваю пиджак и, сдернув галстук, бросаю в руки Лейле. Теперь можно выдохнуть.

— Все в порядке? — встревоженно спрашивает Аида, сиденье рядом проминается, и я ощущаю ласковое прикосновение женской ладони к своей щеке, до обоняния доносится легкий аромат жасмина.

— Да, не люблю многолюдные мероприятия, — отзываюсь я, невольно напрягаясь. Меня сейчас лучше не трогать и, словно почувствовав, Аида убирает руку и пересаживается обратно. Остаток пути я молчу, размышляя о грядущей ночи, а они без умолку болтают, обсуждая возмутительных, вульгарных, безнравственных, развратных, пьющих женщин, заигрывающих с мужчинами и выставяющих свое тело на всеобщее обозрение. Знали бы мои скромные овечки, что одна из этих распутниц глубоко проникла в сердце и мысли их любимого мужа, а совсем скоро войдет и в его дом. Я ещё не определился, в каком качестве. Решение будет зависеть от ответов, которые мне даст мисс Доусон.

Автомобиль въезжает во внутренний двор, когда раздаётся звонок мобильного в кармане пиджака. Я автоматически отвечаю, не глядя на экран.

— Куда доставить *подарок*, сэр? — спрашивает незнакомый голос. Лимузин паркуется перед центральным входом. Водитель выходит, чтобы открыть для меня двери. Я делаю знак женам, чтобы выходили первыми.

— Хм... Я ничего не заказывал, — вероятно, ошиблись номером. На другом конце повисает молчаливая пауза. — Идите в дом, — приказываю женщинам, застывшим возле лимузина, ожидая меня. Дважды просить не приходится. Повиновение отцу, а потом мужу в анмарских семьях прививается девочкам с грудным молоком матери. Кротко кивнув, Аида разворачивается и направляется к лестнице. Лейла бросает на меня вопросительный взгляд и присоединяется ко второй жене, продолжая обеспокоенно оборачиваться.

— Подарок от одного влиятельного заказчика, — сухо поясняет собеседник. Адреналин взрывается в венах, когда я наконец осознаю, о каком «подарке» речь. Меня окатывает волной жара, резко выпрямляюсь, задерживая дыхание.

— Оперативно, — выдыхаю я. — «Подарок» не поврежден?

— Не стоит беспокоиться. Я гарантирую безопасную доставку «ценного груза». Назовите адрес.

Словно со стороны слышу свой намеренно бесстрастный голос, диктующий необходимые «курьеру» данные.

— Меня есть кому встретить? Сможете обеспечить доступ в дом?

— Да, я дам прислуге необходимые инструкции. Она вас проводит и покажет, где лучше всего расположить «ценный груз».

— Где оставить сопроводительные документы? — имеются в виду личные вещи Эрики. Сумочка, мобильный телефон и удостоверение личности.

— Передадите женщине, которая вас встретит.

— Благодарю, сэр. Уверен, что вы останетесь довольны моими услугами, и буду признателен, если сообщите об этом заказчику.

— Непременно, — сухо отзываюсь я, скидывая звонок. Мои пальцы слегка подрагивают от напряжения, когда, взглянув на таймер, я набираю номер Аделы. Почти полночь. Надеюсь, что она еще не спит и не включила мобильный на беззвучный режим.

— Джамаль? — почти сразу отвечает Адела. В ее голосе отчетливо слышатся удивленные нотки. Я впервые звоню так поздно.

— Доброй ночи, извини, что разбудил. У меня будет к тебе необычная просьба, — сдержанным тоном поизношу я, пытаюсь придумать разумное объяснение появлению в доме Эрики Доусон, которая вряд ли будет рада оказаться там. И учитывая обстоятельства, удерживающие Аделу в качестве моей домработницы, сложно рассчитывать на ее добровольное участие в моих планах. Необходима весома причина, перекрывающая жесткие методы.

— Все нормально, я не спала, — торопливо отвечает женщина. — Ты едешь сюда? Мне приготовить комнату? Подогреть ужин?

— Нет, послушай меня, пожалуйста. Сейчас подъедет человек, который привезет девушку...

— Эмили? — выдохнула Адела, не дав мне договорить.

— Нет, не Эмили, — мягко отвечаю я. — Ее зовут Эйнин, она горничная, помогала моим женам. Девушка кое-что совершила, и мне нужно, чтобы ты заперла ее в мастерской до того, как я приеду и лично во всем разберусь...

— Не понимаю. — снова обрывает меня Дела. Западные женщины совершенно не способны терпеливо слушать собеседника, не задавая глупых вопросов. Обычно я не обращаю особого внимания на некоторую беспардонность Аделы, но сегодня не тот случай. — Что значит заперла? Что она совершила?

— Дослушай меня, — с трудом сдерживая раздражение, с нажимом требую я. — Эйнин не в себе, но этот факт выяснился совсем недавно. Может, Аида с Лейлой и замечали странности, но мне ничего не говорили. Если коротко: Эйнин украла одежду и украшения моих жен, сбежала из дома и появилась на светском мероприятии, называясь другим именем. Девушка усердно пыталась добиться внимания наследного принца, явно пребывая во власти каких-то вымышленных иллюзий. Я тоже там был, и мне пришлось пойти на крайние меры, чтобы избежать скандала. Ты знаешь, как карается воровство в Анмаре?

— Д-д-да, — отрывисто отвечает перепуганная Адела.

— Я хочу избежать судебных разбирательств и решить проблему лично.

— Ты хочешь ее убить? — едва различимый шепот взывает у меня мрачную ухмылку. *Да, черт побери, собираюсь.*

— Нет, конечно! Аллах с тобой, женщина, — произношу с несвойственной мне горячностью. — Я похож на человека, способного убить женщину? Да ещё и безумную? Ее просто нужно запереть в мастерской до моего прихода. Она будет нести всякий бред, я прошу тебя не реагировать на провокации, не вступать в диалог и не выпускать девушку из комнаты. Я удалённо заблокировал окна, тебе нужно будет запереть дверь, вернуться в свою комнату и дожждаться меня. Все понятно?

— Да, но как я заставлю ее зайти в мастерскую?

— Об этом позаботится человек, который привезёт девушку.

— Хорошо, я сделаю, как ты говоришь, — помолчав, соглашается Адела, как мне показалось, с тяжелым сердцем. Уверен, что у ее остались десятки вопросов, но мой резкий нетерпеливый тон удерживает женщину от дальнейшей дискуссии.

— Отлично. Я приеду через пару часов. Быстрее не получится добраться. У меня ещё есть кое-какие дела дома.

— Я тебя поняла, Джамаль. Никаких разговоров с этой девушкой, запереть дверь и ждать тебя, — напряженно перечисляет женщина. Ей явно не по себе от моей просьбы, но, уверен, что она сделает все, как я сказал, несмотря на абсурдность озвученной версии.

— Все правильно. Ты умница, Адела. И еще... Тебе передадут сумочку девушки. Не стоит проявлять любопытство и заглядывать

внутри.

— Я бы никогда.

— Ни под каким предлогом. Это ясно?

— Да, Джамаль.

Закончив разговор, я даю себе минуту, чтобы выдохнуть и собраться с мыслями, вернуть пошатнувшийся самоконтроль. *Как только Эрика Доусон появляется в моей жизни, все выстроенные планы летят к чертям, и приходится срочно искать новые варианты. У нее талант создавать мне и самой себе массу проблем, решать которые я вынужден в одиночку. Понятия не имею, что она задумала, но совсем скоро выясню это. Самое главное сейчас — взять себя в руки и не придушить ее до того, как выясню, какого хрена она заявила в Анмар в качестве гостыи Искандера аль-Мактума, что она забыла в его дворце, насколько далеко они зашли в своих отношениях и как он вообще вышел на нее.* Мои возможности в данный момент ограничены. Кадер отстранил меня от работы, что значительно усложняет ситуацию. Я не могу использовать имеющиеся доступы и при этом не оставить следов. Сейчас у меня четкая и конкретная задача сейчас — не нарываться и не вызывать подозрений. Таиру необходима уверенность в том, что я нахожусь у него на коротком поводке, и я обязан поддерживать иллюзии полковника еще какой-то неопределённый период времени.

У меня накопился миллион вопросов, касающихся мисс Доусон, но не уверен, что смогу успеть задать хотя бы один, увидев Эрику снова, в обстановке, где никто не сможет меня остановить. И дело даже не в ревности, от которой темнеет в глазах и горит сердце.

— Сумасшедшая неугомонная стерва, — бормочу себе под нос, проводя по лицу ледяными пальцами. Так дерьмово мне не было даже когда я очнулся в реанимации после нескольких дней, проведённых в отключке. Я испытывал адскую боль, но был спокоен от мысли, что Эйнин вернулась домой, что она в безопасности. *А сейчас...*

Ярость вышибает здравый смысл, когда я вспоминаю, как Эрика вошла в зал ресторана в сопровождении принца, в платье, позволяющем всем собравшимся мужчинам пялиться на ее тело и истекать слюной. Я бы никогда не позволил ей явиться на публичное мероприятие в подобном виде, а Искандер не скрывал удовлетворения

от производимого его спутницей впечатления. Он вел себя так, словно Эрика его собственность, ценное приобретение, которым хочется покрасоваться перед окружающими. С моим умением считать эмоции было несложно понять по обращенным на Эрику взглядам принца, что он хочет ее, что, в принципе, неудивительно. Любой бы захотел. Но снисходительное превосходство, которое я увидел в его глазах, когда он смотрел на меня, красноречиво говорило о том, что Искандер в курсе нашего с Эрикой бурного прошлого, и его действия носят намеренный характер. Для него она не только экзотический трофей, приобретенный в другой стране, но и способ для достижения каких-то личных целей.

Я вздрагиваю, услышав щелчок закрывающейся двери со стороны водителя. Нервы ни к черту.

— Я ещё нужен вам сегодня? — спрашивает наемный водитель, занимая свое рабочее место и оборачиваясь ко мне.

— Нет. Я позвоню, если ты мне понадобишься, — покидаю салон лимузина и направляюсь к парадной лестнице. Никому я звонить не собираюсь. Возьму другой автомобиль и поведу сам. Один хрен охрана, приставленная Кадером, следует за мной по пятам. Я пытаюсь делать вид, что не замечаю сопровождающего кортежа и круглосуточного наблюдения, но с каждым днем мне сложнее мириться с постоянной слежкой. Чувствую себя чёртовой марионеткой, связанной по рукам и ногам. Запасы терпения на пределе. Дворецкий распахивает передо мной дверь, когда я поднимаюсь на последнюю ступеньку. Игнорируя приветствие, я прохожу в просторный холл и, сбрасывая обувь, поднимаюсь в свою спальню. Сейчас мне жизненно необходимо снять чертов смокинг, принять холодный душ, чтобы отрезвить голову. Надеюсь, к тому времени, как я соберусь покинуть дом, Лейла и Аида уже будут спать в своих комнатах. Я не готов к очередной порции женских претензий и подозрений. Но даже стоя под ледяными струями, безжалостно жалящими мое тело, я снова и снова прокручиваю в голове события этого дня. Соблазнительную улыбку Эйнин, предназначенную не мне, ее заинтересованный изучающий взгляд, обращенный на другого, откровенное платье, не скрывающее сексуальных изгибов тела, горящие хищным собственническим блеском глаза Искандера аль-Мактума, пожирающие *мою женщину*. Разыгравшееся воображение

идет дальше и дорисовывает то, что осталось за кадром. Она провела в его дворце несколько ночей. Мне известны нравы и вкусы наследника. Молодой, горячий, самоуверенный. У него нет проблем с женским вниманием, он избалован, пресыщен и не станет разыгрывать из себя джентльмена и устраивать хороводы вокруг какой-то одной девушки. Я слишком хорошо запомнил нашу вторую встречу с Эрикой Доусон в Нью-Йорке на вечеринке у Маркуса Флеминга. Если бы нам не помешали, я бы трахнул ее еще тогда. Мы оба находились на грани и хотели этого. Сжимаю ладонь в кулак, ударяя по мокрому кафелю, вспоминая, как она стонала, насаживаясь на мои пальцы, как кончала, запрокидывая голову и доводя меня до оргазма своей проворной ладошкой. Я был для нее всего лишь незнакомцем тогда, случайно попавшим в список подозреваемых, она всерьез думала, что я могу оказаться убийцей, и ее это не остановило от того, чтобы забраться в мои штаны. Черт, если с Искандером она проделывала те же фокусы... Из груди вырывается глухое рычание, и я упираюсь лбом в мокрую плитку. Чем холоднее становится вода, стекающая по лицу и плечам, тем неистовее растекается огонь ярости по венам. Вместо расслабления я получил обратный эффект. Меня трясет, когда я выхожу из душа, накинув на плечи полотенце, и я не знаю, чем вызвана дрожь — ледяной водой или испепеляющим гневом. Взгляд цепляется за собственное отражение в зеркале. Безумный одержимый взгляд, бешеное выражение лица. Черт, я не могу поехать к ней в таком состоянии. Впервые сам боюсь того, что могу сделать.

Рика

Терпеть не могу, когда в меня бесцеремонно вкачивают всякую химозную гадость. Сразу ощущаю себя пойманным в клетку диким, но беспомощным животным, чьи зубы и когти не способны противостоять орудиям пыток, имеющимся в арсенале изощренного браконьера. Мои навыки по борьбе и даже запрещенные приемы вроде «плевка в лицо» и «удара затылком по носу» — ничто, когда ты обездвижена, усыплена или парализована, а похититель при желании в любой момент может заткнуть твой рот дулом пистолета. Знаю я их методы — от работоторговцев «Шатров» можно ожидать чего угодно.

Поэтому я ненавижу зоопарки. Попав туда однажды в подростковом возрасте с обязательной школьной экскурсией, помню, как надолго зависла возле вольера с черной пантерой. Не отходила от него ни на шаг, наблюдая за метаниями экзотической кошки из стороны в сторону около двух часов. Первый час хищница измеряла шагами крохотный загон, «милосердно» выделенный ей руководством зоопарка, и утробно рычала, то и дело скалясь на зевающих или вскрикивающих от восторга гостей, пока не скрылась в искусственно созданном скалистом ущелье и покорно опустила голову на сложенные лапы с выпущенными когтями, которыми, судя по истребительному взгляду, явно мечтала растерзать своих обидчиков. До сих пор помню, как мое сердце обливалось кровью, когда я неотрывно наблюдала за ней, как зачарованная, прикованная к месту у тесного вольера, ощущая полное единение с красивым и гордым животным. В моем немом надзирательстве не было и капли восторга и интереса, что испытывали другие посетители. Лишь сочувствие, понимание и острое желание побороться с индустрией, нацеленной на лишение животных родного дома. Как минимум, перестать посещать зоопарки, как максимум — создать организацию, отстаивающую права животных на жизнь в естественной среде, даже исключая ловлю «единичных образцов».

Сейчас я ощущаю ещё большую близость с той подавленной хищницей и невольно вновь переживаю все оттенки страха, испытанные мной, когда находилась на расстоянии волоска от смерти. Парализована я снотворным или кураре «ядовитого любовника» — большой разницы нет, учитывая, что похититель всегда может «случайно» переборщить с дозой. В такие моменты — куда больше ценишь жизнь и осознаешь важность и радость каждого мгновения, которым не придаешь значения в череде стабильных и безмятежных будней. Подобные эмоциональные встряски, погружающие тебя далеко за пределы комфорта: похищения, балансирование на грани между спасением и полным уничтожением научили меня радоваться приятным мелочам и замечать прекрасное в самых простых вещах.

Как бы хреново мне ни было, в какую бы жестокую «мясорубку» ни завернула бы меня судьба... лучшее, что я могу сейчас сделать — это проснуться, осознать, где нахожусь, и поблагодарить Бога за то, что я жива, и над моим телом не надругались и не воспользовались,

бросив его в зыбучие пески Махруса. Я не ощущаю боли, никаких признаков ударов или вторжения в личное пространство, лишь слегка «штормит» после вколотого снотворного — все это сущий пустяк, по сравнению с тем, что рисовало мне мое воображение. Слабый шум волн, слышимый мной, словно сквозь призму толстого слоя льда, свидетельствует о том, что я все-таки не в «Шатрах», и это не может не радовать.

С трудом разлепляю веки, ладонями опираюсь на мягкую тахту, заваленную разноцветными подушками в восточном стиле. Я даже не знаю, смеяться мне или плакать... даже в столь подавленном, потерянном состоянии мне хватает всего одного взгляда на окружающее меня пространство для того, чтобы осознать, кому оно принадлежит, чьим присутствием пропитаны вибрирующие его энергией атомы, и кто прикасается к каждой вещи, рассказывающей о владельце комнаты.

Джамаль

И хватает одного вдоха полной грудью, чтобы окутаться им, ощутить его запах, на который мгновенно реагируют мои обонятельные рецепторы, подкидывая сознанию ряд ярких воспоминаний.

Чтобы окончательно убедиться в том, что не сплю, и я действительно нахожусь в мастерской Джамалья, я сгребаю в охапку одну из пухлых подушек и порывисто утыкаюсь кончиком носа в ее мягкую ткань.

Она пахнет его гелем для душа. Я в безопасности.

Так глупо.

Чувствую себя наркоманкой в «завязке», вновь дорвавшейся до вожделенной «дозы» после длительного перерыва.

«Я скоро его увижу», — с перебоями шепчет сердце и неистово бьется в груди, пока руки дрожат, а пальцы в хаотичном и нервном ритме сжимают его подушку. Следующий вдох причиняет мне агонизирующую боль, погружает в пучину противоречивых чувств, что я испытываю, предвкушая мгновение нашей встречи. слезы тяжелыми каплями опаляют веки.

Что стало с Эрикой Доусон, которая никогда не плакала, которая была такой сильной? Любовь сделала меня слабой, хрупкой, уязвимой и зависимой. Этого я всегда боялась, но, оглядываясь назад, я понимаю, что до этого ощущения — я не жила вовсе. Эрики Доусон больше нет... Медины, которая даже не помнит свою фамилию — тоже. *Меня нет.*

Точнее я сама уже не знаю, кто я. внутренний раскол, раздробивший мою душу на две части, разрастается и углубляется до катастрофических размеров.

Часть меня поет от радости, я ощущаю каждую иллюзорную и порхающую внутри бабочку, трепещущую в груди, другая же часть меня мгновенно превращается в выжженный гордыней, ревностью и «эго» тлеющий пепел. Соприкасаться с миром и вещами Джамала — все равно что прикоснуться к мечте, которую в самый счастливый момент все равно отнимут высшие силы.

Я много раз задавала себе эти терзающие душу вопросы: почему никогда не смогу понять его, покориться его воле, безоговорочно принять все его условия, включая прошлую жизнь Джамала и ее «последствия»?

Ведь есть доля правды в том, что Джейдан не виноват, что дважды вступил в брак до встречи со мной. И мне трудно поверить, что он влюблен хотя бы в одну из своих избранниц, учитывая тот факт, что прямо сейчас я нахожусь на закрытой выставке портретов Эрики Доусон.

Единственное, в чем я могу обвинять его — ложь. Он не сказал мне правду с самого начала. позволил мне влюбиться, слишком глубоко погрузиться и упасть в свой океан, встретить тот самый девятый вал с распростертыми объятиями в тот момент, когда стоило бы бежать без оглядки, чтобы в итоге не оказаться задыхающейся рыбкой, безжалостно прибитой к сухим прибрежным скалам.

Всем сердцем я хочу верить в то, что, несмотря на семейной положение, мой асад не испытывает к девушкам глубокого чувства, которое невозможно подделать, сымитировать... но даже если я забуду о гордости и приму этот «недостаток» с открытой душой, я никогда, никогда не смогу смириться с мыслью, что он будет «моим» лишь отчасти. Всё или ничего — вот мой девиз. Мне мало «половины» своего мужчины, я не хочу делить его ни с кем. Любовь

это или эгоизм — у меня нет точного ответа на этот вопрос. Но сейчас, когда Джамаль так по-варварски похитил меня из-под носа принца и напугал до смерти, очень трудно засунуть свой эгоизм в одно место и не думать о себе. Сажусь на тахте, медленным, плывущим взглядом изучаю окружающее пространство, подсвеченное слабым светом настенных светильников голубого оттенка. Полукруглая мастерская при таком освещении озаряется имитацией сумеречного света. «Тайная комната» Джейдана отчасти стилизована под лофт и представляет собой настоящее убежище его создателя, целый бункер со всем необходимым для жизни. В случае атомного взрыва здесь можно просто закрыться и скоротать годик-другой и чувствовать себя как дома: возможно, такое впечатление создается за счет разбиения мастерской на зоны, удовлетворяющие все потребности ее владельца.

Первое, что цепляет мой взгляд — это мои глаза. Они повсюду. Не сосчитать. На каждом портрете, расположенном на расстоянии досягаемости моего взора: улыбающиеся глаза Эйнин, грустные глаза Медины, полные желания и жажды глаза, принадлежащие развратной и смелой Эрике Доусон. Глаза полуприкрытые, загадочные. А вот и наполненные надеждой и верой глаза маленькой девочки, с ног до головы обьятой паранджой. В какой бы позе я ни представала на портретах Джамалья, глаза — остаются «кульминацией» каждой из его работ. В них все: его отражение, оживляющие прикосновение Творца, искра жизни, финал и исход работы. Именно детальная проработка малейших штрихов, отблесков и серебристых вкраплений в голубых очах делают меня на его картинах такой живой... сердце затягивает в тугой узел, сжимает в жгучих тисках, и мне становится труднее дышать, потому что я не могу поверить в то, что он видит меня такой — красивой, разной, неутомимой, а главное — настоящей. Джамаль видит меня насквозь. Но не потому, что обладает способностью читать абсолютно всех, а потому что мы оба отражаем все лучшее и худшее, что в нас есть, яростным фонтаном эмоций выплескивая это во внешний мир, оставаясь друг для друга обнаженными душой.

Чтобы вновь обрести способность дышать, я резко перевожу внимание с портретов и изучаю другие атрибуты, погружающие в незабываемую атмосферу мастерской: пепельница, до краев наполненная окурками, одиноко скучающая на барной стойке, за

которой хранится годовой запас элитного виски. Душевая кабина и туалет, расположенные за серой портьерой, на которой отчетливо редуют пятна от красной краски. В остальном, в комнате царит абсолютный порядок, все пространство пропитано любовью к нему, чистотой и уютом, не считая небольшого хаоса из разбросанных кистей у одного из незавершенных портретов, над которым Джамаль работает прямо сейчас. И судя по не до конца засохшей в некоторых местах краске, он активно пишет эту картину. На холсте я вижу себя: мои ладони обхватывают запрокинутую голову, вокруг меня плавают огромные, пестрящие яркими цветами своей чешуи рыбы. Глаз здесь почти не видно, но больше внимание Джейдан уделил моему нагому телу, воспроизведя на холсте каждый шрам, родинку, полоску на теле от загара, не оставил без внимания рельеф на ореолах сосков и едва заметные вены на моей шее, которые становятся более видимыми в подобной позе.

Прозрачная душевая кабина, отель «Океан»... нетрудно догадаться, каким эпизодом из жизни вдохновлялся Мастер, когда писал эту картину.

Даже не знаю, стоит ли мне радоваться такой одержимости, как некому подтверждению его чувств?.. Кто знает, где я нахожусь, и сколько еще в доме комнат и таких же мастерских, но с портретами его жен?

С шумом выдыхаю, сквозь сжатые зубы ощущая острую боль, врезаясь ногтями во внутреннюю сторону ладони. Сжимаю кулаки сильнее, стараясь держать себя в руках. Не в силах более бороться с ощущением сухости во рту — последствия введенного мне вандальным путем препарата, подбегаю к барной стойке и дрожащими пальцами наливаю себе полный стакан воды, жадными глотками опустошая его до дна. Вздрагиваю, непроизвольно вжимая голову в плечи, как только слышу подозрительно тихий и неприметный звук шагов, источник которых находится прямо за дверью. С раздражающим звуком выпавший из моих ослабевших пальцев стакан разбивается вдребезги.

Со скоростью пантеры преодолеваю расстояние до двери, со всей дури замахиваясь на пресловутую преграду, ударяю по ней напряженными кулаками: — Эй, вы меня слышите? Кто-нибудь!

Выпустите меня! Немедленно выпустите меня! Похищение человека незаконно! Я гражданка США и пребываю на территории Анмара под покровительством принца Искандера Аль-Мактума! Джамаль Каттан опасный преступник, и он заплатит за это похищение! — пытаюсь напугать одну из жен или служанок Джейдана. Желание встретить его с привычным достоинством и в «вольном» облики слишком велико, чтобы смириться с ролью, похищенной и загнанной в угол зверушки.

Женщина, находящаяся по ту сторону двери, отвечает мне не сразу, а лишь спустя минут пять моих яростных и требовательных попыток вырваться из заточения.

— Джамаль сказал, что вы совершили п-преступление, — заикаясь, неуверенно произносит женщина на чистом английском, если верить моей интуиции, тридцатипятилетнего возраста или около того. Думаю, что это прислуга Джамала. Элементарная логика подсказывает, что женам Джейдана не больше двадцати семи лет.

— Какое ещё преступление? Преступление — похищать человека и запирает его в камере! Прошу, выпустите меня. Иначе будет хуже. Искандер Аль-Мактум так этого не оставит! — продолжаю наступать и заваливать железными аргументами, прислушиваясь к звукам: моя невидимая собеседница переступает с ноги на ногу, явно терзая себя сомнениями.

— Джамаль сказал, что вы находитесь в невменяемом состоянии и слушать вас нельзя. Вас ждет наказание за кражу бесценных вещей, принадлежащим его женам. Поймите меня, вы совершили нехороший поступок, и я не могу вас выпустить, — немного виноватым и извиняющимся голосом выдает ответ женщина, и я прямо-таки чувствую, как внутренне она и сама мечется, не до конца веря в тот бред, что обрисовал ей Джейдан.

Так вот, значит, как? Я — обезумевшая воровка, обобравшая его жен? Похитил меня, усыпил в стиле нелюдей из «Шатров», еще и облил грязью?

Мгновенно вспыхиваю, со всей силы вновь ударяя кулаками по двери. Тут же непроизвольно вскрикиваю, потирая костяшки пальцев от ноющей боли.

— Украла вещи его жен? Он что, совсем охренел?! — не выдерживаю клопочущей ярости, начиная сотрясать воздух бурей негодования. — Сдались мне их побрякушки! — единственное, что я

хотела бы украсть у жен Джамала, это его время, внимание и законное право называть его только своим. Все нематериальное, связанное с ним.

— Извините, но я не выпущу вас! Не имею права, — твердо заявляет женщина, отправляя в нокаут мои надежды на встречу Джамала во «всеоружии». — Все, я ухожу. В холодильнике есть свежая еда, — и, не обращая внимания на мою бурную борьбу с проклятой дверью, служанка Джамала покидает меня под неуверенный аккомпанемент слабых понурых шагов.

Окончательно растратив свои силы, я цепенею, в очередной раз царапнув костяшками пальцев по твердой поверхности, опускаю руки, медленно прижимаюсь лбом к преграде, разделяющий этот творческий «бункер» от внешнего мира.

Воровка. Обобравшая его жен...

Резко запускаю кончики пальцев в волосы, пытаюсь хоть как-то оправдать подобный бред и клевету. Ничего не получается, как ни крути, все это чертовски унижительно, словно я для него жалкая шелуха, в сравнении с его прекрасными арабскими женами, наверняка невинными, покорными и вечно заглядывающими ему в рот, кивающими в такт его словам и приказам, словно безвольные болванчики.

Если такой меня хочет видеть Джамаль, то ему нужна не я. Это могу я сказать со стопроцентной уверенностью.

Внезапный приступ немого удушья заставляет меня схватиться за кольцо, подаренное Искандером, раскаленным металлом, обжигаящим кожу. Нервно дрожащими пальцами пытаюсь совладать с застежкой, задыхаясь от переполняющего меня чувства несправедливости, ненужности и никчемности.

Если Джейдан думает, что так выпадит предложение руки и сердца, то он ошибается. Принять его бесценное и снисходительное предложение стать его третьей женой или чего ещё хуже — стать любовницей и фавориткой его личного гарема — выше моих сил, и согласиться на подобную жизнь — все равно что положить ледяную глыбу себе на горло и пытаться дышать.

Дамба моего самообладания взрывается за секунду, выплескивая из берегов водопад сокрушительных эмоций, способных уничтожить эту долбаную мастерскую и погрузить ее на самое дно. Мне хочется

вцепиться в шею Джейдана острыми когтями, бесконечно драться с ним, получая маниакальный кайф от его силы, которой я не могу, не способна противостоять...

Я сама не замечаю, как в моих руках оказывается небольшой стул, который с остервенением и бешеной скоростью летит прямо в окно. Мои губы расплываются в блаженной улыбке, когда я мысленно предвкушаю вид разбитого стекла и фактически ощущаю порыв свежего воздуха, бьющего по лицу. Как бы не так. На вид хрупкий материал стойко выдерживает мой выпад, а вот ножка от стула с глухим звуком ломается и отлетает в другой конец комнаты.

Я действую быстро, порывисто, полностью отдаюсь эмоциями, что взрываются внутри меня, словно подземные гейзеры, и фонтаном выстреливают во внешний мир, испепеляя участки земли и прилегающие территории. Мои сознание и тело буквально объаты яростным паром, который я незамедлительно начинаю выпускать на все, что меня окружает — бессознательно хватаю попадающиеся мне в руки баночки с красками и выплескиваю их на пустой холст, пол, и рабочий стол Джейдана, превратившийся в кашеобразное цветное месиво. Следующими жертвами моих пыток становятся бесконечные кисти Джейдана, и невольно я представляю возможные кадры из жизни, где его «кисть» принадлежит одной из этих женщин.

В момент, когда хочется взвыть от отчаяния, я подавляю в себе этот крик и откидываю деревянные щепки в сторону.

— Я никогда не смогу спокойно проглатывать твои оскорбления, Джамаль Каттан! Для этого у тебя есть твои идеальные, послушные, покладистые жены... слышишь меня? На этом — у меня все, — если бы у меня спросили, помню ли я хоть что-нибудь из следующих проведенных в выплескивании своего гнева пятнадцати минут, я бы сказала, что не помню ни секунды. Словно внезапное торнадо, закручиваю в воздушную спираль почти каждую вещь Джамала и прихожу в себя лишь в тот момент, когда кидаюсь к одному из своих портретов, переполненная намерением разодрать все их в клочья, и начать с него. мой взгляд находит отражение глаз Эйнин. Моих глаз. Мое лицо скрыто никабом, и я вздрагиваю, отчетливо припомнив день, когда отец впервые заставил меня надеть его в довольно раннем возрасте, и строго наказал:

«Ты должна носить никаб с гордостью, Медина. Такую красавицу, как ты, ждет раннее замужество, тебе нужно привыкать. Я найду тебе самого лучшего и сильного мужа. Такой никогда не будет делить твою красоту с другими. Ну и мне так спокойнее, дочь. Я вижу, как смотрят на тебя в городе, и мне это не нравится. Как бы кто не украл.»

Так же, как на этом портрете, я выглядела в тот день, который навсегда изменил, но связал наши судьбы. Окончательно обессилив, я вдруг падаю на колени, едва успеваю защитить кости от силы удара, перенеся вес тела на ладони.

Слезы беспощадной кислотой стирают с лица тяжелый макияж и я не замечаю, как безобидные всхлипы превращаются в настоящую истерику. Как мне избавиться, как вылечиться от того, что нам предначертано, если не могу согласиться с таким вариантом исхода наших чувств? Подобное будущее — лишь тень того, что мы могли бы обрести с Джамалем, не случись на Земле никогда Аззамаского теракта. Я бы хотела остаться Мединой, хотела бы быть его единственной женщиной. Уверена, наше знакомство все равно рано или поздно состоялось бы. Первой и последней... почему-то, когда действительно влюбляешься в человека, это становится действительно важным.

Устав от непрерывного потока мыслей, я наконец доползаю до мини-бара и наливаю себе целый стакан дорогущего виски, явно не жалея горючую жидкость и свою печень. Поморщившись, слегка пригубив, резко опустошаю до дна, ощущая, как алкоголь горючит горло и грудь.

Опираясь на один из кухонных ящиков, повторяю свой незатейливый коктейль. Только таким способом сейчас возможно ослабить напряжение от ожидания предстоящей экзекуции Джейдана.

Уверена, он найдет для меня «пару ласковых», когда увидит, что я натворила в его святыне.

ГЛАВА 6

Джамаль

Спустя три часа я въезжаю в автоматически открывающиеся ворота загородного дома, построенного для девушки, одно имя которой в данный момент вызывает во мне ядовитый коктейль ярости, ревности и неконтролируемого гнева. Бросив серебристый Лексус у черного входа, я стремительно поднимаюсь по небольшой лестнице, ведущей к двери. Негнущимися от напряжения пальцами, прислоняю ключ к замку и прохожу внутрь тускло освещенного коридора. Прислонившись к стене, перевожу дыхание, пройдясь ладонью по включенным волосам.

Пару часов назад ценой невероятных усилий мне удалось привести эмоции в равновесие, но один звонок вездесущего Кадера, заставший врасплох на середине пути, свел все мои попытки к противоположному эффекту. Таир решил убедиться, что я оценил его щедрость, и в качестве ещё одного жеста доброй воли, скинул мне отчет своих шпионов, приставленных к Искандеру аль-Мактуму. Я едва не въехал вдвигающийся передо мной черный Мерседес, бросив всего один взгляд на полученные электронные документы. Пришлось припарковаться на обочине, чтобы изучить собранную следопытами Кадера информацию. Каждая строчка и вложенные фото и видео файлы взрывали выстроенные внутри бастионы самоконтроля, пока не уничтожились напрочь, заменив на первобытную ярость обманутого любовника.

Никогда не чувствовал себя идиотом, но Эрике удалось познакомить меня и с этим незнакомым мне ощущением, как и с многими другими, которые я не испытывал до встречи с бесстыжей сукой. Мне понадобилось полчаса на то, чтобы изучить предоставленную в отчете информацию, и ещё столько же на сопоставление данных с имеющимися фактами, которые говорили отнюдь не в пользу экс-агента американской разведки Эрики Доусон. Хотя начало казалось достойным уважения.... Как я и предполагал, ее действительно уволили из Управления после закрытого внутреннего

расследования. И всю свою буйную энергию она направила в новую сферу интересов. Благотворительность, волонтерство, помощь детским домам. Эрика забросила модельную деятельность в сетях, удалив все откровенные снимки, и начала активно призывать подписчиков к участию в сборе средств в пользу нуждающихся детей. Похвальное рвение, правильная расстановка ценностей. Повзрослела девочка, взялась за ум, сменила ориентиры. Как бы не так.

Благородные порывы закончились с появлением Искандера аль-Мактума. Он нашел ее в одном из благотворительных центров. Они встречались несколько недель. Рестораны, кино, выставки, прогулки по городу, цветы, подарки — стандартный набор для зарождающейся интрижки. Принц покинул Нью-Йорк первым, и спустя некоторое время Эрика прилетела в Асад на его личном самолете, сообщив родным, что едет к любовнику. Сам Искандер не спешил афишировать отношения с бывшей американской шпионкой, и окружению представил гостью, как будущего руководителя, строящегося детского реабилитационного центра. В Асаде полно отелей и апартаментов, на территории резиденции Искандера находится не одно здание, однако он поселил ее во дворце, в котором проживает сам. Зачем? В целях экономии? Смешно, учитывая, что выкупленное на аукционе для Эрики алмазное кольцо стоит три миллиона долларов. Такие подарки не дарят наемным сотрудникам, случайным знакомым и даже любовницам. Чтобы заслужить благосклонность Искандера аль-Мактума, его щедрость и привязанность, надо сильно постараться. А в том, что Эрика Доусон способна удержать внимание мужчины, взяв его за яйца в прямом и переносном смысле, я убедился на собственном опыте.

Она спит с ним. Уверенность в сделанных выводах плотно осела в голове, прожигая огромную черную дыру в области сердца. Бог свидетель, я не знаю, что может ее спасти этой ночью от моего гнева. В текущий момент времени мне неважно, зачем она связалась с Искандером — по своей прихоти, приказам сверху, или назло мне. Какими бы ни были цели Эрики Доусон, они не оправдывают использованные средства для их достижения. Если я не убью ее сразу, то, возможно, дам шанс объяснить, кто она такая, черт возьми. Я придумал себе несуществующий образ, не желая прощаться с призраком невинной спасенной девушки. Я мог бы защитить ее от

любого внешнего зла, используя силу и имеющиеся возможности, но от темноты, находящейся внутри, спасти невозможно, если она сама этого не захочет.

Вложенный в отчет видеофайл стал финальным штрихом, уничтожившим последние сомнения. Он был снят всего несколько часов назад. На аукционе, где мисс Доусон стала счастливой обладательницей самого дорогого лота из коллекции «Лакшери Корп» с говорящим названием «Страсть Афродиты». С камеры видеонаблюдения был изъят момент, где принц застёгивает ожерелье на шею своей спутницы. Он вплотную стоит за спиной Эрики, лаская пальцами ее кожу, склоняется, прижимаясь губами сначала к волосам, потом к открытой линии шеи. Она не сопротивляется, не шипит и не дерзит, не выпускает когти, позволяя ему лапать себя, прижиматься вплотную, вылизывать шею. Лицемерная расчётливая сука. Я несколько раз просматривал, как она с милой улыбкой благодарит его за подарок, целуя в щеку. Удивительно, как быстро испарился стервозный гонор своенравной пантеры рядом с наследным принцем, превратив ее в кроткую текущую кошку.

Весь оставшийся путь я боролся с желанием развернуться и поехать в обратном направлении. Остыть, успокоиться.... Наверное, это было бы мудрым и правильным решением, но стоило вспомнить благодарную улыбку, с которой она целовала Искандера, как я прибавлял скорость, до скрипа сжимая ни в чем неповинный руль.

— Джамаль? — встревоженный голос Аделы мгновенно возвращает меня в реальность, напоминая, что я все-таки добрался до конечного пункта. Вскинув голову, я вопросительно смотрю на бледную перепуганную женщину, сжимающую в руках серебристый клатч. Ее взгляд отчаянно ищет на моем лице хоть какое-то объяснение происходящему. — Я не заглядывала внутрь. Сделала все, как ты сказал.

— Дом под видео-наблюдением. Я проверю. Не сомневайся. Давно ее привезли? — бесстрастно спрашиваю я, забирая сумочку Эрики.

— Через несколько минут после твоего звонка, — тихо произносит Адела, все так же сверля меня настороженным взглядом.

— Сильно кричала? — разувшись, я справляюсь к боковой лестнице, ведущей на верхние этажи. Адела семенит следом.

— Нет. Девушка спала. Мужчина отдал мне клатч и отнес ее на руках в мастерскую. Я заперла двери и спустилась в гостиную, чтобы дожидаться тебя, — докладывает Адела и добавляет шепотом: — Я не могла оставаться в своей комнате. Мне было жутко страшно, Джамаль, — остановившись, я оборачиваюсь, окидывая ее спокойным сдержанным взглядом.

— Я же сказал, что не о чем беспокоиться. Эта горничная — только моя проблема, — твердым тоном заверяю я всполошившуюся Аделу.

— Она почти сразу проснулась, и начала барабанить в двери. Умоляла выпустить, кричала, что ее похитили, обвиняла тебя в страшных вещах. Потом раздался жуткий грохот, словно она крушила мебель. Сейчас все вроде тихо, но я все равно беспокоюсь.

— Я тебя предупреждал, что именно так и будет, — прищурившись, я изучающе рассматриваю растерянное лицо женщины. — Ты же не говорила с ней через дверь?

— Нн-нет, — качает головой, отводя взгляд в сторону. Лжет. Говорила. Черт, неужели так трудно следовать прямым указаниям?

— Давай ты пойдешь в свою комнату, ляжешь спать и позволишь мне решать личные дела без твоего участия,

— стальным тоном проговариваю я, и Адела бледнеет ещё сильнее, обхватывая себя руками.

— Эта горничная похожа на девушку, которая изображена на портретах в мастерской, — невнятно бормочет женщина. — Я всего один раз взглянула, но мне показалось...

— Тебе показалось, — резко отрезаю я. — А теперь иди в свою комнату и забудь обо всем, что сегодня произошло. С девушкой все будет в порядке.

— Точно? — сдавленно спрашивает Адела, поднимая на меня мученический взгляд. Выгнув бровь, кивком головы указываю направление, в котором ей следует исчезнуть, пока я не потерял терпение. Тяжело вздохнув, женщина выполняет мое требование.

Дождавшись хлопка двери ее спальни, я поднимаюсь на верхний этаж, большую часть которого занимает моя студия. Остальное пространство разделено между спортзалом и традиционным кабинетом с рабочим столом, полками с книгами и сейфом. В первую очередь направляюсь именно туда. Нет, я не оттягиваю неизбежное, а

собираюсь обеспечить сохранность личных вещей мисс Доусон. Открываю замок при помощи карты, в кабинете автоматически вспыхивает яркий свет. Прохожу к столу, и открыв клатч, вываливаю содержимое на натертую до блеска столешницу, попутно замечая, что, несмотря на размеры дома, Адела идеально справляется с уборкой. Мобильный телефон Эрики убираю в верхний ящик стола. Он может мне пригодиться в ближайшее время. Документы, банковские карты, ключи, разрешение на пребывание в Анмаре и удостоверение личности запираю в сейфе. Среди оставшихся на столе женских мелочей, вроде зеркала, помады и расчёски замечаю знакомые «шпионские гаджеты» агента Доусон, которые она использует в особо важных расследованиях.

Смазка и презервативы. И нет, бл*дь, это не шутка. Ожесточенно стискиваю челюсти, в глазах темнеет от нахлынувшей волны ярости, нарастающая пульсация в висках причиняет физическую боль. Шипованные, ультратонкие. Целых четыре штуки в упаковке. Из пяти, мать ее. Один, видимо, успела использовать по назначению.

Я устрою этой суке допрос с пристрастием. Она его долго не забудет.

Сунув тюбик со смазкой и презервативы в задний карман джинсов, оставшиеся побрякушки выбрасываю в урну и стремительно покидаю кабинет. Твердые шаги про мраморному полу звучат оглушительно в гнетущей тишине. Плевать, пусть дрожит и готовится. Десять метров по узкому коридору, и я на месте. Останавливаюсь перед запертой дверью, невольно прислушиваясь. По-прежнему подозрительно тихо, ни единого шороха. Только неровный стук моего сердца и прерывистое дыхание. Смирилась со своим положением или решила побереечь голосовые связки до моего прихода? Позже я посмотрю, чем она занималась, пока меня не было, и заодно проверю, что Адела успела сболтнуть.

Эрика

Я не знаю, сколько времени провожу на полу, точнее будет сказать — полбутылки виски спустя. Эмоции поутихли, чувствую себя опустошенной, ощущая, как свинцом наливаются веки, но как только

закрываю глаза, не могу уснуть из-за вращающихся перед внутренним взором черных спиралей, провоцирующих обострение вполне обоснованного чувства тревоги. Кажется, в душе воцарился долгожданный штиль, дыхание восстановилось, но что-то мне подсказывает, что это лишь краткое затишье, перед тем, как маятник эмоциональных качелей вновь начнет метать все внутри из стороны в сторону.

Окончательно прихожу в себя, фактически мгновенно трезвею, когда сознание начинают простреливать жесткие звуки тяжелых шагов, сотрясающие не только мое нутро, но и стакан, по стенкам которого неровным ручейком стекает недопитая капля виски.

Ближе, еще ближе. Совсем рядом.

Я чувствую приближение асада, каждая клеточка моего тела болезненно-приятно вспыхивает, вибрируя в предвкушении. Сердце превращается в отбойный молот и колошматит по грудной клетке так быстро, будто хочет растратить все свои ресурсы до встречи с Джейданом и на хрен убить меня прежде, чем это сделает он. Мое тело прекрасно помнит и намекает, как мне вести себя в его присутствии, включая защитные механизмы, которые сделают меня более спокойной, мягкой и покладистой к моменту переплетения наших взглядов.

Джамаль намеренно спокойно открывает дверь, но закрывается она с чудовищным звуком пушечного залпа. Босыми ногами, уверенной походкой хищника он пересекает заляпанный краской пол, включает свет и, судя по легкому оцепенению, внимательно осматривает картину «последний день Помпеи», которую я «написала» в его студии голыми руками. Я не сразу осмелилась поднять свой наверняка влажный и пьяный взгляд к его лицу, медленно поведя его по бедрам Каттана, объатыми джинсовой тканью. Фиксирую взор на пряжке ремня без логотипов и излишеств, подавив внутри судорожный выдох, смотрю чуть выше — на белую футболку Джейдана, обтягивающую и обрисовывающую мышцы поджарого пресса. Они на мгновение сжимаются, и я чувствую, как у Джамала одновременно со мной перехватывает дыхание.

Что он чувствует сейчас? Ярость? Предвкушение от встречи со своей... любовницей?

Трудно называть себя иначе, учитывая положение вещей.

Боюсь всех проявлений его эмоций, и одновременно страстно желаю вступить с ним в любой контакт. Пытаюсь отогнать мысль о том, что его тело — мощное, источающее силу, уверенность и непоколебимость в принимаемых решениях, принадлежит другим женщинам.

Тело... да. Но мне он отдавал гораздо больше. Остатки виски напрочь отрубают критическое мышление, и я не знаю, почему вижу, его ещё более красивым, чем в момент нашей встречи, когда он без единого сомнения, принял на себя, предназначенный мне удар пули... я скучала до смерти, мой асад. Я умирала без тебя.

Я умираю и сейчас, от счастья, что воочию вижу тебя живым и здоровым, и погибаю от невозможности кинуться тебе на шею, прижаться к широкой груди, провести губами по шее, одурманить хаотичными и жадными поцелуями, признаться тебе в том, что умирала, умирала, умирала... слышишь? Без тебя. Мешает пресловутый раскол. Не могу я наступить на горло гордычке Эрике, не могу проявлять свою нежность, заботу, любовь и ласку, без оглядки на обидные факты.

И не могу не любить, не могу не испытывать благодарности и восхищения. Должно быть, это и есть любовь — просто хаотичный набор противоречивых чувств, оставляющий после себя фейерверк непохожих друг на друга послевкусии от каждого плотка.

Не вижу в нем недостатков, не хочу замечать. Яростный взгляд Джамала, яростно бугрящиеся над линией челюсти желваки... все внутри меня дрожит, сведенные лопатки ноют от боли. Невольно кусаю губы, но не подаю и звука, пряча лицо в сомкнутых коленях.

Он жив.

И, судя по взгляду, собирается убить меня прямо сейчас.

ГЛАВА 7

*«Он целовал её так, словно у неё во рту
был запас кислорода, необходимый для
поддержания жизни...»*

Джена Шоуолтер

Джамаль

Дверь за моей спиной закрывается с автоматическим щелчком, прозвучавшим в тишине, подобно выстрелу. В мастерской царит полумрак, в ноздри ударяет резкий специфический запах, словно кто-то разом вылил все содержимое тюбиков с красками и сверху полил лаком и растворителем. Дышать невозможно и небезопасно. Неприятное предчувствие только подстегивает бешеную ярость, заставляющую все мышцы тела наливаться свинцовой тяжестью. Достав телефон, парой нажатий включаю систему кондиционирования на максимум и усиливаю подсветку настенных светильников. Сделав шаг вперед, вступаю во что-то вязкое, и в изумлении застываю, зрительно оценивая урон, причиненный моей мастерской. Приглушенное тусклое освещение не скрывает, а скорее придает мрачности царящему вокруг меня погрому. Перевернутые стеллажи и выпотрошенные ящики с реквизитом и инвентарем, разлитые повсюду масляные и акриловые краски, сливающиеся в многоцветную палитру, разбросанные банки и тюбики, заляпанные красками бумажные эскизы и наброски, сделанные графитовыми карандашами, которые, кстати, тоже пострадали, как и кисти... С последними мисс Доусон расправилась с особой жестокостью. Видимо, не простила им навеянных воспоминаний. Валяющийся возле окна стул пострадал еще сильнее — судя по сломанной ножке, им пытались безуспешно разбить пуленепробиваемые стекла. Взгляд метнулся к картинам, развешанным на стенах и составленным на пол. Не тронула...

Почему, черт побери, я не предусмотрел, что она захочет разнести тут все в щепки? Резко оборачиваюсь на станковый мольберт. Тоже невредим, словно разрушительная стихия внезапно смиростивилась и обогнула его стороной. И незаконченный портрет не имеет бросающихся в глаза следов порчи. Надо отметить, что мисс Доусон подошла к нанесению ущерба со скрупулёзной избирательностью. *Теперь я просто обязан ответить ей взаимностью. Я тоже могу быть очень избирательным и... изобретательным.*

Особый подход и незабываемые впечатления гарантированы.

Мрачно ухмыльнувшись, прохожу в середину мастерской, пытаюсь найти взглядом затаившуюся и притихшую виновницу устроенного хаоса и одновременно стараясь не вляпаться в очередное масляное пятно. Циркуляция разливающего в крови гнева достигает своего пика, превращая все тело в один оголенный нерв, когда я наконец замечаю ее возле барной стойки. Она сидит на полу, опустив голову и согнув ноги в коленях и опираясь спиной на каменную перегородку. Темные спутавшиеся волосы частично скрывают ее лицо. Рядом валяются небрежно брошенные туфли. Платье, руки и ступни покрыты пятнами от красок, которыми Эрика щедро поливала полы. Ни малейшего намека на страх, абсолютно расслабленная поза.

Выпустила пар и вздремнуть решила? Да, ты безумна, девочка.

Ярость клоочет в горле, и я с трудом подавляю злобное рычание. Пружинистой хищной походкой подкрадываюсь ближе, и натываюсь взглядом на откупоренную бутылку виски у нее под боком и пустой стакан. А вот и объяснение невозмутимого спокойствия. Хитрая, наглая, лживая сука. Сначала перевернула тут все вверх-дном, потом залезла в мини-бар и приняла изрядную дозу анестезии, чтобы с наименьшими потерями пережить наказание за содеянное. Не поможет, кхара. Забыться и забыть не получится.

— Встань! — рявкаю я, не узнав собственный голос. Она вздрагивает, скидывая голову, с трудом разлепляет замутненные алкоголем глаза. Чувственные губы складываются в рассеянную блуждающую улыбку. Эта дрянь пьяная в стельку.

— О, сам повелитель кисти пожаловал, — растягивая слова, произносит Эрика, хлопая длинными ресницами. В неестественно блестящих голубых глазах отсутствующее выражение. — Прости, я их

все сломала. Было непросто, но я справилась, — с губ девушки срывается смешок, и она разводит руками. — Нельзя запирать обобравшую твоих жен воровку в комнате со столь ценными инструментами. Что не унесет, то испортит. Так что сам виноват. Надо думать, кого впускаешь в свою святая святых.

Она, бл*дь, издевается или действительно настолько бесстрашная? Или решила, что я подходящий объект для шуток и насмешек? Жить надоело? Или это такая особая форма самозащиты? Действие алкоголя способно затуманить мозг и значительно ограничить инстинкт самосохранения, но не полностью же.

— Я сказал, встань! — повторяю на тон ниже. Моя внешняя сдержанность так же насквозь фальшива, как и ее нелепая бравада. Ладони инстинктивно сжимаются в кулаки, футболка натягивается на бугрящихся бицепсах, сердце грохочет в груди с бешеной силой, скулы ломит от длительного напряжения. Все эти симптомы не сулят ей ничего хорошего. Никто и никогда не доводил меня до неконтролируемого зверского состояния. *Хотела, бл*дь, быть особенной? Будешь.*

— Я не могу... — снова разводит руками, и замолкает, когда наши взгляды сталкиваются, образуя между нами рассыпающийся искрами поток темной энергии. Не знаю, что она видит на моем лице, но улыбка ее медленно гаснет, а вместе с ней исчезает и пьяная неуместная смелость. Эрика застывает, задерживая дыхание и неотрывно глядя мне в глаза. Пальцы нервно стискивают подол платья. Страх разливается по щекам неестественной бледностью. Тишина давит на барабанные перепонки, пульсирующее в мышцах напряжение требует выхода, мощного взрыва, за которым последует облегчение.

— Встань! — третий раз я повторяю приказ почти шепотом, точно зная, что на этот раз она меня поймет правильно. Эрика судорожно вздыхает, вздрагивая всем телом. Я, как приготовившийся к прыжку хищник, улавливаю беспомощность и нарастающую панику жертвы.

Опираясь ладонями о столешницу барной стойки, она неуклюже пытается подняться, но ноги не слушаются, находятся в диссонансе с протрезвевшим мозгом, и ее слегка штормит из стороны в сторону. Настороженный испуганный взгляд по-прежнему прикован к моему лицу. Под глазами подтеки туши, платье больше напоминает грязную

тряпку, чем элегантный сексуальный наряд. Ничего общего с грациозной надменной красавицей, которая всего несколько часов назад гордо выхаживала под взглядами пускающих слюни мужиков и раздавала улыбки наследному принцу.

— Ты похитил меня! Ты не имеешь права... — она осекается, когда я делаю шаг вперед, сокращая расстояние между нами.

— Заткни свой рот, или я сам это сделаю, — мрачно предупреждаю я, сверля ее стальным взглядом. Расправив плечи, Эрика отчаянно старается удержать равновесие и не выдать своего страха. Остатки гордости все ещё читаются в дрожащем вздернутом подбородке, но мы оба знаем, что она проиграла.

— Я... — срывается с побледневших губ. Мне кажется, что слышу, как гулко и быстро колотится ее сердце.

— Последнее предупреждение, — ещё один шаг в ее сторону, и она испуганно замолкает, но... ненадолго.

— Меня будут искать, — она непроизвольно дотрагивается до своего ожерелья. Бьющаяся голубая венка на горле и блеск алмазов в эксклюзивном колье срывают невидимую пружину, выпуская на волю кровожадного обезумевшего дракона, готового разорвать любого, кто встанет сейчас на его пути. Яростно зарывчав, я бросаюсь вперед. Одним молниеносным движением разрываю украшение за три миллиона долларов, швыряя его на пол, алмазы со стуком разлетаются в стороны, как дешевые стекляшки. На ее шее остается красный след, и Эрика обреченно всхлипывает, прижимая ладонь к горлу, хватая ртом воздух, мелко дрожит, вжимаясь лопатками в столешницу. В огромных зрачках плещется неподдельный ужас и запоздалое осознание, что на этот раз не подействуют ни ее слезы, ни мольбы, ни лживые слова.

— Не расстраивайся, облапошишь другого идиота, который подарит тебе новое кольцо, — жестко ухмыльнувшись, с треском разрываю тонкое платье от выреза до бедер. — Оно все равно было испорчено, — еще один ядовитый комментарий, и я резко сдергиваю обрывки ткани к ее ногам. Белое кружевное белье, оставшееся на стройном безупречном теле, почти ничего не скрывает. В глазах темнеет от мысли, что не я должен был раздевать ее сегодня. Кулаки снова неистово сжимаются до характерного треска в костяшках.

— Боже, что ты творишь? Пе-перестань... п-прошу, — потерянный, испуганный взгляд отрешенно ищет на моем лице остатки человечности, заглядывает в глаза, выискивая там то, что она сама разрушила.

Эрика трясется, как в ознобе, обхватывая руками хрупкие плечи. Дотошно и бесцеремонно изучаю ее с кончиков волос до пальчиков на ступнях, пытаюсь понять, что в ней есть такого, что, несмотря на испепеляющую меня изнутри ярость и дикую потребность уничтожить, распять, унижить, поставить на колени, заставить захлёбываться собственными слезами, умоляя о пощаде, я отчаянно хочу верить в то, что есть какое-то объяснение и оправдание тому, что она сделала. И мне чертовски нужны слова и клятвы, и мольбы, ее обещания и ложь, любая, черт возьми, лишь бы я поверил. *Эрика Доусон не угроза, она смертоносная пуля, застрявшая в моем сердце. Можно выдрать, вытравить, вышвырнуть прочь, но только ценою собственной жизни.*

— А ты, что творишь, мать твою? — хриплым, срывающимся голосом спрашиваю я, до синяков сжимая пальцами ее высокие скулы, почти вплотную сближая наши лица. *От нее пахнет красками, шотландским виски, солеными слезами и единственной женщиной, к которой хочется прикасаться, убивать, спасать, трахать, ненавидеть, прощать, любить, забывая собственное имя. И этому нет никакого гребаного объяснения и ни малейшей возможности исправить, вычеркнуть или забыть.*

— Н-ничего... Джа-м-маль, — заикаясь, бормочет она, обхватывая мое запястье холодными пальцами. Нежное, осторожное прикосновение. В расширившихся от ужаса зрачках отражается мое охваченное звериной яростью лицо. Грудную клетку сдавливает резкий спазм, и, стискивая зубы, я сильнее надавливаю на ее скулы.

— Я же сказал заткнуться, — свободной рукой я дотрагиваюсь до ее волос. Неторопливо, едва прикасаясь, веду пальцами вверх, ощущая дрожь и трепет хрупкого тела напротив моего — пылающего безумием, злобой и похотью. Отпустив ее скулы, медленно провожу большим пальцем по полным чувственным губам, улавливая, как резко возрастает градус ее тревоги. Недоумение, страх, беспомощность... Она знает, что я всего лишь заигрываю с жертвой. В

блестящих от непролитых слез голубых глазах мелькает боль. *Мне тоже чертовски больно, детка.*

Кому-то суждено любить друг друга, а нам — страдать и сражаться. Единственный враг, который угрожает тебе в этой комнате, — я сам.

— Прошу тебя, успокойся. Давай поговорим, — сдавленно шепчет Эрика. Я опускаю взгляд на ее губы, пытаюсь отогнать возникшие в голове образы. *«Ты все мне отдашь, асад. Я все из тебя высосу. До последней капли.»* Дикая ярость захлестывает с новой силой, впрыскивая в кровь мощную дозу адреналина. Собрав шелковистые волосы в кулак, я резко дергаю ее голову назад.

— Да, давай поговорим, — сипло шиплю я, нависая сверху и почти касаясь ее предательских губ своими. — Расскажи мне сколько раз пришлось высосать до последней капли, чтобы заработать на ожерелье за три миллиона?

Боковым зрением замечаю рассекающую воздух ладонь Эрики, но не успеваю остановить или не хочу, нуждаясь в спусковом механизме. Звук звонкой пощечины взрывается в моей голове, алым туманом ярости застилает глаза. Схватив за волосы, я швыряю ее на пол. Она отлетает на несколько метров вперед и падает на спину, издав глухой стон. Поняв, что игры кончились, девушка переворачивается и пытается отползти в сторону, громко всхлипывая и задыхаясь от ужаса. Страх сковывает ее неловкие движения, ноги и руки не слушаются. Я медленно надвигаюсь, наблюдая за обреченными попытками мисс Доусон сбежать от моего гнева. Как, ни странно, но она ползет в правильном направлении. Мой свирепый взгляд отрывается от ее упругой задницы, едва прикрытой тонким кружевом, останавливаясь на тахте, с которой она успела сбросить на пол подушки и постельное белье, устраивая погром в знак протеста. Ничего страшного, обойдемся без простыни.

Уязвленное мужское самолюбие и туманящая разум ревность требуют расправы, боли, агонии и ее слез. Охваченное звериной похотью тело жаждет заклеить, разорвать на части, но что-то внутри меня неистово сопротивляется этому. Противоречие, гнев, бешеное желание рвут на части душу и сердце, и я впервые жалею, что мы снова встретились в Нью-Йорке. Ни одна женщина не стоит таких мучений. Все нервы мне вымотала, сука. В два шага наступаю

ее, и, снова схватив за волосы, рывком поднимаю, чувствуя, как несколько прядей остаётся между пальцами.

— Не надо, пожалуйста, — кричит она сдавленно, когда я толкаю ее на тахту лицом вниз. Эрика неистово брыкается, безуспешно пытаюсь перевернуться и оттолкнуть меня. Безжалостно придавливаю ее сверху своим телом, скручиваю тонкие запястья Эрики одной рукой, и приподнявшись, второй вытаскиваю ремень из джинсов. Не обращая ни малейшего внимания, на жалобные вопли, плотно фиксирую запястья кожаным ремнем, вытягивая ее руки над головой. Согнув их в локтях, она умудряется привстать и резко запрокинув голову, ощутимо попадает затылком по моей правой скуле.

— Дикая сука, — намотав ее волосы на кулак, я грубо вжимаю Рика лицом в матрас, заглушая неистовый вопль.

— Не дергайся, будет только хуже. Или я придушу тебя, или трахну. Выбор невелик. Поэтому лучше не зли меня,

— склонившись к ее уху, взбешенным шепотом предупреждаю я. Перегнувшись через вздрагивающее обездвиженное тело, поднимаю с пола пару подушек, и, встав на колени, поочередно просовываю обе ей под живот. Поняв, что я задумал, она начинает дергаться сильнее, за что получает увесистый удар по выставленной заднице. Розовеющий отпечаток моей ладони на смуглой коже вызывает острый, звериный приступ похоти.

— Не надо, Джамаль... Я не хочу, — дрожащим шепотом бормочет Рика.

— Захочешь, — мрачно ухмыляюсь. — У меня даже средства вспомогательные имеются. Нашел в твоей сумочке. — Она застывает. И воспользовавшись заминкой, я сдергиваю кружевные стринги с ее задницы, опуская по бедрам до колен. Достав из заднего кармана смазку и презервативы, бросаю их напротив ее лица. — Узнаешь? — хрипло спрашиваю я.

— Это не то, что ты думаешь, — всхлипнув, обречённо шепчет Эрика, уставившись на мои трофеи. Ну, конечно.

— Да, не смущайся, я понимаю, что Искандера аль-Мактума обычными приемами не взять. Если уж быть шлюхой, то первой-классной, запоминающейся, — я жестко смеюсь, расстегивая джинсы и спуская их вниз вместе с боксерами. — Особенной, да, Рика?

— Ты об этом пожалеешь. Остановись, — отчаянно умоляет она. Мелкая нервная дрожь сотрясает хрупкое тело, нежная кожа покрыта мурашками. Ее состояние далеко от возбуждения, что вполне естественно, учитывая ситуацию. Удовольствие женщины в данном случае не рассматривается.

— Да, твоя мечь будет ужасной. Я уже понял, — взяв тюбик со смазкой, щедро выдавливаю содержимое на упругую задницу Эрики. — Понравилось мстить? — с диким голодным рыком прижимаюсь пульсирующим членом к ее ягодицам, нетерпеливыми резкими движениями размазывая пальцами ароматизированную смазку по обоим отверстиям. — Быть подстилкой принца приятнее, чем женой бедного художника, но я не так уж и беден, Рика. И я не художник. Это просто гребаное хобби.

— Ты уже женат, ублюдок, — шипит она, словив новую волну сопротивления и пытаюсь увернуться от моих прикосновений, но ее виляющая задница напротив моего возбужденного органа вызывает обратный эффект. Я едва сдерживаюсь от того, чтобы вогнуть в нее член по самые яйца и заставить наконец заткнуться. Болезненное напряжение в паху становится невыносимым, я трусь членом о ее ягодицы, быстро двигаясь пальцами вдоль половых губ, раздвигая их, вскользь касаясь клитора, не полностью проникая внутрь.

— Побереги свой язычок для другого занятия, шармута. Мы уже выяснили, что тебе предпочтительнее роль наложницы в постоянно обновляемом гареме принца, — сдвинув ладонь вверх, круговыми движениями растирая чувствительный бугорок, между припухших складочек. Я слышу, как меняется ее дыхание, становясь частым и прерывистым, — А говорила, не хочешь, — насмешливо замечаю я, усиливая нажим и скорость стимулирования пульсирующего клитора. От напряжения футболка намокает от пота, неприятно липнет к телу, и я стаскиваю ее одним резким движением, дав присмиревшей сучке небольшую передышку. Она сжимает бедра, пытаюсь отстраниться.

— Ты не можешь так со мной поступить. Это насилие. Не надо, прошу, — она снова переходит к запоздалым мольбам.

— Насилие? Серьезно? — я ухмыляюсь, резко расставляя ее бедра своими коленями, открывая доступ к розовой плоти для своих действий. Грубо проникаю двумя пальцами в ее промежность, слегка сгибаю их, ощущая, как влажные стенки плотно обхватывают мои

фаланги. Глухое рычание вырывается из горла. Шайтан ее раздери. Мой член болезненно дергается, когда начинаю ритмично и быстро растягивать ее лоно, задевая внутри чувствительную точку, которая разбухает и начинает сочиться влагой после нескольких прикосновений. Ее тело помнит, и я тоже.

— Нет, прекрати... — Эрика резко подается вперед, стремясь избавиться от моих пальцев, и я наваливаюсь сверху, ограничивая ее движения. Каменный член оказывается в развилке между сочных ягодиц Эрики. Двинув бедрами, задеваю багровой от нетерпения головкой тугое отверстие, и я слышу свой собственный голодный рык. Чёрт, всего один толчок... Нет. Стоп. Тяжело дыша, я тянусь свободой рукой за презервативами. — Не надо! Хватит. Нет! — отчаянно кричит Эрика, заметив мой жест.

— Почему нет? Нет — не хочешь? Или нет — боишься, что кончишь под насильником? Кого тогда будешь обвинять? Только свою похотливую сучью натуру. Да, детка? Или боишься, что принц не примет тебя обратно? — разрывая зубами пакетик из фольги, хрипло спрашиваю я. Достав латекс, дрожащими пальцами растягиваю его по всей длине члена. — Тут ты права в своих опасениях. Анмарские мужчины не любят использованный товар. Кому нужна потасканная шлюха, если всегда есть выбор среди юных и невинных.

— Тебе, — с неожиданной яростью выплёвывает Эрика. — Тебе нужна.

Я даже застываю от удивления, рваный смех срывается с губ.

— Ошибаешься, мисс Доусон. Я вышвырну тебя из этого дома голую и оттраханную, как только мы закончим. Не переживай, желающие подобрать найдутся, — насмешливо «утешаю» я.

— Ублюдок... — шипит Рика. Встав на колени, я грубо приподнимаю ее задницу и, обхватив основание члена одной рукой, направляю его в ее лоно.

— Тебе понравится и под ублюдком тоже, сука, — рычу я, резким толчком проникая на всю длину. Она утыкается лицом в матрас, заглушая протестующий крик, и бросая ставшие бессмысленными мольбы и попытки к сопротивлению. Сжимая до синяков упругие ягодицы, я неистово вдавливаюсь в горячую тесную плоть. Трахаю ее жестко, грубо, по-звериному. Хриплое дыхание сменяется животными стонами от ощущения бархатной нежной плоти, сжимающейся вокруг

моего раскаленного стержня, безжалостно таранящего ее мощными рывками. Сердце бешено барабанит в груди, отдаваясь глухой болью под рёбрами, пот ручьями стекает по спине, чертовы подушки съезжают от дикого ритма толчков. Она неподвижно лежит подо мной, не проявляя никаких эмоций, словно деревянная кукла. Стиснув зубы, я упираюсь кулаками в матрас по обе стороны от головы Эрики, и, склонившись над ней, немного сбавляю скорость, выбирая угол проникновения, при котором головка члена будет стимулировать разогретую моими пальцами эрогенную зону. Пытаюсь двигаться более плавно, полностью выхожу и снова погружаюсь по самые яйца.

— Все ещё не хочешь, Рика? — задыхаясь, спрашиваю я. Удерживая вес своего тела на одной руке, вторую просовываю под ее живот и, опускаясь к промежности, нащупываю клитор, слегка надавливаю, отпускаю и снова кружу по чувствительному комочку. Она мычит сквозь зубы, отрицательно качая головой, но я уж чувствую, что мои действия нашли отклик в оттаивающем теле Эрики. Ее лоно течет и пульсирует, плотно стискивая член, обильно смазывая влагой.

— А так, детка? — продолжаю безжалостно растирать клитор, одновременно задевая набухшую точку при каждом мощном толчке внутрь ее тела. Подрагивающие бедра, порозовевшие плечи и хлюпающий звук, с которым мой член проникает в нее красноречивее любых слов. — Ты уже готова кончить или хочешь еще? — хрипло спрашиваю я, носом сдвигая в сторону спутавшиеся волосы, впиваюсь зубами во взмокшую шею, пробуя на вкус солёный пот ее возбуждения. Она все ещё отчаянно сопротивляется, но развратное тело нуждается в развязке. Провожу языком по бьющейся на горле вене, дурея от ее запаха, проникающего в раздувающиеся ноздри.

— Пожалуйста, прекрати, — хнычет она сдавленно, и выражение отчаянной боли в ее голосе режет по сердцу, вызывая новый приступ одержимой ярости.

— Не могу, — ожесточённо выдыхаю я, сжимая зубами тонкую кожу. С плухим стоном толкаюсь внутрь ее тела. Снова и снова, в безумном ритме, постепенно доводящем Эрику до грани. Зарывшись носом в волосы на ее затылке, обхватывая ладонью тонкое горло, несильно сдавливая, я переворачиваюсь набок вместе с ней, плотно притягивая к себе влажное от нашего пота тело, дрожащее от попыток

сдержат надвигающийся оргазм. Она тяжело и быстро дышит сквозь стиснутые зубы. Мои бедра безжалостно вбиваются в ее, пальцы кружат вокруг распухшего клитора. Я чувствую, как она проигрывает, мышцы влажных стенок разбухают, сжимаядвигающийся внутри член. В глазах темнеет от острого удовольствия.

— Вот так, кхара, — с губ срывается победный рычащий стон, когда она выгибается, содрогаясь всем телом, отчаянно всхлипывая. Я обеими руками удерживаю ее трясущиеся бедра, прижимаясь щекой к ее взмокшему затылку. Она медленно приходит в себя, выравнивая дыхание и пытаюсь отодвинуться.

— Шлюха, кончающая под насильником, не может стоять трех миллионов, Эрика. Он бы все равно тебя бросил, — произношу я, почти касаясь губами мочки ее уха. Она вздрагивает, словно от удара.

— Тебя бесит, что Искандер заплатил больше? — хрипло спрашивает Эрика. Похоже, от удовольствия у нее потекло не только между ног, раз она снова решила выпустить свой дерзкий язык.

— Мне плевать. Пусть платит, но трахаю тебя я сейчас, а не он, — и в доказательство своих слов,двигаюсь внутри нее твердым членом, горячая влажная плоть обхватывает каждую взбухшую вену, словно латексная перчатка. — Я еще не закончил, крошка. Придется ещё немного постараться для ублюдка и насильника, — насмешливо бросаю я, опуская ладонь на выступающие лопатки, толкая ее вперед, и медленно опускаюсь пальцами по позвоночнику, неторопливо трахая в ленивом темпе. — Такая мокрая похотливая девочка, — бормочу я, постепенно наращивая силу толчков. — Сколько тебя нужно долбить, чтобы ты держала ноги сдвинутыми для других?

— Шлюхам все равно, кто их трахает, Джамаль, и сколько... — безучастным холодным тоном отзывается Рика. — Заканчивали оставь меня в покое. Хочу уйти отсюда и забыть о тебе, как о страшном сне.

— Если все равно кто, то зачем уходить, детка? — хрипло спрашиваю я, раздвигая ее ягодицы и проталкивая в тугое колечко указательный палец. Эрика напрягается всем телом, и я плотно обхватываю ее за талию, прижимая к себе. Добавляю еще один палец, начиная двигать обоими в одном ритме с членом.

— Не смей. Нет, — шипит Рика. Безучастная пассивность сменяется буйной активностью. Она неистово дергается, пытаюсь освободиться от меня.

— Успокойся, и я не причиню тебе боли, — закинув на нее свое бедро с силой удерживаю Эрику на месте, продолжая изошрённую пытку, которая доставляет удовольствие только мне. — Принц не успел трахнуть твою задницу, детка?

— Нет, больной придурок. Слезь с меня, — она расходитя не на шутку, забившись в моих руках так, словно я ее резать собрался. Изогнувшись, Эрика снова и снова старается ударить меня затылком, но ее методы больше не работают, потеряв эффект неожиданности.

— Даже не думай, что сможешь остановить меня, — яростно рычу я ей в ухо, и, убрав пальцы из тесного колечка, прижимаюсь к нему головкой члена. — А твой грязный язык оставлю на десерт. Чем больше оскорблений, тем больше работы для него. Поняла? — подняв руку, я сдавливаю точеные скулы и разворачиваю ее голову к себе, одновременно проникая в неизведанное отверстие. Несмотря на обилие смазки, она слишком тугая, и боль, учитывая отсутствие подготовки, гарантирована.

Но разве я не этого хотел? Страданий, слез и унижений? Растоптать, заклеить, поставить на колени и заставить делать то единственное, на что способен ее грязный рот. И все же я останавливаюсь, взглянув в распахнутые глаза, полные горькой обиды, дикой боли, глухой безысходности. Ее лицо залито молчаливыми слезами, губы искусаны в кровь. На скулах фиолетовые синяки от моих пальцев, на шее следы от разорванного ожерелья. Она упрямо сжимает зубы, чтобы не разрыдаться в голос, не показать своей слабости. И внезапно я вспоминаю, как рассматривал ее спящую в руинах «Обитатели звезд» и не мог заставить себя оторваться даже на пару минут, как не раздумывая закрыл своей спиной, отлично осознавая, что меня ранят или даже убьют; вспоминаю ее склонившееся надо мной лицо, и испуганный взгляд, слезы, льющиеся ручьем. Тогда все казалось неважным, ни моя жизнь, ни моя смерть, ни цели, ни задания. Только она, и ее жизнь имели значение. Я вспоминаю ощущение облегчения и полноты, когда я увидел, что она надела мое кольцо. Я был уверен, что это что-то значит... Возможно, всё. *«Не забывай меня, детка». Если суждено, я выживу и найду тебя.*

Грудную клетку раздирает ярость и отчаяние, опустошая что-то внутри, отравляя, делаю беспомощным, словно потерявшимся в пустыне ребенком. Шумно выдохнув, я отпускаю ее и разворачиваю к

себе лицом, быстро развязываю ремень на запястьях, не глядя в глаза и рассматривая рисунок на бюстгальтере, который так и не удосужился снять. Одна из чашечек заметно выпирает чуть ниже соска, и я застываю, чувствуя, как тело окатывает обжигающим жаром и следом позвоночник прошибает ледяной озноб. Сквозь прозрачное кружево на меня смотрят рубиновые змеиные глаза. Швырнув на пол ремень, я дергаю вниз тонкий бюстгальтер, и перстень моего отца падает мне прямым в ладонь.

— Зачем ты приехала? — подняв на нее тяжелый взгляд, прерывистым голосом спрашиваю я. Она молчит, не моргая глядя на меня огромными глазами, в которых плещутся океаны слез. — Зачем? — яростно кричу я, выпуская кольцо, позволяя ему упасть между нами. Я обхватываю ее лицо ладонями, сверля неистовым горящим взглядом. — Зачем? — требовательно повторяю я.

— Из-за тебя, — тихо вдыхает она искусанными губами.

— Врешь, — тряхнув головой, пытаюсь прогнать пульсирующую боль, сдавливающую виски, но она уже достигла сердца, вонзилась в него острыми клыками.

— Я не знала, как жить без тебя, — отчаянно всхлипывает Эрика, ударяя меня кулаками в грудь. — Мне нужно было снова увидеть тебя, вдохнуть тот же воздух, которым ты дышишь, забыв о данном обещании, и наслаждаясь жизнью со своими женами.

Зарываясь пальцами в шелковистые волосы, я запрокидываю ее лицо, пытаюсь найти там свидетельства лжи, но вижу только обиду и боль. Глупая, гордая, сумасбродная девочка... Маленькая врунья. Но мне нравится, как звучит ее ложь.

— Ты заслужила трепку, Эйнин, — глядя в наполненные слезами глаза. В светло-голубой радужке мерцают серебряные искры, в которые я влюбился пятнадцать лет назад. — Не думай, что я буду извиняться. Ты в очередной раз влезла в какое-то глупое дело. Я мог убить тебя. Чем ты думала?

— Иди к черту! Я ни в чем не виновата! — зарывав, кричит она, толкая меня ладонями в грудь.

— Иди сюда, — после свирепого сопротивления и пары обжигающих пощечин по моему многострадальному лицу, я, наконец, прижимаю выбившуюся из сил Эрику к себе. Вцепившись в мои плечи, она прячет лицо на моей груди, расплакавшись в голос. — Тебе

нужно было просто подождать. Всего несколько дней. Прости меня, я не думал, что ты такая ранимая. Я тоже безумно скучал по тебе, глупая. Я был уверен, что ты знаешь. — Я крепко обнимаю вздрагивающее тело, мягко гладя широкими ладонями по хрупкой спине, позволяя Эрике вылить на меня накопившиеся потоки безутешных слез. Она несколько раз пытается что-то сказать, но каждый раз срывается и снова начинает рыдать.

— Тихо, успокойся. Тебе нужно поспать. Завтра поговорим, — нежно целую мокрые глаза, и, не разрывая объятий, укладываю рядом с собой. Я держу ее так, крепко, как могу, укачивая в своих руках. Она засыпает через пару минут, продолжая всхлипывать во сне, как маленькая девочка. Зарывшись носом в ее волосы, я отключаюсь следом, слишком вымотанный этим сумасшедшим днем и градом накопившихся вопросов, и проблем, которые никуда не исчезнут с рассветом.

ГЛАВА 8

Эрика

Мне снится, что я качаюсь на поверхности волн, сотканных из жидкого пламени. Расставив руки в стороны, я растворяюсь в них, позволяя им держать меня, оберегать и окутывать. Сейчас я — крохотная частичка, спрятанная в глубинах чего-то могущественного, необъятного, сильного, мощного... огненные языки обхватывают мое тело плотными кольцами, погружая в лаву, постепенно и мягко опуская на дно, подводя к самому сердцу океана, но я больше не боюсь обжечься.

Я знаю, что он никогда не сможет меня уничтожить, даже если обрушит на меня шестибалльный цунами. Я сама буду его частью...

Резкое пробуждение провоцирует хаотичное сердцебиение, звук которого настойчиво пульсирует в висках.

И когда я пытаюсь приоткрыть веки, тут же закрывая их, ощущая, как жалящие лучи солнца ранят сетчатку глаз, я понимаю, что яркие ощущения и ассоциации из сна никуда не исчезли. Я действительно объята пламенем, огнем, исходящим от тела Джамала. Даже воздух вокруг нас заряжен и вибрирует наэлектризованными нашим горячим боем молекулами, становится плотным, осязаемым и живым. Это трудно не замечать, не ощущать, игнорировать. Такие чувства, невозможно вызвать в себе и пространстве вокруг искусственно, сфабриковать, симитировать... такому невозможно найти замену.

«Незаменимых нет» — эти слова неправда. Сейчас, когда мое лицо плотно прижимается к размеренно вздымающейся груди спящего Джамала, я осознаю такую простую для себя, и неизменную истину: я могу обойти весь мир, истоптав ноги в кровь... могу бесконечно убеждать себя, что буду счастлива с кем-либо другим или просто сама по себе, но все это будет ложью, в первую очередь своему сердцу, которое каждый день выбирает и просит лишь об одном: находиться рядом с Джамалом, быть частью того целого, которым мы становимся, переплетаясь воедино физически, ментально и духовно.

Только с ним, я ощущаю эту особую, сакральную связь, знакомую, должно быть, не многим — каждая перипетия судьбы, каждая секунда счастья и боли, вспыхивающая в наших отношениях предначертана, предписана нам с целью прохождения уроков жизни. Иногда кажется, я знала, видела Джамала ещё до нашего знакомства, до теракта в Аззаме. Он всегда был для меня человеком- маской, но несмотря на это, ощущение того, что мы знакомы тысячи лет, не покидало с первого взгляда. Словно мне показали его, или, быть может, наши души договорились встретиться на Земле в определенный момент времени... и мне хочется верить, в то, что все так и было, и где-то в иллюзорной книге судеб, наша история уже написана, и финалом ее стало полное принятие друг друга, прохождения конфликтов и преодоление преград, через которые нам еще предстоит пройти в реальности.

А «преграды» между нами стоят нерушимыми оплотами, и довольно масштабными. И чует мое сердце, что жены Джамала лишь «штукатурка» этих невидимых крепостей... истинные проблемы, куда глубже — они спрятаны глубоко внутри наших характеров.

Осознаю, что «дракон» может вскоре очнуться, останавливаю непрерывный поток мыслей, и, сделав глубокий вдох, просто наслаждаюсь моментом. Джамаль спит. Красивый до восхищенного трепета в груди. Воплощение силы, по-настоящему мужского характера, плененное восхитительно натренированным телом, излучающим тестостерон. Сошедший с Олимпа Зевс в чудовищном настроении, простреливший меня молниями неистовой ярости, и обвинивший во всех грехах, которые я не совершала. *Но только Богу можно простить все... хотя я никогда не скажу ему об этом.* Со слов Джамала выходит, что он считает меня последней, продажной шлюхой, которая не стоит его внимания. Вчера он меня не щадил — бил прямо по сердцу, и его слова доставили мне куда больше страданий, чем дикое и показательно грубое проникновение в мое тело. На дух не переношу, когда он не следит за словами, в порыве гнева обзывая меня шармутой и подстилкой. Но я не отрицаю того факта, что в любом конфликте всегда виноваты оба — вместо того, чтобы дожидаться Джамала с повинной и белым флагом, я сделала все, чтобы спровоцировать его на извержение накопленного гнева и ревности.

Понимаю, что отчасти оправдываю его, но в данном случае это не признаки стокгольмского синдрома. Это здравый смысл. Если женщина выбирает сильного мужчину, ей определенно стоит смириться с тем, что подобной импульсивности не миновать, особенно, когда речь идет о восточном темпераменте. Это личный выбор каждой — довольствоваться мирным или слабым «среднячком» или кормить с руки льва, прекрасно понимая, что любое лишнее движение может привести к необратимым последствиям. Первые варианты совершенно не плохи, это просто я одна из тех безумных женщин, что не согласны на меньшее.

Мне с трудом удастся сдержать приглушенный смех, когда я замечаю, как уголки губ асада приподнимаются, словно прямо сейчас он считывает мои мысли и соглашается с ними. Но дыхание Джамала остается спокойным и ровным: как всегда, одну руку он подложил себе под голову, другой в крепком захвате сжимает мою задницу, с которой вчера был не особо ласков и терпелив. Черта с два, я дам ему оказаться там, пока всех своих жен не выпроводит за дверь... Тихо промурлыкав, я крепко обнимаю Джамала, высоко закинув на него ножку, прижимаясь к его горячему телу так плотно, что соприкасаюсь увлажненной со вчерашней взбучки сердцевинкой своих бедер с его кожей. Ощущать наш плотный тактильный контакт, невероятное сплетение так приятно и горячо, но ещё более сладко — смотреть на Джамала, когда он мирно спит, а я упиваюсь секундами власти.

Боевой солдат сложил оружие, огнедышащий дракон перестал плевать боевым пламенем. Время, когда можно прикасаться и изучать это смертельное оружие без риска для своего здоровья.

Слегка приподнимаясь на локте, я оглаживаю кончиками пальцев впадины между мышцами на его животе и груди, а потом перехожу к лицу, неспешно очерчивая скулы и линию челюсти. Дотрагиваюсь до пухлых губ, на которых засохли капли моей крови. В этот момент ресницы Джамала начинают подрагивать, уголки губ слегка опускаются, на лбу проявляется неглубокая морщинка.

Не просыпайся...

Я готова смотреть на тебя вечно, хочется затеряться с тобой в изолированном вакууме, в этой мастерской, или в огромном космическом корабле, необитаемом острове, где останемся только мы, и больше не будет никаких препятствий, заданий, агентов, убийц-

наемников, войн и терактов, и, наконец, разницы в восприятии образа жизни и нашей религии, которые нас разделяют, несмотря на полную синхронизацию по всем энергетическим центрам.

Хочу в мир, где будем только мы, только ты и я, Джамаль. Наши сплетенные тела, дыхания, бесконечные прикосновения, приглашающие и погружающие в нирвану.

Пока я мысленно умоляю его об этом, ощущаю, как нечто сильное и мощное, горячее согревает изнутри вены, скапливаясь в эпицентре груди, и превращается в огромный огненный шар. Меня переполняет внезапно нахлынувшее ощущение радости, присутствия дома и благодати.

«Я так люблю тебя, Джамаль», — мне хочется кричать, об этом, и губы беззвучно вторят немому признанию. Мне хочется шептать ему об этом, хочется прижаться крепче, ластиться, как кошка, заняться с ним сексом прямо сейчас, поддавшись вальсу гормонов. Мне хочется создавать с ним все в этом мире, начиная от детей, заканчивая любимым делом, которое будет по душе нам обоим. Кажется, что все в мире вело меня к единению с ним, к этому моменту.

Но я знаю, что магия рассеется, когда он проснется. Нежно, едва касаясь, я обвожу по контуру шрам на шее Асада, ощущая, как сжимает тисками сердце. Джейдан резко распахивает глаза, мои пальцы замирают на напряженном кадыке. Смотрит на меня долгим и внимательным взглядом, словно не верит, что я просто прикасалась к нему, а не пыталась задушить во сне. Еще сонные, неспособные толком разговаривать и двигаться, мы изучаем друг друга через легкие касания, и я прикрываю веки, ощущая, как его большой палец обводит контур моих губ, а остальными, он проводит по моему подбородку, лаская, как послушную кошку. Игриво зажимаю ртом его палец, я не произношу ни слова, испепеляя его хищным взглядом... немая игра между нами становится настолько горячей, что я начинаю испытывать острую потребность ощутить его пальцы в местечке, что сейчас прижато к бедру Джамалья. Судя по напряженным челюстям, он думает о том же самом, но не спешит приступать к действиям. И правильно делает.

— Ты давно проснулась, Эйнин? — хриплым голосом спрашивает Джамаль.

— Не знаю. Мне кажется, что прошла всего секунда, пока я на тебя смотрела, — невольно расплываюсь в улыбке. Я не могу не улыбаться. Может, в этом и состоим «мы»? Видели бы мы себя со стороны: разрушенная, после эмоционального выплеска и моего боя мастерская не нарушает связи между нами. Как тогда, в пустыне. Сначала гребаные взрывы, летящие осколки и угрозы Ильдара. После, нацеленные на нас пушки, только и выжидающие мгновения пустить огнестрельную пулю. А мы держимся за руки, как тогда, в детстве, на фоне пылающей мечети, и расстреливающих все на своем пути сталкеров. Даже когда все внутри и вокруг нас рушится, я хочу держать его за руку, поддерживать и подавать ему патроны, придавая сил защищать и побеждать.

Поэтому вместо ответа я молча переплетаю наши руки в замок, и Джамаль задумчиво опускает на них взгляд, неотрывно наблюдая за моими действиями.

— Вчера я был для тебя ублюдком и насильником, Эйнин. Судя по всему, сейчас твое настроение резко поменялось. Ты так непостоянна, детка, — Джейдан возбужденно выдыхает, когда я продолжаю смотреть на него томным и ласковым взглядом, потираясь затвердевшими узелками о его соски.

— Насильник, ублюдок, тиран, — медленно протягиваю я.

— Лучший мужчина на Земле, — целую его в шею, ощущая, как сердце учащенно гоняет кровь, до краев наполненную эндорфином. — Кто ты, Джамаль? — стержовым тоном заканчиваю я. — И какой видишь меня? Той, кого можно насиловать и оскорблять, ни во что не ставить? Или той, ради которой можно пожертвовать всем, даже своей карьерой и правилами, установленными в обществе? — конечно я имею в виду АРС и его жен, но это лишь вопрос. Я ничего не требую. Мне все равно, что он скажет, я хочу прочитать ответ по его взгляду.

— Я вижу тебя своей женщиной, с которой я могу делать все, что я хочу, — он жадно сминает мою ягодицу, доводя меня до болезненного шипения.

— А я думаю, что мы не пришли к компромиссу в этом вопросе, Джамаль, — напоминаю Джейдану я, слегка холодея. — И придем к нему очень нескоро, — что-то внутри меня обрывается, и разрыв провоцирует ответ Джейдана.

«Моя женщина» — это звучит красиво, такое важное и уникальное, казалось бы, обращение, из уст любимого. Но не тогда, когда таким образом он может назвать еще нескольких женщин. Это... больно. Потому что это пустые слова, они теряют смысл, как он этого не понимает? И зачем тогда их произносить?

— Поверь, Эйнин, тебе никуда не нужно идти. Я приведу тебя к тому, что необходимо нам обоим. Просто доверься мне, — его слова не обнадеживают. Скорее, звучат, как уход от ответа. — Зачем ты приехала? — стальным тоном вновь спрашивает он.

— Я уже ответила тебе. Джамаль, ты не представляешь, что я чувствовала, после всего, что произошло. Я не знала, жив ты или мертв, могла только догадываться и доверять своей интуиции. А потом, узнав новости из отчетов, увидела фото твоих. кх-м, жен.

— Они появились в моей жизни до встречи с тобой, — судя по суровому взгляду, Джамалю начинает не нравится этот разговор. И мне тоже. Но молчать я не буду, пусть и не мечтает.

— Их не было! Ты встретился со мной раньше... тогда, в Аззаме.

— Я должен был ждать тебя всю жизнь? Ты мне невинность не хранила, Эйнин, но упрекнул ли я тебя в этом, хотя бы раз? — резко перебивает он.

— Ты должен был чувствовать, что мы встретимся, — подрагивающими губами, возмущаюсь я. — Ты обещал, что найдешь меня... — впиваюсь ногтями в его грудь. Не знаю почему, но мне вдруг становится так обидно и горько, что я не могу удержать подкатывающие к векам, слезы.

— Эйнин, ты перегрелась? Или ещё не протрезвела? Прекрати устраивать мелодраму и посмотри в лицо реальности, — стальным тоном отрезает Джамаль, в миг разбивая мой утренний порыв нежности и любви, возвращая в то состояние, на котором мы остановились накануне вечером.

— Почему ты так со мной. — резко сажусь на постели, не прикрывая обнаженного тела. Даже думать не хочу, с какой целью он раздел меня, пока я спала.

— Тебе напомнить? — Джейдан приподнимается на локтях, кидая на меня суровый взгляд исподлобья. Молчу, выдерживая его долгий и пытливый взор. Читает меня, как открытую книгу.

— Ты трахалась с ним? — резко спрашивает он.

— А тебя только это интересует, да? Допустим, нет, Джамаль. Но я увидела в нем достойного, симпатичного мне мужчину, и хочу заметить, что он неженатый принц, который добивался моего внимания, — знаю, что эти слова взбесят его ещё больше, чем ложь о вступлении в интимную связь с Искандером. Потому что это правда. И он это знает. — И да, *он добивался. Но* в твоих мыслях я всегда дрянь, и неизбирательная шармута, раздвигающая для всех ноги... так?

— Допустим, нет? Эйнин, ты совсем страх потеряла? — я не успеваю отследить момент, в который белки Джейдана наливаются кровью, и, приподнимаясь, он обхватывает двумя ладонями мое горло, запрокидывая подборок вверх. Его рот застывает в хищном оскале на катастрофически близком расстоянии от моих губ, мое сердце хаотично сжимается от страха.

— Нет, Джейдан, нет. Не спала я с ним и не собиралась. Ты просто бешеный параноик, отпусти меня немедленно, — протестующе шиплю я, ощущая, как иглами вбивается под кожу энергия его ярости. — В отличии от тебя я не могу спать с несколькими... — чуть тише мямлю я, даже не смея задать ему аналогичный вопрос. Он все равно соврет, я знаю, что своих жен он не обделял вниманием. Мужчины устроены иначе. И я не хочу лишний раз слышать или видеть подтверждение испепеляющим душу мысленным образам.

— И с тобой, Джейдан, я спать не буду, даже не думай. Ты выдрал мне клочок волос, швырнул меня в стену! Тебе... тебе не кажется, что стоит извиниться, прежде чем продолжать разговоры? — градус наших отношений вновь меняется на абсолютно противоположный показатель. То, что ещё секунду назад было льдом, стало пламенем. Джамаль порывисто обхватывает мою талию, прогибая в пояснице, припадает губами к груди, заставляя меня вскрикнуть и простонать, стоит лишь ощутить, как его член настойчиво упирается вниз моего живота, демонстрируя потребность в близости со мной. *Нет, нет, так не пойдет.*

Я группируюсь, внутренне сжимаюсь, блокируя всплеск горячего возбуждения. Я хочу его, и знаю, что он это чувствует... своего мужчину я бы никогда не стала наказывать отсутствием секса и холодностью... но он не мой. Пока не мой. Навсегда «не мой».

И я понятия не имею, как мы выйдем из этой сложной ситуации. Просто не представляю ее решения.

— Мне жаль, Эйнин. Но ты распотрошила мою студию, а я решил распотрошить тебя. Справедливо, — усмехается Джейдан, поднимаясь к моей шее, зажимая кожу жадными укусами.

— Ты назвал меня воровкой, — вспоминаю причину окружающего нас беспорядка я. Резко отталкиваю Джамалья, твердо выдыхая: — Нет. Не прикасайся ко мне,

— на его лице отображено явное недоумение. Еще бы, ещё десять минут назад, я вела себя совершенно иначе.

— Ты же сказала, что не знала, как жить без меня, помнишь. Вот он я, Медина, перед тобой, и мое предложение все еще в силе. И сейчас я до одури хочу тебя, Эйнин, и уверен, что ты успокоилась и готова продолжить начатое, — я прекрасно понимаю, о чем он. Не представляю, как ему вообще удалось уснуть «голодным», и как он остановил себя в самый последний момент, пощадив мою задницу. — Или мне стоит обратиться к своим женам за помощью? — намеренно дразнит меня он, что ещё больше раздражает.

Не знаю почему, я ожидала другого. Идиотка. Я почему-то искренне верила в то, что он скажет, что уже ведет бракоразводный процесс. Ага.

— Валяй, Джейдан, вперед. Держать тебя на поводке я не стану. Только не обманывай себя, — повторяя его движение, обхватываю ладонями уже его горло, слегка сжимая, и обнажаю в ядовитой улыбке зубы, сталкивая наши лбы легким рывком. — Они никогда не смогут дать тебе то, что тебе нужно, Асад, что могу дать тебе только я, Джамаль... — прерывистым шепотом заклинаю я, на мгновение обхватывая его нижнюю губу своими. Его грудь резко поднимается, упираясь в мои заостренные соски, пресс соприкасается с моим животом... окончательно осмелев, спешу навеять ему приятные воспоминания, и нежным движением огладив кожу у основания его члена, мягко сжимаю переполненные от возбуждения яйца в ладони. — Так тебе нравится, асад? — всего один раз провожу распутной рукой по стволу его члена, поборов искушение продолжить, и вновь отпускаю. С силой отталкиваю Джамалья, незамедлительно вставая с тахты.

Потягиваюсь всем телом, поднимая руки вверх, и несмотря на то, что сейчас, повернута к нему спиной, ощущаю, как он наблюдает за каждым моим движением, не отрывая взгляд от моих плеч, талии, задницы и ног. Смотри, смотри, мой асад, на то, что тебе не достанется, пока ты не сделаешь выбор.

— А это еще что за хрень, Эйнин? — слышать вот это, вместо комплимента — довольно резкий удар по самолюбию.

— Ты, о чем? — я уже всерьез мысленно составляю план тренировок в зале, пока не слышу, как Джамаль поясняет:

— Браслет.

— Ах, это... — поворачиваюсь я, неуверенно пожимая плечами. — Папа подарил.

— Уверена? — Джейдан встает, чуть ли не в стремительном прыжке. О том, что он так же обнажен, как и я, лучше не думать, как и о налитом кровью члене, которому явно понравился мой вид сзади. Джамаль резко заламывает мою руку, встряхивает меня и разворачивает к себе, окидывая требующим правды взглядом.

— Это подарок Искандера, — нервно выдыхаю я, на что он, стиснув зубы до скрежета, срывает его с моей руки, и отбрасывает в сторону, метко попадая в урну.

— Если ты ещё хоть раз солжешь мне, Эйнин...

— Я тебе не жена, чтобы во всем тебя слушаться, отчитываться за каждый подарок. И не рабыня, не наложница, напоминаю. Я свободный человек, гражданка США, Джейдан, и могу уехать отсюда в любой момент. Хоть прямо сейчас. Не забывай об этом.

— Это угроза, Эйнин? Это я тебе напоминаю, что ты сама сюда явилась, и как ты заявила — ради меня. Мы оба знаем, что ты не уедешь. Ты останешься здесь. И здесь держу тебя не только я, — синие глаза прожигают насквозь, сканируя все мои тайны. — Ты создана для того, чтобы жить здесь.

— Этот дом, ты построил для меня, Джамаль? Красивый вид, — снисходительным тоном ерничаю я. — Мой ответ ты знаешь. Он не отменяет моих чувств к тебе. Но остается отрицательным. Так что давай с этого момента соблюдать дистанцию. Повздорили, поиграли и хватит. Мне пора возвращаться на новую работу, как видишь, я прислушалась к тебе и сменила сферу деятельности. И сейчас моя

работа располагается на территории Искандера Аль-Мактума. Думаю, ты уже навел справки

и понимаешь, о чем я говорю, — мое сердце невольно сжимается при мысли о том, что в резиденцию Дерекка могли привезти Эмилию, пока мы с Джамалем устраивали бои без правил.

— Ты не вернешься к нему, — в утвердительной форме, непоколебимым тоном заявляет Джамаль.

— Что? — замирая на месте, скрещиваю руки на груди. — У меня есть подопечные, Джейдан. Я нужна детям. Ты, конечно, опять скажешь, что я лживая шармута, которая жаждет прибрать к рукам принца Анмара, но, поверь, я действительно не имею права оставить их сейчас, — меня начинает бить легкий озноб, когда я вспоминаю запланированные занятия с Резой и другими детьми.

— Ты будешь жить здесь, Рика. Это не обсуждается. Ты что, действительно думаешь, что Искандер Аль-Мактум увлекся тобой? — запускает ладонь в растрепанные волосы, глядя на меня с вызовом. — Ты лишь инструмент, инструмент слежки и добычи информации, Рика. Неужели так трудно догадаться, ты же бывший агент разведки, — стараюсь оставаться спокойной, выслушивая предположения Джейдана. Конечно, ему трудно поверить, что в падшей развязной не девственнице заинтересован сам принц Анмара, но перечить и что-то доказывать ему я не стану.

Потому что я не так глупа, как он думает, и, конечно, все варианты, по которым Искандер нуждается во мне, я имею в виду.

— Хочешь сказать, браслет и кольцо — атрибуты слежки, Джамаль? Хорошо. Но зачем наследнику следить за мной, или за тобой? Тебе есть, что скрывать от будущего монарха? — задаю провокационный вопрос я, вспоминая о том, что Дерек говорил об АРС и Джамале, и невольно встряхиваю головой, инстинктивно отказываясь верить его словам.

— Уже нет, Рика. Меня, как и тебя, после последних событий, отправили за борт.

— Из-за ранения? — непроизвольно кидаю на него обеспокоенный взгляд.

— Да. И уволили, по определенным причинам.

«Бывших агентов ЦРУ не бывает», думаю, как и агентов АРС. Джамаль скрывает от меня очень многое, и я это чувствую. Что-то

важное, масштабное, то, о чем мне неизвестно, и то, что является первоисточником всех проблем, войн, и распрей в Анмаре, и, соответственно, процветания «Шатров Махруса». Знаю, что он знает, куда больше, чем я. И я вытяну из него все тайны, до последней.

Потому что мне тоже необходимо их знать.

«Помни, Эрика. Никому нельзя доверять. Не забывай, что эмоции на задании нужно отключать», — слышу приглушенный и поучающий голос из прошлого, мгновенно прогоняя его из мыслей.

— Я не останусь с тобой, повторяю, Джейдан, — упрямо заявляю я, отводя голову в сторону, когда Джамаль подбирает с испачканного краской пола, джинсы...

— Кто тебя спросит, Эйнин? — в мгновение преодолев расстояние, между нами, он поддевает мой подбородок и решительно заглядывает мне в глаза, гипнотизируя и подчиняя своей воле. — Оденься, крошка. Кажется, у нас гости, — вдруг бросает он, в последний раз оглядывая мое нагое тело из-под полуопущенных ресниц, и, отпустив меня, подходит к окну, внимательно всматриваясь в происходящее на улице. Оборачиваясь в простыню, ухваченную с тахты, собираюсь подойти к окну, но Джейдан преграждает мне путь, выставляя мощный и напряженный бицепс вперед, и цедит сквозь зубы:

— Не подходи. Чтоб тебя не видели. Жди здесь. На тахте, — раздает короткие приказы Джамаль, и, дожидаясь моего кроткого кивка, и послушного выполнения его приказа, покидает комнату.

Как он узнал, что у него «гости»? И кто они?! Ах да, я забыла, что у него орлиное зрение, и сверхъестественный слух — возможно, Джейдан слышал звук от движения их по подъездной дорожке. Через полчаса Джамаль возвращается, и отрывистыми, слегка напряженными шагами, подходит ко мне, протягивая серебристый пакет. Открыв его, изучаю содержимое: джинсы, футболка, темно-синяя паранджа из нежнейшей ткани.

Он издевается?!

— Что это?

— Это «набор» гости моего дома, Эйнин, — возвышаясь надо мной, Джейдан проводит раскрытой ладонью по моим волосам, вновь заставляя посмотреть на него. Эта игра «из зверя в заботливого папочку» сводит меня с ума.

— Ты не понял? Я никуда не поеду, кроме, как в резиденцию Аль-Мактума. Я сказала тебе, что свободный человек. Я должна помочь детям. Жить здесь с тобой у меня нет ни малейшего желания...

— Не здесь, Медина. Не здесь. Придется отвезти тебя в другой дом. Здесь находиться небезопасно. Как и у

Искандера Аль-Мактума. Ты не должна подвергать мои слова сомнениям, если снова не хочешь вляпаться в какое-либо дерьмо, Рика. Если ты выкинешь что-то из ряда вон или ослушаешься меня сейчас — я больше не прибегу спасать тебя. Подумай хорошенько над своим ответом.

— Что значит «не здесь», Джейдан? Куда ты хочешь увезти меня?

— Прости, детка, не в пятизвездочный отель. В мой дом. Аида и Лейла тебя не обидят. Я об этом позабочусь, — непоколебим тоном отрезает Джамаль.

Он хочет, чтобы я жила с его женами.

Без комментариев. Лишь поток непрерывного мата, который даже высказать нельзя.

Вместо ответа я молча начинаю одеваться, грубо отстраняя его ладони от своего лица. Сейчас мне действительно неприятны его прикосновения, даже его присутствие.

Не понимаю, как он может обрекать меня на подобное унижение. Это хуже, чем удар ниже пояса для мужчины. Джамаль только что смачно плюнул мне прямо в душу, безжалостно растоптал честь и чувство собственного достоинства.

Осознание того, что Джамаль не чувствует и половины того, что чувствую я, открывает мне глаза, заставляет прозреть. Если бы он любил так же... он бы никогда не поступил так со мной.

Ненавижу. Лучше бы он меня ударил, чем сделал подобное предложение. Эта «новая жизнь» за гранью моего понимания. Но я встречу ее с остатками своего женского достоинства, если не придумаю раньше, как избежать радушного гостеприимства двух жен мужчины, который может быть моим только при одном условии. невыполнимом, к сожалению.

— Я могу воспользоваться ванной комнатой? — спрашиваю наигранно равнодушным тоном.

— У тебя пять минут, — милостиво соглашается «господин».

Джамаль

Чтобы сэкономить время, я принимаю душ в своей спальне, располагающейся этажом ниже. Можно было бы присоединиться к Эрике, но к новой ожесточенной схватке никто из нас пока не готов. Остаётся только надеяться, что водные процедуры остудят ее гнев, направленный на мою персону. Когда я возвращаюсь в мастерскую, Эрика как раз выходит из ванной, обернувшись полотенцем. Бросив на меня холодный взгляд, она без тени смущения скидывает полотенце на пол и, перешагнув через него, начинает одеваться. Какое-то время я с тяжёлым сердцем наблюдаю, как разъярённая пантера Эрика Доусон нервно натягивает на себя одежду, старательно игнорируя мое присутствие и пылая от гнева и возмущения. Ей и говорить ничего не нужно — все написано на застывшем лице. Агрессивная энергия так вибрирует вокруг нас, грозясь вылиться в очередной взрыв.

Я понимаю, как мое предложение выглядит со стороны, и знаю, что не существует слов, которые могли бы сейчас успокоить Эйнин и внушить уверенность в том, что я поступаю так исключительно в ее интересах. Меньше всего я хочу ранить Эйнин. Особенно сейчас, когда она и так уязвима, хотя отчаянно пытается выглядеть уверенной и независимой. Эрика имеет все основания на свою ярость, как и я. Но мне, как мужчине, проще справляться с эмоциями и переключаться на трезвое логическое восприятие происходящего. Только это вовсе не означает, что мне плевать. Если бы был другой способ защитить Эйнин, я бы его использовал. Сказать Эрике правду — только усугубить ситуацию и поставить ее жизнь в ещё большую опасность. К тому же у меня пока нет стопроцентной гарантии, что экс агенту Доусон можно доверять. Она не глупая девочка, и далеко не так наивна и импульсивна, как может показаться.

Приехала ради меня? Хорошо. Несмотря на абсурдность выбранного способа, я готов поверить, но кроме этого есть что-то еще. Определённо есть. Благотворительная деятельность? Помощь детям? Возможно, но опять это лишь частичная причина, личный порыв, так сказать. Неискоренимое стремление к спасению обиженных и угнетенных, выработанное на основе личного горького опыта. И то, что Эйнин тянет в места, где она родилась, я тоже могу понять. Я

много лет провел в Америке, в странах Европы, Азии, но мое сердце всегда принадлежало Анмару, несмотря на понесённые здесь потери.

Существует еще его высочество Искандер Аль-Мактум, и он далеко неслучайное звено в появлении Эрики в Асаде. Вопрос в том, осознает ли она, что ее используют, а, если да, то откуда такая настойчивая потребность вернуться во дворец Искандера? Ответ напрашивается сам собой, и он мне не нравится. Я выясню, что происходит, но чуть позже. Сейчас есть более важные дела, требующие немедленного решения. Когда полчаса назад мобильное приложение в телефоне оповестило, что камеры с наружной стороны периметра зафиксировали незваных гостей, а точнее, шеренгу из пяти мерседесов представительского класса, я слегка напрягся, и пришлось отлучиться в кабинет ненадолго, чтобы выяснить, какого Шайтана происходит. У меня всего два варианта. Кортёж премьер-министра Дамира Видада, освободившего для встречи со мной окно в своем плотном графике, либо пожаловали люди Искандера аль-Мактума. Первый вариант я исключил сразу, позвонив Таиру Кадеру, который работает с советником в тесной связке и всегда в курсе всех его планов. Остается наследник. От меня ему может понадобиться только одно... Точнее, одна.

Как Искандер так быстро вычислил местонахождение украденного трофея? Ответ настолько очевиден, не требует ни малейшей мысленной нагрузки. Принц использует мои методы, и Эрика прекрасно осведомлена о вероятности подобных манипуляций со стороны Искандера, и, возможно, даже знает о них наверняка, учитывая, сколько раз ей приходилось проделывать то же самое. Но даже, если и присутствует какой-то сговор, то он бессмыслен. Весь периметр дома оснащен мощной защитой, глушащей сигналы любых шпионских приспособлений, как внутри, так и снаружи. Однако проследить путь помеченного датчиком объекта до ворот, за которыми сигнал мгновенно пропадает, что, вероятнее всего, и произошло.

И лучше не спрашивайте, что я чувствую, понимая, что мою женщину «пометил» другой мужчина, и прислал за ней своих людей, чтобы вернуть обратно. Закончив одеваться, Эрика с вызовом смотрит мне в глаза, сжимая в руках никаб. Я помню, как ей ненавистна эта деталь одежды. По иронии судьбы, Эрика Доусон единственная женщина, которую я бы не выпустил из дома с открытым лицом.

— Что дальше, господин? — скривив губы, она снова начинает дерзить. — Свяжешь меня, взвалишь на плечо и отвезешь в гарем, где твои жены научат меня покорности и смирению?

— У меня нет гарема, Эйнин, — коротко качаю головой, сделав пару шагов вперед. Рика закусывает в досаде губу, раздумывая, чем бы ещё задеть меня. Она не понимает, что сложившаяся ситуация мне тоже неприятна, но оставить ее здесь, зная, что снаружи дежурят люди принца, я не могу. Если Рика снова окажется в его руках, то станет «угрозой», о которой говорил Таир Кадер. Искандер получит преимущество, способ воздействия. Вероятно, именно для этих целей наследник завлек сюда Эрику.

— Ты же сам сказал, что не беден, но почему тогда жены живут в одном доме? Экономишь, Джамаль? — снова пытается поддеть меня Эйнин, но при этом сама лишней раз мучает себя.

— Это было их совместное решение. Лейла и Аида очень близки. Вместе им не так одиноко во время моих длительных командировок, — сухо отвечаю я. Подхожу ближе, и Эрика обессиленно опускается на тахту, глядя на меня снизу-вверх предательски блестящим взглядом. Губы дрожат, но она не собирается останавливаться. У меня есть ещё немного времени, чтобы попытаться успокоить Эйнин, хотя я понимаю тщетность этой затеи. Ей понадобится очень много времени, чтобы принять ситуацию такой, как она есть. Слишком долго она прожила в стране с совершенно иным менталитетом, чтобы в одночасье вспомнить законы и традиции своей родины, отказавшись от преимуществ западной системы.

— Объясни мне, я хочу понять, — сморгнув набежавшие слезы, говорит она. — Ладно, ты женился в первый раз. Ты красивый, страстный молодой мужчина. Быть одному сложно, учитывая, что в Анмаре непросто найти девушку для разового удовлетворения потребностей. Но второй? Это неспособность держать член в штанах, или ты каждый раз влюблялся до потери памяти? О чем ты вообще думал, принимая подобные решения?

— Зачем ты задаешь вопросы, которые причиняют тебе боль? Что хочешь услышать? — низким тоном спрашиваю я. Эрика облизывает пересохшие губы, опускает ресницы.

— Правду, Джамаль, — вдыхает она.

Я сажусь перед ней на корточки, и беру ее ледяные ладони в свои.

— Я люблю тебя. Я жизнь за тебя отдам. Разве этого недостаточно?

— Знаю, что отдашь, — подняв на меня полный горечи взгляд, Эрика высвобождает руки и касается кончиками пальцев шрама на моей шее. Повернув голову, я прижимаюсь губами к ее открытой ладони, и, судорожно вздохнув, она резко одёргивает руку. — Если бы ты действительно любил меня, то понял, что я не смогу так жить.

— Как, Эйнин?

— Ты понимаешь, что я имею в виду, — она снова начинает злиться. Отталкивает меня, и мы одновременно встаем, не сводя друг с друга упрямых взглядов.

— Когда я улажу некоторые сложности, ты снова вернешься сюда, и будешь видеть Лейлу и Аиду крайне редко, — чеканю твердым тоном.

— А тебя? Какие дни в неделе ты будешь принадлежать мне? — с горечью в голосе спрашивает Рика.

— Все, Эйнин. Я принадлежу тебе, даже, если ты находишься на другом конце света, — мягко произношу я, сокращая расстояние между нами. Она отрицательно качает головой, отступая назад.

— Это лишь красивые слова, которые ничего не значат. Откуда мне знать, что ты не говоришь им то же самое? У мужчин все просто. Трахнул одну, трахнул другую, пришел к третьей, наговорил о великой любви и трахнул ее тоже. И так по кругу.

— Я не прикасался к ним ни разу с той минуты, как ты села в вертолёт полгода назад, — неожиданно для самого себя признаюсь я.

— Я не верю тебе, — Рика поджимает губы, окидывая меня недоверчивым взглядом.

— Мне нет смысла врать. Я просто чувствовал, что это неправильно, нечестно по отношению к тебе до тех пор, пока мы не поговорим обо всем и не уладим наши разногласия... — сделав паузу, я замечаю мелькнувшее сомнение на ее лице. — И я банально не хотел, но ты должна понимать, что я не могу дать тебе никаких обещаний, и не хочу лгать, что стану пренебрегать своими супружескими обязанностями и дальше.

— Великолепно, — яростно шипит Рика. — Я должна отказаться от всего, бросить отца, брата, детей, которым обещала помочь, и смиренно ждать своей очереди в четырех стенах? Ублажать тебя,

рожать детей, заглядывать в рот и соглашаться с каждым твоим словом? Так?

— Я позволю тебе заниматься благотворительностью, Рика, — глубоко вздохнув, я призываю себя к терпению. — Но не под началом Искандера аль-Мактума. Откроешь свой фонд, который я буду спонсировать. У тебя будет все, Рика. Автомобиль, водитель, свободное время, чтобы заниматься тем, что приносит удовлетворение. Я даже позволю тебе водить машину спустя какое-то время, если решу, что это безопасно.

— Ты позволишь? Ты решишь? — возмущенно вспыхивает Рика, сводя на нет мои попытки сохранить спокойствие и мягкость. Я раздраженно стискиваю челюсть. — Я еще даже не согласилась, а ты уже диктуешь правила.

— Шайтан, женщина, я иду тебе на уступки, но ты ведешь себя, как упрямая ослица, — рычу я. — Ты приехала в патриархальную страну с устоявшимися традициями и устоями. А это означает, что ты знала, на что шла, — обхватив пальцами ее подбородок, я наклоняюсь к приоткрытым в возмущении губам. — Я буду решать, что тебе делать, что носить и даже о чем думать. И поверь, это избавит тебя от множества проблем. Ты будешь счастлива, и никогда не захочешь другой жизни. Я тебе гарантирую.

— Отпусти, — Рика упирается ладонями в мою вздымающуюся грудную клетку, запоздало осознав, что снова раздражила зверя.

— Никогда, — жадно впиваюсь в ее теплые губы требовательным поцелуем, с силой приоткрывая их языком и уверенно проникая внутрь. Эрика сдавленно мычит и колотит меня кулаками по плечам, пока мой алчный язык исследует ее рот, переходя на возбуждающий скользкий ритм. Животный рык вырывается из горла, мощная эрекция причиняет боль. Сжав в ладонях задницу Рики, я рывком приподнимаю ее и с голодным стоном толкаюсь натянутым ширинку твердым членом в развилку между женских бедер. Эрика, всхлипнув, сдается, застонав в мои губы, когда я снова потираюсь о ее промежность. Пальцы с острыми коготками впиваются в мои плечи, оставляя царапины на коже даже через ткань футболки. Горячая тигрица с темпераментом, который нисколько не уступает моему. Мы созданы друг для друга. И она слепая, если не понимает этого.

Резкий рингтон мобильного действует на меня, как ушат с холодной водой, сигнализируя о том, что нам пора уезжать, а я чуть не забыл об одной важной детали. Тяжело дыша, отпускаю Эрику. Она, пошатнувшись, отступает назад, с показным возмущением вытирает губы тыльной стороной ладони, опалая меня неистовым взглядом. Я иронично выгибаю бровь, дав понять, что ей не удалось скрыть от меня, что от поцелуя она завелась не меньше, чем я. Протянув руку, я дотрагиваюсь большим пальцем до влажных припухших губ.

— Ты должна кое-что сделать, Эйнин, — мягко произношу я, доставая из заднего кармана ее телефон, который взял, когда отлучался. Она в недоумении хмурит брови, когда я вкладываю айфон в ее ладонь. — Позвони Искандеру, скажи, что не вернешься в его резиденцию и останешься здесь, в качестве моей гостьи.

— Ты серьёзно? — ее взгляд темнеет от негодования. — Я не буду звонить. Что я ему скажу?

— Он и так все отлично понимает, Рика. Поэтому просто дай понять, что я не удерживаю тебя силой. Или ты хочешь, чтобы мы устроили петушинные бои ради тебя?

— Нет, конечно, нет, — качает головой Эрика, напряженно морща лоб. — Что Искандер подумает обо мне? А дети? Как я могу сказать, что променяла работу, о которой мечтала, на твой член? Ты хоть представляешь, о чем просишь?

— Я не прошу. Это приказ. Тебя не беспокоило, что я подумаю о тебе, когда ты явилась с ним в Анмар, поселилась в его дворец, когда пришла на благотворительный вечер в качестве его спутницы, принимала подарки и позволяла лапать себя, — негодуяще напоминаю я. Рика кусает губы, заливаясь румянцем. Но ее смущает вовсе не то, что я озвучил выше.

— Но, Джамаль, он — принц, государственное лицо. Моя репутация...

— Твоя репутация не пострадает, — насмешливо бросаю я, проплотив оскорбление. Ничего, мы ещё вернёмся к этой теме. — Не помню, чтобы ты когда-то особо заморачивалась о том, что скажут о тебе люди.

— Неужели нельзя, — лепечет она.

— Нельзя. Звони! — ледяным тоном приказываю я. — Иначе это сделаю я. И ему совсем не понравится, что он услышит.

— Я тебе этого не прощу, — шипит Эрика, бросая на меня свирепые взгляды. Но не смотря на весь свой воинственный вид, все-таки набирает номер Искандера.

— На громкую связь, — холодно бросаю я. Осмелев, наглая сучка показывает мне фак и, спохватившись, трусливо пятится назад. Стиснув челюсти, я стремительно надвигаюсь на нее, и останавливаюсь, только когда она жестом дает мне понять, что принц снял трубку. Протянув руку, я дергаю на себя запястье Эрики, включая ее телефон на громкую связь.

— Слава Аллаху, Рика, я чуть с ума не сошел! — обеспокоенно говорит Искандер. — Что произошло? Мустафа сказал, что не нашел тебя. И ты не вернулась во дворец. Где ты? С тобой все в порядке?

Я саркастически ухмыляюсь. Лицемер, он прекрасно знает, что произошло, и где она находится.

— Да, Дерек, — смущенно отвечает Эрика. — Извини, я... Мне очень неудобно, что так вышло.

— Не беспокойся. Главное, что ты жива и позвонила мне. Просто скажи, куда послать за тобой машину.

Объяснишь все, когда вернешься, — заверяет Искандер фальшивым тоном.

— Не надо посылать машину, Дерек, — взглянув мне в глаза, сдержанно произносит Рика. На другом конце повисает выразительная пауза.

— Что это значит? — резко спрашивает Искандер.

— Я не приеду. Не сегодня. — исправляется Рика, отводя взгляд в сторону. — Извини, мне очень жаль. Я знаю, что ты рассчитывал на меня.

— Тебе жаль? Seriously, жаль? — высокомерно снисходительным тоном спрашивает его высочество.

— Да. Я подумаю, как все можно исправить, — невнятно бормочет Эйнин, я замечаю, как начинают трястись ее губы.

— Никак, — грубо бросает он. — Незаменимых нет, Эрика. Но дело даже не в этом. Ты не только меня за нос водила, ты обманула доверие детей, которые итак натерпелись в этой жизни.

— Послушай, Дерек. Я хочу продолжить заботиться о детях.

— Сначала разберись со своей личной жизнью, Эрика, — бесцеремонно обрывает Искандер и добавляет, чтобы, видимо, добить ее: — Я думал, что ты умнее, что у тебя есть характер, гордость, принципы, цели. И что в итоге? Не надо ничего объяснять, я знаю, где ты и с кормили, точнее, под кем. Если передумаешь, дай знать. Удачи. Я вырываю телефон из дрожащих пальцев Эйнин, как только Искандер заканчивает разговор. Беру ее за плечи и разворачиваю к себе, пытливно глядя в побледневшее лицо.

— Все, что он сказал, продиктовано уязвленным мужским самолюбием и ревностью. Ты виновата только в том, что допустила появление у Искандера определённых планов на твой счет, — уверенным ровным тоном произношу я.

— Я действительно подвела детей, доверившихся мне.

— Шайтан тебя подери! Когда они успели довериться тебе? Ты всего два дня занималась с ними.

— Тебе не понять... — бесцветным тоном отзывается Эрика, пробуждая во мне бешеную ярость, которую я с трудом сдерживаю под маской внешней невозмутимости.

— А Искандеру аль-Мактуму, значит, понять? — ледяным тоном уточняю я. — Ты не думала, что благотворительность для него не более, чем способ заслужить определённые очки, уважение и расположение в обществе?

— Зачем? Скажи, зачем ему завоевывать чью-то благосклонность? Лицемерить и использовать низкие методы, если он в любом случае унаследует трон? — с раздражением спрашивает Рика, кусая бескровные губы.

— У меня есть причины подозревать его в том, что я озвучил, — коротко отвечаю я.

— У него тоже есть к тебе претензии, Джамаль, — заявляет Рика, глядя мне в глаза. — Но и ты, и он только и делаете, что разбрасываетесь словами, не подтверждая их фактами. Ты говоришь мне, что моя безопасность под угрозой. Возможно, да. Рядом с тобой. Зачем мне этот риск? Ради чего? С Искандером я хотя бы могу быть свободной и делать что-то полезное. У него безграничные полномочия для того, чтобы защитить уязвимые слои общества, изменить саму систему изнутри. И я сейчас говорю не только о детях.

Скажи, почему я должна выбрать тебя, ехать в дом, где живут твои жены? Отказаться от реализации своих планов и возможностей?

— Ты мне задаешь этот вопрос? — сквозь зубы спрашиваю я, испытывая острое желание придушить сучку на месте.

— Ты же меня не отпустишь, а я не могу сдать тебя Искандеру, потому что должна тебе, черт возьми, — она с искренней досадой скользит взглядом по моему окаменевшему лицу. — Но ты заблуждаешься, если думаешь, что я буду сидеть, сложа руки и позволять тебя диктовать мне условия.

— А как насчет слов, что ты приехала ради меня? — хрипло выдавливаю я.

— Это правда, но ты все понял на свой манер, Джейдан, — она нервно проводит пальцами по волосам. — Я хотела увидеть тебя, понять, что ты в порядке, успокоиться; пожелать тебе счастья, попрощаться, но не стать очередной женой, запертой в клетку. Подобная мысль никогда не приходила мне в голову.

— Как интересно у тебя все складывается, Рика, — ухмыляюсь я. — Женой быть не хочу, а потрахаться не против.

— А это низко, Джамаль, — с обидой произносит Эрика, спокойно выдерживая мой пылающий гневом взгляд. — Тем более, что ты сам на меня набросился, а не я пришла и предложила себя.

— И сделаю это снова, будь уверена, — мрачно обещаю я, и, подняв с пола упавший никаб, сую его ей в руки. — Надень. Мы уезжаем, — она выполняет требование, с презрением глядя мне в глаза. Не реагируя на демонстративную провокацию, я властно беру ее за локоть и тащу по направлению к двери. Именно тащу, потому что Эрика упирается.

— Ты вернешь мне телефон? — спрашивает она, приглушенным плотными слоями ткани голосом.

— Нет.

— Отлично. А документы?

— Ответ тот же.

— Значит, это все-таки похищение.

— Мужчины в моей стране берут то, что хотят, не спрашивая разрешения, — резко отвечаю я.

— И после этого ты хочешь, чтобы я тебе доверяла? — разочарование в ее взгляде заставляет меня напряженно стиснуть

челюсти. Я распахиваю двери, толкая Эрику вперед, и выхожу следом.

— Нет. Я хочу, чтобы ты делала то, что я говорю. А насчёт доверия..., - поймав ее запястье, крепко сжимаю. Пискнув, от боли, она оборачивается, яростно глядя на меня. — Ты же не думаешь, что я поверил твоей слезливой истории? Увидеть, понять и попроситься? Самой не смешно? Чтобы сделать это, тебе не нужно было связываться с Искандером аль-Мактумом. Мое доверие придется заслужить, Эрика.

— Что? Ты охренел? — она дергает свою руку и снова морщится от боли, когда я сильнее сдавливаю пальцы.

— Заткни рот, Рика, — холодно бросаю я, и стремительно направляюсь к лифту, распложенному рядом с лестницей, по которой поднимается встревоженная Адела.

— Джамаль, ты уезжаешь? — она буквально бегом преодолевает оставшееся расстояние, не сводя растерянного взгляда с закутанной с головы до ног Эрики.

— Да, проблема решилась, — сухо отвечаю я. — Прибери в мастерской, Эйнин устроила там жуткий беспорядок, но она искренне сожалеет о своем поступке.

— Конечно, я все сделаю, — задумчиво бормочет Адела, заметив, каким испепеляющим взглядом меня смерила Эрика, прежде, чем войти в кабинку лифта. Дверцы закрываются, и мы плавно спускаемся вниз, не разрывая напряженного зрительного контакта.

— У тебя красивая служанка, — произносит Рика, прищурив глаза. — У нее европейская внешность, и она говорит на английском.

— Домработница, — бесстрастно поправлю я. — Соглашусь, Адела очень привлекательна. И ты права, она из Швеции.

— И обращается к тебе по имени...

— Ты меня в чем-то подозреваешь, Эйнин? — спокойно уточняю я.

— Откуда в твоём доме красивая и молодая европейка?

— Разве есть законы, запрещающие нанимать на работу граждан других стран? — отвечаю вопросом на вопрос. Судя по выражению глаз, Рика собирается задать еще один, но в этот момент лифт останавливается, открывая двери. Я выхожу первым в тускло освещённое просторное помещение с серыми стенами и выставленными вдоль них автомобилями.

— Это парковка? — нахмурившись, спрашивает Эрика, изумленно оглядываясь по сторонам. — Откуда столько машин?

— Подземный гараж. Не все автомобили принадлежат мне. Служебные скоро заберут, — отзываюсь я, и, взяв ее за руку, направляюсь к трем черным Хаммерам, ожидающим сигнала возле больших стальных ворот.

— Что происходит? — шепотом спрашивает Эрика, от растерянности переплетая свои пальцы с моими. Я коротко киваю выпянувшему из первого внедорожника водителю, и все три автомобиля одновременно заводятся, ворота с механическим звуком поднимаются, пропуская в гараж дневной свет. Хаммеры один за другим плавно трогаются, соблюдая дистанцию, и покидают парковку. За последним ворота снова опускаются. Взглянув на наручные часы, я засекаю время.

— Немного придется подождать, — говорю я оцепеневшей Эрике. У дальней стены оживает серебристый «БМВ» и спустя пару секунд тормозит рядом с нами.

— Садись, — коротко приказываю я, открывая заднюю дверь.

— Ты же сказал подождать..., - замешкавшись, Эрика с тревогой и растерянностью смотрит на меня. Взяв ее за локоть, подталкиваю девушку в сторону кожаного салона.

— Внутри подождешь. Извини, но на Бугатти покатаешь в следующий раз.

— А ты? — теперь в огромных лазурных глазах мелькает неприкрытый страх. Боюсь даже представить, что она себе напридумывала.

— Даже не надейся, что избавишься от меня, — ухмыляюсь я. Моргнув, Эрика отводит взгляд и садится в автомобиль. Я опускаюсь рядом с ней, и, хлопнув дверью, нажимаю кнопку на панели, поднимая матовую перегородку, защищающую нас от любопытных ушей и глаз водителя. Я физически чувствую, как Эрика сдерживает себя от разрывающей ее на части потребности задать мне миллион вопросов. Надеюсь, что ее силы воли хватит надолго.

Достав свой телефон из кармана, загружаю мобильное приложение, фиксирующее изображение с наружных камер и как раз успеваю засечь момент, когда кортеж Искандера трогается вслед за удаляющимися Хаммерами. Разумеется, Эрика не смогла остаться в стороне, и, склонившись к моему плечу, сунула свой любопытный нос в происходящее на экране. Как только последний Мерседес кортежа покидает зону видимости, я блокирую телефон и убираю обратно.

— Можно ехать, — опустив перегородку на пару сантиметров, отдаю водителю короткий приказ, и возвращаю в изначальное положение. БМВ начинает движение, выезжая в поднявшиеся ворота.

Шумно вздохнув, Эрика стаскивает с головы ненавистный никаб, сверля меня вопросительным взглядом.

— В салоне не жарко, Рика, — ровным тоном замечаю я. Она пренебрежительно фыркает, скрестив руки на груди и откидываясь спиной на кожаное сиденье.

— Ничего не хочешь мне объяснить? — вызывающе спрашивает Эрика. Силы воли хватило ровно на три минуты. Прогресс.

— А должен? — приподняв бровь, уточняю я.

— Гости, о которых ты говорил, это люди Искандера? А Хаммеры ты использовал, как отвлекающий манёвр?

— Видишь, ты все сама понимаешь, — остается только развести руками и согласиться с выводами Эрики.

— Когда я звонила, автомобили уже были у ворот... — она задумчиво сводит брови, глядя перед собой. Неужели агент Доусон решила подключить мозг? — Как Искандер узнал, где я?

— Этот вопрос стоит задать себе, Рика, — саркастически отвечаю я.

— Что ему нужно от тебя? — переходит она в наступление, решив устроить мне допрос с пристрастием. Вообще-то, нечто подобное планировал сделать я, но в отношении Эрики. — Информация, которую собирался передать ЦРУ Ильдар, уничтожена. Так? Зачем наследнику понадобился агент в отставке, если он не владеет никакими важными и полезными данными?

— Я думал, что он за тобой приехал, — пожимаю плечами, наблюдая за сменой выражений на красивом личике Эрики. Что же ты задумала, маленькая бестия? И как заставить тебя говорить?

— Не нужно выставлять меня полной дурой, Джамаль, — злится Рика. — Что у него есть на тебя? Или у тебя на него? Существует какой-то правительственный заговор против кандидатуры принца на наследование престола, и ты тоже в нем участвуешь? — она пытливо смотрит мне в лицо, перебирая версии. — Ты забываешь, Джамаль, что я прекрасно слышала все, о чем вы говорили с Ильдаром в «Океане». Ты высказывал подозрение, что АРС, и премьер-министр имеют отношение к организаторам «Шатров Махруса», и, если ты выступаешь на их стороне против Искандера, то выводы напрашиваются сами собой. По крайней мере, я уверена, что принц намерен бороться с «Шатрами» и теми, кто стоит за ними.

— И ты ему в этом решила помочь? — скептически уточняю я. — Считаешь, что я замешан? А благородный принц — святая невинность?

— Нет, — отрицает мисс Доусон. — Я просто пытаюсь думать логически.

— А если бы твой прекрасный благородный принц и борец за свободу, благодетель и просто красавчик, прислал отряд спецназа и приказал расстрелять нас обоих, ты бы заговорила иначе? Если я злодей, ответственный за все преступления в этой стране, то почему бы ему просто не убрать меня, как источник распространения заразы?

— Раз Дерек этого не сделал, значит, у тебя есть влиятельные покровители, — поджав губы, заявляет Эрика. Очень интересная и весьма оригинальная точка зрения.

— Организаторы «Шатров Махруса», например? — ледяным тоном спрашиваю я.

— Нет, не утрируй, пожалуйста, — раздражается Рика, поворачиваясь ко мне вполоборота. — Может быть, тебя ввели в заблуждение. И ты защищаешь людей, которые на самом деле зарабатывают свои миллионы на продаже живого товара.

Замечательно, теперь я доверчивый идиот. Отличного же ты обо мне мнения, детка.

— Скажи, о чем ты подумала, когда увидела Аделу, Рика? — нарочито небрежно спрашиваю я. — Решила, что я купил ее у своих приятелей работоторговцев и держу, как рабыню?

— Это была случайная мысль, но я тут же ее прогнала, — по крайней мере, она не лжет, что подобный вывод не приходил ей на ум. — Мы были там... — побледнев, продолжает Эрика. — Я знаю, что ты не имеешь никакого отношения к деятельности «Шатров». Но насчёт главы правительства и полковника АРС не уверена. Если ты действительно уволен, то что могло остановить Искандера от его намерений? Ты простой архитектор. Для его людей ничего не стоит войти в дом по приказу наследника и увести меня силой, но они этого не сделали. А значит, ты мне лжешь.

— Ты тоже мне лжешь, Рика, — уклоняюсь от прямого ответа. — Разница в том, что я не договариваю по одной простой причине — незнание правды является своего рода защитой для тебя.

— То есть ты ничего мне не скажешь? — в выразительных бирюзовых глазах закипает гнев.

— Ни слова, — уверенно подтверждаю я. — Пока ты не объяснишь, что заставило тебя принять предложение «погостить» от Искандера аль-Мактума или, как ты там его зовёшь, Дерек? Интимные клички, Рика? — последнюю фразу цежу сквозь сжатые зубы.

Мои мысли не покидают сказанные ею слова, прозвучавшие в ответ на прямой и конкретный вопрос. *«Допустим, нет.»* Да, после она заверила, что между ней и принцем ничего не было, но могла сделать это из страха, заметив мою реакцию. Чертовски сложно поверить, что Искандер разыгрывал из себя благородного рыцаря на протяжении достаточно длительного промежутка времени, учитывая, что я видел, как они обнимались после аукциона, когда он застегивал на ней инклюзивное кольцо из коллекции «Лакшери Корп». И Эрика не выглядела оскорблённой, скорее, наоборот. С чего бы? Только последняя идиотка будет возмущаться, если получает в дар драгоценности за три миллиона от наследника престола. А, если сюда добавить все сказанное ею о всемогущем принце десять минут назад, то картинка складывается не самая приятная. Для меня, разумеется.

— Ты опять начинаешь? — хмуро спрашивает Рика. — Если считаешь меня шлюхой, то просто вышвырни из машины. Ты же это мне обещал вчера? Выставить из дома голую и оттраханную? При том, что я не твоя жена, чтобы ты устраивал мне сцены ревности и что-то требовал.

— Если бы ты позволила подобное, будучи моей женой, я бы тебя убил, — совершенно спокойно сообщаю я.

— Мне повезло, что я не твоя жена, — задрал свой капризный носик, заявляет Эрика, окинув меня выразительным взглядом. Я удержался от ответного выпада, явно разочаровав жаждущую конфликта мисс Доусон. Я понимаю, чего она добивается, намеренно выводя меня из себя. — Долго нам ехать? — бросив взгляд в окно, спрашивает она скучающим тоном.

— Чуть меньше часа.

— И как ты представишь меня своим женам? — не выдержав и минуты молчания, Эрика снова пускается в наступление. Чтобы укротить мисс Доусон, понадобятся не только стальные яйца, но и

железные нервы. — Как служанку, воровку, любовницу или сестру лучшего друга, которая снова попала в беду? — перечисляет она.

— Как свою невесту, — сообщаю бесстрастно.

— Ты спятил? — ее лицо изумленно вытягивается, в глазах мелькает недоверчивое выражение. Не ожидала, крошка?

— Для них эта новость тоже будет большим сюрпризом, — пользуясь временной потерей дара речи у говорливой Эрики, отвечаю я. Она хлопает ресницами, пытаясь осознать услышанное.

— Даже не вздумай! Они возненавидят меня ещё сильнее! — придя в себя, яростно восклицает она.

— Почему, черт возьми, они должны тебя ненавидеть? — ее реакция мне абсолютно не нравится. Прищурившись, я стараюсь понять, какого Шайтана нужно этой женщине, чтобы наконец успокоиться.

— Тебе перечислить причины? — спрашивает Рика, чуть не плача. Какого черта? Появиться в моем доме в качестве горничной или любовницы лучше? Или я чего-то не понимаю?

— Я уже говорил, что они примут любое мое решение. Никто не станет тебе устраивать курс выживания молодого бойца. Есть одна просьба, — Рика вопросительно приподнимает брови. — Не болтай лишнего при Лейле, — поясняю я.

— Теперь я еще и трепло, — разъярённо ухмыляется она, качая головой.

— Нет, дело не в этом. Ее отец Таир Кадер, — сообщаю я новость, которая, я уверен, вызовет фурор и новую волну возмущения.

— Ты издеваешься? — повышая голос, переспрашивает шокированная Эрика. — Глава внешней разведки АРС твой тесть? Это, вообще, не запрещено уставом? Он же твой прямой руководитель.

— Не единственный, — уточняю я. — Как агент широкого профиля, я выполнял как внутренние, так и внешние задачи. Теоретически я подчинялся директору АРС — генералу Амину Башару, а Кадер возглавляет одно из подразделений.

— Вот почему тебе спускали нарушение инструкций, — осеняет Эрику. — Ты на самом деле ничем не рисковал.

Тебя прикрывал Кадер. Вот откуда такая слепая преданность, — ее негодующий взгляд останавливается на мне. — И как твой тесть

отреагирует на то, что ты привел в дом невесту, которую он полгода назад приказал ликвидировать?

Хреново отреагирует. Вряд ли Кадер ожидает, что его «подарок» займет законное место в моей жизни и станет членом семьи. Но Таир не посмеет ничего предпринять, пока Рика находится на одной территории с его любимой дочерью.

— Ситуация изменилась, — уклончиво отвечаю я.

— Да что ты! — иронизирует Эрика. — Сейчас он меня полюбил.

— Ты не представляешь для него угрозы, пока находишься под моим контролем.

— Меня это должно утешить? — скептически уточняет Рика.

— Нет, прими, как аксиому, — отрезаю резким тоном, теряя терпение. — И закроем тему.

— И сколько мне придется любезничать с твоими женами?

— Рика, хватит, — вибрирующим голосом предупреждаю я, поддевая пальцами ее подбородок. Взгляд останавливается на синяках, темнеющих на впалых скулах. Они служат наглядным напоминанием, почему сейчас я должен остыть и не вестись на провокации дерзкой стервочки, пытающейся довести меня до нервного истощения.

— Теперь я должна напугаться? — она не собирается успокаиваться, методично расшатывая мой самоконтроль. Мазохистка чертова.

— Заткнуться, — рывкаю я. Рика пытается отвернуться, но я удерживаю ее подбородок, старясь не причинять боль.

— Слушаюсь, господин, — дерзкий вызывающий взгляд прямо в глаза срывает последний предохранитель.

Дальше будет взрыв, и на этот раз она действительно сама напросилась.

— Ты специально меня злишь? — даю ей последний гребаный шанс. Прислушайся к своей интуиции, детка. Пытаюсь вложить эту мысль в свой направленный на нее тяжелый взгляд.

— Нет, учусь быть послушной женой, — парирует Эрика, передернув плечами.

— Мотивация отличная, но исполнение фальшивит, — отвечаю сквозь зубы. Она насмешливо приподнимает брови, раздвигая полные губы в ироничной улыбке. Мой взгляд опускается на непокорный болтливый рот, острое возбуждение вызывает болезненную пульсацию

в паху, переключая мои мысли в горизонтальную плоскость. Я кое-что не закончил этой ночью.

— Хочешь преподать мне урок послушания?

— Да, хочу, — севшим голосом соглашаюсь я, и с голодным рычанием накрываю ее губы своими, заглушая протестующий вопль. Она упирается ладонями в мою грудь в тщетном сопротивлении. Запустив руку в шелковистые волосы Эрики, сгребая их пальцами на затылке, оттягивая ее голову назад, и углубляю поцелуй, проталкивая язык между жемчужных зубов. Эрика беспомощно стонет в мои губы, ее пальцы скользят вверх, зарываясь в мои волосы в неожиданной ласке.

— Делаешь успехи, малышка, — на долю секунды прерывая поцелуй, шепчу я. Нетрепливо задираю подол шелковой абайи, стремительно поднимаясь ладонью вверх по внутренней стороне бедра, обтянутого джинсовой тканью, грубо сжимаю промежность, надавливая большим пальцем на шов напротив клитора. Еще один протестующий стон опаляет мои губы. Я прижимаюсь ближе, позволяя Рике почувствовать упирающуюся в ее бедро каменную эрекцию. Кислород в легких заканчивается, и я отрываюсь, задыхаясь от дикого желания содрать с нее одежду. Сделав несколько плотков воздуха, впиваюсь в пульсирующую венку на ее горле, прикусывая кожу зубами.

Рика снова пытается отстраниться, но я только мощнее вдавливаю строптивую кошку в сиденье, разворачивая так, чтобы ее задница оказалась напротив набухшей ширинки. Ласкаю языком чувствительное местечко за аккуратным ушком, вдыхая ее аромат, от которого напрочь сносит крышу.

— Ты с ума сошел, — тяжело дыша, шепчет Рика, — Прекрат... — она замолкает, когда снова надавливаю на джинсовый шов между ее ног, стимулируя возбуждение девушки. Толкаюсь пульсирующим членом в обтянутые джинсами ягодицы, издавая грудные животные звуки, испытывая адские мучения на грани боли и похоти. Мне кажется, я взорвусь, если не трахну ее сейчас.

— Послушание может быть приятным, Эйнин, — хрипло бормочу я, расстегивая пуговицу на ее джинсах, потом молнию, запускаю ладонь в мокрые трусики, бесцеремонно раздвигая пальцами припухшие горячие складки и жестко растирая крошечный клитор. —

Очень приятным. Правда, детка? — она всхлипывает, не в силах говорить, да и что тут скажешь, реакция ее тела слишком красноречива.

— Я не могу так... Не здесь. Не сейчас, — бормочет она беспомощно, уже осознавая, что остановить меня может только конец света.

— Сейчас и здесь. Хочу тебя, Эйнин. И ты тоже хочешь, — прижимаясь щекой к затылку Рики, рывком дёргаю вниз ее джинсы, спуская почти до колен, второй рукой расстёгиваю свои. Ремень, пуговица, ширинка.

Хриплое рычание клоочет в горле, когда освобождённая, налившаяся кровью головка члена ударяется о подтянутые ягодицы Эйнин. Впиваясь зубами в нежную кожу на ее шейке, обхватываю Эрику за талию, и, нажимая ладонью между лопатками, наклоняю вперед. Одной ногой упираюсь в пол, коленом другой в сиденье. Абайя болтается где-то в районе талии, сочная задница, прикрытая тонкими крошечными трусиками, выпядит фантастически, делая мой измученный ожиданием член ещё тверже. Я дергаю лишний лоскуток вниз и, крепко взявшись за бедра девушки, глубоко загоняю каменный ствол в блестящую от влаги промежность.

— Шайтан, ты такая горячая, детка, — хрипло зарывав, полностью выхожу, и вбиваюсь до упора. — Охрененно горячая... — бормочу я, и сминая ладонями ее задницу, щипая и дразня порозовевшую кожу. Снова выхожу, опуская взгляд на блестящий от женских соков член, замечая, как капли влаги стекают по внутренней стороне ее бедер. Умопомрачительное зрелище.

— Моя развратная дерзкая пантера, — проникаю с хлюпающим звуком в мокрое лоно, и полностью отпускаю контроль и сдержанность.

— Похотливый, озабоченный... — застонав, Рика упирается ладонями в стекло боковой дверцы, пытаясь удержать равновесие, пока я трахаю ее в бешеном ритме. Не самое удобное место для секса, но кого это волнует сейчас. Просовывая руки под задрывшуюся абайю и футболку, сжимаю ладонями упругие груди, подпрыгивающие от моих жестких толчков. Потираю твердые узелки сосков, без остановки вбиваясь в нее сзади с влажными развратными шлепками, издаваемыми нашими телами. Слишком сосредоточившись на

собственном удовольствии, я почти упускаю момент, когда Эрика начинает кончать, изогнувшись и впиваясь в мое бедро острыми когтями. Она кусает собственный кулак, чтобы не кричать, дрожит всем телом, сжимая мой неистово таранящий ее член тугими сокращающимися стенками ее лона. Наклоняясь, я зарываюсь носом в взмокшие шелковистые волосы, закрывая глаза, и отдаваясь подкатывающей волне освобождения. Еще несколько резких толчков, и меня накрывает... Я утробно рычу, крепко прижимая к себе хрупкое тело Эйнин. Острое мощное удовольствие зарождается в каждой застывшей от напряжения мышце, постепенно опускаясь вниз, выстреливая горячей струей спермы из набухшего члена внутри жаркого тугого лона. Содрогаясь всем телом, я несколько раз инерционно толкаюсь в нее, и расслабленно откидываюсь на сиденье, затаскивая присмирившую удовлетворенную Эрику на свои на колени. Властно обняв за талию одной рукой, второй поворачиваю к себе лицо Эйнин и нежно целую, пробуя на вкус ее дерзкий язычок.

— Как бы ты ни шипела, тебе чертовски нравится, все, что я с тобой делаю, — оторвавшись от сладких губ, я потираюсь носом о ее щеку. — Спасибо, детка. Это было очень хорошо, — но лёгкость и блаженная эйфория длятся совсем недолго. Заерзав, Рика задевает своей попкой опавший удовлетворённый член, и он снова начинает подавать признаки голода. — Чертовски хорошо и чертовски мало, — лизнув уголок ее губ, поправляюсь я. — У нас есть еще двадцать минут. На мой взгляд, ты не до конца усвоила урок.

ГЛАВА 9

«Если вы хотите что-то взамен, то не называйте это Любовью.»

Рави Шанкар

Эрика

Я не могу, не в силах оторваться от Джамала сейчас, как бы отчаянно ни взывали внутренний голос и уязвленная гордость к здравому смыслу. Не способна противостоять своим истинным желаниям, когда чувствую его бешеный голод по мне, а пульсирующий в нетерпении член Джейдана требовательно упирается в мои бедра. Колени и кончики пальцев дрожат, я не в силах сейчас даже говорить, до сих пор пребывая в немом шоке от нашего спонтанного, жадного, горячего соития на заднем сиденье машины.

Возможно, Джейдан прав, и «хороший трах» действительно делает из меня послушную, ласковую кошечку, не способную на борьбу и сопротивление. Огромное желание прикоснуться к нему, чувствовать своего мужчину и подчиняться ему снова и снова, синхронно растворяясь в общем океане удовольствия, затмевает все остальные потребности, которые ещё десять минут назад могли иметь какое-либо значение. Здесь и сейчас. Мне ничего не нужно. Кроме как ощущать Джамала всей кожей.

— Ты сводишь меня с ума, мой ненасытный Асад, — томным, нежным и обессиленным тоном искренне признаюсь я, ощущая, как, вторя моим словам, с перебоями бьётся сердце, до краев переполненное новыми оттенками одного чувства, которое я, несомненно, давно питаю к Джамалу. И чем больше в наших отношениях страсти, неистовой одержимости, нежности, которую он проявляет после близости, тем больше я верю его красивым словам и обещаниям, данным мне. Тем сложнее быть упрямой и гордой, отстаивать свое мнение, права и единственное условие, которое необходимо мне, чтобы мы могли быть вместе: не знаю, каким

образом, но в нашей жизни нет места его женам, как и моим обнаженным фото в Инстаграм и флирту с другими мужчинами.

Иногда мне кажется, что рано или поздно я первая сдамся ему, покорюсь его силе и воле, осознаю, что просто не смогу, действительно не смогу жить без Асада, и стану неотъемлемой частью его жизни на любых условиях: хоть две жены, хоть целый гарем... мне не помешает ничто, если считать его слова про «жизнь за меня отдаст» тем самым признанием. И когда сейчас Асад учащенно дышит в мои приоткрытые губы, а его сильные ладони в собственнической ласке исследуют мое тело, жадно трогая и сжимая. все ещё помню, насколько приятно было ощущать, как он кончает внутри меня без всякой защиты, которой мы так опрометчиво и глупо пренебрегаем, я окончательно теряю разум и просто не знаю, как быть дальше.

«Все, Эйнин. Я принадлежу тебе, даже если ты находишься на другом конце света», — правда или ложь, но он выжег это признание на моем сердце, заставил поверить. Он принадлежал мне все эти годы, все эти месяцы, и ничто этого не изменит. или я просто хочу так думать, хочу верить в то, что мы — это судьба, Мактуб, и на самом деле, рядом с ним, у меня нет никакого выбора.

Возможно, моя история о *принятии*, к которому я пока не готова.

Джамаль так сильно утомил и расслабил меня, что сейчас я не в силах «двум осточертелым доводам» мешать нам, подсознание подкидывает мне дикие, запретные и развратные образы горячего продолжения. Кажется, будто я нахожусь за гранью реальности, в нашем крошечном мире, где он принадлежит только мне, и я со спокойным сердцем забываю, что подобный «эффект» — не более чем всплеск гормонов, ударная доза «анестезии», спровоцированная крыше сносным оргазмом.

Наш мир — это самообман.

Моя сладкая иллюзия. Одержимый дурман. И я не хочу, чтобы он рассеивался...

— Это значит, что ты согласна приступить ко второму уроку прямо сейчас, моя развратная девочка? — Джамаль импульсивным движением зарывается носом в изгиб моей шеи, согревая чувствительное место теплым дыханием. Крепче прижимает к себе, толкаясь бедрами вперед. Обнаженной кожей ощущаю, как

увеличивается под моим слабым и невинным покачиванием на его бедрах член. Расплываясь в лукавой улыбке, чувствую разрастающуюся горячую волну предвкушения внизу живота, облизывая пересохшие губы кончиком языка.

— Я не отказываюсь от своих слов. Ты сумасшедший и озабоченный тиран. Который когда-нибудь выпотрошит мне всю душу. Но я так сильно хочу этого тирана, — мягко щебечу я, льну к нему в ответ, покрывая легкими поцелуями и укусами линию челюсти, изредка возвращаясь к губам. Слегка дрожащими руками нахожу напряженные кубики пресса, забираясь к ним под ненужную преграду из ткани. Опускаю свои бедра с его колен на сиденье рядом, продолжая прижиматься грудью к Джамалю, и тянусь губами к мочке его уха:

— Хочу отсосать тебе прямо сейчас, в машине, — вырывается из груди запретное желание и, не дожидаясь его ответа, я обхватываю его окрепший член нежным, но плотным кольцом пальцев. — До последней капли, как ты любишь.

Не могу удержать в груди сдавленный и хитрый смех, когда наблюдаю за оттенками удивления, смятения, блаженного удовольствия и желания, исказившими его мужественные и серьезные черты лица. Мое сердце поет, когда я делаю ему приятно — словами, поступками, телом, языком... *он прав, я создана для этого, для него создана. Хочу, чтобы он чувствовал это каждый час, каждую секунду.*

— Детка, что ты творишь. Ты ещё пять минут назад меня проклинала и ненавидела, Эйнин. Шипела, ругалась и готова была разодрать к черту, — тяжело дыша, выдыхает Джамаль, когда я отпускаю его объемную плоть, чтобы уделить внимание другим чувствительным местам ниже его пояса легкими дразнящими касаниями, которыми доведу Джея до высшей точки кипения и, лишь потом приступлю к желанию, что ему озвучила.

— Но тебе это нравится, Джамаль, — носом утыкаюсь в его скулы, мягко потираясь о его щеку. — Нравится наша борьба, с самой первой минуты наедине. Нравится подавлять меня, нравится ощущать, как я сдаюсь тебе... и только тебе. Помнишь, как это было впервые, Асад? — я вновь сжимаю его пульсирующий член в кулаке, накрывая головку большим пальцем. Спускаю его на пару сантиметров ниже,

начиная выводить мягкие и скользящие круги в чувствительном месте под ней, наблюдая за мельчайшими искрами удовольствия, вспыхивающими в синих глазах. — Помнишь, как я прикасалась к тебе тогда, на вечеринке? К незнакомцу. Бесстыдно, грязно, и тебе это нравилось. Уверен, что тебе нужна покорная скромница? — шепотом интересуюсь я, упиваясь видом его возбуждения, каждым моментом напряжения, сотрясающего воздух между нами и, кажется, все небеса над Анмаром. Я готова вечно смотреть на то, как Джамаль изнемогает, слегка запрокидывая назад голову. Как дергается его кадык, проступают сквозь кожу напряженные вены, губы Джейдана замирают в немом оскале, брови непроизвольно сдвигаются к переносице. Мышцы пресса Джамала сокращаются на вдохе и выдохе, когда он подается бедрами вперед, призывая меня поспешить с действиями и довести его до скорой разрядки. Не так быстро, мой Асад. Взрыв наших эмоций будет куда ярче, если ты дашь мне немного «поиграть» с тобой.

— Или тебе нужна смелая и гордая развратница, обожающая каждую клеточку твоего тела? Я такая, Джамаль... ни один никаб не скроет моих истинных желаний, когда я с тобой. Помнишь, как я сосала тебе в заброшенных песком руинах посреди пустыни? Мне это нравится, чертовски нравится, Асад. Наверное, я способна кончить просто доставляя тебе удовольствие. Проверим?

— Помню, Эйнин... бл*дь, черт, — ругается сквозь стиснутые челюсти, пока я одной рукой довожу его до исступления, чередуя плотные сжатия и нежные вращения по всей длине члена. Лучше ему не знать, где я научилась этому «искусству», а не тупому механическому натиранию, которым едва ли можно порадовать искушенного Джейдана. — Презервативы и смазку из твоей сумочки трудно забыть, — сквозь фейерверк наслаждения усмехается Джамаль, и я расплываюсь в глупой улыбке, вспоминая о своей сложнейшей операции по установке жучка в спальне Маркуса Флеминга. В тот самый момент, когда я начинаю с влажными поцелуями опускаться по телу Джамала, одержимая жаждой добраться до его члена и исполнить наше общее желание, ощущаю, как этот непредсказуемый тиран вновь грубо сжимает раскрытой пятерней мои волосы, и резко поднимает мое лицо к своему.

Маска наслаждения, в которой ещё недавно застыли его черты, сменилась на каменную, железную, отчужденную. Я смотрю на Джамала, ощущая, как мои внутренности буквально начинают переворачиваться и сжиматься, трепеща от его решительного, полного уязвленного самолюбия взгляда. Не понимаю...

— Я сделала что-то не так? — моя рука по-прежнему массирует его возбужденную длину, и я прекрасно чувствую, как он хочет и отзывается на прикосновения. но взгляд Джейдана кричит совершенно об обратном. Его взор выносит мне едва ли не смертный приговор, и я совершенно не понимаю, в чем причина такой резкой перемены в настроении.

— Я просто вспомнил. О презервативах и смазке, которые нашел в твоей сумочке, черт подери. Как ты это объяснишь мне, Медина? Что с подобным набором ты заявила в Анмар, во дворец Аль-Мактума, совершенно случайно? — выплевывает непоколебимым тоном. Прямо в лицо. Это звучит хуже оскорбления в такой интимный момент, когда я полна ласки и желания сделать ему самый незабываемый минет в его жизни. — «Допустим, нет», Рика. Так «нет» или «допустим»? — слегка встряхивая мою голову, бесцеремонно пытается он. Внутри меня все падает, нежность и желание в один миг растворяются.

Что он, черт возьми, обо мне думает?

— Ты издеваешься, Джамаль? — все еще не в силах поверить в то, что даже в такой момент, когда я вся под ним, вся для него. считает меня шлюхой, которая только и занималась тем, что ублажала Мактума. Проглатываю обиду, стараясь не закипать, но это невозможно, когда Джамаль яростно мечет в меня молнии глазами, мгновенно приобретающими цвет грозового неба. — Я говорю тебе такие вещи, а ты.

— Я хочу быть уверен в том, что только со мной ведешь себя как разнузданная одалиска. Что я должен думать? Пачка презервативов, не считая одного. Успела использовать, Рика? Если он тебя трахнул, я его кастрирую, а тебя придушу прямо сейчас, — скрипнув зубами от едва сдерживаемого гнева, он вновь встряхивает меня, как последнюю шармуту, рабыню, приобретенную для утех на аукционе в «Шатрах Махруса». Пересчитал, черт его подери, агент хренов. Делать нечего было? Неимоверное возбуждение испепеляют зажимы, образующиеся в теле, от грубого обращения Джамала и неистовой хватки.

Гордость, словно обезумевшая гончая, срывается с внутренних цепей, стремясь вцепиться зубами и лапами в своего единственного обидчика:

— Думай, что хочешь! Конечно, Джейдан. Конечно, я трахалась с ним, а тебе сказать забыла. И мне чертовски понравилось, как он работает своим внушительным инструментом, — без запинки, правдоподобно подливаю масла в огонь. — Но тебе не стоит брезговать и беспокоиться, дорогой. Я же использовала защиту, как ты успел заметить, — с откровенной издевкой, елейным тоном уверяю я. — Как тебе такая новость? Все ещё видишь меня третьей женой? — горячо уверяю его я, закидывая вопросами, и, наблюдая за тем, что происходит с ним, прихожу в ужас.

— Что ты сказала, кхара? Повтори! — грозно рокочет он, вновь сдавливая мои скулы.

— Что слышал. Презерватив я использовала по назначению, — даю твердый ответ, испытывая необъяснимую потребность причинить ему боль, заставить почувствовать все то, что ощущала я, представляя, как он развлекается со своими женами. — Давай, Джамаль, вперед. Покажи свои навыки агента АРС. Ты же безошибочно можешь определить, говорит оппонент ложь или правду. Или со мной твоя система всегда дает сбой?

— Ты играешь с огнем, Эрика, — впиваясь в меня разъярённым взором, опустошающим до дна мою душу и уничтожающим вдребезги игривый настрой, Джамаль остервенелой хваткой сжимает мою талию. — Тебе лучше сказать мне правду, идиотка, иначе я быстро сменю твой статус «невесты» на статус шлюхи, с которой буду развлекаться в те дни, когда мои жены будут не в настроении. Ты этого добиваешься своим дерзким языком и враньем?

— Думаешь, я все-таки лгу, Джамаль? Уверен? — с вызовом бросаю я, ощущая, как заражаюсь свирепостью, источаемой Джейданом. Судя по взгляду, Каттан впервые не может определить, лжет его собеседник или говорит правду. — Не стоит так ревновать, Джамаль, — миролюбивым тоном щебечу я, ласково прикасаясь кончиками пальцев к его губам. — Один использованный презерватив в пачке не показатель того, что *я не принадлежу тебе...* — переворачиваю его слова я, вкладывая в них всю свою боль, которую, я надеюсь, он осознает. Вот что чувствую я, когда он говорит мне, что

принадлежит мне, а на деле еще двум другим женщинам. *Больно, Джамаль?* Разница лишь в том, что не было ни секунды в моей жизни, когда я нуждалась в другом мужчине. После него.

— Я никогда не сдамся, Джейдан. Никогда не смирюсь с судьбой *третьей женщины* в твоем списке, — дрожащим тоном продолжаю я, но Джамаль не дает мне закончить, обхватывая мою шею властным жестом:

— Чем больше ты борешься за свои «условия», Эйнин, тем больше я хочу тебя придушить. И невольно задаюсь вопросом, нужна ли мне такая упрямая женщина, неспособная принять законы и традиции моей страны, а значит и меня? — сухим, бесчувственным тоном отрезвляет нас обоих Джейдан и резко отпускает меня, не прикладывая силы, но я все равно отстраняюсь назад, будто от мощного удара. Перемещаюсь на другую сторону дивана в салоне авто, молча застегивая джинсы, и поправляю абайю, ощущая, как его сперма все ещё вытекает из меня на нижнее белье и одежду.

Мое сердце мгновенно покрывается инеем, несмотря на то, что ещё десять минут назад оно сгорало в пламени нашей потребности друг в друге.

К слову, презерватив я действительно использовала по назначению — с моим горячим темпераментом трудно жить в вечном воздержании. Не думаю, что Джейдану стоит рассказывать о том, что в чемодане, собранном в Анмар, я прихватила одну «игрушку», которая никогда не заменит мне его член, но способна дать необходимую разрядку и слабый намек на фееричное удовольствие. Или к члену из сексшопа он меня тоже ревновать собирается? Кто его знает. Так что, фактически, мой ответ «по назначению» — является правдой, но не в том ключе, в котором он мыслит.

Поэтому и сомневается в своем внутреннем «детекторе лжи».

— Приехали, — спустя пять минут произносит стальным тоном Джамаль, не сулящим мне ровным счетом ничего хорошего. Я здорово его разозлила, довела, но мне плевать. Сам виноват, пристал со своим допросом вместо того, чтобы сидеть и получать кайф от сорвавшегося минета. Теперь пусть мучается... или сегодня его потребность закроет одна из жен?

Он открыто признался мне в том, что никогда не будет пренебрегать «супружеским долгом» несмотря на то, что

принадлежит мне. Боги, как абсурдно и мерзко это звучит, он сам-то себя слышит?

Резко выдохнув, я стараюсь полностью выключить эмоции и морально подготовиться к тому, что ждет меня в новом доме.

К тому времени, как слуга открывает дверь автомобиля с моей стороны, я полностью закрываю лицо никабом, предварительно бросая демонстративно холодный взгляд на Джамала, отвечающего мне равнодушным непоколебимым взором, оставляющим беспощадные рубцы на моем сердце. Смирено следую за ним по вымощенной камнем алее, пролегающей к моему очередному месту жительства. Выглядит дом, в котором живут жены Джамала, впечатляюще — как минимум потому, что сильно отличается от привычных особняков и резиденций в арабском стиле.

Подобные я видела в Голливуде и Беверли-Хиллз, полностью современные и лаконичные виллы с классическими панорамными окнами в нескольких гостиных. У меня не было возможности оценить снаружи дом, что он построил для меня, но для жен Каттан определенно постарался. Я рассматриваю едва заметные детали арабского стиля, ненавязчиво вплетенные в декорации современного дома и прилегающей территории, и не замечаю, насколько быстро мы оказываемся внутри — ощущения мои, как только переступаю порог чужой территории, мягко говоря, не радужные. Словно добровольно вошла в серпентарий, кишаций ядовитыми змеями.

— Смелее, Медина, — на удивление спокойным и мягким тоном отдает приказ Джейдан. — Здесь ты будешь в полной безопасности, — обещает он.

— Я в этом не уверена, — вырывается из губ едва слышно, пока я молча наблюдаю за тем, как слуга, к которому Джейдан обращается «Калиф», подает ему серебряный поднос, на который Джейдан привычным жестом складывает свои часы.

— Аксессуар будет очищен к завтрашнему дню, сайиди, — покорно кланяется Калиф хозяину. — Лейла и Аида уже знают о вашем приезде. Будут здесь с минуты на минуту, — предупреждает Калиф, и я инстинктивно отступаю на шаг назад, испытывая острое желание сбежать прочь из этого дома.

Несколько дней здесь решат для меня все. Я либо пойму, что готова смириться с такой жизнью, что вряд ли, либо осознаю, что

это не моё, и уже окончательно... прощаюсь с человеком, который, несмотря на все ссоры, споры и неравные бои между нами, является частью меня.

— Здесь ты можешь снять никаб и абайю, Эйнин, — Джамаль кидает открытый и прямой взгляд на меня, медленно склоняя голову набок. Я не спешу выполнять его дозволение — просто не успеваю прийти в себя, перерабатывать эмоции, что испытываю, пребывая в доме, где мне будут явно не рады.

Тянусь кончиками пальцев к платку, но нерешительное действие обрывает дрожь, вызванная залиvistым смехом и звуком топота босых ног. Судя по дрожащим светильникам в холле, жены Джамала несутся к любимому со скоростью света.

— Я так ждала тебя, хабиби! — по рукам и ногам меня связывает в парализующее шибари. Я не могу пошевелиться, когда замечаю источник восторженного вскрика, повисший на шее *моего* Джамала.

Довольно худая девушка с выдающейся вперед грудью, обладающая полотном из шоколадных волос, достающих кончиками до ее поясницы, бесцеремонно обнимает Джейдана и, судя по тому, как нервно кусает губы, так и жаждет впиться в него страстным поцелуем, но явно сдерживает себя из уважения ко второй жене Каттана. Обе жены Джамала облачены в длинные платья, закрывающие колени. Очевидно, сегодня они сговорились и решили порадовать своего мужа глубокими декольте, и я не могу не заметить того, что он оценил их старания долгим, пристальным взглядом. — Джамаль-джан... — нараспев тянет девушка, не отлипая от Джейдана, что без тени смущения крепко обнимает ее в ответ, обхватывая осиную талию. — Солнце было таким тусклым без тебя, — печально театральным голоском продолжает встречать мужа женщина, вызывая в моем желудке характерные для тошноты спазмы.

— Аллах услышал мои молитвы, раз вернул тебя к нам так скоро. Я не люблю долгие разлуки, хабиби, — продолжает заполнять все окружающее пространство дома неутомимая женушка. Ох, черт. Джейдану это нужно? Неужели она не понимает, что ее слишком много? Еще мне предьявляет, что у меня исполнение фальшивит.

подавив внутреннее возмущение, я стою по стойке смирно, призывая себя к разумному поведению.

— Безумно рада видеть тебя, мой сайиди, — подает наконец робкий голос вторая жена Джейдана. Интуитивно чувствую, что шатенка является Лейлой, а облаченная в скромное на первый взгляд длинное платье песочного цвета с вырезом «на грани» рыжеволосая нимфа — Аидой. Ее взгляд прикован исключительно ко мне, и, несмотря на то, что из-за черной сетки она не может видеть моего ответного испепеляющего взора, я уверена, она чувствует, что я не из робкого десятка, и отвечаю ей не менее воинственным взглядом.

Жены Джамала настоящие красавицы, других я и не ждала. Я не собираюсь сравнивать себя с ними и умалять их внешние достоинства, и все же я не понимаю, как он мог собрать вокруг себя трех настолько разных женщин — а то, что мы абсолютно разные, чувствуется по первому взгляду и по энергетике, транслируемой через каждое движение девушек. Лейла — словно стремительная и извилистая река, несущая воды к своему Океану. Аида — на первый взгляд кажется миловидной русалкой из знаменитого мультфильма, обитающей на его дне. Девушка источает надрыв, сломленность, потерянность и привлекательную для Джамала загадочную сексуальность, которой его, судя по всему, и зацепила, спровоцировав мужчину на второй брак.

Вездесущая Лейла наконец отпускает Джамала, уступая место Аиде, заключающей Каттана в сдержанные, почти дружеские объятия. Тем не менее от моего взгляда не скрыть то, как девушка мягко складывает пальцы на его затылке, слегка массируя чувствительную зону, к которой еще недавно прикасалась губами я.

То, что я испытываю сейчас, вряд ли можно передать какими-либо словами. Должно быть, горю заживо, резко упав с наших небес в жерло вулкана... и при этом не имею права издать ни звука.

— Лейла, Аида, — поочередно обращается Джамаль к женам, подтверждая мои догадки о том, кто из них, кто.

— Я тоже рад вас видеть. Надеюсь, вдвоем вам было не так скучно. Сегодня у меня будет много работы, и я не смогу уделить вам должного количество времени. Но прежде чем уединиться, представлю вам новую гостью этого дома, — уверенным тоном заявляет Джейдан, Лейла и Аида обеспокоенно переглядываются, искоса глядя на меня.

— У нас достаточно прислуги, Джамаль, — не растерявшись, заявляет Лейла, нервно теребя прядь длинных волос.

— А мне бы не помешала ещё одна служанка, — добавляет соли на мои шрамы Аида обманчиво кротким тоном. Чует мое сердце, эта женщина — настоящая кобра, прикидывающаяся безобидным ужом.

— Лейла, Аида, речь не о прислуге. Я принял решение жениться вновь, — Джейдан делает шаг назад и, положив руку мне на плечо, слегка подталкивает, заставляет меня выйти вперед. Кажется, что я слышу учащенный стук сердец Лейлы и Аиды, связанный не только с ошеломительной новостью, но и любопытством, пожирающим их — ещё бы, мое лицо и глаза по-прежнему скрыты темной тканью, и у меня нет ни малейшего желания показываться им. — Это Медина.

Моя невеста. Надеюсь, вы будете гостеприимны с ней. Какое-то время она поживет на женской половине, а после бракосочетания переедет в другой дом. Синхронно вздрагивая, девушки закрывают свои приоткрывшиеся от шока и удивления рты ладонями, покрытыми замысловатой росписью в стиле «Мехенди».

— Но, сайиди... — судя по паническим ноткам в голосе, Лейла больше не в силах разыгрывать радость и притворно льстить своему мужу. Девушка тут же осекается, когда Джамаль «затыкает» ее быстрым, волевым взглядом хозяина дома, решения которого не подлежат обсуждению.

— Медина, не хочешь познакомиться с девочками? — *с девочками, бл*дь. Я тебе покажу «с девочками», Джамаль-джан.*

— Нет, — сухо отрезаю я, и обе женщины вновь вздрагивают, поражённые моим ответом — слишком резким и дерзким для новоиспеченной невесты.

— Медине пришлось нелегко, Аида, — по неизвестной мне причине Джамаль адресует эти слова именно ей. Невольно я вспоминаю несколько часов, проведенных в Черухе, где я впервые услышала ее имя. Несколько возникающих в подсознании догадок постепенно складываются в единый пазл, законченную картинку. — Обстоятельства сложились так, что Медине пришлось бежать из своей страны, — Аида немного опускает голову, непрерывно глядя на Джамала. — Я рассчитываю на то, вы проявите понимание и уважение, поможете Медине освоиться и с открытым сердцем примите в семью, — без лишних объяснений заключает рассказ обо

мне Джейдан, пока я сгораю от агонизирующих взрывов, атакующих грудную клетку, спровоцированных интимными переглядками Каттана с рыжеволосой русалкой.

«Укол ревности» становится загнанным в открытую рану по самую рукоять, кинжалом. *Я знаю, чувствую...* они обе ему нравятся, симпатичны, эти девушки правда привлекают его. Он не раз брал их, трахал, жадно вколачиваясь в их тела со свойственной ему агрессией и одержимостью... безумные, уничтожающие образы накрывают меня с головой, ноги мгновенно становятся ватными. Ногти с неистовой силой врезаются в бедра под абайей, и как бы я ни хотела кинуться на жен Джамалы и заточить свои коготки об их фальшивые покорные улыбки, я понимаю, что мне следует запастись мудростью и терпением, проявить хладнокровность и спокойствие, когда хочется кричать от боли.

— Зара покажет тебе твою спальню, Медина, — все тем же нарочито равнодушным тоном обращается ко мне Джейдан. Мечтая, как можно скорее оказаться наедине с собой, подальше от своих новых «подружек», я медленным шагом следую за Зарой — служанкой, сопровождающей меня до двери моей новой спальни. На Джамалю, оставшегося наедине с Аидой и Лейлой, даже не оборачиваюсь.

— Чувствуйте себя как, дома, госпожа, — спустя пять минут скитаний по лаконичным коридорам дома, полностью отождествляющим стиль «high-tech», добродушная Зара открывает мне дверь в одну из просторных и светлых спален. — Но не забывайте о том, что в мужскую половину резиденции вход вам запрещен. Ужин будет в семь часов. Господин Джамаль тоже будет присутствовать, хотя обычно ужинает в своих апартаментах.

— Спасибо. Ты можешь идти, — несмотря на мягкость и гостеприимство Зары, я хочу поскорее избавиться от свидетелей своей боли. Скандинавский интерьер моей спальни радует: такое чувство, что Джамаль специально попросил убрать отсюда всю мебель и лишний хлам, чтобы уберечь от погрома и повреждений, оставив только все самое необходимое.

Скопившаяся обида и горечь сдавливают грудь в плен из гранита, жадно набираю в легкие воздух, пытаюсь избавиться от неприятных спазмов. Без сил опускаюсь на высокую кровать, благоухающую

новым, чистым постельным бельем. Едва ли дыхательные практики и медитации избавят меня от жгучей ревности прямо сейчас.

От всех негативных эмоций, овладевающих мной, есть лишь одно лекарство... верность. Эмоциональная, духовная, физическая. Но бесполезно требовать этот заветный набор от человека, который не испытывает к тебе взаимных чувств. По-хорошему, я готова отпустить Джейдана... и он ведет себя некрасиво, неправильно, эгоистично, не отпуская меня, буквально заставляя меня делить пространство с другими женщинами якобы во имя моей безопасности.

Пытаясь отвлечься, изучаю документы, аккуратно сложенные в серый конверт на туалетном столике — мои новые права, страховка, анмарский паспорт на имя «Медина Рияд». Осталось сыграть никах (*араб.* — *бракосочетание*), и от Эрики Доусон ничего не останется. Боюсь представить, что будет с отцом, когда он узнает, что его дочь вновь угодила в добровольный плен.

У меня нет ни малейшего настроения, чтобы устраивать себе экскурсию по новому дому, но я ничего не ела со вчерашнего мероприятия. Дикий голод заставляет поднять задницу с кровати и отправиться на поиски кухни. Уж не знаю, с чем он связан, но до ужина я просто не доживу. не снимая никаб, я покидаю свою комнату, блуждая по одиноким и тихим коридорам женской половины дома, стараясь следовать на запах запеченного картофеля со специями, пока возбужденно-перешёптывающиеся голоса не заставляют меня остановиться и прислушаться к сплетням Аиды и Лейлы.

— Джамаль-джан издевается над нами! — сначала я не узнаю голос Аиды, в котором звенит металл и праведный гнев — той самой жены Джамала, что притворяется скромным и кротким ангелом. — Привел ее в *наш* дом без предупреждения и нашего согласия! — продолжает возмущаться вторая жена, сотрясая ладонями воздух. Истеричка. Не хочу, чтобы у нас было что-то общее.

— Как и тебя когда-то, Аида... не забывай об этом, ваши судьбы довольно похожи, — тонко подмечает Лейла.

— У Джамала доброе сердце, он наверняка просто хотел помочь девушке в беде, а потом влюбился, — предполагает на удивление спокойная Лейла. Девушки будто поменялись ролями, оставшись наедине друг с другом.

— Плохая привычка — подбирать жен, словно бездомных котят! И у нас с Джамалем была другая ситуация. Я арабка, Леа, мы все здесь одной крови. К тому же ты была не против меня, а она кто? Я не знаю, Лейла! Чужестранка! Вспомни, у нас тоже есть права. Мы можем не дать разрешение на третий брак. Милая моя, прошу, давай так и сделаем. — умоляющим голосом обращается рыжая стерва к явно не оценившей заговор против мужа Лейле. — Почему ты хочешь делить нашего Джамаль-джана еще с одной женщиной?! — озвучивает мой немой вопрос Аида.

— Потому что мы все равно ничего не решаем, Аида. Ты же знаешь Джамалю: как он решил — так и будет. Наш запрет на женитьбу сделает только хуже — эта западная шармута станет ещё более желанным запретным плодом для него. Он все равно на ней женится, хотим мы того или нет. Или, что еще хуже, — разведется с нами, потому что посмели ему перечить. — выдыхает Лейла, на что Аида невольно всхлипывает от обиды. — Признаюсь, мне это не нравится, Ида, но я стараюсь мыслить здраво, как учил меня отец. У него, кстати, три жены. И все они счастливы. Мы должны радоваться, что живем в огромном доме, купаемся в золоте и ходим в шелках, ни в чем не нуждаемся. Мы делим с тобой одного Джамалю на двоих, что здесь для нас нового? Его сил и любви хватит на нас троих... — стало быть, Лейла совсем не собственница. Или не любит Джамалю. Или же действительно воспитана иначе и со спокойной душой принимает древние традиции, уважая желание мужа увеличить семью. А может, физический контакт не имеет для нее такого масштабного значения, как для нас с рыжей. Мне ее позиция неясна, как и Аиде.

— Иногда мне кажется, ты не любишь нашего сайиди, раз способна так спокойно рассуждать об этом. — горько бросает Аида, уязвленная гнетом железных доводов Лейлы.

— Моя любовь отличается от твоей, Ида. Я люблю Джамалю всем сердцем, но для меня он в первую очередь мой покровитель, защитник, муж. Я уважаю его, как и любой его выбор, не напрашиваюсь на ласку и внимание, когда неугодна. Возможно, я холодна внутри, оттаиваю лишь в те моменты, когда чувствую себя по-настоящему нужной сайиди. а может, я просто была готова к подобному раскладу, такому удару. Все к этому вело, Ида. Помнишь? Ты попросила меня пробраться в мастерскую Джамалю. Я увидела на

его портретах необычайно красивую девушку с голубыми глазами. Она была обнажена и лежала в такой бесстыдной позе, какую обычно принимают западные шлюхи. а нас он писал хотя бы раз, Аида? Что с нами не так? В любом случае, лучше третья жена, чем западная любовница, — *с этим не поспоришь*. Я даже завидую оптимизму Лейлы и ее способности видеть вторую сторону одной медали.

— Нет, — огрызается Аида, швыряя на соседний диван одну из подушек. — Хочешь сказать, это та самая американская шармута, о которой ты мне рассказывала? Уверена, она соблазнила его. Распутная, грязная шармута, совратившая нашего хабиби! — не дожидаясь ответа Лейлы, я вхожу в гостиную, не выдерживая прямого оскорбления, что высокомерно вырвалось из губ обнаглевшей Аиды.

— Добрый вечер, Лейла и Аида, — обращаюсь к ним, медленно снимая никаб, открываясь вздрогнувшим от удивления девушкам. Пойманы с поличным, сучки? Я вам устрою веселую жизнь, если ещё раз за спиной меня поливать грязью посмеете.

— Как обустроилась на новом месте? — фальшиво заботливым тоном интересуется Аида, наивно полагая, что я не слышала ее злобного шипения, приукрашенного нелестными прилагательными в мою сторону.

— Хорошо, — одним взглядом ставлю на место рыжеволосую, вздергивая подбородок. Аида не спешит сдаваться, расправляя плечи и держа осанку. Несмотря на ярко-серебристый оттенок глаз девушки и необычный для арабки цвет волос, я не чувствую в ней конкурентку, как и в Лейле, и немного успокаиваюсь, ощущая, как утихает ревность. Возможно, дело в моей излишней самоуверенности, но в их окружении я вновь чувствую себя той редкой пантерой, на которую, раскрыв от удивления рты, плазуют недалекие посетители зоопарка. По крайней мере, когда они опустились до оскорблений.

— Искала кухню и услышала ваши голоса. Кажется, вы говорили обо мне? — без тени смущения задаю вопрос я, выразительно посмотрев на обоих.

— Не будем скрывать, о тебе, Медина, — не теряется с ответом Лейла. — Нам интересно, кто ты и откуда. Как познакомилась с нашим мужем.

— Я родилась здесь, в Анмаре. Как ты меня назвала сейчас? Медина. Это хорошо, — медленно растягиваю слова я, раздвигая губы

в угрожающей улыбке. — Обращение «западная шармута» ко мне неуместно.

Надеюсь, я его больше не услышу, — обращаюсь к каждой, с удовлетворением замечая, как Лейла и Аида виновато опускают головы. — Должна признать, мне не нравится находиться в одном доме с вами, но оскорбления в свою сторону терпеть не буду. Надеюсь, я ясно выразилась, — девочки покорно кивают, пожимая плечами. — Также хочу сказать, что не хочу конфликтов с вами. Я не трогаю вас, а вы — меня, — озвучиваю свою позицию я. — Согласны?

— Как ты оказалась здесь? — засыпает вопросами Лейла, не в силах сдерживать свое природное любопытство. — Как все-таки познакомилась с Джамалем?

— Меня преследовали на территории моей страны, я была вынуждена бежать из родных стен. С Джамалем познакомилась совершенно случайно, — чтобы не сболтнуть лишнего, напускаю туману, на ходу выдумывая нашу с Джейданом историю. Знали бы они, что наше знакомство достойно целой главы в «Легендах Анмара». — Джамаль проявил чистосердечность и заботу в трудный период моей жизни, за что я ему очень благодарна. В жены к нему не напрашивалась. Это только его решение, — девушки молчат, сканируя меня долгими немymi взглядами, словно жаждут разглядеть, что я прячу под абайей. Думаю, им бы не понравилось зрелище легких синяков, что оставил на моем теле Джамаль во время вчерашней схватки. — Встретимся за ужином, девочки, — решив поставить на этом точку в нашем коротком знакомстве, я удаляюсь из гостиной, чуть ли не плача от чувства голода, сжимающего желудок.

Злая и голодная. Плохое сочетание для обитателей этого дома.

Оказавшись в спальне, я срываю с себя абайю, наспех принимаю душ и надеваю самые короткие шорты, которые только нашла в гардеробной, полностью забитую новыми брендовыми вещами, и футболку на влажное тело, «забыв» о нижнем белье. Побуду немного бунтаркой, а что такого? Я же «дома», и могу ходить в чем угодно, главное, не открывать свое тело при гостях и в общественных местах.

Зара приходит за мной, чтобы проводить на кухню, и что-то нервно бормочет себе под нос, когда застаёт меня в тот самый момент, когда я кручусь перед зеркалом. К тому времени, когда мы спускаемся на кухню, Джамаль, Аида и Лейла уже сидят за столом и ведут

непринужденный «семейный разговор». Все трое замолкают, когда я заявляюсь на ужин в столь провокационном виде, а Джамаль дарит мне долгий, тяжелый взгляд, по которому невозможно прочесть, какие эмоции им сейчас овладевают.

Будь мы одни сейчас, я бы смела твою опустевшую тарелку в сторону и забралась бы на стол, закинув ножки тебе на плечи.

Судя по голодному взору, которым он достаивает мои обнаженные ноги, он на мгновение представил эту же картину.

— Как прошел твой вечер, Джамаль-джан? Ты хорошо поработал? — спокойным и нежным тоном интересуюсь я, озаряя их скучный ужин широкой улыбкой. Джейдан дарит мне мрачный взгляд исподлобья, пытаюсь понять, что я задумала. — Как насчет расслабляющего массажа? — Непринужденной походкой я направляюсь к Джейдану и обнимаю его плечи со спины, вплотную прижимаясь грудью и затвердевшими сосками к его напряженным от долгой работы мышцам. — Ох... простите, я не знаю правил. Нужно в очередь выстраиваться в твою спальню? Простите, девочки, но у вас есть какое-нибудь расписание, график посещений своего мужа? — не могу не съязвить я, с неохотой отпуская Джамалю, и опускаюсь на свободное место за столом. Лейла смотрит на меня с ужасом, Аида — одарив презрительным взором, покорно опускает взгляд в тарелку. Судя по всему, при Джамале, девочка не так остра на язык, как в дебатах со своей подружкой.

— График есть только в моей голове, Медина, — сдержанно отрезает Джамаль. Пока я накладываю себе большую порцию плова из общего чана, наши взгляды ведут неравную борьбу, наэлектризовывая и раскаляя воздух между нами. — Учитывая, что в настоящий момент мы ещё не заключили брак, твоё поведение и высказанные вслух предложения недопустимы, — раздражено добавляет он, явно пребывая не в духе, причем я чувствую, что причиной его дурного настроения являются не только мои выходки. — И еще, Медина, тебе не следует появляться за ужином в таком виде, — кровь приливает к щекам, когда Джамаль при всех ставит меня на место, делая унижительный выговор. Что я такого сделала? Я дома нахожусь, между прочим...

— В доме есть прислуга, в саду постоянно находятся рабочие. Надеюсь, я ясно выразился, и повторять свою просьбу мне не

придется. Подумай над своим моральным обликом, Медина. Мне не нужна невеста, провоцирующая, кх-м... интерес других мужчин, — от его яростной тирады у меня чертовы листья салата застревают в горле. Черт возьми, он не мог сказать мне все это когда мы будем наедине? Возможно, я сплупила, но, одеваясь так, я преследовала единственную цель — подразнить его, спровоцировать на разговор тет-а-тет, где мы наконец расставим все точки над «и» в ситуации с Искандером Аль-Мактумом. Я хотела рассказать Джамалю все как есть, но сейчас мне лучше покинуть кухню и запереться в своей спальне до лучших времен. Видеть не могу его хмурое лицо и злорадные, торжествующие улыбочки Аиды и Лейлы, что восхищенно заглядывают в рот Каттану и радуются тому, что он меня унизил и намекнул на то, что наша свадьба по-прежнему находится под большим вопросом.

— Отлично, Джейдан, — специально называю его западным именем и встаю из-за стола. Если все будет продолжаться в том же духе, надолго меня не хватит. Я не могу жить как на пороховой бочке, в вечном напряжении. — Прошу меня простить, Джамаль-джан, — вежливо прощаюсь я, что стоит мне огромных усилий. Не хочу закатывать истерику на пустом месте, предоставляя эту роль явно что-то задумавшей Аиде. — Я уже не голодна и очень устала с дороги. Я пойду спать, — не дожидаясь разрешения своего будущего мужа я отодвигаю стул с лязгающим скрипом и исчезаю в коридорах виллы, еще не представляя, что мой небольшой нервный срыв лишь капля в океане боли, что придется испытать в этом доме, где я не чувствую себя ни гостьей, ни хозяйкой.

Никем.

Джамаль

После провокационного ухода Эрики за столом воцаряется оглушительная тишина. Лейла и Аида, словно окаменев, смотрят вслед моей негодующей Медине, одетой в вызывающие шорты, которые они не посмели бы носить даже в спальне. А мне хочется провалиться под землю и одновременно выпороть ремнем тугую задницу мисс Доусон, а после трахнуть так, чтобы сидеть она неделю не могла сразу по двум причинам. Ее глупое проявление бунтарства и показательной непокорности с налетом откровенной вульгарности

даже святого довели бы до зверского состояния. Подобным поведением она унижает не только себя, но и меня, мужчину, выбравшего ее своей будущей женой.

Сцепленные зубы скрипят от ярости, пока я пытаюсь сохранять внешнюю невозмутимость, но эта женщина, как порождение Шайтана, способна перечеркнуть парой слов все мои благие намерения. Непокорность она может проявлять в спальне, изображая дикую своенравную пантеру, нуждающуюся в жесткой дрессуре, но никак не в обществе двух других женщин, впервые столкнувшихся с подобным откровенным пренебрежительным отношением к своему мужчине. Это недопустимо, черт бы ее побрал. Хотя кого я обманываю. Я предчувствовал, что эта маленькая распутная, невоспитанная, сумасбродная кхара сделает всё, чтобы я пожалел о принятом решении. Иначе она не способна принять свою судьбу. Рике необходимы железный кулак и стальные яйца. Она их получит. Я собирался проявить терпение и понимание, но, видимо, есть женщины, которые нуждаются в плетке своего укротителя. Им чуждо чувство благодарности и уважения. Идиотка. Дважды за один день Эрика Доусон заставила меня усомниться в том, что она сможет стать достойной женой, которую мне не придется прятать под никабом в четырёх стенах до конца жизни. Возможно, материнство укротит её нрав, если я не сойду с ума до того, как эта неугомонная бестия поумнеет и осознает, наконец, где она оказалась и что должна делать, чтобы сохранить любовь и уважение своего мужа.

— Теперь я верю, что обстоятельства, вынудившие Медину покинуть ее страну, были очень серьезными, Джамаль-джан, — вздохнув, поворачивается ко мне побледневшая Лейла, скользнув по моему лицу обескураженным взглядом. — Ты уверен, что готов взять ответственность за *такую* женщину?

— Не помню, чтобы я спрашивал у тебя совета, Лейла, — холодно отрезаю я, не собираясь и дальше подпитывать бушующий внутри пожар ярости. — Не тебе решать, *какая* женщина подходит мне лучше.

— Я твоя жена, не говори со мной так, хабиби, — в карамельных глазах Лейлы мелькает боль и обида. — Я имею полное право высказать свое личное мнение по поводу девушки, которую ты привел в наш дом.

— Медина не задержится здесь надолго, — промокнув губы салфеткой, я откидываюсь на спинку стула и поочередно смотрю на напряженных растерянных женщин. — Все, что от вас требуется, проявить понимание и терпение.

— Это сложно, учитывая, что Медина явно не горит желанием проявлять хотя бы грамм уважения к нам, — мягко отвечает Лейла, осторожно подбирая слова. Аида молча сидит, опустив взгляд в тарелку. — Она ведет себя и выглядит точно так же, как те девушки с благотворительного приема, развлекающие мужчин. Медина опозорит наш дом, сайиди. А если бы на ужин пришел мой отец, то как бы ты объяснил ему поведение своей невесты? — вот уж кого ей точно не стоило упоминать, когда я и так на грани взрыва.

— Мне абсолютно неинтересно мнение твоего отца, Лейла, — отвечаю ледяным тоном, от которого хрупкие плечи первой жены вздрагивают, а щеки покрываются румянцем. — Я всегда принимаю решения сам. Медина не так давно находится в Анмаре, чтобы сразу освоить правила поведения, принятые в нашем обществе.

— Но она говорила, что родилась здесь, — подает голос Аида, сохраняющая до этого момента нейтральную позицию. Вскинув бровь, я уверенно встречаю вопросительный взгляд Иды. Девочки успели поболтать? Я же просил Рику держать язык за зубами. Хотя, о чем я вообще... Она даже задницу прикрытой, а ноги сдвинутыми держать не способна.

— Да, это действительно так, но в раннем возрасте Медина покинула нашу страну, и многие обычаи и традиции ей придется изучать заново, — нейтральным тоном отвечаю я и резко встаю. — Сейчас я тоже вынужден вас покинуть. — Теперь вздрагивают обе женщины, изумленно уставившись на меня. — Мы увидимся через час в комнате для отдыха на женской половине. У меня будет к вам серьезный разговор.

— Медина тоже должна присутствовать?

— Нет, — быстро отвечаю я. — Только мы троим.

— Как пожелает наш господин, — склонив голову, покорно произносит Ида, в то время как Лейла с трудом сдерживается от раздражения.

— Я ценю ваше благоразумие. Уверен, что мы сможем решить все вопросы цивилизованным путем, — кивнув, я выхожу из-за стола и

направляюсь в свою спальню. Мне жизненно необходим холодный душ и порция виски. Иначе этот день доконает меня раньше, чем наступит следующий.

Ровно час спустя и захожу в светлый и просторный овальный зал с выходом на стеклянную веранду, откуда открывается живописный вид на цветущий двор. Свое свободное время мои жены проводят здесь: среди мягких диванов, пестрых подушек, вышитых арабскими иероглифами портьер, изящных столиков с фигурными ножками, заставленными вазами с фруктами и сладостями; под пение птиц, доносящееся из сада, мелодичные звуки журчащих напольных фонтанчиков и ненавязчивой восточной музыки. Смотрят телевизор, болтают с подружками, сплетничают, танцуют, примеряют новые платья, спорят так, что весь дом сотрясается от женских криков — тоже именно здесь. Специально выбрал для разговора самую располагающую к плодотворной беседе комнату, олицетворяющую отдых и веселье, но гостиная впервые встретила меня напряжённым молчанием и тишиной. Аида и Лейла тоже подготовились к встрече, отмечаю я с иронией, скользнув взглядом по ярко накрашенным лицам жен, расчесанным до блеска локонам, рассыпавшимся по плечам; сверкающим многочисленными драгоценностями, венчающими тонкие запястья, пальцы и глубокие декольте дизайнерских платьев, в которые они успели переодеться. В обычных домашних брюках и свободной рубашке я снова чувствую себя бедным художником, заявившимся на бал для избранных. Утрирую, разумеется, но сосредоточенные настороженные взгляды женщин, обращенные на меня, мгновенно уничтожают саркастическую улыбку, зарождающуюся в уголках губ. Они настроены более чем серьезно, и количество драгоценностей, украшающих открытые участки тела, подтверждают мои подозрения о возможном ультиматуме. По нашим обычаям женщина в случае развода покидает дом мужа в том, что надето на ней, а значит Лейла и Аида рассматривают подобный исход событий.

— Сговорились, — заключаю я вслух, переводя взгляд с одной застывшей красавицы на другую. Расслабленно и неторопливо

опускаюсь в мягкое кресло напротив дивана, на котором устроились девушки. Рыжая заговорщица бросает косой взгляд на первую жену.

— Джамаль, Аллах свидетель, я всегда была любящей и послушной женой для тебя, — начинает Лейла, упрямо вздернув подбородок. — И не могла предположить, что мне придется однажды вспомнить о брачном договоре, который мы заключали с тобой шесть лет назад. Точнее, об одном его пункте.

— О каком именно, Лейла? — ровным тоном интересуюсь я, взяв с блюда на столе пару виноградин и забрасывая их себе в рот.

— О письменном согласии с моей стороны в случае, если ты решишь вступить в повторный брак, — озвучивает она. — Я дала его по своей воле и с открытым сердцем, когда в наш дом вошла Аида, и мы стали близкими подругами и сестрами. Я ни одного дня не жалела о принятом решении.

— Я так понимаю, сейчас Медина не пришлась тебе по душе? — сухо констатирую я, зацепив ещё одну приторно-сладкую ягоду. — Сам Аллах позволил мужчинам иметь до четырёх жен. Как ты, женщина, можешь запретить мне то, что одобряет Всевышний?

— Ты мог отказать мне во внесении данного пункта, Джамаль, но не сделал этого. А сейчас я хочу воспользоваться им и реализовать свое право в решении будущего нашей семьи, — продолжает вещать Лейла, периодически переглядываясь с молчаливо- поддерживающей Аидой. Вторая молчит, потому что в нашем с ней брачном контракте подобный пункт не обсуждался.

— То есть ты хочешь, чтобы я отказался от решения жениться на Медине и выставил ее прочь из нашего дома? — конкретизирую я стальным тоном. Лейла заметно тушует, нервно облизывая губы, но ей хватает смелости согласно кивнуть.

— Именно так, хабиби. Эта девушка околдовала тебя. Я уверена в этом. Только искусная шармута способна затуманить разум мужчине настолько, что он закрывает глаза на ее распутное поведение в уважаемом доме. Я поступаю так исключительно из любви к тебе, Джамаль. Мое сердце не знает покоя с той минуты, как она появилась на пороге. Она ведьма или развратница. И я, и Аида вошли в этот дом, склонив в уважении головы, и отдали тебе свою невинность. Ты был единственным мужчиной, который когда-либо касался нас, но одного взгляда на твою невесту достаточно, чтобы понять, что она уже позволяла тебе многое из того, что может дать мужу только законная супруга.

— Это лишь твои предположения и личные выводы.

— Аида считает точно так же.

— Это так? — бросаю тяжелый взгляд на Аиду, и та едва заметно кивает. Отлично. Бабий бунт. Словно мне одной плюющейся ядом гадюки мало. — И какого решения вы ждете?

— Единственного, которое может принять любящий и уважающий нас муж.

— Ты знаешь, что произойдет в случае, если я не откажусь от своих планов в отношении Медины?

— Ты не можешь жениться на ней, если я не дам согласия.

— Могу, Лейла. Несогласная с решениями мужа жена имеет полное право уйти от него. Разумеется, на более выгодных условиях, чем те, что предоставляются женщинам, от которых мужчина отказывается сам.

— Ты не посмеешь! — побледнев, восклицает Лейла, вскакивая на ноги. — Ты выгонишь меня, чтобы оставить ее? — зашипев, она

показывает пальцем наверх. Туда, где расположена спальня Рики.

— Я не собираюсь никого выгонять, Лейла. Ты моя жена, и я уважаю тебя. Но если ты из глупой ревности и упрямства хочешь заставить меня пойти против принятого решения, то выбор сейчас стоит именно перед тобой, — озвучиваю я свою позицию, которая приводит Лейлу в шок и недоумение. Даже Аида издает изумленный вздох, вскакивая вслед за подругой и поддерживая ее за плечи, потому что та начинает мелко дрожать.

— Она беременна? — громко спрашивает Ида, обвиняюще глядя на меня. — Если да, я могу понять, а если нет... Джамаль, ты сам себя слышишь?

Я невозмутимо встаю, и обе, как по команде, отступают назад.

— Давайте отключим эмоции и подумаем здраво, — дипломатичным тоном произношу я. — Появление Медины ошарашило вас и расстроило, но я заверяю, что через несколько дней она станет моей женой, хотите вы этого или нет. Я готов финансово компенсировать моральные терзания каждой из вас. Новая машина, увеличение ежемесячного содержания, отдельный дом, драгоценности и любая другая женская прихоть.

— Несколько дней? — изумлённо спрашивает Ида. Лейла, похоже, потеряла дар речи, зато у второй жены резко прорезался голос. — Она точно беременна. Шлюха, — с презрением бросает Аида. — Ты уверен, что от тебя, Джамаль?

У меня в глазах темнеет, я сжимаю кулаки до хруста в костяшках, в голове взрываются воспоминания недавнего разговора в машине. *Конечно, я трахалась с ним... И мне чертовски понравилось, как он работает своим внушительным инструментом. Но тебе не стоит брезговать и беспокоиться, я же использовала защиту, как ты успел заметить. Как тебе такая новость? Все еще видишь меня третьей женой?* Ни Лейла, ни Аида никогда бы не осмелились сказать мне ничего подобного даже под страхом смерти. Я действительно околдован или одержим. Я схожу с ума по женщине, которая ни во что меня не ставит. Я помню, как горело мое сердце, когда Эрика шла ко мне под дулом автомата по каменной пустоши с гордым воинствующим видом. Как смело бросала вызов, зная, что преимущество на моей стороне. Ее первый или второй любовник, теперь уже неважно, каким по счету был Зейн, готов был убить ее за

предательство, и он бы сделал это... А я не могу, не способен. И Эйнин знает, чувствует. Вот причина ее отчаянной смелости. Я сам, Шайтан ее подери. Я дал ей уверенность в том, что, несмотря на все её выходки, вытащу из любой передраги, прощу то, за что другой мужчина убил бы на месте. И каждый раз, находясь в шаге от срыва, на самом пике рвущейся наружу жёсткости, я останавливаюсь, смотрю в распахнутые мятежные дерзкие глаза Эйнин и вижу другие: полные слез, невыносимого горя и боли. Я вижу мечеть, объятую пламенем, дым и копоть, звуки выстрелов, крики боли, черный пепел, опадающий под босые ноги маленькой Эйнин... и все замирает, плохнет. Гнев, злость, обида, ревность. Остаются боль и страх, и желание держать крепче.

Чтобы она ни вытворила, я никогда не причиню ей настоящую боль. Почему же она делает это легко, унижая меня своими словами и оскорбляя своим поведением? Разве кто-то из нас виновен в том, что мы встретились так поздно? Несвоевременно, черт возьми. *Я принимаю тебя такой, какая ты есть, осознавая, что та жизнь, которую ты вела до меня, противоречит моим принципам, разрушает изнутри, стоит только допустить одну гребаную мысль... Что ты со мной сделала, Эйнин? Как девочка, которую я спас из пламени, стала моим личным проклятьем, безумным наваждением, болезнью, от которой не существует панацеи? За что, черт бы тебя побрал?*

— Ты больше никогда не посмеешь сказать ничего подобного, Ида, — хрипло произношу я, несильно обхватывая скулы второй жены раскрытой ладонью и затыкая ее рот. Испуганный взгляд встречается с моим, и она застывает от ужаса, прочитав в моих глазах гремучую смесь ярости и гнева, которые сейчас обращены совершенно на другую женщину. — И ты тоже, — холодно киваю Лейле. — Разговор окончен.

Резко отступаю в сторону, собираясь уйти, но ожившая Лейла хватает меня за руку, разворачивая к себе. В янтарных глазах стоят слезы.

— Прости меня, Джамаль, — запинаясь, начинает она. — Мы не хотели оскорблять Медину. Я. Ты прав. Жена должна принимать выбор мужа, если даже он кажется ей не совсем правильным. Мы дали волю ревности, сайиди, — с отчаянием шепчет Лейла, прижимая мою

ладонь к своим губам. — Мне не нужен никакой новый дом или машина. Только ты, Джамаль. Прошу тебя, не уходи так. Не разрывай мое сердце. Если хочешь, я полюблю ее точно так же, как Аиду...

— Достаточно того, что я люблю ее, Лейла. Я принимаю твои извинения, — мой взгляд перемещается на лицо Иды, которая, поджав губы, смотрит куда-то поверх моего плеча. — У тебя ещё есть возражения, Аида?

— Нет, мой господин, — коротко качает головой девушка, откидывая за спину огненную копну волос.

— Замечательно. Я рад, что между нами снова воцарилось взаимопонимание, — я мягко освобождаю пальцы Лейлы. — А сейчас мне лучше вернуться к себе.

— Джамаль, позволь мне загладит свою вину этой ночью, — с мольбой произносит первая жена и умолкает под моим твердым непоколебимым взглядом.

— Сегодня был тяжёлый день, — сухо произношу я. — Для всех нас. — оставляю перепуганных несчастных женщин в одиночестве, покидая «комнату для отдыха и веселья», точно зная, что ни Лейла, ни Аида не уснут в своих одиноких постелях, щедро поливая слезами мягкие подушки. И мне впервые совершенно неинтересно, о чем будет думать Эйнин, глядя в потолок своей спальни.

Рука

После увиденного я немного изменила свое отношение к ситуации, своими глазами увидев подтверждение словам Джейдана. Будь ему плевать на меня, разве так бы он повел себя вчера со своими ненаглядными женами, разве не стремился бы отомстить мне за нанесенный урон по мужскому эго громкими заявлениями о моей связи с Искандером?

Джейдан откровенно отверг их, хотя не сомневаюсь в том, что он наверняка нуждался в предложенных Аидой и Лейлой «услугах» после того, что я вытворяла с ним в машине.

Как бы там ни было, я жутко соскучилась по Джамалю и, честно говоря, устала от немых претензий и незавершенного конфликта, прочным барьером, разделившим нас. Я уже миллионы раз пожалела о том, что разозлила его своими словами о «презервативе по

назначению» и «внушительным инструментом». Я говорила это на эмоциях и ничего толком не добила. Вышло глупо, неправильно. Ревность в отношениях полезна лишь в маленьких дозах, и, если честно, после того, что я вчера увидела, мне хочется спадить конфликт, помириться с Джамалем... банально прижаться к его груди и упасть в объятия, ощущая, как все обиды рассеиваются между нами, трансформируясь в страсть, чувственность, полное понимание миров и точек зрения друг друга.

Одному из нас придется сделать шаг навстречу. И его с открытым сердцем сделаю я. Я готова попробовать сменить тактику и проявить женскую гибкость, осознанно отказываясь от упрямства, эгоизма и чувства собственности, которое заставляет меня порой все делать и говорить Джамалю назло.

Это не значит, что я согласна быть третьей. Или первой из трех. Это значит одно — я больше не хочу быть местом войны для него, ему и так приходится изо дня в день воевать со всем чертовым миром и проворачивать такие вещи, о которых я могу лишь догадываться. Больше всего на свете я бы хотела быть его Мединой — домом, наполненным любовью, уютом, страстью, созиданием и восхищением. Вот и все.

Следующим утром я обратилась к Калифу с просьбой проводить меня в мужскую половину дома, чтобы поговорить с Джейданом, но слуга ответил категоричным отказом на мою невинную просьбу. Причина: Джамаль сейчас слишком занят для встречи со мной.

Он издевается. Привел меня в эту чертову виллу, где я чувствую себя четвертой лишней, ещё и игнорирует меня. Невольно терзают мысли об оставленных мной детях, которые думают, что я их просто бросила, наплевав на их судьбы. Это не так. Сердце обливается кровью, когда осознаю, что в их глазах все выглядит таким образом, но остается лишь кусать губы и молиться о спасении Эмили и других... искать пути помощи, которую могу оказать им за пределами дворца Искандера.

И заняться ещё одним полезным делом, которое мне необходимо для составления общей картины происходящего, пока я нахожусь на территории Джамала. Много вопросов в мотивации поступков его, АРС и Искандера остаются открытыми, и понять хоть что-то мне поможет только информация, которую меня научили «высасывать» из

жертвы любыми путями. Надеюсь, мой небольшой налет на кабинет Джамала он не сочтет наглостью. и, кажется, спровоцировать его гнев — это единственный шанс прервать наконец затянувшийся игнор между нами.

На третий день, за завтраком, где я предстаю перед ним в целомудренном платье под стать Лейле с Аидой, Джамаль фактически не смотрит на меня, обращая все свое внимание на жен, и, быстро закинув в себя омлет с хумусом, прощается с нами на целый день, напоследок бросив пару туманных фраз, в правдивости которых я сильно сомневаюсь.

— Я вернусь поздно сегодня. Дамир Аль-Видад предложил спроектировать дом для своего сына, и нам предстоит долгое обсуждение деталей проекта, — я напрягаюсь, услышав знакомую фамилию, но не спешу подозревать Джейдана в сговоре с возможным теневым правителем «Шатров».

Стоя втроем у окна, мы провожаем вертолет премьер-министра, что прилетает специально за Джамалем, растерянными взглядами. Джамаль лжет мне о том, что больше не работает на АРС — или, быть может, он ведет свое собственное расследование? Что, если он сам ведет двойную игру, находясь внутри системы истинного врага, преследуя лишь одну благую цель — найти его и уничтожить одним контрольным выстрелом?

Я прекрасно помню, что мне запрещено посещать мужскую половину дома до официального бракосочетания и без приглашения хозяина виллы, поэтому придется импровизировать и изворачиваться, пробираясь к точке «икс» любыми путями. Недолго раздумывая над планом, я захожу в комнату для прислуги, переодеваюсь в специальное длинное платье, в которое облачены все служанки и работницы кухни и, прихватив с собой тележку, переполненную тряпками, щетками и средствами для удаления пыли, направляюсь в мужскую половину дома. Личные комнаты Джамала я нахожу не сразу, но сдаваться не собираюсь.

К счастью, по пути к его кабинету я не встречаю никого, кто бы мог узнать меня и остановить операцию, и без проблем проникаю в личное пространство Джамала, воспользовавшись ключом для прислуги. Только в тот самый момент, когда я оказываюсь внутри его рабочего убежища, до меня доходит один простой, но логичный и

неприятный факт: раз прислуге позволено так легко проникать в его кабинет, то, скорее всего, Джамаль не прячет здесь ничего ценного и важного, а если и скрывает что-либо от посторонних глаз, то наверняка держит всю информацию в сейфе. Но я все равно не оставляю попыток найти какие-либо документы, записи или другие зацепки и части мозаики, которые расскажут мне больше о том, на чьей стороне все-таки находится Джамаль, и почему так слепо доверяет АРС... почему Аль-Мактум не предпринял ничего против Каттана, когда тот из-под носа украл его новенькую «игрушку»?

Почему... сам принц Анмара... боится Джейдана? Иначе я это назвать не могу.

Эмили. Реза. И тысячи других детей, невинных людей больше не могут ждать, пока сильные Восточного мира играют в «перетягивание каната». На самом деле цель моего визита в кабинет Джамала проста — больше всего я не хочу найти улики против него, какие-нибудь ужасающие акты купли-продажи Аделы или других рабынь. Я просто хочу найти хоть какое-нибудь, хотя бы слабое подтверждение своей слепой веры в то, что он тот, кто всеми силами пытается уничтожить источник бесчеловечного зла, вырвать с корнем.

Иными словами, я должна защитить его от них... иначе они убьют его раньше, чем я произнесу «согласна». Сгорая от стыда, я бесцеремонно роюсь в бумагах Джейдана, мысленно умоляя его не злиться за то, что вторгаюсь на личную территорию. Едва ли мне удастся ему объяснить, что я делаю это ради него, он не поймет и придушит меня к черту, не дав и всхлипнуть в свое оправдание.

Спустя час меня накрывает горькое разочарование — все ящики стола Джейдана плотно заперты, за абстрактной композицией над столом даже нет «секретного» сейфа. В кабинете не обнаружены скрипучие половицы с возможным тайником, осмотр диванной обивки также не принес мне никаких результатов. Весь стол завален чертежами и проектами новых домов в активно строящемся элитном районе на побережье Персидского залива. Единственная вещь, что привлекла мое внимание — это то самое кольцо, тисненное змеей с глазами-рубинами. Крепко сжав его и пограв в своей ладони, ощущая, как по телу бегут мурашки, как при контакте с Джамалем, я кладу его на свое законное место. Заслышав звук тяжелых шагов в коридоре, вздрагиваю и, схватив первую попавшуюся в мои руки тряпку,

открываю нараспашку книжный шкаф, приступая к усиленному очищению его полок. Вот черт.

— Айрис, — к счастью, меня окликает Калиф, обращаясь ко мне по имени одной из служанок дома. Не оборачиваясь, я активно киваю и мысленно умоляю вездесущего слугу убраться из кабинета Джейдана.

— Да, Калиф? — стараюсь поменять голос, бросаю я, пройдясь тряпкой по корешкам книг.

— Не забудь полить цветы на подоконнике, — отдает краткий приказ Калиф. Невольно выдыхаю, прислушиваясь к звуку затихающих в глубинах коридора шагов.

Всего один взмах тряпкой по книжному корешку разделяет меня от шока и внутреннего трепета, когда я вдруг нахожу на полках мини-библиотеки то, что определённо стоит моего внимания. Сначала взгляд цепляется за знакомый символ — нечто вроде фамильного герба, вытисненного на плотном и старом фолианте, название которого гласит «История дворянского рода Остен». Змея, плавенствующая в изображении герба, полностью повторяет до боли знакомый мне оттиск на кольце, которое принадлежит Джейдану. И принадлежит ли? Откуда он взял его? Я никогда не спрашивала...

Сердце пускается вскачь от вспыхивающих фейерверком догадок и мыслей, которым пока нет никакого подтверждения. В любом случае мой рискованный поход в кабинет Джейдана можно считать не пустой тратой времени.

В голове тысячи вопросов и ни одного четкого ответа. Только Джейдан может ответить на них, но я очень сомневаюсь в том, что он собирается открываться мне. но в глубине души я уже чувствую, что знаю ответ на свой главный вопрос.

Джейдан действительно делает все, что в его силах, чтобы защитить меня. Все, чтобы избавить Анмар от «Шатров Махруса». И вместо того, чтобы восхищаться и доверять своему мужчине, я миллион раз подвергала его слова сомнению, оспариванию, конфликтам вместо того, чтобы восхищаться его мужеством и смелостью, противостоять титанам, стремящимся поглотить его и перемолоть на кусочки.

ГЛАВА 10

Джамаль

В резиденцию премьер-министра меня доставляют на вертолёт, хотя я ожидал, что Дамир аль-Видад отправит за мной охраняемый кортеж, но, видимо, он решил, что воздушный транспорт безопаснее наземного. В этом я с ним солидарен, тем более что время пути значительно уменьшилось. Трястись три часа по пыльной раскаленной трассе даже в охлажденном и шикарном салоне автомобиля — сомнительное удовольствие. Советник обосновался на значительном расстоянии от столицы и далеко за пределами центральной провинции с одноименным названием страны. Живописное тихое место, вдали от шумных городов, рядом залив. С одной стороны, подпирает пустыня, с другой небогатая провинция Зухейр. Высокие каменные стены, из-за которых возвышается величественный дворцовый комплекс с дозорными башнями, надежно защищают периметр владений от любопытных глаз, недоброжелателей и врагов.

На вертолётной площадке меня встречает немногословный мужчина и, не представившись, просит следовать за ним к главному дворцу. Вдыхая горячий воздух, я бегло оглядываюсь по сторонам. Изнутри резиденция напоминает небольшой богатый город, состоящий из множества основных и служебных помещений, построенных в традиционном арабском стиле с взлетной полосой для личных самолетов. Надо отметить, мой художественный вкус приятно поразила утончённая роскошь, которая читается в малейшей детали, но при этом не выглядит вычурно. Дворцы жен и сыновей Видада построены в едином стиле с центральным, и даже служебные здания напоминают произведение искусства. Идеально подстриженные газоны, просторные дворы, утопающие в цветущей зелени, дарящие прохладу фонтаны, увитые цветами мраморные беседки, белокаменная мечеть, способная вмесить в себя не меньше трёхсот человек, частный зоопарк, бассейны с горками, теннисный корт, конюшня... М-да, Видад явно нестеснён в средствах и любит жить на

широкую ногу. Мне известно, что за последние двадцать лет его резиденция значительно расстроилась. Это, конечно, может быть связано с увеличением сыновей премьер-министра, но у меня несколько иное мнение относительно источников возросшего богатства советника короля.

Сам дворец встречает меня приятной прохладой и разгуливающими по мраморным полам павлинами, ну и, разумеется, бьющей в глаза роскошью и блеском золота. Молчаливый попутчик сопровождает меня в просторный конференц-зал и благополучно оставляет одного, сообщив, что премьер-министр появится с минуты на минуту. Но проходит десять. Несколько раз ко мне заходит вышколенный лакей, предлагая напитки и закуски на выбор. В итоге я соглашаюсь на чашку крепкого арабского кофе.

Полюбовавшись на семейные портреты на стенах и оценив дорогую эксклюзивную мебель из натуральных материалов, я подхожу к большому скульптурному окну, выходящему на зеленый двор с лазурно-голубым огромным пустующим бассейном в центре с выделенной зоной для детей. Под пальмами в беседках прячутся от солнца две одетые в абайи женщины с закрытыми лицами, а их черноволосые маленькие дочери резвятся рядом, брызгаясь водой из мраморного фонтанчика. Немного странно, что советник назначил встречу в зале, из окон которого посторонний мужчина может увидеть его жен, хотя девушками в никабах вполне могут быть гувернантки дочерей Дамира. Мою догадку подтверждает располагающееся невысокое здание, предназначенное для проживания обслуживающего персонала. Подобный вывод я делаю исходя из скромных размеров и внешнего сдержанного экстерьера.

Звук открывающейся массивной двери, украшенной золотом и резьбой, заставляет меня резко развернуться к решительно направляющемуся в мою сторону Дамиру аль-Видаду. Он уверенно обходит стороной круглый стол для переговоров, сохраняя суровое нечитаемое выражение лица. Стремительный, высокий, крепкий и мужественный, прирожденный хищник. Хитрый, расчётливый, умный. Темные глаза изучающе буравят меня с головы до ног. Взгляд властный, острый, цепкий. Сегодня мы оба в национальных костюмах.

— Ас-саляму алейкум, ас-сайед Каттан. Приветствую тебя в моем доме, — вежливым тоном произносит Дамир, остановившись

напротив меня. Я пожимаю протянутую руку. Его ладонь сухая, рукопожатие крепкое, сильное. Он чувствует себя хозяином положения, что неудивительно, учитывая, что мы находимся на его территории.

— Ва-алейкум ас-салям, советник. Я поражён красотой резиденции. Как архитектор могу сказать, что это место достойно стать музеем для будущих поколений.

— Спасибо, Каттан, твое мнение лестно для меня, — снисходительно кивает собеседник. — Я выбирал лучших специалистов со всего мира для строительства новых дворцов, — он подходит ближе и встает справа от меня.

— Прислуга предложила тебе напитки? — перебирая в пальцах правой руки четки с драгоценными камнями, вопросительно смотрит на меня, разыгрывая из себя радушного хозяина.

— Да, спасибо. Я выпил кофе, — благодарю я, глава правительства коротко кивает, продолжая сканировать меня изучающим пристальным взглядом. Возникшая молчаливая пауза затягивается. Я не испытываю ни малейшего напряжения, находясь наедине со вторым по сфере влияния и уровню власти человеком в стране. Почему? Это сложный вопрос. Я больше чем уверен, что пока представляю ценность для его интересов, мне ничего не угрожает. Но это не единственная причина. В то время как он тщательно подбирает слова, я невозмутимо и терпеливо ожидаю начала разговора, ради которого, собственно, меня сюда и вызвали.

— Джамаль, мы оба знаем, что я пригласил тебя не для обсуждения проекта нового дворца, — наконец, ровным тоном произносит советник, и мы синхронно разворачиваемся лицом к окну. — Полковник Кадер заверил меня, что ты посвящен во все нюансы стоящей перед нами сложной и неизмеримо важной задачи. Потому мы опустим предысторию и перейдем сразу к делу. Хочу напомнить, что решается не только твоя судьба, Джамаль, а будущее нашей страны. Очень важно, чтобы ты понимал возложенную на тебя ответственность. И мне необходимо убедиться, что наши основные взгляды и политические ориентиры сходятся, дабы впоследствии не возникло недоразумений. Анмар развивается с определённым курсом по разработанной правительством программе. Я высоко ценю и дорожу занимаемой должностью, я много лет и сил вложил в

процветание Анмара. Король доверяет мне, и я со своей стороны делаю все, чтобы укрепить его положение на политической арене. Однако в связи с тяжелым заболеванием правителя ситуация серьезно усложнилась. Поэтому мы должны начать действовать как можно скорее, — закончив довольно пафосное вступление, Дамир делает выразительную паузу.

— Я пригласил тебя сюда, чтобы убедиться в твоей готовности сотрудничать с нами, Джамаль. Мне необходимы гарантии, — повернув голову, он пронзает меня тяжелым взглядом. — Документальные. Все необходимые бумаги подготовлены. Ты подпишешь их здесь, а я обеспечу сохранность. О существовании документальных договоренностей будем знать только мы. Поверь, я делаю это не с целью ограничить твои будущие возможности, а для собственной уверенности в завтрашнем дне.

— Я понимаю, советник, — согласно киваю, наблюдая за бегущими вокруг бассейна девочками, глубина которого может представлять серьезную опасность, если одна из них споткнется и упадет в воду. Нахмурившись, бросаю взгляд на равнодушных женщин, застывших, словно черные статуи. — Я подпишу все, что потребуется. Меня интересуют сроки, реакция короля и официального на настоящий момент наследника.

— Три дня, — решительным тоном произносит Дамир аль-Видад. — Закрытое совещание назначено на четверг в главном зале здания федерального совета в Асаде.

— Так скоро? — удивленно взглянув на советника, спрашиваю я.

— Ждать больше нельзя, — категорично качает головой Дамир Видад. — Ситуация критическая. Если король умрет, мы уже ничего не сможем сделать, и на престол взойдет признанный наследник Искандер аль-Мактум. Мы не можем медлить, Джамаль. После совещания состоится пресс-конференция, на которой король сделает официальное заявление.

— Вы уверены, что монарх адекватно воспримет открывшиеся обстоятельства? — сдержанно уточняю я.

— Более чем, — уверенно заверяет меня Дамир. — Я беру этот вопрос на себя, тебя не должна волновать реакция Махмуда аль-Мактума и его окружения. Король будет предупрежден об истинной повестке совещания, я предоставлю ему неопровержимые

доказательства. Генетическая экспертиза снимет все возникшее сомнения. Далее я смогу объяснить монарху, что действовал исходя из соображений твоей безопасности.

— Вы же понимаете, что Искандер аль-Мактум сделает все, чтобы сорвать совещание и не допустить моего появления. У меня есть подозрения, что ему могут быть частично известны наши планы.

— Полковник тоже высказывал подобные мысли, Джамаль, — утвердительно кивает глава правительства.

— Однако факт утечки до сих пор не подтверждён. Я склонен думать, что наследник подозревает АРС в сокрытии информации, уничтоженной вовремя ликвидации государственного преступника, к несчастью оказавшегося моим младшим братом. Шпионы наследника передали ему данные по возглавляемой тобой спецоперации, и на основании этого он сделал определённые выводы. В настоящий момент все эти люди выявлены и арестованы. Твоя безопасность — приоритетная задача, Джамаль. Полковник Кадер обеспечит защиту от покушения со стороны Искандера. Тебе необходимо ограничить свои перемещения территорией собственного дома и сократить все внешние контакты, чтобы минимизировать возможные риски. В четверг за тобой прибудет бронированный кортеж, который доставит к зданию правительства под усиленной охраной.

— Кто будет присутствовать на закрытом совещании?

— Король, Искандер аль-Мактум, кабинет министров, члены правительства, шейхи, возглавляющие провинции, директор АРС, руководили внутренней и внешней разведки, а также команда юристов, нотариусов и секретарей, которые понадобятся нам для оформления престолонаследования в твою пользу. Личность каждого участника будет тщательно проверена, на этот счет можешь не беспокоиться. Я должен сообщить заранее, что по итогу собрания директор Анмарской разведывательной службы генерал Амин Башар подаст в отставку. Его пост займет полковник Кадер.

— Почему генерал не был введен в курс имеющейся договорённости между вами и Кадером?

— Мы не уверены, что ему можно доверять. К тому же преклонный возраст директора службы влияет на качество работы и скорость принятия решений. Или у тебя другое мнение? — Дамир Видад подозрительно сощуривает глаза.

— Не могу ничего сказать. Я не контактировал с генералом лично. Все задания получал исключительно через руководителей внутренней и внешней служб. Чаще всего доводилось работать непосредственно с полковником Кадером.

— Вот и отлично, — удовлетворённо отзывается советник.

— Очень хорошо. Джамаль, ты много лет обеспечивал безопасность нашей страны, теперь мы должны позаботиться о твоей судьбе. Рядом с надёжными союзниками тебе ни о чем не придётся думать. Мы полностью возьмем на себя все сложные задачи.

— От меня требуется не мешать вам управлять страной? — иронично уточняю я.

— Всего лишь прислушиваться к советам, — широкая хищная улыбка обнажает ряд крупных зубов, напоминая, кто стоит передо мной. Он уверен, что загнал меня в угол, словно очередную жертву. — Поверь, наше сотрудничество будет благотворным и полным приятных бонусов. Я слышал, что полковник не так давно сделал тебе щедрый и необычный подарок.

— Совершенно верно, — сухо отвечаю я, переводя взгляд на рискованных девчонок, продолжающих носиться по периметру бассейна. Изредка переговариваясь, женщины по-прежнему занимают пассивную позицию, одурев от жары или просто пренебрегая своими обязанностями. В стороне от всех я замечаю ещё одну девочку, не принимающую участия в забавах своих ровесниц. Понуро подперев спиной ствол пальмы, она неотрывно рассматривает что-то под коричневыми туфельками, сжимая в кулаках ткань длинной юбки. И чем дальше я на нее смотрю, тем сильнее ставится ощущение, что я уже видел эту девочку раньше.

— Ты доволен подарком? — настойчиво спрашивает Дамир Видад.

— Чрезмерно, советник, — наблюдая за одинокой девчонкой, отвечаю я. Сердце тревожно екает, соглашаясь с подсказкой зрительной памяти, по венам разливается чистая ярость, которую я обязан скрыть за услужливой улыбкой, обращенной к премьер-министру.

— В нашей стране, Джамаль, мужчина олицетворяет собой солнце, а женщина, даже самая желанная и прекрасная, является всего лишь его тенью, — он снова переходит на пафосный тон. — И далеко не всякая может стать достойным отражением своего господина.

— К чему вы клоните, советник? — взяв эмоции под контроль, я поворачиваю голову и пристально смотрю в темные хладнокровные глаза человека, приказавшего убить собственного брата, чтобы скрыть свои преступления.

— До меня дошли тревожные сведения, — пронзительный прищур карих глаз и снисходительная ухмылка на губах. Я догадывался, что не смогу сохранить свое решение в тайне надолго, но скорость распространения информации не может не удивлять. Разыгрывать недоумение бессмысленно, да я и не собираюсь этого делать. Я был готов к тому, что советник уже оповещен. Уверен, Лейла сообщила отцу о том, что я привел в дом строптивую невесту, в самый первый день. — Джамаль, я не намерен отговаривать тебя, но ты должен четко осознавать, что личная жизнь будущего Правителя представляет пристальный интерес для множества врагов и любителей разжигать резонансные общественные скандалы.

— На протяжении многих поколений «личную жизнь» Правители Анмара скрывали под паранджой в тщательно охраняемых дворцах, — сухо напоминаю я.

— Век информации и технологий изменил многое в современном обществе, он лишил нас некой завесы, за которой легко скрыть грехи и ошибки, которые, без сомнения, совершает каждый, — важным серьезным тоном произносит Видад. «Нас», советник? Оговорка по Фрейду. Я с трудом сдерживаю саркастическую ухмылку. — И некоторые грехи обсуждаемой нами ханум, Джамаль, способны бросить тень на твою репутацию. Эрика Доусон — не просто западная девушка с прошлым, которое не так сложно откопать и представить в невыгодном для тебя и ее самой свете. Она — американская шпионка.

— Бывшая, — сдержанно отвечаю я.

— А вот это вызывает у меня сомнение. Сначала рядом с ней появляется Искандер, потом Кадер без особых препятствий со стороны наследника доставляет ее тебе. Ты, как любой охваченный страстью мужчина, приводишь мисс Доусон в самое безопасное место в нашей стране — собственный дом. Я понимаю, Джамаль, — фальшиво улыбается Видад. — Мы так устроены и стремимся сохранить то, что в настоящий момент представляет ценность, интерес, вызывает желание. Но жениться? Ты хочешь предоставить

ЦРУ информационный доступ к политической системе нашей страны? Или, возможно, сам сотрудничаешь с американцами? — окидывая меня острым взглядом, провокационно спрашивает Дамир. — Зачем брать в жены женщину, которая и так может принадлежать тебе самыми немислимыми способами? Да, законы Анмара не так благоволят к женщинам, как в западных странах. Но все же она будет иметь определённые права, как супруга будущего правителя. Этот фактор риска невозможно не учитывать. Репутация мисс Доусон бежит впереди нее, что тоже нельзя оставлять без внимания.

— Лица жен Аль-Мактума, равно как и ваших, никогда не попадут под объективы фотокамер и прицел журналистов, они вечно скрыты никабом, и никто, кроме мужа, не знает, кто находится под покрывалами.

Первая жена или четвертая, — нейтральным тоном возражаю я.

— Совершенно верно, — снисходительно кивает Дамир. — Но лишь в том случае, если жена благоразумна, покорна мужу и молчалива. А прекрасная Эрика Доусон каждый раз оказывается в центре скандала, едва спустившись с трапа самолета.

— Я гарантирую, моя третья жена будет бросать соответствующую тень от солнца, — несмотря на явный ироничный контекст, отвечаю четким категоричным тоном.

— Джамаль, ты недооцениваешь женщин. Нельзя изменить ту, что уже познала порок и вдохнула свободу полной грудью, — советник снова принимается перебирать алмазные четки, задумчиво глядя в окно. — Будущих жен необходимо воспитывать с раннего детства. Посмотри на этих девочек. Они удивительные, не правда ли?

— Я думал, что это ваши дочери, — внутри зарождается ледяной гнев, вызванный внезапным озарением, но голос остается нейтральным.

— Нет, ты ошибся, Джамаль. В этом кабинете я принимаю в исключительных случаях, и только единицам доверенных лиц дано право оказаться здесь. — с ноткой высокомерия сообщает Дамир Видад, продолжая любоваться резвящимися девчонками. — Юные, невинные, из лучших семей Ближнего востока.

Настоящие жемчужины, которые к пятнадцати годам затмят многих признанных красавиц, получают лучшее образование и никогда

не заставят своего мужчину сомневаться в их преданности и чистоте. Уже с раннего детства они осознают великую честь и счастье, уготованные им в случае, если я сочту их достойными. Я выбираю лучших среди лучших. Это касается любой сферы моей жизни, Джамаль. И любой уважающий себя мужчина поступает точно так же.

— Я слышал, что честь и счастье ваших избранниц очень ограничены во времени, — намеренно равнодушным тоном сообщаю я.

— Богатства, которые они получают после, перекрывают все возникающие недопонимания. В этом и состоит огромный плюс соответствующего воспитания.

— Подозреваю, что не все девочки, которые сейчас воспитываются для своей великой участи, смогу стать женами, — больше констатация факта, нежели вопрос. На все мои завуалированные выпады Дамир отвечает с непробиваемой небрежностью, словно речь идет об обыденных вещах, а не живых людях.

— Разумеется, нет. Я не менее требователен и к своим наложницам, Джамаль, которых у меня гораздо больше, чем официальных жен. Поверь, многие обладающие достаточными средствами влиятельные люди нашей страны предпочитают безопасное разнообразие в личной сфере, — хищная улыбка раздвигает мясистые губы советника. — Я могу оказать особое отношение и доверие, позволив тебе выбрать любую из этих маленьких хрустальных красавиц.

— Это невероятно щедрый дар, — вежливо отвечаю я. В глазах темнеет от кровожадного желания собственными руками кастрировать это ничтожество и заставить сожрать орган, которым он познает, какая именно из девочек заслуживает «великой чести».

— Будущий Правитель достоин лучших даров, — торжественным тоном вещает Советник.

— А если мой выбор упадет на ту, что уже приглянулась вам? — намеренно равнодушным тоном уточняю я.

— Ты не должен беспокоиться на этот счет, — заверяет меня Дамир Видад. — Я готов уступить. Гарантирую, что все они невинны и чисты.

— И я смогу забрать понравившуюся девочку прямо сейчас?

— Если пожелаешь, — кивает ублюдок.

Я изображаю глубокую задумчивость, с огромным трудом сдерживая потребность одним мощным ударом сбить спесь с лица этого отродья Шайтана.

— Как насчет этой? — спрашиваю я невозмутимым тоном, показывая на одиноко стоящую малышку, с тоской смотрящую на беспечных подруг. На лице Дамира появляется озадаченное выражение, глубокая морщина пролегает между сдвинутых бровей.

— Она оказалась здесь случайно. Я собирался отправить ее в дом для прислуги. Девочка, к сожалению, не совсем подходит для озвученных выше целей.

— Вы говорили, что я могу выбрать любую, советник, — бесстрастно напоминаю я.

— Да, — нехотя соглашается Дамир. — Что ж, я вижу, ты не ищешь легкий путей, Джамаль. Я не вправе взять назад данное слово, но если девчонка разочарует тебя, то прошу не винить меня в этом.

— Аллах свидетель, я никогда не стану обвинять такого щедрого человека за собственный выбор.

— Тогда по рукам, — он протягивает ладонь, и мы обмениваемся крепким рукопожатием. Сдерживать неприязнь становится все сложнее, поэтому я спешу закончить нашу встречу.

— Если у вас больше нет ко мне вопросов, то я бы хотел вернуться домой, к своим женам.

— Я распоряжусь, чтобы тебя доставили в целости и сохранности, Джамаль. Девочку отвезут туда, куда скажешь. Я надеюсь, что мои слова заставили тебя повременить с решением в отношении Эрики Доусон?

— Я подумаю, советник, — уклончиво отвечаю я.

— Будущий король должен уметь прислушиваться к мудрым советам своих подданных. Прежде чем ты покинешь резиденцию, прошу тебя ознакомиться с составленными моими юристами документами и, если не возникнет вопросов и возражений, подписать их, — премьер-министр указывает ладонью на свой стол.

Спустя час, передав на хранение советнику стопку подписанных документов, я вылетаю из королевских владений Видада на том же

вертолёте, что доставил меня туда. Отправив Аделе строгие и конкретные инструкции в отношении девочки, которую доставят наземным транспортом под ее личную ответственность, я позволяю себе расслабиться и выдохнуть на пару минут, глядя на притирающиеся за стеклом иллюминатора пейзажи. Анмар настолько же прекрасен, насколько червив изнутри. И сегодня в очередной раз я убедился, насколько глубоко проникла гниль, распространяемая людьми, уверенными в том, что политические заговоры и влияние способны укрепить и контроль над страной. Их ждет глубокое разочарование и достойное возмездие. Совсем скоро. Три дня.

У меня мало времени. Надо успеть еще слишком многое, чтобы не оказаться под перекрёстным огнем. Я должен все просчитать, взвесить и составить идеальный план действий. Видит Аллах, я как никогда близок к цели, и эта мысль наполняет меня необходимой энергией и ясностью мысли.

Однако за пять минут до посадки мое настроение делает резкий скачок вниз. Виной тому мое внезапное желание убедиться в том, что пока я отсутствовал, в доме не произошло ничего вопиющего и выходящего за рамки дозволенного. Я имею в виду трех агрессивно настроенных друг против друга женщин, вынужденных временно находиться под одной крышей. Мне хватило десяти минут просмотра видео со скрытых камер внутреннего наблюдения, установленных во всех комнатах и помещениях дома, чтобы оценить всю картину. Ни одного скандала или стычки. Лейла и Аида сразу после моего отлета разошлись по спальням, чтобы предаться меланхолии, и ни разу не покинули своих комнат.

В отличие от Эйнин.

Худшие опасения обретают реальные очертания, пока я наблюдаю, как она пробирается в мой кабинет, переодевшись в одежду прислуги, и роется по ящикам и полкам. Виски сдавливают резкая боль, руки непроизвольно сжимаются в кулаки.

Что же мне делать с тобой, Эрика Доусон? Убить, пытаться, заставить признаться или послать к черту весь мир и попытаться спасти то, что от нас осталось?

Рика

Плавно выныриваю сквозь толщу воды, хватаясь за бортики джакузи, и, пригладивая к вискам мокрые волосы, перекидываю их на одну сторону, всматриваясь в слабо освещенный ночными бра сад, расположенный прямо за огромными панорамными окнами в моей спальне.

Дизайнерский ход, весьма впечатляющий — мне нравится, что моя комната, подобно мастерской Джейдана и лофтам в центре Нью-Йорка, разбита на зоны, включающие в себя все необходимое для жизни.

Если отключить мысли, кажется, что я нахожусь не в доме Джамала, а в собственной квартире. Ну и это джакузи с чудесным видом — «идеальное место для фото в Инстаграм» с иронией подумала я, когда впервые изучила свою спальню и обнаружила небольшой бассейн, углубленный в пол. Время два часа ночи, а Джамаль вернулся домой в девять часов вечера, сразу скрывшись в своей половине дома. Признаюсь, честно, первые два часа я ждала его в своей спальне, предварительно накрасив губы красной помадой и подговорив Зару принести в комнату фрукты и шампанское в ведерке со льдом. Хотела сдать ему с повинной, извиниться, поговорить, но все мои планы разбились об айсберг его ледяного равнодушия.

Мало того, что он не пришел ко мне сам, так ещё и не пустил меня, когда я попыталась уговорить Калифа пропустить меня в мужскую половину дома. Но окончательно убило другое: в «запретной» для меня части виллы на пару часов скрылись Аида и Лейла. Знаете, это уже даже не больно... хотя кого я обманываю? Помогает снять стресс лишь бокал шампанского и принятие водных процедур с ароматной лавандовой пеной. Поставив на запланированном романтическом вечере крест, я выхожу из джакузи и накидываю на себя паранджу, которую иногда надеваю на голое тело вместо шелкового халата. Медленно рассматриваю пальмовую ветвь, касающуюся панорамных окон по ту сторону стекла, прогоняя болезненные образы Джейдана, развлекающегося в компании Аиды и Леа, тянусь к бокалу с игристым вином, ощущая себя глупо, когда мои пальцы обхватывают воздух, сжимаясь в кулак.

— Ты стала слишком много пить, Эйнин, — угрожающий голос Джамала заставляет мое сердце подскочить в груди, мгновенно сжимая ее в свинцовые сети. Не вдохнуть, не выдохнуть... кровь

густеет, превращаясь в мед, звук сердца стучит в висках... типичные признаки волнения, трепета и предвкушения, что ощущаю, находясь с ним в непосредственной близости.

Пришёл... неужели пришёл. После них?.. Не хочу об этом думать, хватит. не сегодня, не сейчас.

— Как и слишком многое себе позволять. Ты не находишь? — чувствую себя уязвимой, не готовой к встрече с Джейданом — шум массажеров в джакузи заглушил звук его шагов, а я уже не надеялась увидеть его сегодня. В любом случае — я больше не хочу с ним сражаться, вести бессмысленный бой, в котором мне никогда не одержать победу.

— Джамаль, я. — мягко начинаю я, ощущая его мятное дыхание, щекочущее каждый волосок на затылке. Он стоит всего в паре сантиметров, возвышаясь высоко надо мной, заполняет все пространство, обволакивая меня своим мощным энергетическим арканом. Я вижу его мощную широкоплечую фигуру, слабо отражающуюся на поверхности панорамного окна, ощущая, как покалывает кончики пальцев, предвкушая его грубость, редкую ласку, жадные прикосновения, любой тактильный контакт, который необходим мне, как воздух.

Но я не успеваю ничего сказать в свое оправдание. Джамаль уже сделал свои железные выводы, как только вернулся домой, а значит изменить картины и образы, которые он нарисовал в своей голове, фактически невозможно. Не дав мне вымолвить и слова, Асад тугим захватом пленит мою шею, перекрывая нормальное поступление кислорода в легкие, не на шутку пугая меня вкрадчивым и приглушенным шепотом, пробивающим меня до озноба:

— Достаточно разговоров, Рика. Не утруждай себя, не оправдывайся. Твоей лжи я услышал до-ста-то-чно. Никакие слова в мире не переубедят меня в том, что я впустил в свой дом не только шлюху, но еще и предательницу. На что ты вообще рассчитывала, Эйнин? Что я не замечу, как ты «навела порядок» в моем кабинете? Что ты искала там, альби? И для кого? Принц? ЦРУ? На кого ты работаешь сегодня, Эрика Доусон? — притворно ласковым тоном спрашивает Джамаль, в один миг прижимая меня к своему крепкому, источающему звериную ярость и жгучий жар телу, в котором каждый мускул напряжен до предела... воздух мгновенно превращается в

вибрирующие иглы, атакующие мою кожу, наперегонки с его ладонями, лихорадочно терзающими мою обнаженную, едва прикрытую шелком абайи, талию. Как только он отпускает мою шею, я, приложив немало усилий, поворачиваюсь к нему, резко обхватывая заостренные скулы Джейдана двумя ладонями:

— Посмотри на меня, Джамаль. — искренне шепчу я, пытаюсь достучаться до этого ходячего куска льда. Цепкий и острый, словно наточенное лезвие, взгляд Джамала ощущается, как скольжение его ледяного острия по моей коже. — Я знаю, как для тебя это все выйдет. Но это не то, о чем ты подумал, мой Асад, — стараюсь успокоить его, прежде чем он вновь накинется на меня или со всей дури откинет на пол, как тогда в мастерской. Ощущая острую потребность в близости с ним, прижимаюсь всем телом к его груди, по-прежнему ощущая энергию холода, равнодушия и отчуждения, направленную на меня. — Я никогда не стала бы работать на Искандера, как ты мог так подумать? Джейдан, я правда.

— Я устал от твоей болтовни, Рика, — отрезает Джейдан, оскалившись. Он медленно убирает мои руки от своего лица, не сводя с меня переполненного презрением взгляда. Его холодность, резкость, куда большее ударов и насилия, но я осознаю свою ответственность за подобное отношение, и ещё тешу себя надеждой, что мы сможем проложить мост над бездной, черной дырой, разрастающейся между нами и вбирающей в свою проклятую воронку все теплые чувства друг к другу. — Ты просто издеваешься надо мной, Эйнин. Скажи мне, ты этого добивалась? Я даже видеть тебя не хочу. И тебя я не хочу, можешь не стараться, — он кидает презрительный взгляд чуть ниже моего лица, но этого мгновения достаточно для того, чтобы мое сердце вспыхнуло, до краев переполненное болью. *Нет... он не может так говорить, так думать, так чувствовать. зачем он это делает?*

— Джамаль, хватит. Мне больно, когда ты так грубо говоришь со мной, — едва слышным шепотом прошу его я, неспешно ловлю ладонь Джейдана и подношу ее к губам, нежно оставляя на его коже красные следы от своей помады. Вопреки моим ожиданиям, от него не пахнет духами Лейлы и Аиды... только собой, моим любимым мужчиной, единственным в мире, которого я хочу до одури, до взрывающегося внутри сердца и целой Вселенной, до дрожи, до боли.

хочу. Таким, какой он есть. Сильным, непоколебимым и справедливым. — Пожалуйста, послушай меня. Я так соскучилась по тебе. Ты не представляешь, как сильно. — поднимаю на него уязвленный взгляд из-под дрожащих ресниц, не замечая ни малейших признаков потепления за синими стеклянными глазами.

— И поэтому ты решила покопаться в моем кабинете? За идиота меня держишь? — его голос подобен удару хлыста, не иначе, но я стойко держусь на ногах, сжимая его ладонь в кулаке чуть сильнее, про себя умоляя Джамалю услышать меня.

— А что мне оставалось делать? Ты игнорировал меня все эти дни! И не пришел бы сегодня.

— Да я видеть тебя не хотел, понимаешь? — На мгновение лицо Джейдана искажает гримаса боли, из резко вздымающейся груди поднимается утробный рык, и он в бешеном порыве с налетом отчаяния сталкивает нас лбами. От ощущения его пробуждающихся истинных эмоций и близости у меня схватывает дыхание, а мир вокруг распадается на части, на звезды, превращаясь в искристый космос.

— Что ты такое говоришь, асад? Почему? Ты сам пригласил меня в свой дом... — цепляюсь за ворот его рубашки, резким и одновременно ласковым движением, решительно провожу носом по линии его скул.

— А стоило бы убить. Там, прямо в машине, как только ты выдала мне свою чертову «правду», — разъяренно рычит Джейдан, и я вспоминаю первоисточник нашего затянувшегося конфликта.

— Джамаль, я солгала, — нежно выдыхаю в считанном миллиметре от его губ, медленно провожу по ним языком, раскрывая их. мгновенно ощущая, как меняется его состояние и настроение. Тающий айсберг, впечатляющее зрелище. — В моем сердце только ты, Джамаль. В моем теле только ты тоже, — провокационно заверяю его я, мягко обхватывая его полные и горячие губы, но он по-прежнему не отвечает мне или делает вид, выдавливая из себя твердое:

— Я не верю тебе, — но голос его едва заметно дрожит, и я чувствую, что мой гордец находится на грани того, чтобы забыть о том разговоре, как о страшном недоразумении.

— Очнись, Джамаль. Я сказала это на эмоциях, сплупила, — несмотря на его нарочитую холодность и желание всеми своими

действиями показать свое равнодушие, я жадными, быстрыми движениями начинаю расстегивать пуговицы на его рубашке, другой рукой быстро нахожу ремень и молнию, с которой быстро расправляюсь, и опускаю джинсы неудержимым рывком вместе с боксерами, освобождая его мощную и пульсирующую плоть, обхватываю в ладони член Джамалья, который совершенно не согласен с его эмоциональной холодностью. — Ты просто сумасшедший ревнивец,

Джамаль. Клянусь, я ничего лишнего не позволяла себе... никогда. Да, Аль-Мактум поцеловал меня несколько раз, но я ничего не почувствовала и не хотела, и. черт возьми, Джейдан, мне только ты нужен. Весь, мой асад, — Джамаль обрушивает на мои губы свой жадный поцелуй, толкаясь бедрами в мою ладонь с утробным горловым рыком, кричащим мне о его настоящих чувствах и желаниях... и я готова сегодня исполнить каждое из них.

ГЛАВА 11

Джамаль

Никогда не верь словам предателя, загнанного в ловушку. Он придумает любую ложь и сделает это со всей искренностью, на которую способен, и слезами на глазах. Лишь бы уйти от ответственности и спасти свою жизнь. Человек в минуту стресса и опасности становится на удивление проницательным в отношении того, кто предоставляет угрозу для него. Если нечем крыть, остаётся только лицедейство и красноречие. Этот урок я хорошо уяснил ещё в самом начале своей службы. Но никогда не мог предположить, что под призмой закреплённых знаний я буду рассматривать слова и действия женщины, которой грезил с тринадцатилетнего возраста. Во сне и наяву, пока она не обрела реальные очертания и не выбила почву из-под моих ног. Я ничего не знал о любви, пока не увидел Эрику Доусон в чёртовом синем платье с молнией на спине на фоне портрета, с которого смотрели бирюзовые глаза Эйнин. Мое подсознание взбунтовалось уже тогда. Сверхъестественное притяжение, мощное, сокрушающее. Девятый вал неконтролируемого желания и острой потребности взять... взять без спроса, грубо, жестко, навсегда. Наверное, если бы я это сделал в самый первый день нашей встречи, мы смогли бы избежать множества последствий, и я не чувствовал бы сейчас, как внутри меня ядовитой змеей расправляет свои кольца гремучая смесь похоти и ярости.

Я не верю ей. Ни одному слову, прикосновению; ни биению сердца, которое стучит так близко. Красные губы, запах алкоголя и ложь. ложь. Даже паранджа, предназначенная подчёркивать скромность женщины, надетая на обнаженное тело Эрики, выглядит вульгарно.

Я ненавижу ее. Видит Аллах, в эту минуту я ненавижу ее сильнее, чем любил в тот момент, когда она оставила меня умирать, улетев в свою Америку. Я помню вкус соленых слез на моих губах, полные немого отчаяния глаза, смотрящие в душу и разрывающие ее в клочья мелькающим в глубинах темных зрачков отказом.

Она не выбрала меня тогда. Только полный идиот мог поверить, что Эрика Доусон передумает сейчас.

Она сдается под напором моих губ, целует в ответ. Так же, как целовала других. До и после.

Аль-Мактум поцеловал меня несколько раз, но я ничего не почувствовала и не хотела, и... черт возьми, Джейдан, мне только ты нужен.

Конечно, я нужен тебе, детка. Каждый раз. Когда пахнет жареным, я резко становлюсь тебе нужен. Потому что только я способен защитить тебя. Но не от происков врагов, не от ЦРУ, Кадера, АРС и чёртовой кучи ублюдков. А от самой себя.

Если ты не хочешь любить меня, не можешь, не умеешь. Я заставлю. И научу.

Но сейчас, когда теряют смысл любые слова, остается единственный язык, который ты понимаешь и знаешь в совершенстве — язык секса.

«Хочу отсосать тебе прямо сейчас», всплывает в памяти еще одна брошенная в машине фраза, желчью разливаясь по венам. Я отрываюсь от кроваво-красных губ и требовательно надавливаю на ее плечи.

— Приступай к делу, Рика, — хрипло произношу я, опуская Эйнин на колени. К моему удивлению она безропотно подчиняется, впиваясь пальцами мои бедра, и склоняя голову к вздыбленному члену. Один взгляд на её губы с размазанной помадой и меня накрывает волной первобытная животная жажда, утолить которую способен только этот припухший рот.

— Джамаль... — нежный ласковый голос, изящно выгнутая спина, хрупкие плечи. Аллах одарил ее невероятной красотой, на которую я готов смотреть вечно, пытаюсь понять, что Эрика хранит внутри. Наверное, причина моей одержимости скрыта именно там, в неспособности понять, что эта безумная девушка прячет от меня. Свое сердце или его отсутствие?

— Замолчи и займи наконец свой язык тем, что у него получается лучше всего, — рычу я, сгребая в кулак темные волосы, и толкаюсь раскаленной головкой в приоткрытые в немом возгласе губы. — До последней капли, кхара.

Моя намеренная грубость пробуждает в ней неожиданную покорность. Ладони Эрики снова ложатся на мои бедра, теплые губы обхватывают возбужденную плоть. Горячий дерзкий язык порхает вдоль напряженной длины неуловимыми скользящими движениями, от которых темнеет в глазах и из груди врываются хриплые стоны. Мне не нужна ее нежность сейчас, слишком поздно.

Хватка на ее затылке становится крепче, и я жестко вбиваюсь в ее рот, ощущая пульсирующей головкой заднюю стенку сокращающегося горла. Глубже, мощнее, испытывая животное удовольствие от каждого толчка и сдавленных задыхающихся женских всхлипов. *Хочешь, чтобы я поверил тебе, Рика? Заглатывай глубже, маленькая лгунья. Покажи, на что ты способна, чтобы снова заставить меня потерять голову...* С мрачным удовлетворением я смотрю на выступившие слезы, стекающие по подбородку слюни, подрагивающие плечи. Ногти Рики впиваются в мою кожу, но не в попытке оттолкнуть, а принять ещё больше. Дёрнув за волосы, я даю распутной бестии то, что она хочет, жестко трахая ее горло разбухшим членом. Горячие спазмы удовольствия распространяются по телу, сигнализируя, что у нее отлично получается подвести меня к краю. На мгновение замираю, перекрывая доступ к кислороду, и она протестующе мычит, царапая мои ягодицы.

— Не нравится, кхара? Слишком глубоко? Или недостаточно? Хочешь еще? — срывающимся шепотом спрашиваю я. Сердце бьет набатом во вздымающейся грудной клетке. Пот стекает по спине, бугрящимся мышцам пресса, боль от недавних ранений только обостряет ощущение надвигающегося мощного освобождения. Соединяясь, гнев боль и похоть обращают меня в дикого рычащего зверя, стремящегося наказать, заклеить свою самку, показать ее истинное место. Она мычит, ударяя ладошками по моим бедрам, толкает со всей силой, на которую способна. Грубо запрокинув голову Эрики вверх, я позволяю ей сделать вдох. Прижимаясь раскаленным членом к ее щеке, смотрю сквозь багровую пелену на блестящие от слюны растерзанные губы, дрожащие мокрые ресницы, которые она поднимает, чтобы посмотреть на меня. И это снова происходит. У меня внутри все обрывается, стоит увидеть в темных зрачках неприкрытую жажду. Как ты это делаешь, Эрика?

— Готова продолжить? — хрипло спрашиваю я, сжимая ее волосы на затылке. Она кротко кивает, снова запуская черную ярость в мои вены. Чертова кукла. — Смотрю, тебе нравится, когда тебя имеют, как суку.

— Я готова кончить, просто доставляя тебе удовольствие, Асад, — произносит она, заставляя меня мрачно ухмыльнуться. — И я не сука, я девушка, которую ты любишь, — уверенно добавляет она, используя оружие, которое я сам дал ей когда-то. Вложил в хрупкие ладони и направил на свое сердце.

— Кажется, пауза затянулась, — рывкаю я, снова почти до основания загоняя каменный член в теплый рот, сжимая пальцами одной руки ее скулы, а второй наматываю длинные волосы на кулак и начинаю остервенело вбиваться в губы Эрики. — Дай мне свое горло, кхара. Я знаю, что ты можешь глубже.

Я сатанею, ощущая, как стенки ее плотки пропускают головку, как смягчаются женские губы, обхватывая и лаская вздувшиеся вены на напряженном члене. Я больше не даю Эрике ни малейшей поблажки, ни единого плотка воздуха, полностью контролируя ритм и глубину проникновения. Ее счастье, что я уже на грани. Пара минут жестких толчков, и с грудным хрипом я кончаю в бархатное горло, удерживая захлёбывающуюся девушку до тех пор, пока последняя судорога не отпускает мое тело. До последней капли, мать ее.

Эрика

— Ну как, детка? Как ты сказала? Готова кончить, просто доставляя мне удовольствие? — рваным, рокочущим тоном задает с издевкой вопрос Джамаль, ударяя головкой члена по моим раскрытым губам. Я не чувствую себя униженной и оскорбленной, несмотря на то, что стою перед ним на коленях, ощущаю грубый захват своих волос твердым кулаком Джамалья, а его сперма стекает по нижней губе, подбородку, капая на грудь, резко вздымающуюся от возбуждения, звериной похоти и желания, превращающего кровь в раскаленную магму. Боюсь, все это обратно эффекту, которого он хотел достичь, выместив на меня ударную дозу агрессии и своего восточного характера. Меня заводит грубость, я схожу с ума, когда он берет меня так дико и яростно, потребность в слиянии с ним

становится фактически болезненной, хоть вой и на стенку лезь. Джамаль размазывает остатки своего семени по моим губам, глядя прямо в глаза, в которых теперь я замечаю знакомые дьявольские и притягательные искры, завлекающие в свою непроглядную бездну, выпивающие меня без остатка, лишаящие разума. Теплая волна проходит по всему телу, концентрируясь пульсирующим желанием внизу живота, вызывающего меня к действиям.

Он позволяет мне встать на ноги, обхватить его запястье и прижать раскрытую ладонь к своей груди, которую я прижимаю к своему гулко танцующему в грудной клетке сердцу. Второй я скидываю с себя абайю, затем освобождаю его от рубашки, быстрым взглядом оценивая его напряженные бицепсы и проступившие вены на сильных руках, по которым так и хочется провести языком... увлекаю за собой, заставляя Джамала переступить через джинсы и боксеры, спущенные ещё в тот момент, когда он одержимо толкался в мое горло.

— Хочешь продолжить, Рика? Не хватило наказания? — все еще демонстрирует свой едкий характер Каттан, никак не успокоившись. Видимо, до конца не выплеснул весь накопившийся за несколько дней пыл, потому что, судя по его вновь приподнимающемуся члену, с Лейлой и Аидой в мужской половине дома они по душам говорили, а не трахались. — Так давай продолжим, Рика. Презервативы свои тащи. Используем по назначению те, что остались после «поцелуев» с Искандером.

Что ты сказал?

Огромных усилий мне стоит не врезать ему хлесткую пощечину. Нервно выдохнув, я уверенно толкаю его на свою кровать, наблюдая за тем, как Джамаль приподнимается на локтях и демонстративно вздергивает одну бровь, не вербально пытаюсь понять, что я задумала. Никогда не догадаешься, асад.

— Перестань нести чушь, Каттан, — отрезвляю его я, слегка разозлившись. Поднимаюсь по кровати чуть выше, к нему, красиво прогибаюсь в поясице и раздвигаю ноги, фиксируя колени по обе стороны от его торса. Жар в точках соприкосновения наших обнаженных тел заставляет сходить с ума, сдерживать в груди одержимые стоны и желание оседлать его и трахнуть прямо сейчас. Джамаль порывается обхватить мою задницу, но я успеваю поймать

его ладони и завести их над головой и кипой подушек, резко прижимаюсь к соскам налитой грудью и, наклоняясь губами к его уху, шепотом признаюсь Джейдану в том, по какому такому «назначению» использовала чертов презерватив в пачке.

— Ты... что ты делала? — недоверчиво спрашивает он, но я наконец замечаю, как его губы раздвигает саркастичная усмешка.

— Я думала в этот момент о тебе, Джамаль, — томно выдыхаю я, ласково проводя языком и губами по шрамам на его шее, замечая, как пульсируют вены под бронзовой кожей. Эти метки и борозды ничуть не портят его, лишь напоминают о чем-то сокровенном, *только нашем*, рассказывают собственную историю. Отвлекая его внимание, обрисовываю языком влажные круги вокруг сосков, добираясь губами до линии, разделяющей кубики пресса, и ловким движением достаю из-под подушки предмет, что поможет мне в осуществлении задуманного. Два характерных щелчка — и запястья Джамалья заковываются в наручники, которые я предварительно прицепила к деревянным прутьям в изголовье своей кровати, когда планировала наш «романтический вечер». У меня богатая фантазия, и я хотела бы иметь в запасе сотню лет, полных страсти, стонов и самых запретных экспериментов с ним.

— Теперь ты успокоился на этот счет и дашь мне тоже кончить, мой Асад? — чувственно спрашиваю я, изнемогая от желания ощутить его глубоко внутри, объездить налитый кровью член, упирающийся в низ живота. Плавно смещаюсь ниже, вращая бедрами, медленно потираясь клитором о его твердость, имитируя движения секса, чуть ли не плача от простреливающего бедра умопомрачительного наслаждения.

— Рика, ты окончательно свихнулась? Что у тебя в голове, женщина? — рычит Джейдан, протягивая вперед руки, ограниченные в движении. Он вновь напрягается всем телом, явно не понимая, с какой целью я заключила его в свой плен.

— Тсс, тихо. Я так хочу тебя, Джейдан. Хочу, чтобы ты был только мой, хочу, чтобы не знал наслаждения в другой спальне... — мурлыкаю я в его губы, успокаивающим движением кончиков пальцев оплавив его закованные запястья. — Хочу трахнуть тебя, Джамаль. Так, — не обращая внимание на его ярость, связанную с подобным положением дел, я нахожу ладонью его готовый к новому раунду

член, смазанный моими соками, и, утихомирив дрожь в пальцах, незамедлительно направляю в себя, до упора опускаясь на твердый член Джамалья, вскрикивая от легкой боли и переполняющих меня до краев эмоций. — Вот так хочу, Джамаль. Просто офигенно. Так глубоко тебя чувствую, — нечленораздельно шепчу я, кусая губы и откидывая голову назад. Ритмично вращая бедрами, я набираю скорость и кайфую от его члена и от возможности самостоятельно менять угол и глубину проникновения.

— Боже, ах, да. Смотри на меня. хочу, чтобы ты смотрел на меня, — к слову говоря, свет в спальне такой, что он может видеть каждую родинку и каждую капельку пота, стекающую между моих грудей. Прикасаюсь к себе между ног и расплываюсь в блаженной улыбке, когда понимаю, что он не сводит глаз с того, как я ласкаю себя и одновременно двигаюсь против его бедер. — Хочу видеть твои глаза, — прошу я, поставив ладони по обе стороны от его головы, слегка наклоняясь и замедляя движения. Знаю, что утром у меня будут болеть мышцы, о существовании которых я и не догадывалась, но мне плевать на легкую боль и усталость сейчас.

— Черт, ты дьяволица, Рика, — сквозь зубы выдыхает Джамаль, начиная приподнимать бедра мне навстречу, не имея возможности прикасаться ко мне. Не знаю, злит ли его подобное положение, но я так хотела, чтобы он просто расслабился и получал удовольствие. — Сумасшедшая, развратная...

— Помешанная на тебе нимфоманка, — продолжаю я, сжимая его внутренними тисками чертовски сильно, ощущая каждую налитую кровью вену. — Ах, такой твердый. Чертовски твердый, Джамаль. ты мой единственный, — наклоняюсь к его губам, мы прерывисто дышим и стонем, ощущая, как до совместного выхода в астрал остаются считанные, сладкие мгновения.

— Освободи меня! Сейчас! — свирепо рычит Джейдан и подается руками вперед, в тщетной попытке порвать наручники. В ту самую секунду, когда я уже тянусь к защелке наручников, чтобы исполнить его просьбу, со стороны спинки кровати раздается громкий хруст, и в следующее мгновение оказываюсь под Джейданом, перевернувшим меня на лопатки. Он, словно скала, нависает сверху и вбивается в меня самыми мощными, быстрыми и жесткими толчками, которые я когда-либо принимала. Стон срывается на крик, когда он перегибает

палку и, увеличивая темп, шлепает меня яйцами по бедрам, одновременно подводя к той самой заветной точке невозврата. Черт, он меня трахает или убить хочет?

— Джей, не так сильно.

— Я ещё щажу тебя, Рика, — его шепот заглушает возбуждающий звук ударов наших влажных, горячих и одержимых друг другом тел, сплетающихся воедино. — Давай, детка. Я чувствую. Сейчас, — приказывает он, вторгаясь меня с утробным воем, на который я отвечаю диким и хаотичным поцелуем, губами впиваясь в его влажные губы, проникая языком в мятную полость рта.

— Только наше, Джамаль, — шепчу я за мгновение до того, как дамбу накопившегося наслаждения окончательно срывает, и острое, безумное удовольствие накрывает кончики моих пальцев, бежит по бедрам и взрывается в их середине, заставляя хаотично извиваться под его мощным и сильным телом. Чувствую, как Джамаль кончает внутри меня, принимая все до последней капли, и, поддавшись эмоциям, шепчу то, что я чувствую, несмотря на положение, в котором нахожусь в его доме:

— Я так люблю тебя. Люблю, слышишь? Да... так хорошо, любимый... — и я вновь срываюсь в отчаянный всхлип, ощущая последний удар его тела о мои бедра. Мои пальцы, все это время обхватывающие его торс, врезаются в его спину, оставляя глубокие борозды на коже Джамала.

Мой мужчина, мой асад. Я никому тебя не хочу отдавать...

Джамаль

Стройные бедра мелко подрагивают, сдавливая мои в момент ослепляющего животного экстаза, одновременно прошибая насквозь в точке соединения наших липких от пота тел, разливаясь неистовым кайфом в каждой застывшей от напряжения мышце. Перед глазами пляшут цветные искры, когда с победным рыком я мощно изливаюсь внутри горячего лона, сжимающего мой член оргазменными спазмами. Толкаюсь глубже, продлевая удовольствие, в очередной раз отдавая гораздо больше, чем планировал. Наслаждение вместо наказания. Удовлетворённые стоны вместо слез раскаянья. Я чувствую, как ее губы все еще ласкают мои, отдавая быстрым горячим

дыханием, шепчут слова, которые отторгает даже опаленный обжигающим экстазом рассудок.

— Люблю тебя, Джамаль, — отдышавшись, повторяет снова, касаясь кончиком языка уголка моих губ, доверчиво жметесь, словно довольная кошка, отвоевавшая свою долю ласки. Приподнявшись на локтях, я смотрю на нее, восстанавливая дыхание. Грудная клетка ходит ходуном, соприкасаясь с твердыми розовыми сосками Эрики, сердца колотятся почти в одном бешеном ритме. Напротив, друг друга. — Почему ты молчишь? — в лазурных высветленных удовольствием глазах проскальзывает тревога. Как лёгкая рябь от ветра на безмятежной глади кристально прозрачного озера. Я слишком долго доверял тому, что вижу. Я думал, что знаю свою Эйнин...

— Мне нечего сказать, Эрика, — уклоняюсь от поцелуя, когда она снова пытается найти своими губами мои. Рика растерянно сдвигает брови, вопросительно всматриваясь в мои глаза, блуждая по лицу испытывающим взглядом. Не ожидала, детка? Думала, пара красивых слов и раздвинутые в готовности ножки заставят меня забыть о твоих недавних выходках?

— Что случилось? — тихо спрашивает Рика, обхватывая мое лицо ладонями.

— Ничего. Просто помолчи, — бесцветным тоном отвечаю я, отстраняясь. Между лопаток проходит холодок, как от сквозняка, и, скатившись с притихшей девушки, я бросаю взгляд на приоткрытую дверь. Похоже, наши бурные постельные баталии не остались незамеченными. Внутри, как ком, нарастает неприятное ощущение. Если Лейла или Аида оказались «неслучайными» свидетелями, то у Эйнин нет ни единого шанса наладить с ними контакт. И не будет никогда. То, что мы делали сейчас, недопустимо в глазах воспитанных по исламским традициям женщин. И, черт возьми, Рика отлично понимает, где находится и в каком статусе, и в чьем доме.

— Советую впредь кричать тише, детка. Боюсь, что завтра тебе объявят бойкот, — намеренно равнодушным голосом произношу я, киваю в сторону открытой двери и перевожу взгляд на побледневшее лицо. — Расстегни, — протягиваю ей все ещё скованные наручниками запястья, которые вырвал из деревянных столбиков изголовья, превратив те в труху. Облизав дрогнувшие в нервной улыбке губы, Рика делает то, о чем ее просят, неотрывно глядя мне в глаза.

— Мне плевать. Ты мой, — ожесточенно произносит она. Протянув руку, я несильно сжимаю ее подбородок и, тяжело вздохнув, дотрагиваюсь подушечкой пальца до припухшей нижней губы. Чтобы я сейчас ни сказал, она все равно не поймет.

— А ты моя, Эйнин? — ровным голосом спрашиваю я, наблюдая за сменой выражений на упрямом личике взъерошенной и растрепанной девушки.

— Твоя. Вся. Как ты можешь сомневаться? — с обидой восклицает она, и я иронично ухмыляюсь, запуская пальцы в ее волосы, и, наклонив к себе, прижимаюсь губами к ее макушке, не в силах искоренить настойчивую потребность трогать Эйнин, прикасаться, ласкать, подминать по себя снова и снова. Я шумно втягиваю воздух, замечая, как расширяются ее зрачки. Она неумоима, и я снова хочу. Мы пропитаны запахами друг друга... Бл*дь, мне нужно уходить сейчас, пока я опять не сорвался.

— Глупее вопроса ты мне еще не задавала, — бормочу я. Эрика не отвечает, снова решив примерить роль послушной и кроткой жены. Жены... горькая улыбка застывает на губах. Но она не видит ее, прижимаясь к моей груди, поглаживая кончиками пальцев борозды, оставленные на спине острыми коготками. — Только окончательно свихнувшийся мужчина женился бы на тебе, детка, — по тому, как Рика резко напрягается, я с досадой понимаю, что сказал это вслух. Вскинув голову, она смотрит на меня уязвленным растерянным взглядом.

— Ты передумал? — срывается с побледневших губ. Я отрываю от себя ее руки и встаю с кровати.

— Нет, — коротко отвечаю я, поднимая с пола свои джинсы, и натягиваю их на голое тело, болезненно морщась, когда грубая ткань соприкасается чувствительной кожей члена. Он уже начал проявлять признаки активности, и мне следует ускориться...

— Нет, и всё? — переспрашивает Эрика, садясь на кровати и даже не пытаясь прикрыться, хотя дверь спальни всё ещё открыта. Я окидываю ее наигранно равнодушным взглядом.

— Мы поговорим завтра. Сейчас тебе нужно остыть и привести себя в порядок, — бесстрастно отзываюсь я, застегивая ширинку.

— Ты уходишь? — недоверчиво спрашивает она.

— Я вообще не имею права тут находиться до тех пор, пока мы не заключили никак.

— Раньше тебя подобные нюансы не останавливали, — хмуро намекает Рика на наши горячие приключения в прошлом. Откинув волосы за спину, она намеренно принимает провокационно-сексуальную позу, и, признаться, мне чертовски сложно устоять от желания снова снять с себя джинсы и взять то, что она откровенно и бесстыдно предлагает.

— Мы не в отеле, Эйнин, — строго бросаю я. — И не в пустыне, и не в Нью-Йорке.

— Да, сложно не заметить разницу, — иронично фыркает мисс Доусон.

— Лейла с Аидой думают, что ты беременна, Рика, — окинув девушку выразительным тяжелым взглядом, произношу я. — И не уверены, что от меня. Как ты думаешь, на каком основании они сделали подобные выводы?

— Я никогда не буду себя вести так, как твои жены! — восклицает в сердцах Эрика, в глазах ее сверкает неприкрытая обида и уязвленное самолюбие. — Я никогда не приму тот факт, что ты будешь прыгать поочередно из одной койки в другую. И ты прекрасно об этом знал, когда притащил сюда. Или ты намеренно хочешь меня унижить, сравнивая с ними?

— Нет, — качаю головой. — Я унижаю их. Прямо сейчас. Находясь в одной комнате с тобой, Эйнин.

— Что? — дёрнувшись, как от удара, хрипло выдыхает Рика, в распахнувшихся глазах сверкают слезы. — Я хочу уйти. Прямо сейчас. Я не останусь здесь. Ты чертов лжец... как ты смеешь, — ее голос начинает дрожать, и, схватив одеяло, сбившееся в ногах, она наконец прикрывает соблазнительное голое тело. Даже дышать становится легче.

— Ты никогда не уйдешь отсюда, — натягивая футболку, стальным, не терпящим возражений, тоном произношу я. — И прекратишь истерику. И ты примешь все, что потребуется, или придется довольствоваться твоим любимым резиновым «друзгом».

— Что, сейчас серьёзно говоришь или это очередное наказание? — недоверчиво глядя мне в глаза, спрашивает Эрика слабым голосом.

— Абсолютно серьёзно, — коротким кивком подтверждаю я. — Я ухожу к себе. А утром мы поговорим в моем кабинете, и ты мне подробно и честно, без прикрас и лжи расскажешь, что искала в моем кабинете и какое имеет отношение ко всему происходящему Искандер аль-Мактум, и твоя прежняя или настоящая работа.

— Мы могли бы все обсудить сейчас. — в голубых глазах проскальзывает слабая надежда на то, что она снова сможет заморочить мне голову.

— Сейчас у меня нет ни сил, ни желания продолжать наше общение, — резко обрываю я Эйнин и, повернувшись к ней спиной, направляюсь к двери. Распахиваю шире, и на пороге оборачиваюсь назад. Рика уже не скрывает слез, размазывая их по лицу и кусая губы. Сегодня они не трогают меня. Слезы просто вода. Они не имеют никакого отношения к настоящей боли, которая точит, сжигает изнутри, испарывая вены, отравляя кровь своим ядом.

— Выспись хорошенько, Эйнин. Ты должна быть красивой и отдохнувшей для своего будущего мужа, — девушка молчит, сцепив зубы. Я сдержанно улыбаюсь. — В десять утра тебя проводят в кабинет. Оденься подобающим образом и захвати свои новые документы. Доброй ночи, детка, — и, не дожидаясь ответа, выхожу и закрываю за собой дверь.

ГЛАВА 12

«— На Востоке между двумя влюблёнными только Свет.» к/ф Царство Небесное Эрика

Две недели назад

— Вы недавно меня уволили, а теперь назначаете новую миссию? Мистер Смит, при всем уважении к вам, я не вижу в ваших действиях никакой логики! — восклицаю я, ощущая, как грудь сдавливает тисками гнева и раздражения от одного взгляда на своего, как мне казалось, бывшего начальника — Стефана Смита. Закусив губы, до боли сжимаю кулаки в возмущенном бессилии и ожесточенным взглядом окидываю Смита, с долей иронии жалея о том, что не обладаю суперспособностью выпускать из зрачков радиоактивные лучи, прожигающие жертву насквозь. Так и хочется подпалить его плотно прилегающий к телу темно-синий мундир и оторвать пару отличительных знаков и наград, поблескивающих на груди. И никто не посмеет меня осудить за подобные желания в сторону своего «воспитателя» — сначала он меня отчитывает, унижая перед всеми агентами отдела, перечисляя мои «промахи», доказательства полной безнадёжности и некомпетентности, а потом вызывает на «тет-а тет», чтобы сообщить «радостную», бл*дь, новость. У меня создается впечатление, что Стефану Смиту доставляет маниакальное удовольствие издеваться надо мной и играть моим уязвленным эго.

— Да, ты поняла меня правильно, Эрика. Хочешь ты того или нет, но ты обязана вернуться в Анмар, — твердым тоном, от которого у меня мгновенно включается оглушительный звон в ушах и в груди леденеет, произносит Смит.

— Нет, вы меня не заставите! — резко встав с кожаного кресла, я впиваюсь кончиками пальцев в край стола Стефана, провоцируя его повторить мое действие и подняться со своего долбаного ЦРУ-«трона» с целью напомнить мне, кто здесь главный, и усмирить во мне откровенный протест.

«Я не могу вернуться в Анмар сама, как бы мне ни хотелось увидеть Джамала. Это неправильно! Не с очередным заданием, не так.»

Сердце колотится в бешеном ритме с едва ли не смертельными перебоями, быстро повышая мой пульс до уровня тахикардии. Мной овладевает парализующий ужас, когда я допускаю одну лишь мысль о том, что снова совершу ошибку... и по отношению к бывшим работодателям, и по отношению к Джамалу.

«Если суждено, я выживу и найду тебя», — это его прямой приказ, его слова, но обстоятельства жизни вновь вынуждают меня послушаться решения моего Асада. И если бы не обостренная интуиция и шепот шестого чувства о том, что мне не стоит возвращаться в Анмар, я бы уже давно летела туда на предельных скоростях.

— Нет! — настойчиво повторяю я, упирая кулаки в бока. — Я имею полное право отказаться, мистер Смит, тем более после отстранения от службы.

В ответ Стефан окидывает меня настолько скептическим взглядом, что я мгновенно начинаю ощущать себя пластиковой куклой в руках искусного манипулятора, которая с пеной у рта доказывает своему кукловоду тот нереальный факт, что она умеет дышать.

— Ты действительно пожизненно отстранена в качестве «активного» агента. Я вынужден был уволить тебя, так как этого требовали руководители высшего звена, Эрика. Без обид. Агент, занимающий главенствующую роль в первой части задания отстранён, а проблема не решена — непорядок. Агент, который имеет доступ не только к подозреваемому, но и принцу Анмара. Поэтому мне приходится идти на крайние меры и лично просить тебя принять участие в операции и вернуться в Анмар. Считай это неким независимым расследованием, Рика.

— У меня не будет страховки, оперативной группы, связи с другими агентами... совершенно ничего?

Человеческая жизнь представляет для вас ценность, мистер Смит? Мне страшно возвращаться туда после всего, что я пережила в Анмаре.

— Тем не менее ты хочешь туда вернуться, Эрика. Я предоставлю тебе теньевую страховку, твоей жизни ничего не угрожает, — прищурив веки, упрямо заявляет Смит, разглядывая меня

пристальным, профессионально-отточенным взглядом, наблюдая за моей реакцией на его безоговорочное утверждение. — Мне известно все о твоих близких отношениях с агентом АРС Джамалем Каттаном. И я хочу напомнить тебе, что именно Каттан возглавлял последнюю операцию, ликвидировал важного свидетеля и уничтожил данные, которые могли бы раскрыть всю цепочку преступной организации «Шатры Махруса».

— Бывших отношениях, которые остались в прошлом, — скрещиваю руки на груди, отвечая начальнику не менее злобным взглядом. — Я не собираюсь выполнять вашу «личную просьбу». Однако у меня есть основания утверждать, что Каттан никак не связан с организаторами «Шатров», а также, как и мы — стремимся уничтожить это проклятое место.

— Влюбленность делает нас такими слепыми, Рика, — тяжело вздыхая, читает мне одухотворенную проповедь Смит, возводя взгляд к небу. — Любовь — тот еще недостаток, когда дело касается службы и сохранения верности своей родине, Эрика. Ты слышала о новых жертвах «Шатров»? — Смит хватает с вершины сложенных папок одну и швыряет ее на стол перед моим носом. — В совокупности пятьдесят девять новых жертв похищений на границе с Мексикой. Собранный материал о пропавших ведет к чертовым «Шатрам Махруса»! Здесь, в Нью-Йорке, люди чувствуют себя в безопасности после устранения «Ядовитого любовника». Но в южных штатах творится настоящий ад — люди напуганы, их жизни съедает страх за себя и своих детей после случая с пропажей школьниц в Техасе. На меня давят со всех сторон, начиная от начальников других отделов и главы ЦРУ. Понимаешь, Рика, мне хочется скорее покончить с этим и уйти в отставку красиво. Джамаль Каттан остается одним из немногих подозреваемых, а как тебе известно — чтобы уничтожить огромную систему, Рика, или даже целую империю, нужно не так много, — притворно благосклонным тоном продолжает Смит, и я прекрасно понимаю, на что он намекает. — Необходимо отрубить ее «голову».

— Хотите сказать, вы убьете его? Каттан гарантированно не может быть «пресловутой головой» системы. Повторюсь, он не причастен к работорговле. Вы не тронете Каттана на его территории. Скорее, он ликвидирует наших агентов, как когда-то АРС уничтожили всю

оперативную группу моей защиты! Вам настолько наплевать на своих сотрудников, что вы готовы подвергнуть их подобному риску? — едва сдерживаю свои руки на месте, хотя чертовски хочется потянуть себя за корни волос, чтобы удержать «зуд в ладонях», который так и подмывает меня врезать бывшему начальнику.

— Рика, мы не станем повторять наших ошибок. Открытая оперативная группа никогда не переступит землю Анмара. Но, поверь, есть много других способов убрать виновника всей этой «восточной вакханалии». Авария, несчастный случай, что угодно. Мне продолжать?

— Джамаль не имеет никакого отношения к деятельности «Шатров». Я уверена в этом, — слишком горячо и пылко возражаю я, обнимая себя за плечи.

— Обратное не доказано, Рика. Искандер аль-Мактум озвучил версию, что Джамаль Каттан мог передать тебе компрометирующую информацию с целью сохранить ее на некоторое время. Ты уверена, Рика, что ничего не скрываешь от нас? — каждый волосок на моем затылке встает дыбом от возмущения.

— Мистер Смит, вы хотите сказать, что я обладаю информацией, способной спасти сотни невинных жизней, и храню ее в тайне? Это абсурд. Каттан мне ничего не передавал.

— Или тебе об этом неизвестно, — Смит задумчиво потирает кончиками больших и указательных пальцев седовласую щетину, вызывая в моей душе новую волну волнения и негодования.

— Что вам на самом деле нужно? От меня? От Каттана?

— У тебя будет шанс доказать непричастность Каттана только если ты поедешь в Анмар. Но на первом этапе твоей главной целью будет Искандер аль-Мактум. Мы сотрудничаем с наследником, но, естественно, нуждаемся в некоторых гарантиях, уверенности в том, что он не ведет двойную игру.

— Я так понимаю, выбора у меня нет, мистер Смит? — плотно сжав зубы, чуть ли не с рыком шиплю я, стараясь дышать ровно и спокойно, когда хочется разнести кабинет Стефана в щепки. Больше всего на свете я ненавижу, когда так нагло посягают на мою свободу, влияют на мой выбор и демонстративно загоняют в угол, словно маленького непослушного ребенка.

— Так точно, агент Доусон. Я думаю, Искандер не будет тянуть с одним интересным предложением для тебя. Можешь собирать чемодан — ты возвращаешься в Анмар.

— Бывший агент, — поправляю Смита я и, предварительно окинув его мощную фигуру испепеляющим взглядом, покидаю кабинет, не щадя захлопывающуюся с оглушительным звуком сейф-дверь.

«Я унижаю их. Прямо сейчас. Находясь в одной комнате с тобой, Эйнин», — его слова пронзают грудь ледяными кольями, заставляя мои ладони хаотично скользить по до сих пор влажной и горячей простыни, насквозь пропитанной нашей страстью, раскаленными до предела эмоциями, только нашим, и тем, что я отчаянно пытаюсь сбересть в своем сердце, возвести в неприкосновенный Храм.

Я сказала, что люблю его...

И признаваться в своих чувствах, обнажаться перед ним душой, всегда чертовски страшно — все равно что прыгать в бездну, рассчитывая лишь на то, что где-то в ее тьме натянута спасительная сетка, что не позволит разбиться. Я хотела, чтобы он поймал меня на лету; я так хотела, чтобы Джамаль крепко прижал меня к себе и подтвердил мои наивные домыслы о том, что, несмотря на Лейлу и Аиду в его жизни, я — та самая женщина, которая по-настоящему имеет для него значение.

Мне никогда не стать для тебя единственной, в то время как ты единственный мужчина, с которым я хотела бы связать свою жизнь.

Но вместо этого он ударил меня в самое болезненное и уязвимое место, и я невольно задаюсь вопросом, как до сих пор выношу к себе подобное отношение? Неужели я так не люблю себя, что готова терпеть откровенное и показательно-наказательное пренебрежение в свою сторону? Если я допускаю подобное до свадьбы, то что будет дальше?

Сгорая от ярости, бросаю одну из подушек на пол, следом вторую и третью, пока не скидываю с кровати все лишние предметы, и этот нелепый всплеск накопившихся негативных эмоций помогает мне справиться с полученным стрессом. Честно, я не ожидала от него таких слов именно потому, что Джей сам привел меня в свой дом, он

сам поселил меня в условия жизни со своими ненаглядными женами, а обставил все так, словно это была моя инициатива. Я просила его об этом? Или, может, о свадьбе? Что за привычка переворачивать все так, как удобно ему? Сердце в груди каменеет, почти не чувствую его неистового биения, несмотря на то, что парила высоко над звездами, в настоящем открытом космосе ещё полчаса назад. Сладость после оргазма, одурманивающая эйфория и состояние любви и блаженства... все стерлось и забылось, уступая место болезненному ознобу, приближающего меня к лихорадочному состоянию. Нам, девочкам, надо порой совсем немного — чуть-чуть заботы и поддержки, тёплых слов и надежных объятий. нуждаюсь сейчас в этом, словно маленькая девочка, недополучившая такой любви ещё в детстве, слишком рано потеряв отца, но глупо рассчитывать на то, что Джейдан сейчас вернется и зацелует меня со словами извинений. Поэтому я просто сворачиваюсь калачиком на простыни, даже не принимая душ, у меня просто нет сил встать со своей поломанной кровати — обнаженная, дрожащая, словно котенок, вышвырнутый на улицу в жуткий мороз, я тихо плачу, с сожалением вспоминая те самые дни, когда была сильной и не подпускала никого к своему сердцу. *Встреча в Нью-Йорке с Джамалем — это ошибка, самая прекрасная ошибка в моей жизни, которая в корне изменила ее.*

Привести себя в порядок удастся лишь следующим утром — настроения у меня нет, но идти на завтрак в неприглядном виде непозволительно в условиях жесткой конкуренции. Спускаюсь в столовую и, не глядя на Лейлу с Аидой, опускаюсь на свое привычное место, накладывая в тарелку еду, постоянно ощущая на себе их колкие, гневные, насквозь пропитанные желчью и ядом взгляды.

Девушки молчат, не разговаривая даже между собой на протяжении двадцати минут. К завтраку я так и не притрагиваюсь, потому что всерьез начинаю думать, что эти неугомонные стервы, которые вчера, скорее всего, увидели самое незабываемое эротическое шоу в своей жизни, подсыпали в одно из моих блюд яд. «Ядовитые жены» звучит даже лучше, чем «любовник» для заголовков Анмарских газет и повышения продаж, не так, ли?

— Доброе утро, — из представления кровавых заголовков меня вырывает голос Зары, расставляющей на столе хрустальные блюда с манговым десертом. — Медина, Джамаль приказал мне проводить

тебя в его кабинет. Прямо сейчас, — подозрительно тихо и неуверенно обращается ко мне Зара, за что становится новой жертвой разгневанных взглядов Аиды и Лейлы. Служанка раздвигает губы в извиняющейся улыбке, с мольбой глядя на меня, кивая в сторону двери, ведущей в мужскую половину дома, и инстинктивно пятится назад.

— Хорошо, я готова. Не голодна, — у меня нет никакого желания здесь задерживаться, поэтому я сразу встаю из-за стола, но не успеваю сделать и шаг, как тут же оказываюсь в плену цепких коготков Аиды, схватившей меня за запястье своими острыми ногтями-убийцами, напоминающими мне своей формой и силой ладонь Росомахи.

— Западная потаскуха. Дрянь, — выплевывает она, сжав аккуратные белые зубы. Ее красивые черты лица искажены яростью львицы, которая чувствует, что теряет статус на завоеванной территории и жадно пытается урвать его своим хищным оскалом. — Джамаль- джан поиграет с тобой и вышвырнет на улицу, — пророчит сероглазая дьяволица, пока я мысленно представляю, как сильно могла бы расцарапать ее лицо или потаскать за волосы за такие слова и оскорбления в мою сторону. Но мне хватает сил, гордости и достоинства сдержаться: поэтому я спокойно расправляю плечи и, держа спину ровно, аккуратно освобождаю свою руку из ее бешеной хватки. Аида ревнует, потому что чувствует во мне опасность, а я... как уже и говорила, нет у меня как таковой ревности к женам Джамала, я не вижу в них угрозы, мне больно лишь от того, что сам Джамаль никогда не примет решение развестись с ними из-за пресловутого уважения к их семьям, своему изначальному выбору и Анмарских традиций. С каждым днем мне становится гораздо спокойнее, несмотря на их наличие, просто потому что я чувствую, что-то, что существует между нами с Джамалем — неповторимо.

Только наше. наше безумие, неуловимый бег по раскаленным углям, обжигающие поцелуи потерянных странников в самом сердце пустыни. Мы без конца мотаем друг другу нервы, часто спорим до крика и импульсивного крушения мебели и друг друга, но и занимаемся любовью, черт подери, так, что кровать трескается. Не это ли отношения, о которых я всегда мечтала? Да, да, ещё раз да! Я и недели не проживу без ощущения его власти надо мной, стоит

Джамалю чуть ослабить давление, как многим другим «до него» — и я превращусь в неуправляемую бестию, способную загнать любого мужчину под свой острый каблук. Оговорка — любого, кроме него: потому что он никогда не ослабит кулак. Джамаль именно тот мужчина, который мне нужен: способный заткнуть меня одним взглядом, поставить на место, превратить в ласковую и отдающую любовь и женственность девушку, накопленную для него за годы одиночества. Я никогда не соглашусь на меньшее, чем Джамаль... а согласится ли он?.. Выбор только за ним.

Несмотря на все наши недомолвки, невысказанные претензии друг к другу, противоречащие моим моральным ценностям условия, в которых я оказалась, мое упрямство и строптивость, я больше всего на свете хочу кружиться с ним в этом безумном штормовом вихре эмоций и наслаждаться каждым чёртовым мгновением боли и счастья рядом с ним. мы живем, мы дышим искрами, что взрываются между нашими телами, сходим с ума от электризующих прикосновений, обнуляющие доводы разума, позволяющие целиком и полностью растворяться в наших чувствах, являя друг другу свои истинные лица, инстинкты, желания. мы два отражения, два соответствия друг другу, два пазла. И дело не только в сексе, а в том, что с ним я ощущаю всю палитру вкусов жизни, просто растворяясь в его руках, или даже когда он находится в своей комнате или за пределами дома, я точно знаю, что я также присутствую в мыслях Джамала постоянно, даже если он чертовски зол на меня, раздражен моей глупостью, упрямством и обижен, он не может не думать обо мне, и пусть только попробует это опровергнуть. не лги себе, Джамаль. Мы — созданы друг для друга, мы созданы для того, чтобы сделать этот мир и друг друга лучше. вместе.

Когда-нибудь мы с Асадом успокоимся. Должно быть, наши волосы уже будут давно седыми к этому моменту, а на смену бурному сексу и страсти придет мирное покачивание в креслах-качалках на террасе нашего сада, и будем вспоминать. вспоминать, как ненавидели, проклинали, обожествляли... шептали в беспамятстве проклятия и признания, обжигая друг другу губы. вместе убегали от жутких обстоятельств судьбы, держались за руки во время взрывов на фоне полыхающего пламени. как мы горели, отдавались друг другу на

парковке и в лагере работоторговцев и вообще где угодно, ловя моменты. Одним словом, как мы жили.

И я буду любить его до последнего вдоха и после. Скажете, *ничто не вечно?*

Это неправда, так говорят лишь те, кто соглашается на меньшее и запрыгивает в первый попавшийся «поезд». Любовь души вечна, когда встречаешь своего человека и проживаешь свою судьбу, идешь по назначенному тебе пути. *Мактуб.*

Я хочу, чтобы этот момент нашей совместной старости без сожалений настал, и поэтому я приму его условия в надежде на то, что он всегда будет смотреть на меня так, как смотрит сейчас. Даже если взгляд Джамалья ранит, унижает, бьет и уничтожает. даже когда он вкладывает в него всю свою ненависть к эмоциональной распутнице, в какую имел глупость влюбиться. я никогда не видела, чтобы он смотрел так на моделей, других женщин, своих жен.

Он только мой. И это правда. Я знаю.

И поэтому я с легкой улыбкой ухожу прочь, ощущая волны вибрирующего гнева и разочарования, источаемые Аидой.

Я не собираюсь драться за мужчину. Я не собираюсь заслуживать его любовь и притворяться тем, кем не являюсь, чтобы нравиться ему, в отличие от них.

Джамаль

Взглянув на циферблат наручных часов, я раздраженно постукиваю наконечником паркера по лакированной крышке стола из красного дерева. Пять минут одиннадцатого. Пунктуальность явно не входит в список достоинств Эрики Доусон. Другого я от нее и не ожидал. Время иллюзий и заблуждений закончилось. Откидываюсь на спинку кожаного анатомического кресла, делаю поток крепкого кофе из фарфоровой кружки, задумчиво глядя на книгу об истории датского дворянского рода Остен, намеренно положенной на край стола. Сверху, с потертого переплета, коварно поблёскивая, смотрят на меня рубиновые змеиные глаза фамильного перстня, словно насмехаясь над моими попытками сохранить хладнокровный самоконтроль. Проходит ещё семь минут напряженного ожидания, прежде чем Зара открывает

дверь кабинета, пропуская внутрь злостную нарушительницу моего спокойствия незаметно исчезает за ее спиной, оставляя нас наедине. Сжав до скрипа ручку, я усилием воли блокирую кипящую внутри ярость с привычной уже примесью нездоровой похоти.

Эрика Доусон, или теперь Медина Рияд, неподвижно подпирает спиной закрытую дверь, упорно избегая смотреть мне в глаза. Бледная, злая, источающая бешеную энергетику, которая, сталкиваясь с моей, пронизывает все пространство вокруг электрическими разрядами. Безумно красивая: распущенные по плечам блестящие волосы, припухшие губы, настойчиво напоминающие о прошедшей ночи; следы моей несдержанности на открытой шее. Я не спешу отчитывать ее за опоздание, новая ссора не входит в мои планы. Рика бегло оглядывается по сторонам, вызывая у меня скептическую ухмылку. И сутки не прошли с того момента, как мисс Доусон тщательно изучила содержание кабинета. Ни один ящик не упустила, даже в книги сунула свой хорошенький любопытный носик. Я спокоен в том плане, что установить здесь какое-либо шпионское устройство невозможно, но зрение, слух, память и логический анализ изученных улик — тоже своего рода оружие агента специального назначения. Оба варианта — мимо. Я никогда не держу доступный компромат в доме.

— Ты опоздала, — констатирую я спокойным дипломатичным тоном. — Проходи, пожалуйста, присаживайся, — я показываю на стул напротив своего стола и снова окидываю ее пристальным долгим взглядом. Эйнин выпядит убийственно сексуально даже в прикрывающем зад и колени бледно-бирюзовом платье, оттеняющем и подчеркивающим цвет ее глаз. Вырез на груди чуть ниже допустимого, или я слишком придирчив ко всему, что надето на Эрике... если мы в этот момент не в постели, где одежда вообще лишней и неуместный элемент. Ложбинка между полных грудей удерживает мое внимание чуть дольше положенного, вызывая острое желание усадить девушку на колени и зарыться лицом в упругие холмики, дёрнуть вниз вырез платья, облизать поочерёдно маленькие сосочки, наблюдая, как они набухают и твердеют, заставляя свою хозяйку нетерпеливо ерзать, потираясь о мгновенно затвердевшую выпуклость на моих светлых брюках. Задрать это чертово платье, сдвинуть в сторону тонкую ткань трусиков, запустить в нее свои

пальцы, заставив стонать и всхлипывать, а потом и член, на котором она с удовольствием будет скакать, как делала это вчера, прицепив меня наручниками к изголовью. Безумная. Невозможно даже представить, чтобы Лейла или Аида признались мне, что баловались с вибратором. И, черт, я хочу посмотреть, как она удовлетворяет себя резиновой игрушкой. Стоит подумать об этом, как в голове начинают мелькать горячие кадры, один развратнее другого, и нетерпеливо ерзать начинаю я. Стоп. К делу.

— Как ты спала, Медина? — прочистив горло, начинаю с вежливого вопроса, точно зная, что он взбесит ее еще больше, чем мое показное спокойствие и холодная отчужденность.

— Крепко, — лаконично отвечает она и добавляет чуть слышно. — Спасибо.

— Я рад, что ты начинаешь осваиваться, — заявляю я, показывая взглядом на вторую кружку кофе на подносе и блюде со сладостями. — Угощайся. Кофе остыл, но, если бы ты пришла вовремя, смогла бы насладиться его необыкновенным ароматом и вкусом.

— Спасибо, меня покормили, — с нечитаемым выражением сквозь зубы произносит Рика, задерживая на моем лице тяжелый взгляд. — *Я сыта*, Джамаль.

Вздёрнув бровь, я равнодушно пожимаю плечами, не собираясь разбираться, что означают вспышки гнева в потемневших глазах Эйнин.

— Вот и отлично. Тогда начнем? — сухо спрашиваю я. Эрика напряженно кивает, положив на край стола свои документы. Надо же, не забыла. Протянув руку, я забираю их, наблюдая за тем, как взгляд Эйнин задерживается на оставленной на самом виду книге с изображением дворянского герба на обложке и кольце сверху, которое выпало из лифчика Эрики несколько дней назад. *Только наше. Только твоя. Только мой.* Мы одновременно поднимаем глаза, сталкиваясь взглядами. В ее я вижу неприкрытую боль, которая мгновенно рикошетом отлетает в мое сердце. Горло сжимает спазм, и я торопливо делаю плоток своего тоже давно остывшего кофе. Порой мне безумно сложно разобраться в том, что творится в голове у этой авантюристки.

— Что ты хочешь знать? — конкретизирует Рика.

— Правду, Медина. — коротко отвечаю я. — С момента твоего возвращения в Нью-Йорк.

— Уверена, что ты уже провел свое личное расследование, — после непродолжительной паузы уверенно произносит она.

— Расскажи мне то, чего нет в собранном на тебя досье.

— Меня действительно отстранили от службы в отделе после серии расследований, — Рика откидывается на спинку кресла, уверенно глядя мне в глаза. — Это правда. И я действительно решила коренным образом изменить свою жизнь, связать ее с благотворительностью и помощью детям. Это тоже правда.

— Но что-то пошло не так? — с долей скепсиса подсказываю я, когда она замолкает. Рика отводит взгляд, уставившись в окно за моей спиной.

— Я собиралась все тебе рассказать, — сдвинув брови на переносице, тихо выдыхает Рика. — Еще вчера, если бы ты не повел себя, как...

— Опустим наши личные претензии друг к другу, — резко обрываю ее и добавляю требовательным тоном. — Продолжай.

— Я действительно не знала, кто такой Дерек Мак, — расправляя длинными пальцами складки платья на коленях, нервно произносит Эрика. — Когда он появился в одном из благотворительных фондов, где я работала. И это тоже правда. Мы общались на почве общих интересов, и.

— Я знаю, как именно вы общались. Мне предоставили подробный отчет, — бросив на девушку тяжелый взгляд, жестким тоном сообщаю я.

— У нас ничего не было, — мгновенно закипает Рика. В мятежных голубых глазах бушует буря. — Ни-че-го, — по слогам чеканит она.

— Это не имеет значения сейчас, — равнодушно качаю головой, и Эрика срывается, вспыхивая, как спичка:

— Имеет, черт возьми. Ты совершенно меня не слышишь. Я не спала с ним, никогда не хотела его. Да, он мне нравился, но вся симпатия испарилась, когда меня вызвали на допрос в отдел и сообщили, кем на самом деле является Дерек Мак. Я ненавижу ложь, Джамаль. В любом ее проявлении, — в ее глазах горит обвинение, на которое я отвечаю не менее свирепым взглядом.

— Дальше, Рика, — ледяным тоном требую я, швыряя в сторону ручку, и та, ударившись о стену разлетается на части. Шайтан, Эрика Доусон любого способна довести до белого каления.

— Почему ты мне не веришь? — теперь в ее голосе звучат отчаянные горькие нотки. — Я думала только о тебе. Постоянно. Я с ума сходила, а Дерек...

— А Дерек помог тебя отвлечься от мыслей обо мне, — обрываю на полуслове, чтобы закончить за нее и киваю через силу, сжимая и разжимая пальцы. — Я понимаю.

— Да нет же, — горячо и пронзительно искренне отрицает она. Пару секунд пристально смотрю в ее сверкающие праведным негодованием глаза, и там, в самой глубине клубящегося гнева, я вижу совсем другой ответ.

— Просто признай это, Эйнин, — устало произношу я, чувствуя себя разбитым, хотя мы только начали. — Я верю, что ты не спала с ним. Правда верю, но не говори, что не думала об этом. Женщина не целует мужчину, если он ей неприятен, если только она не проститутка, которая продает свое тело за деньги. Ты не проститутка, Эрика. Поэтому остается первый вариант. Он тебе нравился, и ты бы дала ему. Рано или поздно. Если бы я не появился на горизонте снова. Вспомни, что ты говорила мне несколько дней назад? Что не намерена отказываться от своих планов и возможностей, которые способен тебе предоставить всемогущий неженатый Искандер Аль-Мактум ради неприятной и неприемлемой роли третьей жены какого-то там архитектора.

— Ты опять все перевернул, — раздражённо возмущается Эрика.

— Я повторил твои слова, Эйнин, — с ледяным спокойствием напоминаю я. — Больше ты не увидишь своего принца с безграничными полномочиями и высокими идеалами, поэтому я исключаю вопрос о ваших взаимоотношениях, симпатиях и общих интересах из повестки дня. Переходим к следующему и основному. Я задавал тебе его не единожды, и ты и разу не ответила честно. Зачем ты приехала, Рика? Мне нужна настоящая конкретная цель, без приукрашиваний и лжи. Благотворительный центр помощи детям, и безумная тоска по мне — это декорации, так что не трать время на повторения.

Эрика шумно вздыхает, и мой взгляд невольно опускается к упругим полушариям груди и быстро поднимается к лицу, на котором явственно читается задумчивое неуверенное выражение. Она сомневается, что вполне естественно... или придумывает рецепт для новой порции лжи, что совершенно недопустимо.

— Бывших агентов не бывает, Джамаль. Ты сам знаешь прекрасно, — снова вздохнув, решается заговорить Эйнин. — После нескольких контактов с Дерексом меня вызвали на допрос в отдел, где просветили, кем он является на самом деле. — она прерывается, бросив на меня беспокойный взгляд. Рика заметно нервничает. — Я не могла отказаться, Джамаль. И дело тут не в моих личных желаниях, а в спасении сотни загубленных работниками жизни.

— Ты получила новое задание? — это не вопрос, а утверждение. Она коротко кивает, опуская взгляд на свои пальцы, теребящие подол платья. — Следить за Искандером?

— Да, — глухо отвечает она и добавляет ещё тише. — *И не только.*

— Что еще? — стиснув челюсти, напряжённо спрашиваю я.

— Искандер сотрудничает с ЦРУ. Наследнику необходима поддержка американской разведки, чтобы разоблачить заговор политической элиты Анмара и преступной группировки «Шатры Махруса» и тем самым свергнуть существующую власть и занять престол короля. Искандер высказал предположение, что компрометирующая информация, уничтоженная в ходе нашей последней операции, могла быть передана мне... через тебя. И ЦРУ сочли его версию вполне логичной и обоснованной.

Рика снова запинаясь, словно ей не хватает воздуха, и я, хмуро сдвинув брови, смотрю на ее бледное лицо, опущенные ресницы. Мой мозг работает на полную катушку, анализируя услышанное.

— Конечно, я сказала, что у меня нет никакой информации, но ЦРУ по-прежнему уверены, что файлы ликвидированного Ильдара Видада сохранились.

— Ты их искала в моем кабинете?

— Я не знаю, что я искала, Джамаль, — обессиленно выдыхает Рика. — Любое подтверждение тому, что выводы принца беспочвенны, — в ее обращенном на меня взгляде мелькает сомнение и тревога. Что, бл*дь?

— Ты рылась в моих вещах по просьбе наследника? — севшим голосом спрашиваю.

— Нет. Конечно нет, — уверенно опровергает мое предположение Эрика, и сверкающий гнев в ее глазах вызывает во мне волну облегчения. Она не лжет. — Искандер понятия не имеет, что тоже является целью наблюдения и слежки. Я думаю, что он пригласил меня в Асад, чтобы привлечь твоё внимание или каким-то образом использовать, заставить отдать то, что ему нужно.

— Вторая цель ЦРУ — я? Правильно? — стальным тоном спрашиваю я.

— Да, — после небольшой заминки отвечает Рика. — Мои руководители были в курсе наших особых отношений и подозревали, что ты выйдешь на контакт со мной, как только я появлюсь в Анмаре.

— И в чем меня подозревают?

— По-моему, это очевидно, — облизав пересохшие губы, Эрика передёргивает плечами.

— Скажи. Я хочу услышать, — настаиваю я.

— Полковник АРС, премьер-министр и ряд влиятельных шейхов покровительствуют деятельности «Шатров», — сухим официальным тоном начинает перечислять Рика.

— Ты возглавлял последнюю операцию, ликвидировал важного свидетеля и уничтожил данные, которые могли бы раскрыть всю цепочку преступной организации «Шатров Махруса». Следовательно, в курсе сговора элиты, правительства и работоторговцев.

— И ты веришь в это? — требовательно спрашиваю я. — Думаешь, что я прикрываю преступников, скрываю информацию против них?

— Нет! Иначе бы ни слова тебе не сказала, — подняв голову, Эрика бросает на меня прямой горящий взгляд. И снова правда. — Ты слепо веришь Кадеру, потому что он спас тебе жизнь и сделал лучшим агентом отдела. Возможно, ты подозреваешь АРС и Дамира Видада в том, что они имеют свою долю от процветающего кровавого бизнеса «Шатров Махруса», но они представляют тебе ложные данные, перекладывая вину на других. — Рика замолкает, испытывающе глядя на меня. На сосредоточенном лице девушки легко читается нетерпеливое ожидание моего ответа, который ей совершенно не понравится.

— Ты снова провалила здание, Рика, — бесстрастно произношу я, складывая пальцы в замок, и, отталкиваясь от стола, отъезжаю назад вместе с креслом. — Никогда еще не встречал настолько непрофессионального агента. Если бы ты работала в моем отделе, я бы уволил тебя в первый день. Американцы... — ухмыляюсь я.

— Почему ты так говоришь? — смертельно побледнев, едва шевеля губами, спрашивает Рика. В глубине ее прозрачно-голубых глаз зарождается страх и отрицание.

— Потому что это правда, — небрежно бросаю я. — Как и то, в чем твои руководители подозревают Кадера и советника. Ты заблуждаешься насчет моей непричастности, хотя я благодарен за попытку оправдать меня в выдвигаемых ЦРУ обвинениях, — ироничная улыбка медленно растягивает мои губы. Эрика недоверчиво качает головой и, кажется, даже дышать перестает. — И я в курсе всего, что происходит, — произношу я, глядя в расширившиеся в потрясении глаза. — И я не уничтожил информацию, Рика. Искандер аль-Мактум сделал правильные выводы, получив через своих шпионов данные о последней операции. Все это время файлы, которые Ильдар Видад намеревался передать в ЦРУ, находились у тебя.

Эрика открывает рот и тут же закрывает, не сказав ни слова. На ее лице выражение шока. Я резко встаю из кресла и, сделав шаг к столу, беру с обложки книги кольцо, сжимая указательным и большим пальцами.

— Вот здесь. В микрочипе, который был заблаговременно встроен в него и настроен на прием информации с определённого канала. Разумеется, сейчас там этих данных уже нет. Они перенесены на другой носитель и находятся в надежном месте. — Сжав перстень в кулаке, я опускаю руку. — «Только наше». Ты слишком доверчива Рика.

— Я не понимаю... — надсадным шепотом выдыхает она, вцепившись пальцами в свои колени.

— Я объясню, — сдержанно улыбаюсь, убирая кольцо в карман. Не сводя взгляда с белого, как мел, лица Эрики Доусон, обхожу стол справа и присаживаюсь на край столешницы. Как раз напротив нее. Нас разделяют считанные сантиметры и высота моего роста. — Ты была удивительно искренна со мной сегодня, — мягко продолжаю я.

Эрика, не моргая, оторопело смотрит на меня, находясь в ступоре от происходящего. Маленькая испуганная девочка, снова угодившая в западню. *Сколько раз я говорил тебе, детка, что работа спецарента не для тебя?* — Скажи мне, Эрика, тебя не удивило, что документы, выписанные на имя Медины Рияд, датируются несколькими месяцами назад? И то, что, когда мы приехали сюда, они уже ждали тебя в твоей комнате? Неужели ты не заметила? Или не сочла важным? Или твои мысли были заняты чем-то другим?

— Я...

— Ты была занята мыслями о моих женах и зациклена на демонстрации своей гордости и характера, — продолжаю я за нее, наблюдая, как в светлых глазах появляется осознание грандиозности масштаба, происходящего. — Логика и наблюдательность проиграли твоей чрезмерной эмоциональности, детка, — саркастично заканчиваю мысль. Рика вжимается в спинку своего кресла, обхватывает плечи руками.

— Ты все спланировал. — ошарашенно бормочет она, опуская взгляд.

— Только ты, как всегда, заставила меня импровизировать и существенно усложнила задачу, — мрачно бросаю я, отрываясь от стола. Обхожу кресло и встаю за ее спиной. Эрика вздрагивает, почувствовав на своих плечах жёстких захват моих ладоней. — Тебе нужно было тихо сидеть в своем Нью-Йорке и не высовываться. Ждать, когда я найду тебя, Эйнин. Только и всего. Ты все равно бы оказалась здесь. Не думай, что могло сложиться иначе. Дело нескольких дней. Ты просто поспешила, снова ввязавшись в опасную для жизни авантюру. За тобой должен был приехать человек от моего имени с новыми документами на имя Медины Рияд. Ты въехала бы в страну как гражданка Анмара, возвращающаяся домой из путешествия со своим официальным опекуном. Поверь, Медина Рияд никогда бы не попала под бдительное наблюдение АРС, в отличие от американской шпионки Эрики Доусон. Ее пребывание здесь было бы абсолютно безопасным, — я резко разворачиваю Эйнин к себе вместе со стулом, и ее пронзительный взгляд впивается в мое лицо. Она успешно справилась с первоначальным шоком и частично осознала шаткость своего положения. — И мне не пришлось бы срочно

перестраивать свои планы, чтобы сохранить жизнь одной неугомонной идиотке, — наклонившись, добавляю я.

— Я бы не поехала сюда, тем более с незнакомым человеком, — четким уверенным тоном произносит она, вызывающе глядя мне в глаза. — Я вообще никогда не собиралась возвращаться в Анмар.

— А как же любовь, Эйнин? *Я не знала, как жить без тебя. Мне нужно было снова увидеть тебя*, — иронично цитирую я ее же слова. Наши взгляды встречаются в рассыпающемся искрами напряженном поединке. Время замирает, в очередной раз столкнув меня лицом к лицу с жесткой правдой. *«Я никогда не собиралась возвращаться в Анмар»*. Да, я догадывался, точнее знал наверняка, что Рика преследует свои цели, заявившись в Асад, которые, как оказалось, касались и меня лично. Выходит, Кадер оказал агенту Доусон услугу, отправив прямоком ко мне в качестве «подарка». *«Я не знаю, что я искала, Джамаль... Любое подтверждение тому, что выводы принца беспочвенны»*. А что агент Доусон собиралась сделать, если бы нашла компромат на меня? Тоже передала своим? Как? В стенах дома — невозможно. Шаг за периметр, и пуля в лоб обеспечена. Кадер сразу дал понять, что Эрика Доусон — нежелательная гостья в Асаде. Если она не нужна мне, то не нужна никому и подлежит ликвидации. *«Если она угроза, то я ее уничтожу»*. А полковник никогда не бросается словами.

Скрипнув зубами от вспыхнувшей ярости, я отворачиваюсь и отхожу к окну. Сунув сжавшиеся в кулаки руки в карманы светлых свободных брюк, я какое-то время слепым взглядом смотрю на внутренний двор и подъездную дорогу. Черт, совсем забыл о времени. Взглянув на часы на запястье, облегченно перевожу дыхание. Еще десять минут. Пора заканчивать этот фарс. Я вздрагиваю от неожиданности, почувствовав нежное прикосновение женской ладони к своему плечу, в следующую секунду Эрика прижимается щекой к моей спине, обнимая торс руками. Черт знает, что творится. Мы молчим несколько мучительных секунд, слушая учащённое дыхание друг друга и гулкое биение сердец. Я ожидал истерики, допросов, обвинений, новых обещаний отомстить мне самым жутким образом, но никак не ласковых объятий и не тех слов, что она произнесет далее тихим, проникающим под кожу голосом:

— Чтобы ты ни говорил сейчас, во что бы ни ввязался, я знаю, что ты делаешь это ради благих целей. Я знаю, чувствую, что ты хороший человек с правильными принципами и целями, — согревая мое плечо теплым дыханием, шепчет Эрика. — Другого бы я не полюбила. И мне безумно страшно, что они доберутся до тебя быстрее. Я верю в тебя, Джамаль, и люблю. Сильнее, чем ты, можешь себе представить. Но если бы не задание, я бы даже под страхом смерти не приехала в Анмар сама. И это тоже правда. Мой разум принимает, что существуют семьи, где две, три, четыре женщины любят одного мужа и счастливы, но сердце никогда не примет подобный вариант отношений.

— Примет, — твердо и безапелляционно заявляю я, накрывая ее ладони, сцепленные на моем напряженном прессе своими. — Через пять минут сюда приедут трое мужчин. Два представителя шариатского суда и мулла.

— Зачем? — растерянно спрашивает Рика, пытаюсь отстраниться и убрать руки, но я силой удерживаю их.

— Чтобы оформить никах, — решительным тоном сообщаю я, ощущая, как ее тело застывает за моей спиной. — Все решено, Эйнин.

— Это... невозможно, — дернувшись, надтреснуто выдыхает Эрика. — Незаконно, в конце концов. Джамаль, мои документы фальшивые. Этот брак будет недействительным.

— Фальшивую жизнь ты проживала в Нью-Йорке, Эрика, — резко говорю я, продолжая удерживать ладони Эрики. — Медина Рияд — настоящее имя. Я восстановил твои документы. Они абсолютно законны.

— Ты не можешь заставить меня. Нет! — возмущенно восклицает она. — Резко обернувшись, я властно обхватываю ладонью ее скулы, заставляя смотреть мне в глаза, в которых снова разгорается злость. Моя драчливая девочка. На этот раз у тебя просто нет выхода, ни одного малейшего шанса сбежать от своей судьбы.

— Да, Медина, — утвердительно киваю я, нежно лаская пальцами ее скулы. — Именно такой ответ я рассчитываю услышать.

— Почему именно сейчас? Сегодня?

— Зачем тянуть? — равнодушно передергиваю плечами.

— Есть что-то еще, — подозрительно прищурившись, произносит Рика. Отстраняется, толкая в грудь, и пятится к столу, не сводя с меня

пытливого взгляда. Не оборачиваясь, нащупывает на краю столешницы книгу с дворянским гербом Остен на обложке и поднимает вверх. — Объясни, что это значит? Откуда у тебя кольцо с фамильным гербом Остен на оттиске?

— У вас есть предположения, агент Доусон? — изогнув бровь, скептически интересуюсь я.

— Твоя семья была как-то связана с похищением Малики? — озвучивает Эрика абсурдную мысль или просто отгоняет ту, что напрашивается сама собой.

— Малика находилась на раннем сроке беременности, когда ее похитили, Рика, — прислоняясь бедром к торцу рабочего стола, бесцветным голосом сообщаю я, наблюдая, как все краски медленно покидают ошеломленное лицо Эйнин. — Ей удалось сбежать спустя полгода во время обстрела. Карен Остен была серьезно ранена, но у нее хватило сил добраться до пустыни в поисках укрытия, где на нее наткнулся Омар Камаль, возвращавшийся в Аззам с заработков. От шока и боли у Малики начались роды, Омар не смог пройти мимо и помог женщине, хотя многие на его месте поступили бы иначе. Мой отец был святым человеком с широким сердцем... — сделав короткую паузу, я возвращаюсь к главному. — Малика родила сына и почти сразу умерла от полученных ран. Омар снял кольцо с ее пальца, забрал ребёнка и вернулся в свой поселок, сказав всем, что младенец — осиротевший сын его сестры из соседнего города.

— Господи. — Подняв руку, Эрика прижала дрожащие пальцы к губам, изумлённо хлопая ресницами. Шок, недоумение, потрясение — вот базовый минимум тех эмоций, что бушуют сейчас в огромных глазах.

— Я буду говорить быстро и коротко, чтобы ты поняла, — делаю шаг вперед, и Рика отступает, плюхнувшись задницей на край стола. — Завтра состоится закрытое совещание, где правительству представят первого сына и настоящего наследника Махмуда аль-Мактума. Именно с этим событием была связана моя встреча с премьер-министром. Дамир Видад и Таир Кадер гарантировали безопасность наследнику до того момента, как он будет официально признан монархом. У нас есть сегодня и завтра. Два дня, Рика. Это ответ на твой вопрос. Если что-то пойдет не так, никто не тронет официальную супругу архитектора Джамали Каттана. Как Эрика

Доусон — ты здесь абсолютно бесправна и уязвима. Без моей защиты ты не выберешься из Анмара живой.

— Что может «пойти не так»? — нервно спрашивает Эрика, впившись в мое лицо испуганным взглядом.

— Мы должны предусмотреть различные варианты, Рика, — сухо поясняю я. — Я не собираюсь умирать, но слишком многие хотят убрать меня с дороги. Случиться может все что угодно, — я сокращаю расстояние между нами ещё на один шаг. — Эрика, полковник Кадер устроил твое похищение, умыкнув из-под носа Искандера аль-Мактума, с которым у него есть некоторые разногласия.

— Не ты?

— Не я, — отрицательно качаю головой. — Но для меня.

— Зачем? — сипло спрашивает Рика, обхватывая себя за горло, словно ей вдруг резко стало нечем дышать.

— Похоже, все вокруг знают, что я одержим американской шпионкой, кроме нее самой, — криво ухмыляюсь я. — Ты — подарок, Эрика. Широкий жест Кадера в знак особого отношения. С первой минуты твоего пребывания здесь ты находилась под прицелом. Полковник бы с радостью ликвидировал тебя, если бы не опасался, что в таком случае я откажусь от сотрудничества или поведу себя... неожиданно и непредсказуемо. Пока ты здесь, рядом со мной — тебе ничто не угрожает, но если договорённость сорвется в силу независящих от меня причин, то сама понимаешь, чем все закончится.

— Как статус жены Джамала Каттана защитит меня от преследования Кадера? — недоумевающим тоном спрашивает Эрика.

— Семейные узы в Анмаре очень сильны, Эйнин, — делаю ещё один шаг, и теперь мы стоим вплотную. — Жена и любовница — кардинально разные понятия, зона ответственности и правовой статус. Лейла — дочь Кадера, и он не подвергнет ее жизнь риску, послав в дом снайперов, которые могут случайно перепутать цель. Даже при самом худшем развитии ситуации у тебя будет время связаться со своими и попросить помощи.

— Ты действительно заключил соглашение с этими преступниками? — недоверчиво спрашивает Эрика, сверля меня напряженным пытливым взглядом.

— Да, — твердо киваю я и отступаю назад, наблюдая, как недоверчивое выражение на лице Эйнин сменяется глубоким

разочарованием.

— Зачем? — одними губами задает она следующий вопрос.

— Разве не очевидно? Власть, деньги, неограниченные возможности, — я ухмыляюсь, и взгляд Эрики, обращенный ко мне, стекленеет. — Какой бедный художник откажется от титула наследника правящего монарха?

— А файлы Ильдара Видада? — взволнованно спрашивает Рика, все еще пытаюсь найти способ оправдать мои действия в собственных глазах. — Ты используешь их, чтобы уничтожить «Шатры Махруса»?

— Нет, — отрицательно качаю головой. — Эти файлы — моя гарантия на случай, если Кадер или советник внезапно захотят расторгнуть соглашение, — губы Эрики плотно сжимаются, в глаза прокрадывается арктический холод.

— Не смотри на меня так, — резко приказываю я, но она даже бровью не ведет. Оторвавшись от стола, вплотную подходит ко мне.

— Если все это правда, то ты ничем не отличаешься от Ильдара, — обвиняющим тоном выплевывает Эрика мне в лицо.

— За исключением того, что, получив власть, я смогу исправить многое в моей стране, — уверенным тоном парирую я.

— Ты — агент, а не политик, Джамаль, — восклицает Рика, полыхая от гнева. — Если ты сейчас позволяешь им диктовать условия, то они и дальше будут делать то же самое. И ты ни черта не сможешь сделать. Очередная политическая марионетка в руках контролирующих всю систему ублюдков, — она отступает назад, тяжело дыша и с разочарованием глядя мне в лицо. — Не могу поверить, что могла так ошибаться...

— Хватит разговоров! — грозно рыкнув, я поднимаю руку, призывая ее к молчанию. Рика упрямо сжимает губы, в глазах ярость и несогласие. — Я сказал достаточно, чтобы ты поняла, что мы оба в настоящий момент времени находимся в опасном, подвешенном положении, — резким тоном добавляю я. За окном раздаётся шум мотора подъезжающего автомобиля, отвлекая мое внимание от негодующей Эрики. Я стремительно подхожу к столу, достаю из верхнего ящика кремового цвета шелковый никаб и протягиваю Эрике, сверлящей меня свирепым взглядом. — Надень, — отдаю короткий четкий приказ. Она упрямо хмурится, отрицательно мотнув головой. — Трое незнакомых мужчин через пару минут войдут в кабинет. Не заставляй меня повторять дважды, — металлическим тоном добавляю я, глядя в мятежные лазурные глаза Эрики. Капитуляция неизбежна. Вздохнув, она выхватывает никаб из моих пальцев. — Улыбнись, детка. Если все закончится удачно, однажды ты станешь женой короля.

— Третьей, — дрогнувшим голосом бросает Рика, надевая шелковый платок, скрывающий мягкими складками ее длинные волосы и половину лица. А я смотрю на нее и сердце сучит с перебоями, вызывая колющую болезненную тяжесть в груди. *Прости, Эйнин, я тоже хотел, чтобы этот судьбоносный момент запомнился нам совершенно иначе.*

— Самой любимой, — хрипло шепчу я, дотрагиваясь до ее щеки, и, отшатнувшись, она посылает мне яростный, полный презрения взгляд. Я ее не осуждаю. Сейчас нет.

Эрика

Разум обволакивает расслабляющей дымкой — своего рода природная анестезия, реакция мозга на этот парад безумия, решительный отказ моего сознания верить в то, что происходящее — реально. Опускаю взгляд в пол и скрещиваю руки на груди, как только в кабинет Джамала заявляются долгожданные, мать его, «гости» на нашей свадьбе... трое мужчин в национальной одежде, один из которых сразу выделяется камзолом изумрудного цвета и белой чалмой, настолько огромной, что невольно кажется, будто она раздавит голову муллы (религ. служитель религиозного культа у

мусульман). Джамаль инстинктивно встает так, чтобы закрыть меня спиной от гостей, а я уже без всякого приказа послушно опускаю затуманенный взор в пол.

— Асалам Алейкум, — произносит Джамаль, приветствуя каждого гостя, и от моего внимания не укрывается то, что с одним из троицы от (он) здоровается, используя тактильный контакт: одновременно сжимая ладонь самого молодого из мужчин и похлопывая его по плечу.

— Рад тебя видеть, Арьян, — я из чистого любопытства разглядываю высокого молодого человека с приятными и волевыми чертами лица, обращая внимание на самый выразительный акцент в его внешности — лукавый разрез «лисыных» глаз темно-янтарного цвета. Джамаль обращается к нему в последнюю очередь, и все в их взглядах и приветствиях, которым они обменялись, говорит мне о том, что мужчины хорошо знакомы и видят друг друга далеко не впервые.

— Алейкум ассалам. Это взаимно, Джамаль-бей, — поздоровавшись с Джамалем, Арьян кидает на меня короткий взгляд, в очередной раз заставляя меня обратить внимание на его ехидные глаза, при этом его взор лишен всякого плотоядного или сексуального подтекста, направленного в мою сторону.

— Я думаю, нам необходимо сразу перейти к делу. Арьян, Назир, вы подготовили то, о чем я вас просил? — деловым тоном интересуется Джамаль как раз в тот момент, когда Назир, облаченный в кремовую кандуру мужчина, явно старше пятидесяти лет, достает из небольшого дипломата увесистую папку, наполненную бумагами.

— Да, все юридические документы оформлены должным образом, мы учли все моменты, о которых ты просил, — отвечает за своего коллегу Арьян, пока я смотрю в одну точку — а именно на небольшой том, несомненно являющийся Кораном, что прижимает к себе безмятежный и спокойный мулла, с заинтересованным видом изучающий полки небольшой библиотеки в кабинете Джамала, с которой я совершенно недавно убрала все пылинки. — Прежде чем начать, нам необходимо увидеть доверенность и разрешение на брак от отца невесты, опекуна или ее официального представителя.

— Медина Рияд — сирота, — напоминает Джамаль, и его слова причиняют мне ощутимую боль, от которой колеют нервы и колени подкашиваются, словно от удара. Фактически Каттан прав — я сирота

с девятилетнего возраста, но нельзя говорить и относиться к Мэтту Доусону так, словно его никогда не было в моей жизни, и не он был тем человеком, который «вылепил» из меня бойца и одарил сильным характером. Семейные ценности для меня превыше всего, и я бы не хотела, чтобы Джамаль пренебрегал человеком, который меня воспитал, а что ещё хуже — запретил бы ему со мной общаться. — Но у меня есть официальная доверенность от ее опекуна, который сейчас находится за океаном, — поясняет Джамаль, протягивая юристам очередную фальшивую бумагу, которая с легкой руки Каттана стала вдруг частью моей судьбы.

— Отлично, Джамаль-бей. Тогда, прежде чем начать ваш никах, я призываю вас выслушать махр (это название имущества, которое мужчине необходимо дать женщине по причине заключения брачного договора (никах), — я пребываю в настоящем шоке, когда Арьян около двух минут перечисляет с листа все подарки Джамала, которые он пожизненно передает мне, все те ужасающие цифры с семью нулями, которые переводятся на счет «Медины Рияд»... и, конечно, мне официально передается вилла на берегу Персидского залива. Я не знаю, что и думать, мной овладевает первобытный страх, когда я осознаю наконец, что обратной дороги нет и не будет. Считанные минуты, и мы станем мужем и женой, и, с одной стороны, мое официальное положение рядом с ним укрепитя, и я наконец — таки буду освобождена от неуместных оскорблений в духе «я унижаю своих жен, трахаясь с тобой», а, с другой стороны, я навсегда буду оторвана от внешнего мира и привязана к мужу, который готов ради меня отдать свою жизнь, но при этом развестись со своими нелюбимыми женами он не способен.

Но сетовать в миллионный раз на то, что я вот-вот стану третьей женой просто бесполезно. Учитывая выявление последних обстоятельств, которые наотмашь бьют острием судьбоносной правды и неизбежности, я понимаю, что Асад в первую очередь думает обо мне, не затягивая со свадьбой.

Джамаль — будущий король Анмара... в лучшем случае, и, конечно, именно эта мысль бегло промелькнула в моем подсознании, как только я обнаружила тиснение знакомого мне герба на фамильной книге дворянского рода Остен. Списав все на свою богатую фантазию и свойственную мне инфантильность, я отогнала от себя данное

предположение, но теперь, когда все карты раскрыты, я понимаю, что сбежать с собственной свадьбы будет вопиющей глупостью и прямой дорогой в лапы убийц, которые могут использовать чувства Джамала против него.

Каждый раз, когда я представляю, что он проводит ночь со мной, полную любви и нежности, теплых слов и признаний, а потом уходит к Лейле, а ещё хуже, к этой суке Ауде, мое сердце разрывается в клочья.

И сама я никогда бы не сказала ему «да, я согласна на этот ад, Джамаль» вслух... но мой мужчина решил все за меня. И учитывая его адекватные доводы по поводу моей безопасности, мне стоит довериться ему. Надеюсь, я не наивная идиотка, которая слепо верит любимому и не выходит замуж за преступника. нет, невозможно. Джамаль ненавидит «Шатры» не меньше, чем я. Он не святой, и правитель из него выйдет, мягко говоря, жесткий. но справедливый. Мне страшно лишь за то, что в этой жестокой «игре престолов» между ним, АРС, Дамиром и Искандером его голова может пострадать в первую очередь.

— Вам нужно подписать бумаги, Медина. Джамаль, — словно сквозь вату слышу голос Арьяна и, не глядя, фактически в невменяемом состоянии, за секунду расписываюсь на подsunутой мне бумажке, опасаясь того, что в любую секунду дрожь в моих пальцах достигнет болезненного тремора, и я просто не смогу держать ручку, не то, чтобы расписаться.

Разве о такой свадьбе я мечтала?

Вместо сказочного острова Бали, на котором я планировала обвенчаться, — декорации рабочего кабинета Джамала, спертый запах книг и документов, переплетающийся в воздухе с ароматом дорогой кожи, вместо белоснежного платья фасона «русалка» — никаб и бирюзовое одеяние, пусть и лучшее, что я нашла в своем гардеробе, и все же — не свадебное. Вместо улыбок родных, проникновенной речи отца и блестящих глаз горстки моих подруг — трое мужчин, которых я вижу первый раз в жизни. список можно продолжать бесконечно, и то, что я чувствую, терпя крушение своих несбыточных желаний, трудно описать словами. Горечь, боль, непонимание, несправедливость, свинцовыми тисками, сдавившими грудь... но в какие-то мгновения эти эмоции отступают на второй план, когда

Джамаль берет мои ладони в свои и сжимает в плотно стиснутых и сильных кулаках, будто хочет удержать на месте, считывая мои мысли о возможном побеге.

Я остро ощущаю, как вибрирует и обжигает вены и горячей волной ведет тепло до самого сердца наша энергия в переплетенных руках. Поднимаю взгляд и заглядываю в синие глаза Джамала, что неотрывно и сосредоточенно смотрит на меня на протяжении всего времени, пока мулла нараспев читает молитву, связывая нас священными узами перед взором Аллаха, в которого я не верю. но почему-то, вопреки своей уязвленной в очередной раз гордости, в груди разливается такое мощное, пронизывающее до кончиков пальцев рук и ног тепло, овеивающее приятным и покалывающим вихрем, что кружится голова, а в горле собирается колкий ком, провоцируя веки трепетать, я наблюдаю за тем, как точеные черты лица моего мужа расплываются, распадаясь на крупные капли. ровно до тех пор, пока он снова не прикасается ладонью к моей щеке. Так нежно, так трепетно. я чувствую, как умираю и возрождаюсь вновь, расправляя крылья. Прилив ответной нежности переполняет мое сердце через край, когда Джамаль одними губами беззвучно шепчет:

«Я люблю тебя, Эйнин. Ничего не бойся. Доверься мне», — мои губы предательски дрожат, и я знаю, что это против правил и, возможно, черт подери, неуместно, но вопреки всему, я прижимаюсь к его груди уже влажной щекой, ощущая восхитительный плен его рук, слушая гулкое и неистовое биение сердца. Асад, мой Асад, я люблю тебя в тысячу раз сильнее, иначе бы не стояла смиренно здесь и сейчас, перед тобой, соглашаясь на все твои правила и условия. Чувство безграничного счастья, полностью овладевшего мной, к моему сожалению... очень быстро заканчивается.

— Сайиди, я привела Лейлу, как вы и просили, — от Джамала меня заставляет оторваться взволнованный голос Зары и едва слышный обиженный и обреченный возглас Лейлы, что, широко распахнув веки, с выражением дикого ужаса на лице наблюдает за самым разгаром развернувшегося в кабинете никаха. *Черт возьми, а она здесь зачем?*

— Медина, по правилам кольцо на твой палец должна надеть моя родственница. Хотя, думаю, ты и так в курсе, — твердым голосом ставит меня в известность Джамаль, провоцируя на новую порцию

непрерывного потока изощренных ругательств, которые я держу при себе. Черт возьми, это жутко неромантично. Не так ли? Я выросла на долбанных романтических комедиях, где главный герой всегда с любовью в глазах самостоятельно окольцовывал свою женщину. Ожидание — реальность: мое обручальное кольцо мне наденет первая жена моего мужа. Класс.

— В курсе, — отвечаю безжизненно, бесцветно, позволяя Лейле надеть на безымянный палец изящное колечко от Картье из белого золота, запаянное бриллиантами. Окончание церемонии происходит словно в тумане, я толком даже не помню, что спрашивал у меня и у Джамала мулла и что отвечала я, балансируя на грани между обморочным состоянием и реальностью — но судя по тому, что церемония закончилась, я таки дала согласие стать третьей женой Джамала.

К тому моменту, когда меня вновь начинает бить мелкая дрожь, а ноги не держат из-за переизбытка противоречивых чувств, Джамаль удерживает меня и прижимает к своему мощному телу, для того чтобы обхватить мой затылок ладонями и впиться в губы с горячим требовательным поцелуем, клеймящим меня новым званием «жена». его язык уверенно и настойчиво проникает в мой рот, подавляя и принуждая ответить на его жадный поцелуй при всех. Словно издалека я слышу очередной взволнованный выдох Лейлы, что вынуждена свидетельствовать нашу страстную борьбу языками и губами, и слегка отталкиваю Джамала, не понимая причину показательной демонстрации.

— Зара проводит тебя в комнату, Медина. Жена, — переходя с арабского на английский язык шепотом говорит Джамаль, все еще удерживая меня от падения.

— В женской половине дома намечается праздник. Он устроен для тебя, Эйнин. Я же отмечу наш никах здесь, со своими друзьями. Ты слышишь меня, детка?

Я молча киваю, пребывая в полной растерянности, и, если честно, сама хочу поскорее оказаться одна, в своей комнате, где смогу привести свои мысли в порядок и смириться с произошедшим. Все обдумать.

Когда Зара открывает передо мной дверь, ведущую в мою спальню, у меня дух захватывает.

На полу нет ни одного квадратного метра, который не был бы украшен розами, тюльпанами и орхидеями розового и белого цвета, дарующих пространству божественный цветочный аромат и сказочное настроение. Босыми ногами пробежав по полу к ванной, нахожу лепестки цветов в набранной воде и на постели, заправленной свежим бельем. Вдыхая насыщенные запахи арома масел, я опускаюсь на минималистичный диван, на котором тоже не осталось свободного места — он завален красивыми брендовыми коробками, эстетично перевязанными подарочными лентами. Джамаль любит делать красивые и щедрые жесты, но сейчас они едва ли способны сделать меня счастливой. Не в силах подавить свое любопытство, проворачиваю между пальцев одну небольшую красную коробочку и тут же открываю ее. Судя по аккуратным ключам, выложенным на бархатной подложке, теперь я являюсь обладательницей новой Tesla, и судя по ещё нескольким такого же размера коробкам, это не единственный автомобиль в моем будущем паркинге. Черт возьми, жаль, что нет никакого Божественного бюро, где я бы обменяла все подарки Джамала на его внимание только мне. Нет, я, конечно, безумно благодарна ему за эти дары, за щедрость, но моей целью в жизни никогда не являлись материальные блага... и, если честно, масштабы его подарков меня просто поражают. По закону муж должен всем своим женами обеспечивать одинаковое количество подарков и внимания, и я невольно задаюсь вопросом о том, что просто повторяю сценарий никаха Лейлы и Аиды.

— Госпожа, Джамаль устроил для вас большой праздник в женской половине дома. Я вас провожу. Девочки уже в гостиной, — вновь нарушает мой покой Зара, но я, не раздумывая, немного резко и раздраженно отказываю:

— Спасибо, Зара. Я не спущусь, — звучит немного высокомерно, но.

Я не хочу изменять себе. Не хочу улыбаться, когда мне этого не хочется. Не хочу отмечать свою, черт возьми, свадьбу с его женами, одна из которых мне за завтраком готова была глаза выцарапать и не жалела оскорблений. Может, я и гордая дрянь, но не двуличная стерва, по крайней мере.

Чего я действительно хочу, это первую брачную ночь. И выглядеть собираюсь соответствующе — принимаю ванну, напитывая кожу

цветочным ароматом, завиваю волосы в крупные локоны и надеваю на себя черное кружевное боди с пояском и капроновыми чулками. Растянувшись поперек постели, я приступаю к ожиданию своего новоиспеченного мужа, прислушиваясь к непонятным крикам и шуму, раздающимся с первого этажа дома, и пытаюсь отвлечься на чтение одной из книг, что нашла в женской библиотеке. Джамаль вновь заставляет меня ждать, позволяя температуре моего терпения достигнуть кипения. Где он? Черт возьми, уму непостижимо... а не послать бы мне все к черту? Тяжелые мысли атакуют разум, словно ядовитые паразиты. И вот мое ожидание превращается уже в небольшую истерику, когда я снова и снова начинаю прокручивать в голове свой новый и нелицеприятный статус «третьей жены», представляя себе жизнь, которая меня ждет.

Ведь когда-нибудь у нас с Джамалем будут дети. Не знаю почему, но куда больше причиняет мысль не «общение» Джамалья с Лейлой и Аидой, а мысли о том, что одна из них забеременеет, родит ему первенца и наследника, взывая к его инстинктам, занимая все место в его пространстве. Я вновь с головой окунаюсь в тревожные чувства, нервно прокручивая кольцо на безымянном и, наконец, снимаю его. Только сейчас я вдруг замечаю надпись, выгравированную на внутренней стороне металла, от прочтения которой замирает сердце:

«Я нашел тебя. Только наше. Мактуб.»

Наша история могла бы быть такой красивой. Но, увы, я — третья и не факт, что последняя.

ГЛАВА 13

«Женщина творит мужчину своими мыслями о нём. Мужчина творит женщину своим отношением к ней.»

Джамаль

Я тянул до последнего. Почему-то надеялся, что не выдержит, сама придет... Мужской эгоизм, желание показать, кто в доме хозяин, или просто ослиное упрямство и уверенность в том, что все будет, по моему. Загнал в угол, лишил права выбора и оставил одну наедине со своими сомнениями и моими ревнивыми женами. Теперь они от нее не отстанут, не успокоятся, пока не превратят жизнь Эйнин в ад; женщины чувствуют, когда соперница сильнее. И в этом есть львиная доля моей вины. Не стоило вчера набрасываться на Эрику в ее спальне, но в тот момент не мог думать ни о чем; озверел, дошел до края, поняв, что она снова играет со мной, как тогда в Нью-Йорке. Ее обыск в кабинете уничтожил последние капли терпения, подтвердил худшие опасения. Можно догадываться, о чем угодно, подозревать, выстраивать предположения, но где-то на подкорке заезженной пластинкой крутились ее слова *«Из-за тебя... Не знала, как жить без тебя»* снова и снова, вступая в диссонанс с доводами разума и здравым смыслом. Так хотелось верить, хотя не мальчишка давно и не идиот, который ведется на женские слёзы. И я сорвался. Сам виноват, голову потерял. Когда ее вижу, всегда дурею, весь контроль и выдержка к Шайтану в пекло. Одно желание — подмять, брать и клеймить, доказывая раз за разом, что только мне принадлежит. А теперь и доказывать ничего не надо. Моя. На законных основаниях.

Но только для нее этот факт, похоже, ничего не меняет. Я помню, как искренне, доверчиво с примесью отчаяния она прижалась ко мне, подписав брачный договор, снова пробуждая в гулко бьющемся сердце

надежду, что для нее происходящее имеет не меньшее значение, чем для меня.

И, как последний дурак, до двух часов просидел в своей спальне, напиваясь в одиночестве и пялясь на закрытую дверь, прислушиваясь к звукам в коридоре. Мне мерещились ее шаги, тихие, бесшумные. Я жаждал полной капитуляции и смирения. Я бесился и, как дикий зверь в агонии, метался по комнате, а когда понял, что не придет, страшно стало... До боли в груди страшно. Бл*дь, я понятия не имею, чем закончится завтрашний день и начнётся ли для меня следующими, может быть, это наша последняя ночь, а мы вот так ее бездарно — в гордыне, упрямстве, ревности. Подумал, и словно весь воздух из легких выбило, перед глазами черно-белые точки, пульс в висках зашкаливает и сердце молотит так, что ребра ноют.

До спальни Медины добираюсь за считанные секунды, распахиваю дверь, врываясь внутрь и останавливаюсь, восстанавливая сбившееся от бега и дикого волнения дыхание. Воспалённым взглядом нахожу ее в полумраке, рассеиваемом одним единственным ночником над прикроватной тумбочкой: сжавшуюся, маленькую, почти неразличимую на огромной кровати. Меня как кипятком шпарит, до волдырей, до болезненного рычания. Отрываюсь от созерцания хрупкой фигурки, бегло осматриваю комнату. Порядок идеальный, все подарки аккуратно лежат там, где я их оставил. Почему-то кажется, что ни один не открыла, не прикоснулась. Упрямая, гордая. Взгляд цепляется за поднос с нетронутым ужином, за букеты цветов, расставленные по всей спальне в вазах, наполняющие воздух тяжелым, дурманящим ароматом. В голове снова шумит от избытка алкоголя и бешеной пульсации крови в висках. Замираю, прислушиваясь к ровному сопению, доносящемуся с кровати. Наревелась вдоволь, измучилась и вырубилась. Мятежница моя. Подхожу ближе, стараясь ступать бесшумно, а у самого в горле печет, дыхание схватывает, каждая мышца звенит от напряжения. Пару минут жадно вглядываюсь в очертания хрупкого силуэта под тонким шелковым одеялом, натянутым до подбородка, и легко, как пушинку, подхватываю на руки. Как есть, вместе с покрывалом, и стремительной походкой прочь из пропахшей слезами и тяжёлым цветочным ароматом спальни.

От ее волос пахнет чем-то невыносимо притягательным. Легкий шлейф цитрусового аромата с пряными нотками окутывает меня, просачиваясь сквозь одежду, под кожу, пока я быстрыми твёрдыми шагами иду по бесконечным коридорам, укачивая на руках свою строптивую жену. Она проснулась, в этом не сомневаюсь. Сразу почувствовал, когда подхватил на руки, как изменилось ее дыхание, как напрялось стройное тело, затрепетали ресницы.

Медина лежит, не шелохнувшись, прижимая лицо к моей груди, и, наверное, слышит, как надрывно, неровно грохочет мое сердце. На меня не смотрит, плотно закрыв глаза, по впалым щекам мелькают темные тени, пухлые чувственные губки подрагивают. Оба знаем, что она не спит, и наверняка догадывается, куда я ее несу, но ни малейшего сопротивления, даже какое-то облегчение читается на осунувшемся лице. Ждала меня, маленькая. Ждала. Только не признается никогда. Невесомая почти, непривычно-уязвимая, хрупкая, словно хрустальная статуэтка. До конца жизни нести ее хочется, держать у сердца, не отпускать, чтобы не разбилась по глупости, нечаянно.

Крепче сжимаю неподвижную Эйнин в своих руках, ощущая, как прерывистое теплое дыхание согревает кожу на груди сквозь рубашку. Толкаю плечом дверь в свою спальню и захожу внутрь. С раздражением морщусь, когда в ноздри ударяет запах не выветрившегося сигаретного дыма. Ни слова не говоря, осторожно ставлю Эйнин босыми ногами на толстый ковер. Сам направляюсь к окну, настежь распахиваю, впуская в комнату ночную прохладу. Какое-то время задумчиво смотрю на подсвеченный огнями сад, ощущая легкое дуновение ветра на разгоряченном лице. За спиной по-прежнему ни звука; только шуршание листвы и стрекот насекомых из сада разрушают повисшую между мной и Мединой напряженную тишину. Вдыхаю полной грудью свежий воздух и неторопливо разворачиваюсь, убирая руки в карманы брюк. Смотрю на нее, и сам не понимаю, откуда вдруг берется волнение, холодком пробирается по позвоночнику к затылку; пальцы в кармане, как у мальчишки, потеют и подрагивают. Медина не отводит взгляд, не упускает ни одной детали, подмечая мой помятый, нетрезвый, включенный вид. В глубине сапфировых глаз неуловимое выражение, но мне и угадывать

не нужно. Знаю, что Эйнин совсем не нравится то, что она видит. Неидеальный ей муж достался — даже спорить не стану.

Целую вечность изучаем друг друга долгими взглядами. Воздух между нами дрожит, накаляется, трещит от напряжения, рассыпается белыми искрами. Я дышать забываю, ощущая, как жидкий огонь расползается по телу, трансформируясь в первобытную жажду. Жадно пожираю молчаливую, непривычно робкую Эйнин голодным взглядом, мысленно представляя всё, что сейчас буду с ней делать. Кровь с бешеной скоростью устремляется к налившемуся члену, вызывая привычно болезненные ощущения.

Эйнин стоит неподвижно, прижимая к груди несчастное одеяло, неотрывно, с боязливой настороженностью наблюдая за мной, одеяло немного сползает ниже, открывая картину, от которой мгновенно пересыхает в горле, и руки в карманах сжимаются в кулаки. Из одежды на ней только чулки и кружевное сексуальное боди. Опускаю взгляд на проступающие под лифом сосочки, во рту собирается слюна от острого желания попробовать, сжать зубами, заставить кричать от боли и зализать до хриплых стонов наслаждения.

Моя теперь. Вся. Навсегда. Злость, ревность, сомнения растворяются от осознания свершившегося факта. Не сбежит никуда, не спрячется, вся моя Эйнин, до кончиков пальчиков, до малейшей потаенной мысли и порочной фантазии. Всё заберу себе, ничего не оставлю. Я поймал свою дикую пантеру, теперь она будет выпускать коготки только, когда я ей позволю. Знаю, что Эйнин быстро не сдастся, будет сражаться за каждый дюйм свободы, яростно отвоёвывать пространство в золотой клетке, бросать вызов моим твердым принципам, ежедневно расшатывая самоконтроль и выдержку своего укротителя. И мы оба получим несравнимое удовольствие от каждого мгновения горячих баталий и столкновений.

— Выпьешь со мной? — хрипло спрашиваю я, тщетно пытаюсь сохранять внешнее хладнокровие. Она отрицательно качает головой. — Выпьешь, — утвердительно киваю и ленивой походкой подхожу к барной стойке, откупориваю шампанское, разливаю по бокалам, кожей ощущая на себе пристальный выжидающий взгляд Эйнин. Возвращаюсь к ней, останавливаюсь на расстоянии протянутой руки, подаю один бокал, настойчиво глядя в настороженное лицо. Она обхватывает хрустальную ножку

дрожащими пальцами, второй рукой сжимает в кулак одеяло, прижимая к груди и отчаянно не желая с ним расставаться.

— За тебя, Медина, за мою жену, — произношу короткий тост, приподнимая свой бокал. Подношу к губам и залпом выпиваю, наблюдая за оцепеневшей девушкой. Взглядом цепляюсь за обручальное кольцо на ее пальце, пока она маленькими плоточками смакует шампанское.

— Есть хочешь? — кивком головы показываю на тарелки с фруктами и закусками, расставленными на мраморной столешнице барной перегородки. Снова отрицательно мотает головой, возвращая мне пустой бокал.

— Еще? — низким голосом спрашиваю я, замечая, как по плечам девушки бегут мурашки. Ответ тот же, что и на предыдущий вопрос. — Замерзла? — еще один кивок.

— Неприхотливая мне жена досталась, — иронично ухмыляюсь я уголком губ. Убираю пустые бокалы в мойку, и на всякий случай закрываю окно. — Тихая и послушная, — добавляю, неторопливо бесшумно приближаясь к Эрике. Мне хочется кружить вокруг нее, принюхиваться к ароматам ее кожи, упиваться совершенством безупречного тела, продлевать собственную агонию нестерпимой животной похоти.

— Да брось ты его, чего вцепилась, — нетерпеливо вырываю одеяло из ее рук, бросая на пол, делаю шаг назад, детально рассматривая Эйнин цепким алчным взглядом. Она судорожно вытягивает воздух, с достоинством выдерживая пристальный осмотр. Я неторопливо обхожу сзади и вплотную встаю за изящной спиной. Перекидываю шелковистую копну волос на одно плечо и, склонившись, медленно провожу носом вдоль линии шеи, вдыхая дурманящий теплый запах раздувающимися ноздрями. Губы вскользь касаются бархатистой нежной кожи, я замечаю ее трепет, легкую дрожь, которую она пытается скрыть, учатившееся дыхание, рябь мурашек, опускающихся с плеч к выступающим лопаткам.

— Ты похудела, Медина, — замечаю я, оставляя невесомый поцелуй за ее ушком, чувствуя, как она вздрагивает всем телом. — Тебе нужно хорошо питаться, детка. Худые женщины менее выносливы, а ты знаешь, как я могу быть ненасытен.

— Для утоления своего... хм-м «голода» у тебя есть целых три женщины, не считая тех, что ты трахаешь, когда находишься за пределами Анмара, — Эрика наконец-то подает голос, но произносит однозначно не то, что я хотел бы услышать. Совсем не то. Тихо смеюсь, взявшись пальцами за бретельки сексуального нижнего белья и намеренно медленно спускаю по плечам, покрывая порозовевшую кожу легкими, быстрыми поцелуями.

— Если этот факт тебя не устраивает, то ты должна заменить мне их всех, Медина, — полупрозрачная ткань сползает до талии, обнажая грудь. Прижимаясь горячими губами к пульсирующей венке на шее Эрики, мягко прикусываю кожу и опускаю взгляд вниз, на вздымающуюся грудь с твердыми сосками. — Ты сможешь? — спрашиваю хрипло.

— Это зависит не только от меня, Джамаль, — она задерживает дыхание, когда я накрываю ладонями ее холмики, мягко сминая, ощущая приятную тяжесть, приподнимаю легкими, неуловимыми касаниями лаская чувствительную кожу под грудью.

— Конечно, только от тебя, альби. Пока ты очень плохо справляешься с обязанностями жены, — легкий укус в шею, и с ее губ срывается шумный вдох. Член реагирует на него болезненной пульсацией, капли пота выступают на висках. — Почему ты не пришла? Почему заставила меня ждать так долго? — горячо шепчу я, обвожу языком изящный контур ушной раковины, потирая и пощипывая пальцами набухшие соски. Черт, это гребаная магия. Она просто стоит, не шелохнувшись, а я уже дико возбужден, но намеренно не прижимаюсь каменным членом к ее заднице. Мне не хочется, как вчера — жёстко и грязно. Сегодня все будет иначе. Хотя, когда дело касается Эрики, я не могу ничего гарантировать. Меня несет рядом с ней, рвет крышу.

— Ты меня не звал, — с ноткой искренней обиды бросает Эрика.

— Я хотел, чтобы ты сама решилась, — полушепотом признаюсь я. — Я устал. Чертовски устал воевать с тобой, Эйнин.

— Я тоже не хочу воевать с тобой, Джамаль, — дрогнувшим голосом отзывается она.

— А чего ты хочешь, альби? — требовательно спрашиваю я, потирая большими пальцами острые вершинки.

— Тебя, — сдавленно выдыхает Эйнин, непроизвольно выгибаясь под моими ладонями. Ее нежный голос и нескрываемое желание подстегивает мое возбуждение, усиливая примитивный голод. Она хочет меня, в этом я никогда не сомневался. Слишком очевидный факт для нас обоих. Но мне этого мало, и никогда не будет достаточно. Она должна сходить с ума, умолять, умирать от жажды, задыхаться от потребности. Хочу стать единственной мыслью, навязчивой идеей, мечтой, фантазией, реальностью, всем ее миром, черт возьми. Стиснув зубы, я отодвигаю на задний план собственный голод и неспешно ласкаю руками впалый живот, тонкую талию, легкими касаниями пробегаюсь вдоль позвоночника, нежно массирую напряженную поясницу, сминая ладонями женственные бедра; захватываю большими пальцами кружевное белье, неторопливо тяну вниз, опускаясь на колени позади Эрики. Ее подтянутая задница прямо напротив моего лица, и я, не теряя времени, принимаюсь покусывать нежную кожу ягодиц, наслаждаясь тихими, рваными вздохами Эрики. Ноздри трепещут, улавливая сладко-терпкий аромат ее возбуждения. Подушечками пальцев поднимаюсь по внутренней стороне бедра, наблюдая, как по телу Эйнин волнами проходит дрожь. Воздух между нами накаляется сильнее, становясь тягучим, плотным, пропитанным похотью. Эрика задерживает дыхание, когда я накрываю ладонью ее промежность.

— Здесь ты хочешь меня? — низким от возбуждения голосом спрашиваю я, раздвигая горячие створки и погружая кончики двух пальцев во влажное лоно.

— Везде, — надсадно выдыхает Эйнин, подаваясь бедрами навстречу моей руке. Хриплый смешок срывается с моих губ.

— Заметь, тебя никто за язык не тянул, — пальцами свободной руки раздвигая ягодицы и, скользнув между ними, осторожно, но недвусмысленно надавливаю на тугое отверстие, которое она постоянно так рьяно охраняет от меня.

— Я не это имела виду, Джамаль, — отпрянув, восклицает Эйнин. Я с намеренной медлительностью выпрямляюсь, продолжая блуждать ладонями по обнаженному телу девушки, не в силах оторваться от бархатной кожи и женственных изгибов. В паху мучительно пульсирует возбуждение, натягивая хлопковую ткань брюк. Страсть кипит в венах, распространяя по всему телу адское напряжение.

— Где ещё ты хочешь меня, Медина? — встав в полный рост, я разворачиваю к себе ее раскрасневшееся лицо, пристально смотрю в широкие затуманенные зрачки, в которых мелькает неприкрытая жажда. — Может, здесь?

— Мягко подхватываю подбородок и жадно сминая нежный рот голодным поцелуем, проникаю языком, требовательно толкаясь между губ, поглощая сдавленный стон, вырвавшийся из груди Эйнин. Абсолютно дикий похотливый поцелуй, резко контрастирующий с моими неторопливыми ласками и поглаживаниями. Я пожираю ее губы, трахаю языком нежный рот, жестко, неистово, издавая урчащие звериные звуки, и когда внезапно отстраняюсь, она задыхается, трясась от нетерпения, ошеломленно смотрит на меня, хлопая ресницами, покачиваясь из стороны в сторону и облизывая распухшие губы.

— Я про сердце говорила... — прерывисто шепчет Эрика.

— Извини, детка, я не могу трахнуть твое сердце, — сипло смеюсь я, замечая, как, темнеет от вспыхнувшей злости ее лицо.

— Ты придурок, Каттан, — раздраженно бросает Эйнин, с досадой прикусывая губу.

— Снова дерзишь? — сильнее сжимаю ее подбородок, заглядывая в голубые бездонные глаза со всполохами неутоленного желания. — Нарываешься на жесткий трах?

— Ты специально меня провоцируешь, чтобы потом обвинить в том, что я сама напросилась, — заявляет Рика.

— Но ты же ведешься, детка, — ухмыляюсь я. — Значит, мы исполняем пожелания друг друга. Воспринимай это как сексуальную игру.

— И твои оскорбления тоже? — с нарастающей интонацией восклицает Эйнин. — Ты унижаешь меня. Постоянно. Это ни черта не весело, а больно, — отчитывает она меня в сердцах, я люблю ее раздосадованным личиком, поглаживая пальцами атласную кожу на точеных скулах.

— Ты невероятно красивая, Эйнин, — хрипло произношу я.

— Мне даже сравнить тебя не с кем. Не существует таких. Ты единственная. Мне не нужны копии, оригинал хочу, Эрика. Тебя. Я с ума схожу. Всю душу ты мне измотала, детка, все нервы вытянула, а я все равно хочу до безумия, чтобы каждую минуту рядом была. Без

тебя бессмысленно всё, бесцветно, — большим пальцем дотрагиваюсь до приоткрывшихся в изумлении губ, обводя их чувственный контур. — Так лучше?

— Да, если это правда, — сплотив, кивает Эйнин, недоверчиво всматриваясь в моё лицо.

— Я никогда не лгу о том, что чувствую, Медина, — серьёзно отвечаю я. — И о том, что вижу — тоже.

— Ты больше не злишься на меня? — слабым неуверенным голосом спрашивает она, я зарываюсь пальцами в ее волосы, рывком привлекая к себе.

— Я в бешенстве, Рика, но это не отменяет всего, что я сказал, — яростно рычу я, почти касаясь ее губ.

— Ты сумасшедший. Мне никто не нужен, кроме тебя, — отчаянно выдыхает Эйнин, обжигая меня своим горячим дыханием.

— Зафиксируй эту мысль, выучи наизусть и вспоминай, когда в твоей красивой головке снова появится очередная сумасбродная идея по спасению мира, — металлическим тоном чеканю я. — Ты поняла меня, Эрика?

— Да, Джамаль, — едва слышно отзывается она. Ее покорность усыпляет растревоженных демонов внутри, действует как анестезия на агонизирующую рану.

— Очень хорошо, Эйнин, — удовлетворённо киваю я, нежно провожу тыльной стороной ладони по ее щеке, спускаюсь к груди и задеваю твердый сосок. — Почаще говори мне «да», — раздвигаю губы в сексуальной улыбке, снова поддевая ее подбородок пальцами и заставляя смотреть мне в глаза. — Порепетируем?

— Да, — поспешно соглашается Эрика. Ее глаза распахиваются шире, когда моя рука, скользнув по втянутому животу, добирается до ее горячих складочек. Замирает напротив пульсирующего клитора. Она уже чертовски мокрая, готовая для меня. Я несильно хлопаю кончиками пальцев по влажной плоти, и она жалобно всхлипывает, призывно выгибаясь. Бл*дь, я еще не видел более чувственной и сексуальной девушки. Вздыбленный член болезненно ноет, уговаривая меня взять то, что само плывет в руки, точнее жаждет насадиться на него.

— Хочешь, чтобы я продолжил, Эйнин? — провокационно спрашиваю я, наблюдая как темнеет бирюзовая радужка любимых

глаз. Она опускает трепещущие ресницы в знак согласия, пройдясь розовым язычком по пересохшим губам. Резко наклонив голову, я ловлю его губами и втягиваю в свой рот, посасываю, как любимое лакомство, отпускаю, чтобы с глухим рыком следом ворваться между послушно открытых губ. Эрика стонет, хватаясь за мои плечи, инстинктивно двигает бедрами, потираясь промежностью о мои неподвижные пальцы.

— Вслух, Эйниц, — разрывая поцелуй, хрипло требую я.

— Да, я хочу, чтобы ты продолжил, — шепчет она, и шумно втягивает воздух, когда я начинаю растирать ее клитор быстрыми круговыми движениями, неотрывно наблюдая за сменой эмоций на охваченном удовольствием лице.

— Тебе нравится, детка? — низким от сдерживаемой похоти голосом спрашиваю я, ощущая, как бугрятся и перекатываются от напряжения мышцы на плечах и спине.

— Да... — сдавленно выдыхает Эрика, изнывая от желания, ее бедра мелко подрагивают, ногти врезаются в кожу моих предплечий.

— Хорошая девочка, — ускорю движения пальцев на пульсирующей влажной плоти. Она в изнеможении откидывает голову, прикрывая ресницы. — Смотри на меня, — жестким тоном приказываю я, мягко, но властно удерживая за скулы ее лицо. — Хочу видеть твои глаза, Эйнин. Ты уже близко, детка?

— М-мм, — неопределенно кивая, мычит Эрика. Я наклоняюсь ближе, глядя в расширившиеся черные зрачки. Горячее рваное дыхание Эрики опалает мои губы. — Боже, хватит. Не могу, — между хриплыми, жалобными стонами бормочет она, дрожа всем телом. Ее лоб покрывается испариной, острые вершинки упираются в мою рубашку, ткань которой стимулирует ее возбуждение при каждом соприкосновении.

Подушечки моих пальцев кружат вокруг клитора в быстром едином ритме, неумолимо приближая Эрику к сокрушающему экстазу.

— Давай, детка, — издав грудной рык, шепчу я, дотрагиваясь кончиком языка до ее нижней губы, прихватываю зубами, и она взрывается, не сдерживая громкие стоны обжигающего наслаждения. Мелко сотрясаясь, сжимает бедра, взяв в горячий плен мою руку. В распахнутых глазах бесконечное блаженство, и я сам едва

сдерживаюсь, чтобы не кончить в штаны, как тогда в мастерской. Ее тело снова и снова содрогается в спазмах удовольствия, ногти оставляют борозды на моей коже, царапая сквозь рубашку. Обхватив девушку за талию, я жду, пока она придет в себя, продолжая неторопливо ласкать пальцами между пульсирующим узелком плоти. Через пару минут Эрика затихает, постепенно выравнивая сбившееся дыхание. Осторожно освободив руку, я поднимаю ее к губам и слизываю терпкий вкус возбуждения с кончиков своих пальцев.

— Сладкая распутница, — шепчу я, и Эйнин густо краснеет, вызывая у меня тёплую улыбку. Я думал, она не умеет смущаться. Смелая, дерзкая и страстная девочка. Идеальная для всех моих развратных фантазий, которые мы воплотим вместе.

— Все хорошо? — зарывшись лицом в ее шелковистые волосы, спрашиваю я, лаская ладонями покрывшуюся испариной спину, успокаивая, разминая сокращающиеся мышцы. Спускаюсь ниже, сжимаю ягодицы, и снова вверх. Эрика обессиленно кивает и доверчиво прижимается губами к моему плечу, приподнимается на носочки и, задрвав голову, осыпает легкими нежными поцелуями мой подбородок и скулы, ласкается, как довольная прирученная кошечка. Шаловливые пальчики гладят мои соски сквозь ткань рубашки, нетерпеливо спускаются к выпуклости на брюках.

— Не сейчас, — сдавленно шиплю я, когда она сжимает ладонью каменный, рвущийся в бой член. Перехватываю ее запястье, поднимая к губам, мягко целую длинные пальцы. — Не сейчас, — хрипло повторяю я, глядя в затуманенные голубые глаза Эйнин.

— Хочешь еще? — порочно улыбаюсь, погладив по щеке костяшками своих пальцев. Она молчит, сжимая припухшие губы, но на этот раз я не буду требовать ответа. Он слишком очевидным пламенем горит в широких черных зрачках. — Конечно, хочешь, — уверенно киваю я. Взяв ее лицо в ладони, оставляю на ее губах быстрый жаркий поцелуй и нехотя отстраняюсь. Эрика встревоженно хмурится, наблюдая за мной с легким напряжением.

— Не бойся, детка. Ничего, кроме наслаждения, сегодня ты не испытаешь, — обещаю я чувственным шепотом, скользнув взглядом на ее сексуальный рот и ниже, к требующим внимания и особого отношения торчащим вершинкам. Склонившись, сжимаю в ладонях упругие груди, поглаживая пальцами чувствительную кожу,

поочередно круговыми движениями ласкаю языком нежные розовые ореолы, постепенно сокращая радиус и концентрируюсь на твердых сосках. Эрика запускает пальцы в мои волосы, притягивая ближе. Ее сердце колотится оглушительно громко, по телу снова бегут мурашки предвкушения. Захватив острый сосок, несильно сжимаю его зубами и тут же зализываю языком, то же самое проделываю с другим и снова возвращаюсь к первому. Эрика тихо всхлипывает, нетерпеливо дергая меня за волосы, но я намеренно мучаю ее, продлевая агонию.

— Обожаю, как твое тело отзывается на меня, Эйнин, — оторвавшись от вздымающейся груди, шепотом признаюсь я. Лизнув твердый чувствительный узелок, с бешено бьющимся сердцем наблюдаю, как она вздрагивает и выгибается навстречу моим губам, издавая эротичные тихие стоны. Резко подняв голову, встречаю ее поплывший взгляд. — Только на меня, детка? — требовательно спрашиваю я, задыхаясь от дикого вожделения.

— Только на тебя, Джамаль, — кивает Эрика, нежно коснувшись моей щеки.

— Поклянись, — тронув языком открытую ладонь, шепчу я, ощущая ответный трепет, аромат возбуждения пронизывает все вокруг, усиливая мои мучения. Налившийся кровью каменный член больно давит на ткань брюк, пот стекает по напряженной спине под рубашкой.

— Ты такой глупый. Неужели ты не чувствуешь? — приглушенно спрашивает Эйнин, нежно касаясь моих губ.

— Поклянись, — настаиваю я стальным тоном.

— Я клянусь, Джамаль. Только ты. Никого больше. Никогда, — на одном дыхании произносит Эйнин. Звучит как клятва. Почти урчу от удовольствия. Мне нравится, пусть повторяет это как можно чаще.

— Конечно, никого и никогда, — уверенно рычу я, крепко сжимая ладонями ее талию, и не сразу понимаю, откуда вдруг в лихорадочно сверкающих глазах появляются горечь и боль. Эрика поспешно прячет их, опуская длинные ресницы. — Я тоже никого не хотел сильнее, Эйнин, — тихо добавляю я, надеясь, что правильно разгадал причину мелькнувших эмоций. — И не захочу.

— Как ты можешь быть в этом уверен? — с горечью спрашивает Эрика.

— Тебе не нужно спрашивать и сомневаться, Эйнин. От тебя требуется только одно — верить мне и делать то, что я прошу, — не дождавшись ответа, я снова склоняюсь к груди Эрики, зарываюсь лицом в ложбинку между обласканными холмиками, поглаживая ладонями изящную спину, перебирая пальцами вдоль позвонков. — Ты охрененно пахнешь, детка. Особенно сейчас, когда вся течешь от желаний, — глубоко и жадно вдыхая пряный аромат ее тела, скольжу языком вниз, оставляя влажные следы на коже. Неторопливо опускаюсь на колени, и таким же мучительно-томительным ласкам подвергаю ее впалый живот, ямку пупка, женственные округлые бедра. Когда мои губы добираются до гладкого лобка, Эрика непроизвольно сдвигает ноги и вздрагивает от неожиданности, получив несильный шлепок по заднице.

— Расставь ножки, детка, — подняв голову, я смотрю в порозовевшее лицо, натываясь на пылающий взгляд. — Ты должна слушаться своего мужа, Медина, — напоминаю я. Шумно втянув воздух, Эрика выполняет просьбу. — Еще шире, — приказываю я. — И не сдвигать. Поняла?

— Да, — одними губами произносит Эйнин. Удовлетворённо хмыкнув, я приступаю к делу. Мои ладони медленно гладят ее ягодицы, внешнюю и внутреннюю стороны бедер, низ живота — все нежные чувствительные местечки, до которых дотягиваются руки. Голодный хищный взгляд опускается к идеально гладкой промежности, нежно-розовой, блестящей от влаги.

— Великолепно, — хрипло шепчу я, и Эрика нервно смеется и тут же громко ахает, когда провожу двумя пальцами по шелковистым нижним губкам, от клитора до влажного входа, проталкиваю на сантиметр в горячий жар и выныриваю обратно, возвращаясь к пульсирующей горошине, размазывая вязкие соки по набухшим лепесткам. Повторяю, мучительный маневр несколько раз. Снова и снова. Эйнин задыхается, отчаянно всхлипывая, хаотично двигая бёдрами навстречу моим пальцам, и обиженно хнычет, когда я снова хлопаю ее по упругой попке, призывая стоять ровно и продолжая свою безжалостную пытку. Вверх- вниз, скользящие, легкие неуловимые движения, эффект моей изощрённой игры почти тот же, что и в мастерской, где я орудовал кистью, но сейчас ещё острее, потому что Эйнин знает, как именно мы закончим, как громко и

надрывно она будет кричать от сокрушающего жгучего кайфа. Подув на разгорячённую плоть, развожу указательным и средним пальцами влажные складочки, впиваясь взглядом в покрасневший от прилившей крови чувствительный комочек, краем уха улавливая сдавленный вздох Эрики. Она чертовски сладко пахнет сексом и моим персональным безумием. Облизываю губы горячим языком и снова дую на воспалённую плоть. Эйнин жалобно стонет, нетерпеливо вздрагивая всем телом, умоляющим меня закончить издевательства и перейти к делу. Наклонившись, я резко ударяю кончиком языка по клитору, и она дергается, инстинктивно сдвигая колени и сильнее цепляясь за мои волосы. Легкий шлепок по внутренней стороне бедра, и Эрика беспрекословно исправляет оплошность, снова предоставляя мне полный доступ к своему пылающему телу.

— Боже, ты издеваешься, — отчаянно шепчет Эйнин, когда мой язык начинает невесомо кружить по набухшему клитору, копируя движения и скорость своих пальцев, которыми довел ее до оргазма пять минут назад, ни разу не проникнув внутрь. Уверенно и ритмично, интуитивно регулируя интенсивность нажатий, пьянея от ее вкуса и аромата. Она лихорадочно хватается воздух пересохшими губами, стоны становятся громче, движения бедер хаотичнее. Я прерываюсь, чтобы всосать в рот пульсирующий клитор, мягко зажать губами, и снова неистово скольжу по кругу влажными жалящими движениями.

— Ах-рр... хватит, — отчаянно шипит Эйнин. Хватка ее пальцев усиливается на моих волосах, как и нажим моего языка, с молниеносной скоростью порхающего по распалённой плоти. — Что ты делаешь. Джамаль, — она уже кричит, задыхаясь и всхлипывая. То отталкивает мою голову, то притягивает ближе, я крепко держу ее бедра, ограничивая движения и шлепая по подрагивающим ягодицам за каждую попытку избежать удовольствия. Не обращая внимания на мольбы и стоны, с одержимой настойчивостью вылизываю крошечный клитор, улавливая кончиком языка малейшую пульсацию, и безошибочно угадываю момент полной и безоговорочной капитуляции. Громко вскрикнув, Эйнин запрокидывает голову, пригибаясь назад, сдавленно рычит, дышит сквозь стиснутые зубы. Я удерживаю пошатывающуюся девушку стальной хваткой, скольжу неумолимым языком вдоль налившихся складочек, толкаюсь в горячее

истекающее влагой лоно, жадно пробуя вкус своей очередной победы, подыхая от дикой потребности разложить Эйнин на полу и загнать в разогретое тело каменный стояк, пока я нахрен не взорвался от напряжения. Прогнав будоражащие картинки, я продолжаю вылизывать пульсирующее лоно и не останавливаюсь, пока Эйнин сама не отталкивает меня, медленно опускаясь на колени. Всхлипывая от пережитого кайфа, она обессиленно упирается лбом в мою бурно вздымающуюся грудную клетку.

— Еще, детка? — с губ срывается рваный напряженный смех, она произносит в ответ что-то нечленораздельное, и я привлекаю ее к себе, поглаживая взмокшую спину, нагло забираясь между ягодиц и вскользь лаская неопробованное отверстие. У Эйнин нет сил даже на протесты и возмущение, она тяжело дышит, нежно потираясь щекой о мое плечо. Наклонившись, я целую влажный затылок, безостановочно блуждая ладонями по затихающему телу.

— Что ты вытворяешь, Джамаль, я чуть не умерла, — едва слышно шепчет Эйнин минуту спустя.

— Люблю свою жену. У нас брачная ночь, если ты не забыла, — низким голосом отзываюсь я. Она прижимается ближе, и я вздрагиваю, когда Эйнин невзначай задевает вздыбленную ширинку. Черт, это против правил, детка.

— Любишь? — она вскидывает голову, глядя мне в глаза, в которых плещется необъяснимое сомнение. — Иногда мне кажется, что ты готов посадить меня в чемодан и выслать в Нью-Йорк обратно, чтобы не мешала твоим грандиозным планам.

— Какая дурочка, — погладив Эрику по щеке, ласково шепчу я и мягко целую, не разрывая зрительного контакта. Зарываюсь в волосы на ее затылке и углубляю поцелуй, нежно поглаживая дерзкий язычок своим, посасываю сладкие губы, оставляя на них острый привкус ее возбуждения. — Я действительно готов посадить тебя кое-куда, но точно не в чемодан, — щелкнув Эйнин по кончику носа, с тяжелым вздохом отрываю ее от себя. Поднимаюсь на ноги, поправляя ноющую эрекцию.

— Ещё шампанского? — спрашиваю я, заговорщически прищурившись. — Или ты стала трезвенницей? — захожу за барную стойку и достаю чистые бокалы.

— Тащи, во рту пересохло, — довольно быстро сдаётся Эрика, прижимая колени к груди. Обхватив их руками, она рассеянно наблюдает за мной из-под полуопущенных ресниц. Я широко улыбаюсь и медленно облизываю губы, намекая на то, что в одном укромном местечке на ее теле сегодня точно ничего не пересохнет. Вспыхнув, Эйнин отводит взгляд в сторону. Свой бокал я осушаю сразу и пустой ставлю на столешницу. Подхватив пальцами порцию Эрики, уверенной походкой приближаюсь к ней и, наклонившись, протягиваю бокал, любуясь ее смущенным красивым личиком. На этот раз она пьет жадно, крупными глотками. Не сводя с нее глаз, я начинаю неторопливо расстегивать пуговицы на рубашке. Поперхнувшись, Эрика закашливается, вытирая с подбородка пролившиеся капли. Скидываю рубашку на пол, берусь за ремень на брюках, спускаю их вниз, замечая, как округляются глаза Эйнин, застыв на моем стоящем колом члене.

— Ты как... хм-м себя чувствуешь? — я смеюсь, уловив обеспокоенные нотки в ее голосе.

— Как оголодавший лев, — коротко отвечаю я, перешагиваю через упавшие брюки и направляюсь к огромной постели. Рывком скидываю покрывало на пол и забираюсь сверху. Вытягиваю ноги, опираясь спиной на изголовье. Эрика все это время с растущим напряжением следит за каждым моим движением. Ее бокал пуст, но она его продолжает нервно покусывать его край жемчужными зубками.

— Иди ко мне, Эйнин, — мягко зову я, похлопав по атласным простыням рядом с собой. Она хмурится, морщит аккуратный носик, испытывая противоречивые эмоции. Ставит бокал на пол и неуверенно поднимается. Каждый шаг ей дается с трудом, но, черт, как же сексуально она двигается. Это врожденная кошачья грация, королевская осанка, высоко приподнятый подбородок. Ее тело совершенно, без единого изъяна, чувственное и безупречное. Созданное для меня. Предназначенное мне.

Эрика останавливается в двух шагах от кровати, и я ободряюще улыбаюсь, протягивая руку.

— Иди ко мне, — повторяю я чувственным шепотом, блуждая голодным взглядом по стройной фигурке. Она взволнованно вздыхает, едва заметно дёрнув головой, прикусывает нижнюю губку.

— Ты спал здесь с ними? — ее взгляд выстреливает в меня, требуя немедленного и честного ответа, и я даю его. Наша новая жизнь не должна начинаться со лжи.

— Да, — киваю я. Эрика вздрагивает, словцо я только что вклеил ей пощечину, и боль в ее глазах настолько искренна и откровенна, что мое собственное сердце сжимается в агонии. — Я мог выбрать любую другую комнату, но ты должна переступить через это, Эйнин. Прямо сейчас. — неумолимым и решительным тоном произношу я. — Иди ко мне, — настойчиво повторяю, уверенно глядя в заблестевшие от сдерживаемых слез глаза девушки. Мы оба понимаем, что стоит за моими словами, я вижу, как ей сложно, как мучительно и дико больно. Вся ее отчаянная борьба с самой собой отражается в широких черных зрачках, сквозит в приклеенной к губам горькой улыбке.

— Иди, моя малышка, — я снова протягиваю руку, и, зажмурившись, Эрика быстро забирается на кровать, бросается в раскрытые объятия и утыкается носом во впадинку на моем горле. Я мягко обнимаю ее, нежно перебирая пальцами шелковистые волосы. Жгучие, горячие слезы вытекают из-под плотно сомкнутых век, я чувствую их своей кожей. Ее сердце хаотично колотится напротив моего, а пальцы впиваются в меня с такой силой, словно она сейчас стоит на краю пропасти, и если отпустит, то непременно сорвется вниз. Мы молчим, наверное, целую вечность, прежде чем Эрика нарушает звенящую тишину.

— Этот день должен был стать самым счастливым в моей жизни, — натянуто горько произносит она.

— А он станет, — уверенно отвечаю я, крепче привлекая ее к себе. — Поверь мне, детка. Спустя тридцать лет именно этот день ты будешь вспоминать как самый счастливый в своей жизни. Ты можешь сомневаться, но, когда эмоции улягутся и пройдет немного времени, ты согласишься на ситуацию совершенно другими глазами. Мы наконец-то нашли друг друга. Разве это не самое главное? Ты создана для меня, Эйнин. И я обладаю тобой. Это твоя судьба, детка.

— Мактуб? — пробормотала она, шмыгнув носом. И когда наши взгляды сталкиваются, мне кажется, что я вижу понимание. Она верит мне, верит, что так и будет.

— Мактуб, — улыбаюсь я, лаская подрагивающие плечи. Мы снова молчим, наслаждаясь мгновениями нежности, забыв обо всех

наших безумных приключениях, необдуманых поступках, спорах, обвинениях и ревности.

— Чего бы ты хотела сейчас, Эйнин? — внезапно спрашиваю я, осознав, что мы никогда по-настоящему не говорили о самых важных вещах. — Не считая меня, конечно, — добавляю с шутливой иронией.

Она задумчиво вздыхает, обводя пальчиком ореолу моего напряженного соска.

— Не знаю... — пожимает плечами. — Оказаться далеко отсюда. С тобой. На каком-нибудь тропическом безлюдном острове, на берегу океана. Тёплый бриз, крики чаек, яркое солнце, белый хрустящий песок, бескрайнее небо, покачивающиеся на ветру пальмы. — мечтательно перечисляет Эрика.

— Намекаешь на свадебное путешествие? — улыбаюсь я в ее волосы.

— А оно будет? — воодушевленно спрашивает Эрика и, отстранившись, поднимает голову, мой горящий взгляд опускается к ее полным губам.

— Если хорошо попросишь, малышка, я выполню любое твое желание, — двинув бедрами я недвусмысленно потираюсь раскаленным членом о ее сочную попку.

— Хм-м... — она с подозрением смотрит мне в глаза. Ее настороженное выражение лица вызывает у меня приступ беспечного смеха. Не давая ей опомниться, опрокидываю Эрику на спину и нависаю сверху, упираясь локтями по обе стороны от запрокинутой головы. Смех застывает на губах, когда наши потемневшие взгляды сталкиваются, и жадно набрасываюсь на ее губы голодным жестким поцелуем без малейшей примеси сдержанности. Язык грубо врывается в ее рот, двигаясь в бешеном темпе, пока мы оба не начинаем задыхаться. Я раздвигаю ее ноги коленом, устраиваясь между ними, и снова вливаюсь в податливый рот, совершая поступательные толчки бедрами. Налившаяся головка члена скользит между влажных складочек, задевая чувствительный клитор, заставляя мою горячую распутницу изнывать от нетерпения. Отчаянно постанывая и требовательно кусая мои губы, она выгибается под мной, впиваясь пальцами в мои ягодицы.

— Готова, детка? — разрывая поцелуй, срывающимся грубым от возбуждения голосом спрашиваю я.

— Я думала, уже не дождусь, асад, — напряженно выдыхает Эрика, глядя на меня затуманенным похотью взглядом, протестующе хнычет, когда, отстранившись, я встаю на колени между ее раздвинутых бедер. Дрожащей ладонью провожу по вздымающимся грудкам с острыми пиками сосков, судорожно втянутому животу, ощущая под пальцами дрожь и голод извивающегося подо мной тела, всего несколько легких круговых движений по воспалённому натруженному клитору подушечкой большого пальца, и она яростно рычит, бросая на меня испепеляющие взгляды.

— Голодная малышка хочет что-то более внушительное, чем пара пальцев, да, Эйнин? — мое терпение на грани, еще минутами я просто взорвусь. Безумное возбуждение стремительно разливается по телу подобно неконтролируемой стихии, вырываясь из пересохшего горла утробным рычанием. Закинув согнутые в коленях стройные ножки Эрики себе на плечи, я дергаю ее бедра на себя. Рукой направляю пульсирующий член к блестящему от смазки входу, и с гортанным стоном вбиваюсь на всю длину.

— Черт, — задыхаясь, бормочу я, замирая внутри податливого тела, горячим жаром снимающего раскаленный член. Даю себе пару секунд, чтобы справиться с нахлынувшим мощным кайфом, способным вызвать мгновенный незапланированный оргазм. Задерживаю дыхание, прикрывая глаза и пытаюсь мысленно отвлечься от охрененно приятного процесса, предоставляя райский остров с песком и чайками, о котором грезит моя жена, но, бл*дь, даже в этом видении мы одержимо трахаемся под пальмами.

— Ты уснул, Джамаль? — слышу я срывающийся голос Эйнин. Открыв глаза, я хищно улыбаюсь, сжимая пальцами ее сосок, и начинаю двигаться. Мощно, жестко, глубокими резкими толчками, вытряхивая из Эйнин протяжные стоны. Схватившись одной рукой за изголовье кровати, вколачиваюсь в нее со скоростью молота под аккомпанемент влажных шлепков наших тел и животных криков. Она впивается пальцами в простыни, сгребая скользкую ткань в кулаки, судорожно хватает губами воздух. Полная грудь подпрыгивает в такт каждому сокрушающему удару моих бедер, мокрое лоно бесстыдно хлюпает, принимая полностью, яйца шлепают по ее ягодицам. Отпустив сосок, опускаю пальцы к изученному и отполированному

набухшему комочку, ритмично потираю круговыми движениями, и продолжая неистово трахать ее в диком темпе.

— Ар-рр, — она кричит от удовольствия, впиваясь губами в собственный кулак, и я чувствую, как сокращаются в мышцы ее лона вокруг моего члена. Еще несколько мощных толчков, и она кончит, но я безжалостно лишаю ее надвигающегося наслаждения.

— Хочу, чтобы ты кое-что сделала для меня, Эйнин, — хриплю я, резко выходя из мокрого лона. Сдвигаясь назад, отпускаю ее ноги. Она разочарованно стонет, с мольбой и недоумением глядя на меня. — Загляни в тумбочку, детка. У меня есть для тебя ещё один подарок. Он понравится нам обоим, — сдавленно заверяю я, обхватываю распаленный, липкий от ее соков, член и двигаю ладонью по всей длине, чтобы хоть как-то снять болезненное напряжение. — Поспеши, Эйнин...

Рика

Все, что происходит между мной и Асадом — полнейшее безумие, одержимость друг другом до алых всполохов перед глазами, до агонизирующих взрывов и пленительной дрожи в каждой клеточке наших тел, полностью синхронизированных, намагниченных друг на друга.

Каждый раз, когда моя кожа больше не соприкасается с Джамалем, грудную клетку сдавливает от боли, и это чертовски пугает, потому что постоянная потребность в контакте с ним делает меня обезоруженной перед его волевыми приказами и просьбами.

И сейчас, когда я дрожу и отчаянно нуждаюсь в его каменном члене, что мой развратный муж так соблазнительно сжимает в своем напряженном кулаке, я готова просить и умолять Асада немедленно улететь со мной в космос, заполнив своей твердой и мощной плотью, впервые заклеив меня собой в новом качестве законного мужа. *Хочу, чтобы был только мой*, стараюсь не думать о том, что на этой чертовой постели он трахался с другими женщинами, встречал с ними закаты и рассветы, задыхался от страсти, шептал им нежные слова. и намеренно заставил меня окончательно перекрыть кислород своей гордости, уничтожить одним выстрелом мой внутренний протест и

забраться на этот мучительный эшафот, в отчаянии прижавшись к нему...

Назад дороги нет, мне было нереально сложно, мне больно и сейчас, Джамаль... но я отпускаю наше отдельное прошлое, потому что понимаю, что мне не изменить ни твой темперамент, ни твои требования, ни твое видение наших будущих отношений.

Я люблю Джамала, я принимаю его непоколебимость и силу, и я знаю, что он подписывает жестокий приговор Аиде и Лейле, которые никогда не будут счастливы рядом с мужчиной, который любит другую. Я чувствую это, сегодня я ощутила его любовь и чувственность в полной мере, и мне все равно мало... чуть с ума не сошла, когда он по миллиметру ласкал меня, бесконечно вдыхал аромат моей кожи, так искренне признаваясь в своих чувствах каждым словом и прикосновением. Не знаю, существует ли в мире более счастливая женщина, чем я, в такие моменты, когда мой сильный, жесткий и хладнокровный Асад проявляет свою нежность и заботу, граничащую с первобытной потребностью во мне, и звериной страстью. сумасшедший, противоречивый контраст, на который я подседа мгновенно, с первой долбаной дозы, в тот момент, когда он подвесил меня в мастерской и мучительно медленно изучал мое тело и реакции на его действия своей «волшебной» кистью.

«Я не знала, как жить без тебя...» — и это моя правда и крест, я действительно не знаю, как можно быть счастливой, не ощущая себя самой желанной в мире женщиной. И я заплатила за это счастье своей гордыней, полностью отказавшись от своего твердолобного упрямства. И я ни о чем не жалею.

Я пытаюсь прочесть мысли Джамала, по выражению его лица — сейчас он максимально открыт и уязвлен передо мной, искренен. как бы совершенно он ни владел навыком сокрытия истинных эмоций, как бы сильно ни держал их в узде. сейчас я вижу и вбираю все, что таятся на дне его требовательных, жаждущих, манящих глаз индиго, блеск которых обещает мне прямой полет до рая и фееричное падение в его личный извращенный ад, где мне предстоит сплясать с его оголодавшими демонами. Они темнеют, бесы отражаются в смоляных зрачках Джейдана, заставляя меня вострепнуться и всерьез испугаться его планов на эту ночь.

— Асад, ты надо мной издеваешься? Это я хочу, чтобы ты кое-что сделал. Точнее, закончил, Джамаль. В меня... пожалуйста, любимый, — с глубоким придыханием, едва ли не плача, молю я, ощущая наэлектризованные теплом и болезненной сладостью волны, концентрирующиеся внизу живота и внутренних мышцах, которых совершенно не устраивает сжимать пустоту, а не охрененно идеальный вздыбленный член моего мужа. Я стараюсь не опускать взгляд ниже пояса Джамала, но не могу устоять. Мой взор предательски скользит по любимому, горячему, чертовски соблазнительному телу моего мужчины. Он кажется таким большим по сравнению со мной. Возвышающимся Богом, Атлантом, на которого можно смотреть лишь снизу-вверх. Одни плечи и руки Джамала чего стоят. Узкие бедра, накачанные ягодицы, которые я хочу видеть, когда он трахает меня, толкаясь глубоко и ненасытно. Я обязательно попрошу его повесить на потолке зеркала в своем доме, чтобы полностью видеть его в моменты нашей близости ещё больше, чем вижу сейчас. В нетерпении закусываю нижнюю губу, наблюдая за тем, как Джамаль прикасается к своей плоти, намеренно медленно и сдержанно. Мышцы нижнего пресса сжимаются, его зубы плотно сцеплены в хищном оскале, тёмные пряди волос прилипают к вискам и лбу, по бронзовой коже и во впадинах рельефа струятся капли пота, которые я хочу собрать кончиком языка. Как и несколько других капель, поблескивающих на багровой головке его члена. Ох, черт. Не думала, что когда-нибудь стану такой развратной и пошлой. Но правда в том, что с «тем самым мужчиной» каждая девушка, я думаю, должна испытывать подобные чувства, стогать от нетерпения и восхищения, стирать все свои запреты, отпуская на волю свою внутреннюю амазонку.

— Джамаль, тебе больше нравится своя рука, чем моя девочка? — нежно шепчу я, проводя кончиками пальцев по своим заостренным в пики соскам, и опускаю ладонь на живот, намереваясь спустить её ещё ниже и погладить себя между бедер, чтобы не потерять заветную «дорожку» к оргазму, пока Джейдан по известной лишь ему причине решил взять таймаут. — Мой Асад, пожалуйста. Ты так нужен мне. Сейчас. Здесь, — слегка постанывая, легко ввожу в себя средний и указательный пальцы, начиная таять от удовольствия... и тут же слегка зажимаюсь, испытывая легкий стыд и неловкость, когда Джамаль резко останавливает меня:

— Стой, Эйнин. Не так. Я сказал тебе, что мне нужно. Не заставляй мужа ждать. Давай, моя малышка. Я жду, — голос Джамала становится устрашающе строгим и настойчивым, как и взгляд, брошенный из-под нахмуренных бровей.

— Тебе просто нравится надо мной издеваться, я толком ходить сейчас не могу. — жалуясь я, но все-таки сдвигаюсь с места и ползу к краю кровати по-кошачьи, вздрагивая всем телом, когда Джамаль отвешивает мне легкий, но неожиданный шлепок по ягодицам. Показывая ему язычок, я наконец сползаю с постели и открываю тумбочку, ощущая, как все внутри поет от нарастающей в душе интриги. Уверена, что там он спрятал наручники. Хочет повторить наш вчерашний обмен ролями? Или на этот раз свяжет меня, оттрахав так, как ему вздумается, добравшись до «запретного» местечка, на которое постоянно намекает?

Нервно сплываю и с шумным хлопком задвигаю верхний ящик обратно, испытав настоящий шок от того, что увидела внутри... я не ханжа, и взрослая девочка, но, я надеюсь, ЭТО не то, о чем я думаю?

Нервный холодок бежит по напряженным позвонкам, и я резко оборачиваюсь на своего окончательно охреневшего и спятившего от похоти мужа:

— Я надеюсь, это не то, о чем я думаю? — озвучиваю свое опасение вслух, ощущая, как дрожат от неудовлетворенного и пульсирующего желания коленки. Боже, я упаду сейчас просто. Или сделаю все, о чем он попросит, лишь бы прекратить эту сладострастную пытку.

— А о чем ты думаешь, детка? — выдыхает сквозь зубы Джей, и я несколько мгновений разглядываю его лукавую улыбку и ехидный

блеск в глазах. Мой муж — ненасытный развратник. И выбрала же на свою голову самца горячего. Дар и проклятье в одном лице.

— У меня только два варианта, Джейдан! — перед внутренним взором вновь и вновь всплывают те «инструменты», что я увидела в ящике.

— Порадуй меня, Эйнин. Побудь плохой девочкой, — облизнув пересохшие от желания губы, беспрекословно требует Джамаль, кидая беглый и выразительный взгляд на тумбочку, игриво вскидывая широкие брови.

— Я ненавижу тебя, — напоминаю, нервно выдыхая. — Чего именно ты хочешь, чтобы я сделала? — недовольно мурлыкаю я и, не сводя с него глаз, вновь медленно открываю верхний ящик тумбочки и опускаю руку на ее дно, наблюдая за вожделением, нарастающим в его жадном взгляде. Такой красивый, умереть можно. Хочу его, до лишаяющей дыхания боли.

— Я хочу, чтобы ты показала мне, как ласкала свою ненасытную девочку. Как тебе приятно наедине с собой, когда ты думаешь обо мне. Это так сексуально — знать, что ты хочешь сама себя. Хочу видеть, Эйнин. Покажи мне все. Покажи, как трогала себя, думая обо мне все эти месяцы. — Джейдан встает с постели, его лицо искажает легкая гримаса боли, связанная с диким возбуждением. Черт, его член напряжен так сильно, что он мог бы кончить от одного прикосновения моего языка к основанию головки.

— Я не буду этого делать, — упрямлюсь я, и вновь заглядываю в тумбочку, поджимая губы. Я так понимаю, это его «месть» за мою маленькую ложь насчет Искандера. Кровь приливает к щекам мгновенно и обжигает изнутри, когда снова перевожу взгляд то на выжидающего моих действий Джамалю, то на содержимое верхнего ящика: прямо на меня смотрит открытая коробка, на бархатном дне которой лежит копия моего «резинового друга», и ещё одна новая секс игрушка, которую я никогда не использовала раньше. Судя по поблескивающему камню, припечатанному к основанию прибора, и его каплеобразной форме, это та самая вещица, которую вставляют между ягодиц. Мать его, он просто невыносим. Это «пробка» для подготовки к анальному сексу. Вновь бросаю тревожный взгляд на Джамалю, выражение лица которого не оставляет мне ни единого шанса на то, что мне удастся защитить свои сексуальные границы.

— Я сказала «нет», Джамаль, — твердым тоном озвучиваю свою позицию я.

— А я сказал «да», Эйнин. Запомни, детка. В нашей семье последнее слово за мужем, — горячо шепчет он, положив ладони на мои плечи. Встает сзади чертовски близко, но так, чтобы не соприкоснуться со мной. Хотя в его положении это проблематично. Сам ведь мучается, я знаю и чувствую его бешеную сексуальную энергетику и жар, источаемый напряженным до предела телом.

— За что ты так со мной, — хнычу я, у меня не остается слов, даже возбуждение немного отступает от того, что я жутко нервничаю и боюсь предстоящей боли.

— Ты же у меня не скромная девочка, Эйнин. Откройся мне... *езде*, — недвусмысленно требует Джамаль, раздвигая ладонями мои ягодицы, пожимая и разогревая их в своих сильных ладонях, вновь заставляя меня жадно хватать ртом плотки воздуха, в котором отчетливо ощущаются ароматы секса.

— Джамаль, я... не могу, и все. Это личное. И у меня низкий болевой порог, — я сама не знаю, что именно меня смущает. Внутреннего запрета нет, просто страшно приоткрыть ему завесу столь интимного момента, да и банальное желание поупрямиться как обычно берет свое. Я люблю, когда он все равно берет от меня то, что ему необходимо. Нет ничего сексуальнее в мужчине, как умение «брать», и я имею в виду сейчас не только женщин. Цели, мечты, личные желания, непокоренные вершины.

— Я помогу тебе, малышка. Обопрись локтями на тумбочку, отставь попку. Так, — приказывает муж, и, взмахнув волосами, я встаю так, как он просит, прогибая поясницу. — Моя красивая девочка, — его ласковый голос немного успокаивает, заставляет ощутить вибрирующее по венам тепло и ощущение полной безопасности. Напряженно сплываю, замечая, как он забирает из тумбочки пробку, и вздрагиваю с новой силой, ощущая, как он ласкает ее наконечником мою поясницу.

— Обещаю, тебе не будет больно, Эйнин, — предупреждает Джамаль, и влажными пальцами начинает ласкать интимное место между моих ягодиц, безболезненно и аккуратно вводя их внутрь. — Черт, детка.

— Нет, Джамаль. Нет, ну пожалуйста, нет. — вновь протестую я, вымученно извиваясь, прижимаясь сосками к прохладной тумбочке. — Ох, черт, нет, да, — выдыхаю в конце, когда он еще шире раздвигает мои бедра и медленно вставляет игрушку в тугое колечко сжатых мышц. Это не больно, он был прав. Или я достаточно возбуждена и хорошо разогрета для таких безумных экспериментов. Но воздух все равно резко покидает мои легкие, когда по телу плывет острая покалывающая и обволакивающая вены волна, заставляя привыкать к новым ощущениям. Это сильно, трудно передать словами. Пробирает от кончиков пальцев ног до корней волос. И ощущение полной власти Джамала надо мной туманит разум.

— Ты чертовски горячо выглядишь, Эйнин. Тебе же нравится? Хочешь, я заменю игрушку на свой член? — его теплое дыхание у моей шеи порождает неистовый табун мурашек в области затылка и ключиц, заставляет откинуть назад голову и максимально прогнуться под прицелом его пристального взгляда. Нет ничего лучше, чем ощущать, как твой мужчина любит тебя, как он безрассудно хочет тебя, как с любопытством разглядывает твоё тело со скрупулёзностью ювелира каждый раз, когда видит тебя обнаженной; изучает, будто впервые. Джамаль заражает, заряжает меня совместным и терпким безумием; я млею от одной мысли, что он восхищается мной, и истекаю желанием и нежностью, когда говорит мне об этом вслух.

— Черт, больше не могу просто смотреть, Эйнин. Это больно, моя маленькая кхара, — с утробным рыком сдается Джамаль, и я ощущаю, как его теплые ладони накрывают мои соски, превратившиеся в крошечные чувствительные узелки от соприкосновения с прохладной тумбочкой. Одновременно согревая и растирая их грубыми пальцами, горячим членом Джамаль упирается в мою поясницу. Он тяжело дышит в губы, властным движением ладони обхватывая меня за подбородок и шею, разворачивая мое лицо к себе. Обменявшись с ним томным взглядом, вбираю его язык влажными губами, одновременно протягиваю одну руку назад и нежно обхватывая каменную плоть Джамала, плотнее прижимая к своим бедрам.

— Я избавлю тебя от боли, Асад, — чарующим тоном обещаю я, нарываясь на его одобрителное горловое низкое рычание, и в необходимом ему темпе стимулирую его член. Сначала я хочу быстро подвести его к кульминации, но, ощутив знакомую мне пульсацию,

завожу ладонь чуть дальше, и нежно тяну его отяжелевшие яйца вниз, в наказание выслушивая пару ругательств на арабском сквозь стиснутые зубы. — Всё такие же стальные? — выдыхаю у его губ и игриво улыбаюсь, вновь возвращаясь ко всей длине его плоти. На его рваные рыки я отвечаю протяжным стоном удовольствия и плавно вращаю бедрами, когда горячее семя Джамала покрывает мою поясницу и бедра.

Из моей груди вырывается нервный смешок, как только наши губы перестают сплетаться в ленивых и нежных поцелуях, чередующихся с дикими показываниями.

— Ты, что, смеешься, детка?

— Просто вспомнила наши игры с кистью в мастерской и твои... штаны, — припоминаю я, замечая, как брови Джамала стремительно сдвигаются к переносице, а скулы мгновенно заостряются.

— Хватит разговоров, Эйнин. Я все ещё хочу посмотреть твоё интимное шоу, — напоминает муж, заставляя мой пульс в разы участиться.

— И многих ты просил о подобном? Играл в такие игры со своими многочисленными моделями? — по-прежнему испытывая боль от незаконченного акта, я беру с бархатного дна ствол, сделанный из материала, имитирующего реальную кожу. На ощупь «друг» хорош, но не сравнить с «оригиналом». Хотя. шучу, разумеется, не сравнить.

— Ещё одно слово о других, и я забуду о церемониях, Эйнин. Как ты не понимаешь? Достала. *Я не помню других лиц и имен, все затмило твоё*, — обхватывает мое лицо ладонями, на выдохе произнося сокровенное признание. Его голос практически дрожит, вибрирует. — Я всегда видел тебя, моя девочка. Ты украла мое сердце, как только впервые вошла в мечеть и взглянула на меня сквозь прорезь в никабе. Всего одно мгновение потребовалось, Эйнин. Теперь ты понимаешь? — он порывисто прижимается к моей груди, вновь опаяя кожу горячими поцелуями собственника. — А теперь приступай. Сделай приятное своему мужу, Медина, — переходит на приказной тон, оглушая меня подобными переменами в своём настроении. И не отстанет ведь, не отвяжется муж-извращенец, пока все не увидит собственными глазами.

— Такое ты не забудешь, Джамаль, — наконец решаюсь на отчаянный шаг и, поглаживая в ладонях впечатляющую «игрушку»,

плывущей походкой направляюсь к барной стойке, предварительно толкнув мужа на кровать, что сразу разлегся там как царь, требующий неординарного горячего зрелища.

— Хочу видеть всё, — заявляет он. — Как ты начинала? Расплываясь в лукавой улыбке, я крепко прижимаю резиновую присоску «подарка» к столешнице, с интересом наблюдая за реакциями Джамалая на каждое мое движение: его член начинает снова твердеть, как только я откидываю назад волосы, открывая его взору грудь, почти соприкасающуюся с игрушкой.

— А как ты думаешь? Ты же уже знаешь ответ, — после этих слов я вылизываю основание инструмента и обвожу языком имитацию вен, медленно поднимаясь вверх, пока не вбираю в рот подарок Джамалая на всю длину, одновременно широко расставляя ноги, чтобы похлопать кончиками пальцев дрожащий от неудовлетворенности клитор. — Я представляла, что ты рядом, — шепчу я, когда слышу шаги приближающегося ко мне Джейдана, что очевидно решил занять первые ряды в моем провокационном шоу. — Я так хотела ощутить аромат твоей кожи, запах твой и вкус... на языке. И здесь тоже, — ввожу в себя пальцы, едва ли не падая, когда сокрушительная волна наслаждения пронзает тело, но ускользает от меня, как только я перестаю стимулировать набухшую точку внутри.

— Продолжай, малышка. С ума сводишь. Ты самая горячая и страстная женщина во Вселенной, — выдыхает Джамаль где-то совсем близко, но я не могу набраться смелости посмотреть на него. Все-таки я не должна его видеть, а делать все так, будто нахожусь наедине с собой.

— Мне нравится делать это с тобой, Джамаль. Всегда, — признаюсь я, имея в виду минет. — Я чувствую, как тебе приятно, как ты набухаешь в моем рту, и меня возбуждает, когда я чувствую себя так, словцо я — единственный источник твоего наслаждения... — кровь отхлынула от моего лица, но я все-таки нашла в себе силы перейти на подобные откровения, которые Джейдан вознаграждает одобрительным утробным стоном.

— Чертовски точно сказано, детка. Ты — источник, из которого мне никогда не напиться. — нервно хихикаю в ответ, ощущая, что он уже очень близко, я ощущаю его жар, проникающий в меня через поры. — Что ты вытворяла с ним, но еще не пробовала со мной?

— Потом я делала так, представляя, что стою перед тобой на коленях, — чувственно отвечаю я, зажимая игрушку между грудями, и очень нежно прикасаюсь языком к ненастоящей головке.

— Мать твою, я сейчас умру, Эйнин...

— Не умирай. Еще рано. Ты мне ещё понадобишься, — успеваю шутить я, срываясь на чувственный стон.

— Я сомневаюсь. Вы и без меня неплохо справляетесь, — хрипло замечает Джамаль, но я уже не слышу его и не смотрю в его сторону, когда быстро забираюсь на барную стойку и опускаюсь на твердый инструмент, хныкая от незнакомой мне боли. черт, я и забыла, что во мне сейчас слишком тесно из-за этой пробки, что он мне вставил. Черт, черт, черт. — Да, так, Джамаль... так я тебя трахала в своих фантазиях, мечтая, как воплещу задуманное в жизнь. Так хотела тебя рядом, — резко откидываю голову назад, сжимая в ладонях грудь, в безумном ритме вращая бедрами, прекрасно зная, что именно сейчас он пялится то на мою задницу, то на подпрыгивающие от прыжков на барной стойке соски. — Иди ко мне, мой Асад. Ты нужен мне. настоящий, Джамаль. Мой муж.

Разум затягивает сладким туманом, а тело настолько пронизывает нитями удовольствия, что я фактически не чувствую, как Джейдан аккуратно поднимает меня с его полезного «подарка». Я вскрикиваю, вновь ощущая неприятную пустоту, которую он быстро, в один толчок, наполняет своим стоящим колом членом, распяв мои запястья, приколотив их своей железной хваткой к барной стойке. Я кричу, когда он долбит в меня с дикой силой и влажными хлопающими звуками ударов наших тел, что возбуждает меня ещё сильнее, заставляя огненной спирали внизу живота превращаться в вихрь наслаждения, который скоро взорвется и ничего, нахрен, от нас прежних не оставит. Да, настолько это сладко.

— Да, Джамаль. еще, Джамаль. Еще, еще, дай мне ещё,

— бессвязно шепчу я, находясь за гранью сознательного, извиваясь рваными струнами на чертовой барной стойке, на которой он трахает меня и порывисто стонет от боли и наслаждения в мой приоткрытый рот:

— Черт, с этой пробкой ты просто адски тесная, Эйнин, — рычит Джамаль, толкаясь между губ двумя пальцами, с которыми я

повторяю парочку своих любимых приемов, доводя его до белого каления и утробных стонов. В жизни не слышала ничего сексуальнее.

— Только не останавливайся, еще. Еще немного, Асад, быстрее. ах, да, — требую я, сжимая ладони в мощные кулаки, но, как назло, Джейдан замирает, намеренно медленно размазывая пальцем влагу по моему клитору.

— Поехали, малышка, — выдыхает он, резко покидая меня, закидывая ноги на плечи, вновь наполняет меня, поморщившись так, словно ему больно. — Бл*дь, невыносимо.

Мы приходим к финишу вместе, точнее я на секунду раньше. Царапая коготками поверхность столешницы, я, задыхаясь, протяжно кричу на высоких тонах, ощущая, как сжимаю его член в такие тугие тиски, словно хочу навсегда удержать в себе и никому, мать его, не отдавать больше. Эти ощущения другие, словно удовольствие наполняет меня из двух точек, взрывающихся и пульсирующих куда больше, чем обычно, выбивающим из меня дух многократным каскадом, на который Джамаль реагирует мгновенно, и, захватив в плен мои губы, он впивается в свои, толкаясь отчаянно, рвано, выстреливая в меня с каждым финальным ударом. Это, наверное, неправильно — трахаться с ним без презерватива. Мы оба знаем, чем это чревато. Но, черт возьми, я бы хотела от него детей и, конечно, мне безумно нравится ощущать его кожа к коже...

На какое-то время комната Джамала погружается в оглушительную тишину. Мои пальцы лениво скользят в его волосах, он все еще внутри и тяжело дышит, прижавшись к моей груди. Я сама не понимаю, в какой момент мои губы начинают дрожать, а с щек так и хочется смахнуть пару слезинок.

— Джамаль. — жалобно всхлипываю я, позвав его.

— Тсс, детка. Ты чего? — он поднимает на меня обеспокоенный взгляд, обхватывая лицо ладонями.

— Джамаль, я правда не смогу жить без тебя. Я так боюсь за тебя, — мной овладевает необъяснимая тревога, связанная с ситуацией, в которой находится истинный наследник Анмара. Боже, как хорошо, что мы вместе, и не растратили эту ночь на глупые обиды и проявление гордости и демонстрации своей холодности. Как хорошо, что могу ощущать его всем телом, чувствовать, как гулко бьется сердце Джамала на уровне моего живота. Сердце сжимается

словно от удара, не могу на него наглядеться, и жаль, что не могу прижать к себе ещё крепче...

— Пожалуйста, обещай, что никогда не покинешь меня. Обещай, что ты справишься с ними. Я верю в тебя и так сильно люблю тебя, — снова признаюсь я, пока он, смахивая пальцами мои слезы, покрывает скулы нежными поцелуями.

— Эйнин, тебе не о чем беспокоиться. Все хорошо, девочка, — сквозь призму усталости и рассеивающий туман совместно пережитой эйфории улавливаю я. — До утра ты точно от меня не избавишься, — добавляет Джамаль с хитрой улыбкой.

— Ты же не собираешься.

— Еще как собираюсь, — многозначительно заверяет меня он. — У нас осталось одно незаконченное дело. Хотя нет, как минимум три.

— Три? — ошалело смотрю в расширяющиеся зрачки.

— Больше, боюсь, ты не выдержишь, — смеется он, привлекая меня ближе к себе и захватывая своими бесстыжими ладонями мои ягодицы. — Привыкай к новым обязанностям, Эйнин.

ГЛАВА 14

«— Вы красивые, но пустые, — продолжал Маленький принц. — Ради вас не захочется умереть.»

Антуан де Сент-Экзюпери «Маленький принц»

Джамаль

Как минимум три Эйнин выдержала. И даже осилила четвертый, самый длительный и выматывающий раунд, после которого вырубилась мгновенно, прямо подо мной —взмокшая, охрипшая, вымотанная, но довольная. По крайней мере, мне хочется верить, что моя жена осталась довольна своей первой брачной ночью. Не могу быть в этом до конца уверен, так как даже во время оглушительных сокрушающих оргазмов, которые мы пережили вместе, я со свойственной мне наблюдательностью замечал в глубине затуманенных удовольствием глаз отголоски горечи и невысказанной потаенной боли.

Я пытался развеять ее сомнения и печали, можно сказать, выбился из сил, хотя... Сил и энергии во мне прибавлялось с каждым новым стоном, который срывался с полных чувственных губ Эйнин. Она пробуждает во мне так много всего, иногда эти чувства пугают меня, порой злят, в отдельные минуты хочется избавиться от них, что невозможно в силу одной неоспоримой истины.

Эйнин создана для меня. День, когда придет насыщение, никогда не настанет.

Мы идеально подходим друг другу, и даже ее стервозный характер в глубине души мне чертовски нравится. Ни одна женщина не бесила и не вызывала во мне столько ярости; ни одна не дарила столько наслаждения телу и нежности — сердцу. Я одержимо безоговорочно люблю ее, но это вовсе не значит, что ей будет легко и комфортно

рядом со мной. Приятно — да, безопасно — да, но в остальном... в остальном нас ждут изнуряющие сражения и выматывающие столкновения. Я не против, если заканчиваться они будут так же, как этой ночью. Обжигающей, незабываемой, разнузданной ночью, которая закончилась слишком быстро.

Рассвет начался задолго до того, как мы закончили испытывать друг друга на выносливость. Я с удовольствием бы продолжил. Мне ее всегда мало. Эйнин, Эрика, Медина — воплощенная фантазия, дикая пантера и потерянная девочка, которая отчаянно пытается найти в этом жестоком мире саму себя, обрести то, что отобрали силой. *Все ее дороги ведут ко мне, а мои к ней*, а это неизменная неоспоримая константа, не требующая больше никаких доказательств. *Эйнин там, где и должна быть*. Солнечные лучи неспешно ползут по подушке, подкрадываются к ее лицу, подсвечивая бархатистую кожу розоватым сиянием. Мне нравится смотреть, как она спит; моя неугомонная, восхитительно-страстная девочка.

Дом безмолвствует. Утреннюю тишину нарушает только шум включившегося кондиционера и ровного дыхания Эйнин, пульсация крови в моих висках, гулкое биение сердца в груди. Я безумно хочу задержать время. Остановить, замедлить, обмануть законы Вселенной, избавиться от нарастающего чувства тревоги и страха. Не за себя. Я вообще не знал, что такое страх, пока Эйнин снова не вошла в мою жизнь и не расшатала ее до основания. Но я не жалею. Она делает меня живым, настоящим, наполненным и одержимым.

Как бы ни было приятно лежать рядом, всматриваясь в расслабленные черты лица, наслаждаясь теплом нежного тела, у суровой реальности на меня совершенно иные планы, и она врывается в спальню глухой навязчивой вибрацией мобильного телефона. Нехотя отрываюсь от Эрики и тянусь к источнику шума. Разблокировав гаджет, открываю сообщение от неизвестного абонента и автоматически удаляю, отпечатав содержание в памяти. Кислород мгновенно покидает легкие, когда до меня доходит смысл короткого послания.

«План Б. Операция «Призрак». Старт в 11.00.» Сердце на пару секунд застывает, горло схватывает стальной петлей. Черт, черт. Я готовился к «плану А», я почти был уверен, что не возникнет необходимости прибегать ко второму, хотя, разумеется, есть и третий.

Мне известны инструкции к каждому, но, черт... Взглянув на часы, молниеносно вскакиваю с кровати, направляюсь в душ. Два часа в запасе. Всего два, учитывая, что меня только что уведомили о кардинальном изменении операции. Вероятные причины мне известны. Утечка информации, либо вмешательство иностранных разведывательных служб.

Пара минут под ледяными струями воды только частично избавляет от последствий бурной бессонной ночи. Сейчас мне необходимо сконцентрироваться на предстоящей операции. Задача требует максимальной собранности и аналитического четкого мышления. Иногда одних инструкций, какими бы продуманными и взвешенными они ни были — недостаточно. Я не имею права на ошибку. Не в этот раз.

— Эйнин, вставай, — присев на край кровати, откидываю одеяло в сторону и, не дождавшись пробуждения Эрики, подхватываю ее на руки и направляюсь в ванную.

— Джамаль? Что. Ай, — сонно хлопая ресницами, она громко вскрикивает, когда на нее обрушивается прохладная струя воды.

— У тебя три минуты. Жду в спальне, — твердым приказным тоном сообщаю я и, закрыв створку душевой кабинки, выхожу из ванной. Пока Эйнин приводит себя в порядок, я прошу Зару принести нам легкий завтрак. Натянув домашние брюки и футболку, ненадолго выхожу из комнаты, чтобы кое-что забрать в кабинете и сделать несколько звонков, используя закрытую индивидуальную линию связи. Напряжение только усиливается, когда я получаю дополнительные уточненные сведения.

Сработал наихудший вариант из всех возможных. Но времени сокрушаться и искать виноватых у меня нет. Действовать по обстоятельствам, просчитывать возможные варианты отступления, анализировать и использовать ситуацию согласно имеющимся инструкциям, минимизировать риски — вот основные рычаги и правила выживания в любой спецоперации. Холодный ум, логика, стратегический расчет. Ничего нового, я участвовал в более опасных заварушках. Хотя кого я обманываю... Уровень ответственности и опасности зашкаливает и в разы превышает все задачи, которые мне приходилось выполнять, находясь на службе Анмарской разведывательной службы.

Я забираю из сейфа, который Эйнин не удалось обнаружить при импровизированном обыске, ее телефон, когда в кабинет без стука заходит Аида. Она никогда не позволяла себе подобного. Вскинув голову, я вопросительно смотрю в неестественно застывшее лицо. Она выглядит не выспавшейся и бледной, волосы в беспорядке. Стальной взгляд впивается в меня с нечитаемым выражением.

— Ида, мне сейчас совершенно некогда. Ты что-то хотела? — нетерпеливо спрашиваю я, убирая телефон Эрики в карман брюк.

— Я так понимаю, что в ближайшем будущем у тебя теперь не будет времени ни на меня, ни на Лейлу, — она нервно проводит дрожащими пальцами по спутанным волосам. Шайтан бы побрал этих ревнивых женщин. У меня нет времени выслушивать их претензии.

— Не нужно усложнять и надумывать, Ида. Я женился на Медине, но не развелся с вами и по-прежнему буду заботиться и содержать вас, — терпеливо произношу я, надеясь, что мои слова успокоят ее, но не тут-то было.

— Она нас не уважает, считает пустым местом, и ты поощряешь ее в этом, — повышая голос, заявляет Ида. — Вчера после заключения брака твоя третья жена даже не удосужилась спуститься к нам. Мы для нее не существуем, и для тебя тоже.

— Что ты такое говоришь? — раздражаюсь я. — Это Лейла...

— Лейла ни при чем, — не дает мне договорить Аида. — Она не спала две ночи, как и я.

— Мне очень жаль.

— Ты превратил этот дом в бордель, — снова обрывает меня на полуслове.

— Аида, не испытывай мое терпение, — рявкаю я, окидывая осмелевшую жену испепеляющим взглядом.

— Полгода ты не прикасался ни к одной из нас, но заставил слушать, как эта американская шармута вопит от удовольствия в твоей постели, — бросает мне в лицо Ида, кривя губы в злобной усмешке. Черт, оказывается в самой примерной и покорной жене скрывается стерва.

— Я предупреждал, что не потерплю оскорблений в адрес Медины. Еще раз позволишь подобное, и я приму кардинальные меры, — ледяным угрожающим голосом говорю я, направляясь к

выходу, но Аида преграждает мне путь, захлопывая за собой дверь и опираясь на нее спиной.

— Разведешься со мной? Из-за нее? — вызывающе спрашивает она, бесстрашно глядя мне в глаза. У меня совершенно нет времени выяснять, что за Шайтан в нее вселился.

— Отойди. Поговорим в другой раз, — жестким приказным тоном бросаю я.

— Стала неугодной? — прищутив серые глаза, срывающимся от ярости голосом продолжает Аида. — Недостаточно удовлетворяла тебя? Что она такого умеет, чего не могу сделать я? Я выполняла все твои желания, Джамаль. Даже те, от которых Лейла пришла бы в ужас. Если ты хочешь чего-то еще, то я...

— Ида, — рычу я, хватая девушку за плечи. — Успокойся. Скоро Медина покинет этот дом, и вы с Лейлой успокоитесь.

— Ты будешь жить с ней?

— Да, — без раздумий сообщаю я.

— А мы? — в стальных глазах мелькает шок и изумление.

— А вас я буду навещать, — быстро отвечаю я. Если бы Эйнин была здесь, то мне пришлось бы иметь дело с двумя разгневанными фуриями.

— Почему? Что мы сделали не так? — отчаянно восклицает Аида. Я отпускаю ее, сделав шаг назад.

— Я скажу один раз и больше не буду возвращаться к этой теме. Хочешь правду? — пристально смотрю в горящие яростью глаза. Она быстро и необдуманно соглашается.

— Да.

— Я знаю Медину очень давно, да, но мы не виделись много лет по не зависящим от нас причинам, — начинаю я, замечая, как расширяются зрачки Аиды. Изумление, шок, обида, жгучая ревность. Я вижу все, что она сейчас чувствует. — Я пытался найти ее, но безуспешно, и решил, что она погибла. Случай свел нас снова в Нью-Йорке, теперь она моя жена.

— Как давно ты ее знаешь? — едва дыша, сиплым голосом спрашивает Ида.

— Я люблю Медину с тех пор, как мне исполнилось тринадцать, — честно отвечаю я, понимая, какую боль может причинить моя искренность Аиде.

— Если бы ты знал, что она жива...

— То нашел бы ее раньше.

— Я спрашиваю о другом, — в ее глазах мелькают всполохи гнева. — Ты бы не женился на Лейле. на мне?

— Нет, — отрицательно качаю головой. — Я обещал сказать правду. Прости, Ида. Ни вы, ни я не виноваты. Вам не за что ненавидеть Медину. Мы все заложники обстоятельств. А сейчас отойди. Я не хочу применять силу.

Раздраженный и злой из-за устроенной Аидой истерики я возвращаюсь в спальню не в лучшем расположении духа. Хлопнув дверью, захожу внутрь и застаю закутанную в мой банный халат Эйнин. Забравшись на стул перед столешницей, на которой ночью скакала на моем нестандартном подарке, она жадно и с удовольствием поглощает завтрак. В одиночку. Вздвогнув от резкого хлопка, Эйнин поднимает на меня встревоженный взгляд, в котором читается искреннее беспокойство, и я мгновенно забываю о разговоре с Идой. Мы разберемся с возникшими разногласиями, когда я вернусь после завершения первоочередной миссии.

— Что-то случилось? — вытирая губы салфеткой, спрашивает Эйнин. Ни слова не говоря, я быстро подхожу к барной стойке и встаю напротив, не сводя с настороженного лица цепкого пристального взгляда. Несколько бесконечных секунд она смотрит на мои губы и снова в глаза, ее щеки заметно розовеют от смущения. Шайтан, я знаю, о чем Эйнин сейчас думает, что именно вспоминает. Меня мгновенно охватывает дикий голод, никак не связанный с едой, оставшейся на подносе. Перегнувшись через столешницу, я запускаю пальцы во влажные после душа волосы Эйнин и, удерживая ее затылок, накрываю нежные губы жестким требовательным поцелуем, мой язык алчно и неистово атакует податливый рот, впитывая вкус кофе и меда. Жар стремительно разливается по венам, концентрируюсь в паху, охватывает поясницу нарастающим напряжением.

— Хочу тебя, сладкая, — отрываясь от теплых губ, сталкиваю нас лбами, пытаюсь отдышаться и вернуть чертов контроль над разгулявшимися инстинктами.

— Я тоже, но это плохая идея. У меня болит... Во всех местах, — тихо выдыхает Эйнин, мягко отстраняясь. Поморщившись, она ерзает на своем стуле, мучительно краснея. Я ухмыляюсь, поддевая пальцами ее подбородок и заглядывая в потемневшие глаза.

— Брачная ночь удалась, Медина? — вздернув бровь, провокационно спрашиваю я, лаская ее высокие скулы. — Или тебе есть на что жаловаться?

— Только на чрезмерные аппетиты мужа, — смущенно улыбается Эйнин. Мне кажется, или в ее словах нет ни капли сожаления или возмущения? С невероятными усилиями возвращаю свои мысли в другое русло, несмотря на бурные протесты возбужденного тела.

— Нам нужно поговорить, Медина, — серьезным тоном произношу я. Отпустив ее подбородок, достаю из кармана телефон и кладу между нами. Глаза Эйнин расширяются от удивления и неприкрытой тревоги.

— Что это? — севшим голосом спрашивает она, хотя, разумеется, узнала изъятый несколько дней назад гаджет.

— Ты должна связаться со своим руководством, Эрика, — решительно говорю я. Она изумленно приподнимает брови, ошарашено глядя мне в лицо. — И сообщишь все, что тебе удалось узнать.

— О чем? — шепотом отзывается Эйнин.

— Обо всем, — коротко отвечаю я, наблюдая, как стремительно бледнеет ее лицо. Она неуверенно берет свой телефон, сжимая его в ладони, — Мое происхождение, планы Дамира аль-Видада, участие во всем этом полковника Кадера и закрытое экстренное собрание, где кабинету министров и шейхам, возглавляющим провинции Анмара, будет озвучено имя нового приемника короля. Время начала совещания — три часа дня, — взглянув на наручные часы, добавляю напряженным тоном: — Через полтора часа за мной приедет кортеж Дамира Видада и в сопровождении Кадера и охранной группы АРС доставит к зданию правительства. Об этом ты тоже должна сообщить своим. Прямо сейчас, Рика.

— Ты говорил, что по всему периметру действует глушитель сигнала, — растерянно напоминает она, нервно сплывает и шумно втягивает воздух.

— Поэтому мы сейчас спустимся в сад и пойдем туда, где он не работает, — обхожу барную стойку и, взяв за руку, стаскиваю со стула и решительно веду за собой. Растерянная и ошеломлённая Эйнин не сопротивляется. Мы выходим из спальни и направляемся к запасному выходу, ведущему на задний двор. Она едва поспевает за мной, путаясь в объёмном и слишком длинном халате. На последнем лестничном пролёте Эрика внезапно останавливается, дергает меня за руку, разворачивая к себе.

— Зачем? — требовательно спрашивает она, пытливо глядя мне в глаза.

— Я не прошу тебя лгать, Рика, — сухо отвечаю я. — Сообщишь, что все выше озвученные факты получила путем слежки за мной. О том, что мы женаты, говорить не стоит. Если скажешь, тебе не поверят. Я удерживаю тебя силой, телефон ты нашла в моем кабинете во время обыска. Уверенный, что ты никуда не денешься и находишься полностью в моей власти, я был не особо осторожен, чем ты и воспользовалась для выполнения своего задания.

— Ты самоубийца, Джамаль? — справившись с первоначальным потрясением, яростно шипит Эрика. — Они уничтожат тебя.

— Не успеют. — уверенно заявляю я. — Слишком мало времени на подготовку.

— Ты не знаешь, сколько агентов сейчас находится в Асаде? И я тоже не знаю, — поспешно добавляет она, заметив мой цепкий взгляд на своем лице. — Нельзя недооценивать ЦРУ. У них уже есть договорённость с Искандером. Им не нужен новый наследник... Я не буду этого делать, — упрямо обхватив себя руками, подводит итог Эйнин.

— Ты сделаешь это! — с нажимом заявляю я.

— Скажи, зачем? — толкнув меня ладонями в грудь, восклицает Эйнин. — Какая цель? Это даже звучит безумно!

— Доверься мне, малышка, — перехватываю её запястья и нежно сжимаю.

— Нет. Не в этот раз, — потрянув головой, стоит на своем Эйнин.

— Ты должна слушаться мужа, — напоминаю я с легкой улыбкой. Меня трогает ее страх за меня, искренний и настоящий. — Моя Медина испугалась? Разве я хоть раз подвел тебя?

— Однажды ты уже был ранен у меня на глазах. Второго я не хочу. — Она судорожно вздыхает и, вздернув свои руки, отворачивается, чтобы скрыть набежавшие на глаза слезы. Я мягко сжимаю ее дрожащие плечи, привлекая к себе.

— Сделай это для меня, Эйнин, — заключая жену в объятия, убеждаю я тихим ласковым голосом. — Без вопросов и сомнений. Ты говорила, что веришь в меня. Докажи.

— Это нечестно, — она качает головой, вздрагивает всем телом, я обнимаю ее крепче.

— Я люблю тебя, Эйнин. Не нужно бояться, — нежно говорю я, и она начинает дрожать с новой силой.

— Я тоже тебя люблю. Именно поэтому не могу, — сдавленно отвечает Эрика. — Не проси, Джамаль.

— *Я вернусь. Я обещаю,* — шепчу хрипло, зарываясь лицом в ее волосы. — А потом мы полетим вместе на твой сказочный остров, где будем только вдвоем целый месяц или даже два.

— Ты специально это говоришь... — горько вздыхает Рика. Я осторожно разворачиваю ее к себе, обнимаю, поглаживая ладонями напряжённую спину.

— Помнишь, ты сказала, что никогда бы не приехала ко мне, если бы не задание? — спрашиваю я, глядя в блестящие испуганные глаза.

— Сейчас я не на задании. Я твоя жена. Третья, мать твою, — неожиданно раздражается Эрика.

— Не ругайся, малышка, — я целую ее в макушку, с наслаждением вдыхая аромат ее волос. — Ты бы приехала, Эйнин. И недели бы не прошло.

— Нет.

— Да. Просто поверь мне на слово, — уверенно улыбаюсь я. — Пойдем, — властно беру ее ладонь, переплетая наши пальцы. — Ты должна верить мне. На кону жизни сотен и тысяч детей и женщин и их свобода. Ты ещё помнишь об этом?

— Как я могу забыть? — Эрика с возмущением вырывается, но я снова ловлю ее, обнимая за плечи.

— Я нашел Эмилию, — говорю я тихо, решив использовать последний сокрушающий аргумент.

— Что? — она замирает, резко остановившись, и, вскинув голову, ошеломленно смотрит мне в глаза. — Как?

— Я расскажу после того, как ты выполнишь мою просьбу, — взяв Рику за локоть, быстрой походкой веду ее к дальней беседке, скрывающейся за раскидистыми пальмами. Когда мы заходим внутрь, она поднимает на меня нерешительный взгляд, открывая рот, чтобы снова озвучить свои сомнения.

— Никаких вопросов, Эйнин, — опережаю я. — Даю слово, что мои действия не нанесут вреда невинным людям.

— А тебе? — едва слышно спрашивает она.

— И мне тоже, — удерживая ее взгляд, твердо киваю я. Рика задерживает дыхание, какое-то время напряженно всматриваясь в черты моего лица, словно пытаюсь найти там подтверждение своим страхам. — Звони, — уверенно киваю я. Не разрывая зрительного контакта с закипающими в глазах слезами, Эрика нажатием пальца снимает блокировку с телефона и набирает номер...

У нее не было ни одного шанса послушаться меня. Я бы все равно заставил Эйнин выполнить мою просьбу, какой бы дикой и нелогичной она ей ни казалась. Эрика молчит и кусает губы, пока мы возвращаемся обратно в дом.

— Я не уверена, что мне поверили, — роняет она отстраненным тоном, когда мы поднимаемся на крыльцо.

— Это неважно. Информацию проверить они обязаны, — распахиваю перед Эрикой дверь. Она окидывает меня хмурым долгим взглядом, прежде чем войти. Она имеет право злиться. То, что я не открываю ей мотивов своих действий, наталкивает Эйнин на неверные мысли. Мое молчание — не вопрос доверия. Я не имею права разглашать секретную информацию высшего уровня. Слишком велик риск. Для нее.

— Расскажи мне про Эмилию, — требует Рика, как только мы снова оказываемся в спальне. Я захожу за барную стойку и беру с подноса свой остывший кофе, делаю большой плоток, опираясь локтем на столешницу.

— Я видел, как купили Эмилию во время аукциона.

— Ты говорил, — кивает Эйнин, направляясь к окну и, распахнув его, вдыхает полной грудью ароматы, доносящиеся из сада.

— И я видел, кто ее купил, — сухо добавляю я. Эрика оборачивается и вопросительно смотрит на меня. — Возможно, ты не

помнишь, но среди террористов, ворвавшихся в мечеть, была женщина.

— Женщина? — переспрашивает Эрика, не скрывая своего потрясения. Ее глаза заволкло едким туманом тяжелых воспоминаний. — Все происходило, как в кошмарном сне. Взрыв, потом выстрелы, запах гари, крики, паника, детский плач, агония раненых. Я не понимала, что происходит, впала в шоковое состояние, а потом появился ты... — ее голос срывается, нервным жестом проводит по волосам и продолжает, немного заикаясь: — И в... вытащил меня оттуда, приказал бежать, а сам пошел обратно. В тот ад. Я... я ждала тебя. Д-д...олго, пока из лаза не начал вырываться огонь.

— Когда я вернулся, то почти все уже были мертвы, Эйнин, — хрипло произношу я. — Кроме повстанцев, которые отстреливали тех, кто еще двигался. И тогда я увидел женщину, с непокрытой головой и светлыми глазами. Она безжалостно убила слепого мальчишку муэдзина, а меня вырубил ударом приклада автомата. Я был единственным выжившим в Аззаме. Повстанцы забрали меня с собой. Военные Анмара настигли их только через несколько дней. Тогда я впервые увидел Кадера, считал его спасителем, видел в нем героя, — криво ухмыляюсь, опуская взгляд на свои побелевшие пальцы, сжимающие кружку. — Позже меня убедили в том, что все террористы, участвующие в нападении на Аззам, были ликвидированы. Причин сомневаться на тот момент у меня не было. Они появились гораздо позже. Но сейчас речь о другом. На аукционе в Шатрах Махруса мне показалось, что женщина, которая выкупила Эмили, очень сильно похожа на суку, которая стреляла в мечети по детям. Прошло много лет, я решил, что ошибся. Теперь я уверен в том, что это была она, — делаю ещё один плоток кофе, чтобы запить горечь, скопившуюся в горле.

— Почему... почему ты уверен? — дрогнувшим голосом спрашивает Эйнин.

— Я увидел Эмилию из окна кабинета главы Правительства, Эйнин, — резко произношу я. — В его резиденции. Она стояла в саду среди других маленьких девочек, а этот ублюдок рассуждал о том, что идеальных любовниц нужно воспитывать с детства. Он предложил мне выбрать любую. И я указал на Эмилию. — Эрика вздрагивает, ее лицо вспыхивает от боли и ярости. — Она сейчас в нашем с тобой

доме. Адела — родная мать Эмили, — Эйнин задерживает дыхание, нервно кусая костяшки пальцев. — Их разделили сразу после похищения, держали в разных лагерях, и пока я искал девочку, нашел ее мать.

— Как ты можешь сотрудничать с этими слотами? — взрывается Эйнин. — Если сука, которая убивала людей в Аззаме, работает на Дамира Видада, то это прямое доказательство его причастности к теракту. Зачем премьер-министру уничтожать Аззам? Ради того, чтобы заполучить наследника и убрать свидетелей? Сделать из благодарного за спасение мальчишки идеального солдата, обученного беспрекословно исполнять приказы, и когда наступит удобный момент, использовать козырную карту, чтобы заполучить всю власть в свои руки, — в глазах Эйнин сверкает потрясение и уверенность. — Я права, да?

— Полковник пытался убедить меня в обратном, утверждая, что мое происхождение заинтересовало АРС уже после того, как я оказался в госпитале. У меня не было доказательств причастности Кадера. Первые годы службы я даже не подозревал его. Свою роль наставника и покровителя он играл весьма реалистично.

— Как давно ты знаешь?

— Полковник озвучил мне свою фальшивую версию со случайным спасением наследника перед операцией по ликвидации Ильдара Видада. Он даже назвал имя заказчика.

— Я спросила, как давно ТЫ знаешь, что премьер-министр сотрудничает с организаторами Шатров, а Кадер прикрывает его деятельность? — повышая голос, повторяет Рика.

— Начал догадываться, когда меня отправили в Нью-Йорк следить за Ильдаром Видадом, — коротко отвечаю я, глядя в заледеневшие голубые глаза. — Когда Кадер отдал приказ на ликвидацию, я уже был уверен, что они убирают свидетеля своих преступлений.

— И ты работал на них? Несмотря на то, что понимал, чем эти скоты занимаются? — недоумевающе спрашивает Эйнин. — Или ты преследовал свои интересы? Когда ты узнал о том, что Омар Камаль не твой отец?

— В одиннадцать лет, — коротко и предельно честно отвечаю я. Эрика распахивает глаза, недоверчиво глядя на меня.

— То есть ты все это время знал, что... — она обхватывает себя руками, словно ей вдруг становится холодно. — Боже, у меня в голове не укладывается. Я не понимаю, чего ты хочешь, Джамаль. Как ты собираешься остановить советника и Кадера, если они обложили тебя со всех сторон? Скажи мне хоть что-нибудь!

Я воздерживаюсь от ответа, напряженно стиснув челюсти. И что-то в выражении моего лица дает Эрике понять, что я больше не произнесу ни слова. Не разрывая напряженного противостояния взглядов, допиваю свой кофе и, развернувшись, ставлю пустую кружку в раковину.

— Я хочу увидеть Эмилию, — резко меняя тему, ультимативным тоном заявляет Эйнин.

— Сейчас это невозможно, — оборачиваясь, невозмутимо отвечаю я. — Девочка с матерью скоро вернутся домой, но ты успеешь попрощаться.

— Нет... Нет, подожди, — сбивчиво произносит Рика, торопливо пересекает спальню и взволнованно подходит ко мне, останавливаясь на расстоянии вытянутой руки.

— Что такое? — хмуро спрашиваю я, взяв лицо Эйнин в ладони.

— Пока я жила во дворце Исканд...

— Лучше не продолжай, — ярость мгновенно вскипает в венах, стоило Эрике заикнуться о гребаном принце.

— Я работала с детьми, Джамаль, — с упреком напоминает Эрика. — Я познакомилась там с мальчиком. Его зовут Реза. Представляешь, он знает Эмилию! — эмоционально восклицает Эйнин, обхватывая мои запястья холодными пальцами. — Реза рассказал, что какое-то время его держали в одном лагере с Эмилией, и они подружились. Потом их разлучили. А он очень любит ее и скучает. У него никого нет, Джамаль. Реза сирота. Он постоянно говорит об Эмилии. Он рисует ее. Понимаешь?

— Ты провела там два дня. Когда ты успела проникнуться историей этого мальчика? — изумленно смотрю в блестящие от слез кристально-чистые голубые глаза Эйнин.

— Боже, Джамаль, нам было достаточно пяти минут в задымленном лазе, чтобы понять..

— Понять, что, Эйнин? — резко оборвав ее, требовательно спрашиваю я, не сводя с нее пронзительного взгляда.

— Что мы принадлежим друг другу, — тихо отвечает Эрика, опуская ресницы.

— По-моему, ты поняла это гораздо позже, — мрачно напоминаю я, и она тут же оспаривает, вздернув подбородок.

— Неправда. Понять и принять — не одно и то же. Резу и Эмилию нельзя разлучать. Нельзя... — повторяет громче.

— Эйнин, мы вернёмся к этому разговору позже, — я мягко провожу тыльной стороной ладони по ее щеке. — Я подумаю, что можно сделать. Договорились?

— Да, — поспешно соглашается она. — Тебе пора собираться? Я могу помочь?

— Постарайся не конфликтовать с Лейлой и Аидой, пока меня нет. И не игнорируй их. Это неправильно.

— Неправильно? А укладывать меня в постель, где годами трахал своих жен — правильно? — мгновенно вспыхивает Эйнин. — При том, что мне даже упоминать имени Искандера нельзя.

— Рика, — угрожающе рычу я. — Прояви уважение. Больше от тебя ничего не требуется.

— Если они проявят, то я тоже это сделаю, — упрямо заявляет Эрика.

— Я знаю, какой ты можешь быть сукой, Эйнин.

— Спасибо за комплимент, хабиби, — она презрительно кривит губы. Резко схватив ее за талию, я рывком сажаю Эйнин на столешницу, заглушая возмущенный вопль голодным поцелуем. Раздвинув ноги коленом, толкаюсь твёрдой эрекцией между ее бедер. Забираясь ладонями под халат, сжимаю голую задницу ладонями, углубляя поцелуй, сплетая наши языки в неистовом противостоянии. Остановиться на этот раз оказывается еще сложнее, чем полчаса назад.

— Возвращайся к себе и жди меня, Эйнин. — хрипло шепчу я, отпуская ее губы и глядя в потемневшие от желания глаза. — Будь хорошей девочкой, малышка.

— Пообещай, что с тобой ничего не случится, Джамаль, — произносит она прерывистым шепотом.

— Обещаю, Эйнин, — мягко говорю я, отступая назад и убирая руки в карманы брюк. От греха подальше. Тяжело вздохнув, Эрика

спрыгивает на пол, поправляет халат, бросая на меня несчастные взгляды.

Раскрасневшаяся, возбужденная, все ещё немного злая.

— Обожаю тебя, — поймав ее за руку, снова притягиваю к себе и, оставив на губах быстрый и горячий поцелуй, отпускаю. Но на этот раз сама Эйнин не желает отрываться от меня. Вцепившись в мою футболку, она приподнимается на носочках и нежно проводит по моим губам своими, испытывая мою выдержку на прочность.

— Я могу проводить тебя? — шепчет она.

— Нет, — решительно качаю головой, нехотя отстраняясь.

— Переоденься, отдохни. Ни о чем не думай. Ничего не бойся.

— Все под контролем? — сделав пару шагов к двери, она оборачивается, впиваясь вопрошающим тревожным взглядом в мое лицо.

— Да, — уверенно киваю я.

— Точно?

— Это допрос, жена?

— Нет, я беспокоюсь о любимом муже, — тряхнув головой, Эйнин печально улыбается и мрачно добавляет: — И, наверное, не я одна, — повернувшись ко мне спиной, она нажимает на ручку двери, собираясь уйти, и мое сердце внезапно пронзает острая боль, какое-то гнетущее тяжелое предчувствие сдавливает грудную клетку, спина покрывается холодной испариной.

— Эйнин, — хрипло окликаю я. Она поворачивает голову, взглянув на меня из-за плеча. Ее губы дрожат от бушующих внутри эмоций.

— Если возникнет нестандартная ситуация, то ты можешь доверять только одному человеку, находясь в Анмаре. Его имя Амин Башар, — произношу я и, прежде чем она начнёт задавать вопросы, продолжаю непрерываемым тоном: — И еще. У тебя действительно есть опекун. Когда я говорил, что он должен был сопроводить тебя в Анмар, я был уверен, что так и будет. Этот человек не фиктивное имя на бумажке. Ты моя жена на абсолютно законных основаниях. Я не подделал ни одного документа, Эрика. Ты моя, помни об этом. А теперь иди.

ГЛАВА 15

«Во французском языке нет фразы «я скучаю по тебе», ты говоришь «tu te manques», что переводится как «ты отсутствуешь у меня». Я люблю это «ты отсутствуешь у меня», ты как будто моя часть или орган, или кровь, текущая по моим венам. Я не могу функционировать без тебя.»

Эрика

Я твоя, конечно твоя, Джамаль.

Но сейчас эти слова служат мне довольно бесполезной таблеткой, не спасающей от ужаса и тревожных чувств, царапающих и изводящих изнутри, сжимающих грудную клетку бетонными плитами. Я чувствую себя оголенным проводком, раскаленным до максимального напряжения, в тот момент, когда с минуту скитаюсь возле двери в спальню Джамала, словно загнанная в клетку львица, не в силах безоговорочно выполнить его приказ и уйти вот так... почему сегодня? Почему сейчас? Расставаться с ним больно, невыносимо. Страшно. Словно перевязана с ним, вплотную переплетена нашими чувствами, которые мы наконец не боимся отдавать друг другу.

Почему сейчас, когда все так искренне, по-настоящему, открыто. Когда приняла его со всеми условиями и недостатками, с проклятыми женами, стала третьей из них, наплевала на все, и будь что будет. Любит меня он, всем сердцем чувствую это, поэтому и не жалею ни капли о своем решении, напрочь убившим пресловутую гордость.

Охваченная порывом неосознанного отчаяния, едва ли не с разбегу открываю дверь, которую только что закрыла, и тут же падаю в объятия своего мужа, что все это время стоял по ту сторону и будто чувствовал меня на расстоянии, знал, что я еще не ушла.

— Ты чего, моя Эйнин... — жадно вдыхая в легкие тяжелые ноты его мускусного геля для душа, я мгновенно дурею, порывисто утыкаюсь теплыми губами в изгиб шеи Джамала, обхватываю широкие плечи крепко-крепко, сама ещё не осознаю до конца, почему так страшно его отпускать.

Что, если я вижу его в последний раз? — в сознание настойчиво врзается предательский вопрос.

Господи, нет. я не имею права так думать, но после того, как я уже несколько раз почти потеряла его навсегда, после того, как видела его раненым, истекающим кровью, я не могу избавиться от самого главного моего страха — потерять Джамала, что так и норовит прорваться из губ водопадом глухих рыданий.

— Детка, ты же не прощаешься со мной? — с долей осуждения шепчет Асад, с надрывом прижимаясь губами к моему виску, и я таю, растворяюсь в нашей близости, той, что куда глубже близости, связывающей нас долгими ночами и в порывах страсти. Вдыхаю его, дышу им и не могу насытиться своим мужчиной. И отпустить не могу, но должна это сделать. Банальная интуиция подсказывает мне, что ничего сейчас не поможет изменить неведанный мне план Джамала, что даже я не в силах остановить его.

А я сбежать бы хотела с ним, просто сбежать. но остается верить в своего мужа, верить в то, что Джамаль справится с этими ублюдками, и тогда мы без оглядки и страха сможем наконец создать что-то бесценное и вечное, пусть даже на руинах этой страны, какой она была до сегодняшнего дня, который решит многое в судьбе ее жителей, в нашей судьбе.

— Все будет хорошо, малышка. Тебе правда нужно уйти сейчас. Почему ты не ушла, плулая? — обхватывает лицо, выдыхает в мои губы, хаотично осыпая их и горячие щеки отрывистыми трепетными поцелуями. Я столько нежности за двадцать пять лет в свою сторону не ощущала и не догадывалась, что он умеет быть настолько открытым, что не боится показаться мне уязвимым, всецело позволяя ощутить, что я — его единственное слабое место.

— Потому что, — прикладывая силы, упираю кулачки в грудь Джамала и слегка отталкиваю. Подбегаю к тумбочке, с которой беру те самые четки, что сделала в девять лет и отдала ему. Вновь возвращаюсь к Джамалу, не сводящему с меня взгляда темно-синих

глаз, в которых искрятся неподдельные, живые эмоции и что-то еще... глубоко спрятанное, отрицаемое им самим... страх? Боль? Воспоминания о том самом дне? Он все расскажет мне позже, когда вернется. а вернется он обязательно, если я сделаю то, что задумала. Я поочередно целую каждую бусинку на четках, мысленно заговаривая каждую частичку нашей совместной реликвии на удачу и защиту. Кому-то мой ритуал показался бы наивной глупостью, но я чувствую острую необходимость в том, чтобы провести его. Наконец, я надеваю на запястье Джамала свой детский подарок и уверенным тоном произношу:

— Теперь все точно будет хорошо. Так мне будет легче, — встаю на цыпочки, ласково обводя контур его выразительных губ и квадратную линию челюсти. — Я буду ждать тебя, мой Асад, — одергиваю руку, и он тут же ловит ее, сжимает мое запястье, потом ладонь, до боли, пока наши взгляды ведут немой, но искренний и теплый диалог, полный горячих признаний.

— Мне нужно идти, Эйнин, — срывающимся голосом оповещает Джейдан, и я спешу покинуть комнату, не оборачиваясь, не хлопая дверью. Я фактически бегу в свою спальню, стараясь наполнить свой разум только позитивными мыслями. И не думать о том, что Джамаль сейчас является главной мишенью и для Искандера, и для Видада, и для АРС с ЦРУ.

Я не заметила, как уснула в своей спальне, свернувшись в беззащитную позу эмбриона. Проснулась ровно в три часа дня. Какое-то роковое совпадение, или сердце внутри екнуло в знак того, что важное для Джамала собрание началось. Я пытаюсь не придавать значение символам и знакам, как и кошмару, который пришлось увидеть в дневном сне. Сходя с ума от полной изоляции в своей спальне и запутанных мыслей, я в конце концов решаюсь спуститься в столовую в надежде на то, что не застану там Аиду и Лейлу, которые обычно обедают гораздо раньше. Вопреки своим ожиданиям, именно их замечаю за переполненным изысканными блюдами, оставшимися после свадебной «вечеринки», столом. Мне хочется уйти, когда я вижу девушек, но в душе я понимаю, что так больше продолжаться просто не может: я должна придерживаться нейтралитета, находиться в абсолютно спокойном состоянии, когда они рядом.

В конце концов, сейчас даже их насупленные осанки и перекошенные от ревности выражения лиц кажутся незначительным и неважным «фоном» для того, что действительно меня волнует — жизнь моего мужа.

— Привет, — просто здороваюсь, поведя плечом, и, опускаясь на стул, с энтузиазмом берусь за овощной салат с хумусом, делая вид, что увлечена едой и только ей.

— Здравствуй, Медина, — Лейла отвечает мне только через пару минут после того, как обменивается с Аидой красноречивыми взглядами, которыми они научились обсуждать меня, не произнося вслух ни слова. — Как твои дела? — прокашлявшись, задает вопрос девушка, и я поднимаю уверенный взгляд на первую жену Джамала, заглядывая в черные глаза, по которым трудно прочесть ее истинные эмоции. Она определённо недолюбливает меня, но разрывать плотку сопернице за Джамала не станет — оно и неудивительно, раз она допустила второй брак.

— Может, еще спросишь, как прошла ее брачная ночь с нашим хабиби, а? — разъяренно шипит Аида, швыряя на стол вилку с наколотым на нее кусочком курицы. От ее высокого крика дребезжат бокалы на столе и бутылка с откупоренным безалкогольным испанским вином, которое девушки ещё не успели пригубить. — Даже глухой бы услышал ее безумные крики! *Да, Джамаль! Еще, Джамаль!* — театрально изображает мои стоны Аида, заставляя меня ощутить, как к щекам и груди приливает кровь — но не от стыда и излишней скромности, а от разрывающего нутро гнева. Будь моя воля, я бы сама с удовольствием насадила эту рыжую «курицу» на вилку... сжимаю кулаки до побелевших костяшек, пытаюсь взять излишние эмоции под контроль.

— Я думаю, их мог слышать только тот, кто стоял за закрытой дверью спальни и подслушивал. Или лежал, верно? Например, коврик для ног, — выпаливаю я, кидая на дьяволицу уничтожающий взгляд. Ух, не выдержала. Опустилась и я до оскорблений. Этого делать не стоит, но все мы люди, а не железные роботы, которые способны безоговорочно совладать со своими эмоциями. Аида гордо приподнимает подбородок, демонстративно скрещивая руки на вздымающейся из слишком открытого декольте груди.

— Девочки, нам лучше не разговаривать или придерживать нейтралитета, — почти сразу предлагаю я, вспоминая о том, что наказал мне Джамаль. К тому же у меня сейчас действительно есть проблемы важнее, чем разборки с его женами — мои мысли заняты мужем и тем, что сейчас решается на собрании, судьбой Резы и Эмилии. Дурное предчувствие не дает мне дышать, лишает способности отвечать Лейле и Аиде с холодной отстранённостью и вежливостью.

— Медина, я поддерживаю твоё предложение, — нарушает искрящуюся ненавистью и напряжением тишину Лейла. — В конце концов, я уважаю Джамала и принимаю его выбор. Но ты должна понять, что рано или поздно он будет навещать нас и жить с нами. С каждой из нас. Таковы законы этой страны — каждой жене должно уделяться одинаковое количество времени и внимания. Давайте договоримся жить дружно, девочки. И не вставлять друг другу палки в колеса. Как ты на это смотришь, Ида? — раздвигая губы в неуверенной улыбке, Леа переводит взгляд с меня на «подружку», пока та задумчиво разливает вино по пустым бокалам, хотя обычно этим занимается прислуга. Длинные расклешённые рукава её платья слегка касаются краев стекла, что вызывает во мне приступ тошноты и отвращения — мне не очень-то хочется пить что-либо из рук этой дряни. Даже если это вино Джамаль выбирал лично.

— Спасибо, Аида, — Лейла протягивает один из бокалов мне, а я не отрываю внимательного взгляда от Иды, что сразу принимает мой невербальный вызов и с импульсивным рвением опустошает бокал почти залпом со словами: — Что ж, давайте все выпьем за счастье молодых! — честно говоря, не прикоснись она губами к бокалу, я бы не стала пить это вино, да и сейчас нет желания пить псевдо-алкогольный напиток, разрешенный в этой стране. Я принимаю бокал из рук Лейлы, ощущая, как подрагивают приподнятые уголки неестественно натянутой улыбки. Какой-то отвратительный маскарад лицемерия, змеиный круг, в котором я не хочу участвовать. Но как же трудно сдерживать свою стервозную натуру, когда сама находишься в логове, кишасим ядовитыми кобрами.

— Довольна, Лейла? Теперь твоя очередь поздравлять Медину. Или, может, дадим сначала слово невесте? — чуть более спокойным и

цивилизованным тоном язвит Ида, по-прежнему пренебрежительно скривив пухлые губы, отчего они мгновенно становятся тонкими.

— Аида, милая, успокойся, пожалуйста. Ты бы себя со стороны видела. Я тебя вообще не узнаю в последнее время, — Леа с искренней заботой дотрагивается до плеча рыжей змеюки, вызывая во мне смутные чувства. Даже жалко ее — слишком девочка мягкотелая, совершенно не замечала все эти годы, как «скромная» Аида незаметными шагами смещала свою «подругу» на второй план в их семейной иерархии. Впрочем, мне плевать. Смотраться бы из этой ядовитой дыры, а точнее столовой, поскорее. И салат с собой прихватить — вкусный.

— Я не могу успокоиться, Леа! Не могу! — ударяет кулаком девушка, сметая на пол одну из тарелок, окончательно выходя из себя. Нас с Лейлой одновременно передергивает от мерзкого звука, расставившего акценты в яростных стенаниях Аиды.

— Что за Шайтан в тебя вселился... — глаза Лейлы округляются от ужаса, когда она убирает остальные тарелки от Аиды, стараясь уберечь марокканскую глину, из которой они сделаны.

Да он всегда в ней сидел, наивная, — хочется сказать мне, но я продолжаю благосклонно наблюдать за истерикой одной из женушек Джейдана.

— Ты совсем ослепла, Лейла. Не видишь, куда нас она приведет, если позволим ей. делать все, что захочется! Мы на улице с тобой останемся, понимаешь? Униженные и брошенные разведенки. неужели ты не хочешь бороться за нашего Джамаль-джана?

— Его выбор уже сделан. Я сама видела, как он смотрел на нее вчера перед муллой и свидетелями. — тихо, недооценивая мой слух, шепчет Лейла, стараясь уговорить Аиду, у которой уже не только рот дрожит, но и веки дергаются, тяжелеющие под густыми слоями черной туши.

— Не могу поверить в то, что все это происходит с нами... — тяжело дыша, картинно выдыхает Аида, пока я не решаюсь прекратить этот концерт и балаган, от которого уже голова начинает на две части раскалываться, а кровь в висках стучать и пульсировать безостановочным набатом.

— Придется поверить, Аида. И я, пожалуй, пойду, раз в моей компании вы начинаете бить тарелки и метать вилки во все

стороны, — встаю из-за стола, но вездесущая Аида мгновенно копирует мое действие, горячо выпаливая прямо в лицо:

— Что ты такого делаешь с ним, кхара? Что не делаем мы, а? — милovidные черты лица девушки искажает гримаса боли и ярости, ревности и внутренней агонии, в которой она сжигает сама себя. Я же пытаюсь держать сдержанную «маску королевы», но хватает меня ровно до тех пор, пока она не начинает давить на болевые точки. — Что ты с ним делаешь, а? В рот берешь? — выплевывает Аида, взмахивая копной рыжей волос. Лейла невольно вздыхает, когда слышит от рыжей такие «грязные», по их меркам, выражения. — Так я тоже брала, шармута, даже не сомневайся. И Джамаль просил ещё и ещё. После нашей свадьбы, Лейла подтвердит — он не мог насытиться мной, и я думала, это будет длиться вечно. я никогда так не ошибалась. Я была той единственной, что удовлетворяет все его желания! И не смотри так, на меня, Лейла. Мы обе знаем, что в постели ты недотрога и скромница! Ты сама со мной этим делилась, — вставляет в свой монолог Аида, ловя на себе обидчивый взгляд Леа. — Что, правда глаза колет, шармута? Скажи мне, каково это — третьей быть? Третьей. после меня ты с ним трахалась, слышишь? А мы, поверь, это делали часто до той проклятой поездки в Нью-Йорк. Однажды я неделю из его спальни не выходила... думаешь, он тебе говорит что-то особенное? *Самая горячая, самая страстная женщина...* все я это слышала первая. Что только я могу его голод утолить, шептал мне. Каково тебе, Медина? Каково знать, что я тоже его когда-то так с ума свела, что в жены меня взял даже? И тебя теперь. подобрал, как и меня. История повторяется. Кто следующий?! — горько усмехается девушка, и все в ее позе «кричит» от боли вместе с ней. Но я не хочу ее понимать, она вызывает во мне лишь жалость и отвращение, желание сбежать отсюда и навсегда забыть все, что я только что услышала.

Я спокойно выношу ее словесные удары, стараясь прогнать из мысленного зазеркалья образы их горячих ночей.

«Я не помню других лиц и имен, все затмило твоё...»

— Что-о-о? Тебе он правда говорил такое? — немного оторопев, удивленным и оскорбленным тоном задает вопрос Лейла, мгновенно вставая из-за стола, не желая больше оставаться в стороне конфликта.

— Да, Лейла, да! Я не такая скромница, как ты думала. Наш муж настоящий зверь, и я ублажала все его запросы. Моральные, сексуальные, эстетические. Голая ему позировала, рисовал он меня, как и шармуту эту, я просто тебе не рассказывала, чтобы обидно не было! Даже самые запретные желания его воплощала, настолько голоден он был со мной. Неужели ты не замечала, что меня к себе он приглашал втрое чаще? Я была его фавориткой, Лейла, поэтому я намерена бороться за своего хабиби! Это тебе терять нечего. а мне. а я все могу потерять! Его могу потерять. — дрогнувшим голосом заканчивает Аида.

Он никогда не был твоим, Аида. Ты лжешь, ты лжешь, ты лжешь, — как мантру, повторяю про себя я.

— Как ты можешь гордиться этим всем, как можешь говорить такие похабные вещи, Ида? Как можешь унижать меня? Я думала, мы подруги...

— Я могу гордиться тем, что ношу ребенка Джамалья под сердцем! — вдруг гордо заявляет Аида, накрывая ладонью свой живот. Ее фраза подобна последнему добивающему ядерному взрыву, что сметает на своем пути все живое, мое живое. переполненное любовью и нежностью к Джамалю, сердце. Оно останавливается, замирает, умирает, как и дыхание. У меня внутри все падает, словно весь дух выбивает, распадается на огненные молекулы, в пепел. — Двенадцать недель нашей малышке. Только сказать ему не успела пока. утром хотела, но он был занят со своей шармутой. Моего Джамалья, как подменили, — оскорбленно качает головой Аида, пока я смотрю на ее живот, ощущая, как пол медленно и мучительно уходит из-под моих ног. Ощущение неизбежности и безысходности накрывает с головой ледяной лавиной, проворачивающей меня в своем жестоком вихре, из которого я не могу. и не хочу выбираться. ***Я не была готова к такому удару. Не сейчас. Нет, никогда...***

Этой суке удалось довести меня до истерики, хотя я прекрасно понимаю, что Аида здесь ни при чем. Как и то, что ее словам нельзя верить на сто процентов. Но здравый смысл упорно твердит мне, что факт ее беременности может оказаться правдой. Джамаль сказал мне, что ни разу не прикасался к ним за последние полгода, но там, где для него «один случайный эпизод», там для меня — катастрофа.

— Нет. — едва слышно выдыхаю я, пытаюсь удержать на коротком поводке все эмоции и не показывать, насколько сильно сломил меня «kozyрь», спрятанный в животе у Аиды.

— Да, Медина. Да! Да, Лейла. И я советую вам не доводить беременную до нервного срыва. Мне нельзя волноваться. Джамалю это не понравится. В конце концов, это его ребенок... первый ребенок.

— Ты лжешь! — вспыхиваю я, поведясь на провокацию Аиды, закусывая изнутри щеку, чуть ли не воя от пронзающей сердце ледяным колом боли. — Он не притрагивался к вам последние шесть месяцев.

— Ты сама-то веришь в это? — надменно тоненьким голоском поддевает меня Аида.

— Он не притрагивался ко мне, это правда, — немного снимает груз с моей души Лейла.

— Потому что у нас все было иначе, Леа. Он был очень уставшим в один из дней. Напряженным, нервным. Я просто выполнила свой супружеский долг — помогла любимому мужу расслабиться. Та ночь и стала началом для жизни внутри меня, — бросаю цепкий взгляд на лицо Аиды, пытаюсь что-либо прочесть по его выражению. Перед взором все плывет, это просто бессмысленно. Если доверять моим знаниям по физиогномике, она говорит правду, с одной оговоркой — возможно, она просто хорошая актриса, которая пойдет на все, чтобы отыграть свою роль до конца.

— Я хочу уйти. — просто выдыхаю я, мечтая закрыться в своей спальне и опуститься на дно горячей ванной. Желательно с головой уйти под воду.

— Никуда ты не пойдешь, мразь, — Аида хватается за локоны, когда я дергаюсь в сторону от стола и резко тянет на себя, вызывая у корней волос осязаемый разряд боли.

— Не заставляй меня на беременную руку поднимать, — оскалившись, отстаиваю свои границы я, мечтая отточить на ней все техники боевых искусств, которые довелось изучать в лагерях ЦРУ.

— Я тебе, кхара, сама все глаза выцарапаю, если не поклянешься, что свалишь обратно в свою Америку, — все тело пробивает ознобом от клокочущей в каждой клетке ярости. Кулаки горят, сердце пылает, мне мерзко даже смотреть в ее сторону, а я вынуждена терпеть такое унижение, потому что, черт возьми, я понимаю, что не смогу поднять

руку, на беременную женщину, даже если она последняя тварь. Только в крайнем случае, в целях самозащиты.

И зря я надеялась на то, что этот случай не настанет. Потому что в следующее мгновение Аида берет со стола нож и стремительно подносит его к моим глазам, заставляя мое сердце перейти на нечеткий и рваный бег, сдавливающий в груди нервные сплетения.

— Аида, — взволнованно выдыхает Лейла с легким укором, пока я опускаю ресницы, стараясь не смотреть на острие ножа, застывшее в двух сантиметрах от моих век.

— Посмотрим, будет ли он теперь рисовать твои глазки... — Притворно нежным голоском воркует Аида, пока я отчаянно придумываю выход из создавшейся ситуации, и, не найдя ничего лучше, как плеснуть вина ей в лицо, проворачиваю этот отвлекающий маневр. Девушка вскрикивает и тут же отпускает мои волосы. Наконечник ножа проскальзывает по моей брови, в тот момент, когда я уворачиваясь, хватаю холодное оружие убийства и откидываю его в сторону, загоняя его в деревянный шкаф с восточной посудой. Черт возьми, у меня был огромный соблазн использовать его против нее. скажем так, «подровнять кончики в один срез» этой мерзкой гадюке.

— Ах ты тварь! — верещит Аида, когда я все-таки решаюсь применить силу и скручиваю ее запястья за спиной, используя силовой прием, которому обучил меня мой отец.

— Помогите! — громко и истошно кашляя, вдруг кричит Лейла, обращая на себя мое внимание. Аида времени даром не теряет и, применяя всю свою накопленную в гневе и ярости силу, толкает меня в сторону шкафа с посудой, и я чувствую, как падаю, скольльзящим движением ладони касаясь спинки ближайшего стула. Разум мгновенно накрывает поволокой тумана. Я не помню, как упала на пол, но чувствую отчетливый запах крови, который ни с чем не перепутаешь. Пытаюсь сфокусировать взгляд на материальных предметах, но реальность стремительно погружается в эффект «боке». Я замечаю, что недалеко от меня на полу лежит Лейла. Неестественно изогнувшееся тело девушки бьют жуткие судороги, заставляя ее истошно стонать и кричать, задыхаясь от боли. Черт, черт, черт... как бы хреново мне ни было, я сейчас должна собраться и помочь Лейле. Как и почему она упала? Кажется, я слышала звон от разбившегося о пол стекла. Это вино, осеняет меня. Рыжая обезумевшая сука хотела

отравить нас. Перед тем, как приподняться на локтях и доползти до девушки, я замечаю, как исчезает в коридоре Аида — да так быстро, что ее волосы пролетают в проходе всполохом адского пламени.

Обхватываю лицо Лейлы дрожащими руками, стараясь оценить масштаб бедствия и понять, какие действия предпринять, чтобы сохранить девушке жизнь.

— Зара! — что есть мочи кричу я, нажимая на столе кнопку для вызова прислуги. Времени ждать скорую нет

— судя по признакам, в организм Лейлы проникает яд, и ее счастье, что он не введен внутривенно и не действует мгновенно, иначе девушка была бы уже мертва. Меня охватывает леденящий душу ужас, и только специальная подготовка помогает мне собраться и начать действовать. Мне придется заняться не самым приятным занятием, но я уверенно хватаю со стола ложку, собираю все свои внутренние силы и ресурсы и усаживаю Лейлу в специальную позу, в которой будет легко спровоцировать ее желудок на характерные спазмы, которые помогут избежать всасывания яда в кровь.

В миг, когда Лейлу выворачивает наизнанку фактически в моих руках, в дверном проходе появляется Зара:

— Что случ... о Аллах, что здесь происходит?! — восклицает она, положив руку на сердце и мгновенно покрываясь испариной от одного взгляда на развернувшееся перед ней поле боя. Черт возьми, у меня у самой уже платье насквозь мокрое, я дышать не могу от страха за жизнь человека, пусть и безразличного мне, как личность. Я все равно не могу ее оставить, не могу ничего не предпринять. к тому же я прекрасно понимаю, кого на самом деле пыталась отравить Аида, а Леа по ее глупости попала под раздачу смертельного яда. На месте Лейлы сейчас могла бы быть я, и что-то мне подсказывает, что девушка бы так же не смогла оставить меня подыхать на полу, как бы сильно ни ревновала и ни жаждала нашего с Джамалем развода.

— В больницу. Срочно нужно в больницу, — до зубного скрежета сжимаю в руках побледневшую Лейлу, пытаюсь удерживать в правильном положении: девушку по-прежнему бьет мелкая дрожь, не предвещающая сохранению ее жизни утешительный прогноз. Сотрясающаяся от шока Зара действует довольно оперативно и вызывает водителя, помогающего мне дотащить Лейлу и саму себя до машины, и уже через три минуты мы все сидим в скоростном

автомобиле и несемся в ближайшую клинику, которая, к великому счастью, находится в пяти минутах езды по ближайшей трассе.

Голова Лейлы лежит на моих коленях, я с ужасом наблюдаю за тем, как ручьи пота стекают по ее напряженному лбу, на котором залегли сейчас неглубокие морщинки, отображающие агонизирующую боль, что испытывает девушка.

Помогла бы она мне, будь я на ее месте?

Это неважно, черт возьми, неважно... все становится уже неважным, когда Лейлу принимает отряд уже встречающих нас врачей и увозит на носилках в реанимацию. Водитель и Зара следуют за ней. Я прижимаю ладонь к пылающему от боли лбу и брови, ощущая, как из раны сочится кровь, и, кажется, пытаюсь кого-то позвать на помощь. Хотя ощущение у меня такое, словно я стою посреди толпы, и никто меня, черт возьми, не слышит.

Сквозь призму овладевшей мной невменяемости я слышу встревоженный шепоток, пульс пролетающий по коридору больницы. Все ещё сидя на стуле, балансируя на грани обморока, я обращаю свое внимание на огромную плазму, расположенную под потолком многолюдного коридора, и прислушиваюсь к закадровому голосу, сопровождающему ужасающие кадры взрывов, от которых кровь мгновенно стынет в жилах, легкие пустеют и горят, обжигая ребра так, словно внутренние демоны залили их керосином, а потом подожгли, заливаясь злорадным смехом.

— Экстренный выпуск новостей. Только что стало известно, что в восточной части столицы Анмара произошел теракт — в 12:05 по местному времени был взорван кортеж премьер-министра Дамира аль-Видада. Два мощных взрыва прогремели одновременно, когда правительственные автомобили пересекали мост через реку Мирьян, направляясь к зданию Правительства, где через несколько часов состоится закрытое совещание кабинета министров во главе с премьер-министром и королем Махмудом аль-Мактумом.

По предварительной версии террористы заминировали часть дорожного полотна, неустановленные взрывные устройства были приведены в действие в тот момент, когда кортеж главы Правительства оказался на данном участке моста. Два движущихся в центре кортежа автомобиля были уничтожены полностью, два

замыкающих в ходе взрыва вылетели через ограждение и рухнули в реку.

Точное число жертв в настоящий момент неизвестно и варьируется от пяти человек, которые погибли на месте. Жертв могло быть больше, если бы движение по мосту не было перекрыто на время проезда кортежа, что не помогло избежать трагедии для находящихся в автомобилях водителей и сотрудников специализированной охраны.

Уже точно известно, что в результате взрыва сам руководитель кабинета не пострадал и в настоящий момент находится в здании Правительства, куда прибыл на личном вертолете. Неофициальные источники сообщают, что кортеж премьер-министра должен был доставить к зданию Правительства одного из участников закрытого совещания, который и являлся целью спланированной террористической атаки. Личности погибших и пострадавших выясняются.

Сейчас на месте происшествия работают сотрудники правоохранительных органов, бригады скорой помощи и водолазы.

Ответственность за террористическую атаку оппозиция страны отрицает. Напомним, что с момента территориального отделения провинции Кемар от столкновения правительственных войск и сил оппозиции в стране погибли более десяти тысяч человек.

Вероятная причина нападения на кортеж Главы Правительства, возможно, станет известна после завершения закрытого совещания, повестка которого в настоящий момент не разглашается.

Мы будем внимательно следить за развитием ситуации и сообщать все срочные данные в экстренных выпусках новостей.

Мое тело цепенеет, теряет способность двигаться на целую вечность, несмотря на то, что перед внутренним взором за секунду пролетает наша жизнь. Наше утро, когда я ещё имела возможность обнять Джамалю, посмотреть в его глаза, еще раз и ещё раз... прижаться губами к сильной груди, к шее, покрытой шрамами, олицетворяющими то, что мой мужчина «родился в рубашке», и в любой, даже самой безысходной ситуации, он наделен даром выходить сухим из воды. Меня трясет мелкая дрожь, в груди тяжелеет, пока я отчаянно кусаю губы и захлебываюсь слезами, затыкая

горловой вой, кусая собственный кулак, на который стекают капли крови из раны под бровью. Сейчас это кажется таким пустяком, такой незначительной болью, совершенно не сравнимой с тем, что испытывает мое кровоточащее сердце.

Он не может умереть... не так и не сейчас. Взрыв не способен сломить моего Джамая, он уже выживал в эпицентре теракта... я отказываюсь, не хочу в это верить. Нет, нет, нет.

— Ты жив, ты жив, ты жив, — словно безумная, хаотично шепчу я, едва шевеля окоченевшими губами, обожжёнными потоком соленых слез. Я не могу смотреть на экран, где жуткие кадры взрывающегося моста повторяют ежесекундно, словно спешат напомнить о том, что все, что я только что обрела, — в одночасье разрушено.

«Если суждено, я выживу и найду тебя.» — где-то вдалеке, на подкорке сознания, вспоминается голос тринадцатилетнего Юноши, наше первое прикосновение друг к другу и мое тихое: «Я сама их сделала...».

Четки. На нем были мои четки. Он не мог умереть, просто не мог. Ощущаю, как надрываются внутри душевные струны, и падаю, опускаюсь коленями на пол, не чувствуя физической боли. Кажется, врачи только сейчас замечают неадекватного вида девушку, развалившуюся у боковых стульев, завывающую и всхлипывающую от разрывающей в клочья истерики.

— На помощь! Кто-нибудь! Позовите врача! — слышу женский незнакомый мне голос первой равнодушной.

— Уже позвал. Я сам ее отнесу, — отрезает мужчина, и в следующий момент я чувствую, как мое лицо обхватывают сильные руки, а в ноздри ударяет знакомый аромат, который я узнаю из тысячи. Пытаюсь сфокусировать зрение на лице человека, подхватывающего меня на руки, но ничего не выходит, потому что мое сознание просто отключается перед тем, как я слышу мягкое, трепетное и заботливое:

— Все будет хорошо, дочка. Я с тобой, — шепчет мне Мэттью Доусон, который каким-то чудом очутился здесь, в Анмаре. А может быть, это моя предсмертная галлюцинация... потому что я не знаю, как жить без Джамая, если его имя пополнит списки сегодняшних жертв.

Мне снится, что я бегу по узкому задымленному лазу. Пламя все ближе и ближе, мне кажется, что его языки цепляют кончики волос и обжигают спину, раскаленная огнем земля оставляет беспощадные ожоги на чувствительных ступнях. Удивительно, но я прекрасно осознаю, что этот кошмар — всего лишь сон, и не могу проснуться, пока в висках пульсируют настойчивые мысли о том, что я должна найти Джамалю в этих подземных лабиринтах, объятых ядовитыми парами дыма и гари.

— Джамаль! Джамаль! — отчаянно кричу, задыхаясь от слез и крупиц смертоносного смога, за один вдох проникающего в легкие. — Джамаль, вернись ко мне! — мир вокруг меня начинает вращаться с бешеной скоростью, колени подгибаются от усталости и бессилия. Медленно теряя сознание, я падаю на опаляющую живот землю, и в момент, когда телом овладевает агонизирующая боль, наконец просыпаюсь в реальности.

Когда открываю глаза, первым делом замечаю, насколько в новом для меня пространстве высокий потолок. Как минимум десять метров разделяют меня с хрустальной люстрой в виде распустившегося лотоса, источающей мягкий свет, успокаивающий мою расшатанную за последнее время, и особенно за этот тяжелый день, психику.

Я не знаю, где нахожусь, но обстановка и интерьер просторного и светлого зала даруют ощущение безмятежности и спокойствия. Песочные и шоколадные оттенки стен и потолка вперемешку с нежно-розовыми акцентами в виде журнального столика и разбросанных на светло-сером диване розовых подушек навевают мысли о заходящем солнце в пустыне... воспоминания о закатах, которые в детстве наблюдала с семьей и однажды с Джамалем.

Я не могу снова потерять свою семью.

Он — моя семья, он — мой дом... ни Запад, ни Восток. Ни Америка, ни Анмар. Мой дом — Джамаль, и я не хочу верить, что мактуб отнимет его у меня теперь, когда я наконец вернулась и обрела свое «истинное я».

Вдыхаю полной грудью, ощущая ароматы дорогой кожи, и кутаюсь в мягкий плед. кто-то заботливо укрыл меня теплым одеялом, намеренно подоткнув под колени часть ткани, чтобы я не простыла под освежающим кондиционером. Папа всегда так делал. Я начинаю

вспоминать, как расплывались перед взором напряженные черты лица Мэтью Доусона и вздрагиваю, когда слышу тяжелые шаги, что становятся громче с каждой секундой.

Голова продолжает раскалываться, словно невидимая энергия непрерывно постукивает мне в макушку. Мыслительный процесс дается с трудом, а во рту сухо, как в полуденном Махрусе. Кончиками пальцев я дотрагиваюсь до своей брови, нащупывая на месте ранки, оставленной обезумевшей от ревности Аидой, мягкий пластырь, плотно приклеенный к коже.

События минувшего дня накрывают меня одним залпом, снежной лавиной, от которой мгновенно бросает в дрожь. Едва ли не взыв от нахлынувшего на меня ужаса и отчаяния, я привстаю на диване, пытаюсь скинуть с себя массивный плед, но вовремя подоспевший Мэтью успокаивает меня, опускаясь рядом, и мягко обхватывая плечи:

— Рика, милая, прошу тебя. Никаких резких движений, — настойчивым шепотом просит отец, обнимая меня, поглаживая по спине, пытаюсь успокоить неконтролируемый мной нервный озноб. — Врачи строго прописали тебе постельный режим, Рика, — когда внутренняя паника немного отступает, я поднимаю на него взгляд, долго всматриваясь в родные черты лица.

У Мэтью стало еще больше седых волос, но глаза, несмотря на проблески усталости и глубокой печали, источают мощный внутренний свет и заботу по отношению ко мне, его «папиной дочке», которая как никогда сейчас нуждается в опоре и поддержке. Мы одновременно раскрываем руки, чтобы заключить друг друга в удушливые объятия, и я чувствую, как по венам с дикой скоростью разливается приятное тепло, какое всегда ощущается при тактильном контакте с родным человеком. Однако чувства полной безопасности, как в плотных оковах рук Джамала, нет.

Что с ним... и где сейчас он?

Сердце предательски сжимается от боли, воспламеняясь в груди за секунду, до краев залитое агонией собственных страхов.

— Папа, что ты тут делаешь? Где мы? — быстро и жадно тараторю я, с надеждой встряхивая отца за плечи.

— Ты дома, Эрика, — тяжело выдыхает отец, между его бровей залегает глубокая морщинка, выражающая его сомнения на этот счет. — Или Медина? — его губы трогает легкая улыбка. — Медина

Каттан, — поправляет себя он, опуская взгляд на мое обручальное кольцо. — Жаль, что меня не было на твоей свадьбе, милая.

На пару мгновений я торопею, не в силах вымолвить и слова.

— Ты так спокойно говоришь об этом? Откуда ты все знаешь обо мне и Джамале? Где мы, что значит «я дома»? — заваливаю вопросами с новой силой, стараясь «вытряхнуть» из него все ответы, так и не отпуская отцовские плечи.

— Ты на вилле, которую построил для тебя Джамаль, — спокойным тоном поясняет Мэтью, и только сейчас я понимаю, что в том самом «доме» я видела лишь мастерскую Джамала, где состоялась наша неравная борьба, в день, когда муж украл меня из-под носа Искандера Аль-Мактума.

— Но как ты оказался здесь... что все это значит... — лепечу я, не в силах собраться с мыслями и распутать плотные «узелки» на цепочке последних событий.

— Тебе нужно поесть, прежде чем мы поговорим.

— Нет! Не уходи от ответа, папа! Расскажи мне все прямо сейчас!

«И еще. У тебя действительно есть опекун. Когда я говорил, что он должен был сопроводить тебя в Анмар, я был уверен, что так и будет. Этот человек не фиктивное имя на бумажке. Ты моя жена на абсолютно законных основаниях. Я не подделал ни одного документа, Эрика. Ты моя, помни об этом. А теперь иди.» — глядя отцу в глаза, вдруг вспоминаю едва ли не последние слова, сказанные мне Джейданом.

— Ты знаешь, кто такой Амин Башар, Рика? — спрашивает Мэтт, вскинув брови, пока я пытаюсь сосредоточиться и найти ответ в лабиринтах памяти.

«Если возникнет нестандартная ситуация, то ты можешь доверять только одному человеку, находясь в Анмаре. Его имя Амин Башар.»

— Не совсем, — растерянно пожимаю плечами, все ещё ожидая потока четких ответов.

— Амин Башар — генерал АРС, и с недавнего времени я работаю и на него тоже. Перед тобой двойной агент и отчасти... предатель, — нервно произносит Мэтью, рассеянным жестом проводя большим и указательным пальцем по двухдневной щетине.

— Что значит — тоже? — инстинктивно прижимаю ладонь ко рту, ощущая, как солнечное сплетение скручивает в тугий узел нехорошего предчувствия. — Папа, ты не можешь быть агентом другой страны! Агентом Анмара?!

— Могу, когда моей семье угрожает опасность. Милая, прежде чем мы с тобой продолжим разговор, я должен показать тебе кое-что, — Мэтт крепко сжимает мою вторую ладонь, вместе с мягким пледом, пушистую ткань которого я постоянно тереблю, не находя себе места.

— Говоришь таким тоном. — мне становится настолько жутко и не по себе, что я не могу закончить фразу, не в силах озвучить самые страшные и разрушительные из своих мыслей. — Где Джамаль, папа? Ты знаешь? — снова заваливаю вопросами я.

— Джамаль пропал без вести, Эрика, — тихо и неуверенно бросает отец, с сочувствием глядя мне в глаза. черт возьми, не смотри так, папа. Мой муж жив, иначе и быть не может. Да? Да? Господи, пожалуйста.

Не смотри на меня с такой жалостью, папа.

— Тебе придется осилить ещё один выпуск новостей, Рика, — взяв пульт от плазмы с журнального столика, Мэтт включает телевизор и быстро находит канал, круглосуточно показывающий новости и политические передачи. Обняв руками согнутые колени, я уставилась в экран, вновь транслирующий и повторяющий те ужасные кадры, что довели меня до обморока и нервного срыва в больнице, но на этот некоторые из них изменились, в репортаж добавились новые видео, а закадровый текст оброс шокирующими подробностями: — Ошеломляющие новости приходят каждую минуту из здания Правительства, где сейчас проходит масштабная пресс-конференция, собранная по окончании закрытого совещания кабинета министров во главе с лидером страны — королем Махмудом аль-Мактумом.

К многочисленным журналистам обратился сам верховный Правитель, озвучив сенсационные итоги совещания.

Король начал с шокирующей вести, которая перевернет политическую систему в стране. Глава правительства Дамир аль-Видад и кабинет министров в полном составе были принудительно отправлены в отставку и арестованы прямо в зале, где проводилось совещание. Причина — потеря доверия, политический сговор, а также участие в незаконной деятельности, действующих на территории

Ближнего востока преступных группировок. Каких именно, Верховный правитель не уточнил. Король также сообщил, что аресты будут продолжаться, пока не будут выявлены все виновные. Для этой цели создан специальный следственный комитет, который возглавит директор Анмарской разведывательной службы — генерал Амин Башар.

В настоящий момент известно, что уже заключены под стражу правящие шейхи четырёх регионов страны и некоторые члены королевской семьи, включая наследного принца Искандера аль-Мактума. Последний лишен своего права на наследование престола. Ему вменяется обвинение в организации теракта, который произошел сегодня в восточной части Асада. Напомним, что в 11:45 по местному времени прогремели два мощных взрыва, когда кортеж экс премьер-министра Дамира аль-Видада пересекал мост через реку Мирьян, направляясь к зданию Правительства. В результате террористической атаки погибли шесть человек, четверо ранены. Имена погибших и пострадавших в интересах следствия не разглашаются.

Предварительная причина, вынудившая Искандера аль-Мактума принять участие в теракте, — попавшая в его распоряжение ложная информация о нахождении нового избранного королем наследника в одном из автомобилей кортежа. Вероятно, вброс недостоверных данных был произведен в целях отвлечения внимания злоумышленников.

Второй сенсационной новостью после отставки кабинета министров и многочисленных арестов стало объявление короля о том, что он действительно принял решение о назначении своим наследником двадцатидевятилетнего Арьяна ибн Мухмуда аль-Мактума, которого представил лично потрясенным журналистам.

Напомним, что у короля Анмара по официальным данным имеется всего два сына. Двадцатисемилетний Искандер аль-Мактум, и тринадцатилетний Муса аль-Мактум. Король пояснил, что Арьяна ибн Махмуд аль-Мактум является его страшим сыном от первого брака с Маликой аль-Мактум, которая была похищена и в последствии убита двадцать девять лет назад во время сопровождения благотворительного конвоя через пустыню Махрус. Махмуд ибн Фахид аль-Мактум заявил, что убийство его первой жены носило политический характер, и существование старшего сына до

настоящего момента тщательно скрывалось в силу вероятной угрозы его жизни. Публичное обнародование факта назначения нового наследника стало возможно по причине появления неоспоримых и полных доказательств против высокопоставленных влиятельных лиц, подозреваемых во множественных преступлениях, включая планирование политического переворота.

О новоявленном наследном принце известно немного. Арьяна ибн Махмуд аль-Мактум получил юридическое образование в Европе и, вернувшись в Анмар, закончил административный колледж в Асаде. Последние пять лет он работал в суде высшей инстанции, занимая должность помощника судьи. Его настоящее имя и происхождение было засекречено на время ведения внутреннего расследования, возглавляемого генералом разведывательной службы Амином Башаром. Данное расследование стало самым длительным за все время существования службы, — превратившись в комок оголенных нервов, я чересчур сильно сжимаю плечо отца, пытаюсь справиться с шоком и переработать информационный поток, который только что изнасиловал мой мозг и засадил очередную пулю в мое сердце, отнимая еще несколько процентов веры в то, что Джамаль жив.

Закусывая губы, я тихо взываю от отчаяния и с силой зажмуриваю веки, пытаюсь остановить горячий поток слез, норовящий спалить мне глаза.

Черт. Черт. Черт. Я должна верить... Боже, да идиоту понятно, что это была спланированная ублюдком Искандером и Кадером операция, цель которой проста — уничтожить Джамалья, стереть с лица Земли наследного принца Анмара. в последнем я уже не уверена.

И я бы не стала верить тому, чем пичкают нас сейчас СМИ, если бы в отснятых кадрах не увидела того самого Арьяна — молодого человека, что был одним из свидетелей на нашей с Джамалем свадьбе, которого я запомнила довольно хорошо, потому что Джей постоянно с ним переглядывался и вел немой диалог, которому я не придала никакого значения. Я просто выделила его для себя, запомнила молодые и красивые черты лица, отметив про себя то, что знают они друг друга, скорее всего, давно.

Что повергло в ещё больший шок и стало подтверждением слов репортера, так это то, что на одном из стоп-кадров, где застывший

Арьян поднял кисть руки, я заметила то самое кольцо, которое хранила у себя слишком долго, чтобы не узнать его или спутать с другим. Палец Арьяна на снимке объят подлинной печаткой с вытесненной на металле змеей и глазами-рубинами, олицетворяющей фамильный герб датского рода Остен. Как оно могло оказаться у Арьяна, если в последний раз я видела его у Джамалья? Ответ напрашивается сам собой — мой муж собственноручно передал настоящему наследнику древнюю фамильную реликвию, что по праву принадлежит Арьяну.

Но как такое возможно? Наследник Анмара — Джамаль! Он сам сказал мне об этом... хотя, нет, стоп. *Не говорил.* Прямо он никогда не говорил мне об этом. Он лишь заставил меня поверить в это. Я ни в чем уже не уверена, не удивлюсь, если сказанное в новостях — правда, и Арьян действительно является настоящим сыном Малики. Или же и здесь скрывается подвох и тщательно разыгранный для общественности спектакль?

— Ты можешь пояснить мне хоть что-то из этого репортажа? — тяжело дыша, словно грудь переполнена камнями, интересуюсь я, ощущая острую потребность в бутылке воды или ведре с разведенным успокоительным.

— Обо всем по порядку, Рика. Только, прошу, успокойся. Ты вся дрожишь, — замечает отец, вновь приобнимая мои сотрясающиеся плечи и выключая кондиционер — словно отсутствие сквозняка сейчас мне поможет. — Когда ты пропала, оставшись без защиты операционной группы полгода назад, я не находил себе места. Винил во всем себя, не представлял, как буду жить, если тебя не найдут, или найдут... — он нервно сплывает, на мгновение зажмурившись. Подталкиваю отца в бок, призывая продолжить свой монолог, и он немедленно исправляется:

— Смит кормил меня фразами, что «все в порядке» и «под контролем», что он «знает, что делает» — но меня такие ответы не устраивали. Я продолжал съедать себя, не верил, что впутал в подобное дело собственную дочь, подарил тебе такую жизнь, завербовав в агенты. В самый переломный момент, когда внутренние отчаяние и ощущение бессилия стали невыносимыми, со мной связался генерал Амин Башар. Он убедил меня в том, что без совместного сотрудничества ты не вернешься домой живой, и вынудил

меня работать на него. «Вынудил» — не совсем подходящее слово, Рика. Выбора нет, когда на кону стоит жизнь любимой дочери, — продолжает отец, на мгновение пряча лицо в обожжённых ярким солнцем Анмара ладонях.

— Но как ты стал работать на него за спиной Смита? Неужели ЦРУ ничего не знают? И что произошло дальше? — мне двадцать пять лет, а я чувствую себя той самой десятилетней «почемучкой», какой предстала перед Мэттом после того, как немного отошла от горя, начала говорить и познавать для себя новую страну и культуру.

— Я соблюдаю осторожность. Генерал Башар, в свою очередь, обеспечивает мне прикрытие. Думаю, если бы Смит подозревал — меня бы здесь не было. В первую очередь о тебе думаю, Эрика. Я изначально был против плана, где ты выступала «приманкой» и вынуждена была поехать сюда. Ты не должна волноваться о такой мелочи, как моя карьера, дорогая. Возможно, они знают. Возможно, нет. Официально — мы с Лукасом находимся сейчас в отпуске на Мальдивах.

— Он тоже здесь? — оглядываюсь по сторонам, в надежде увидеть брата.

— Спит. В другой комнате, — поясняет отец, и только сейчас я замечаю, что за окном глубокая ночь.

— Расскажи мне, как ты действовал после начала сотрудничества с Башаром, — требую я, пытаюсь не отвлекать Мэтью от сути дела несмотря на то, что мне не терпится потрепать Люка за волосы.

— В тот самый момент у ЦРУ появились неопровержимые доказательства того, что «наследник» Анмара — Искандер Аль-Мактум состоит в сговоре с Ильдаром Видадом с целью лишения власти отца, действующего короля. Сотрудничество с Башаром подарило мне спокойный сон и уверенность в том, что твоей жизни ничего не угрожает до тех пор, пока рядом с тобой Джамаль Каттан. Я получал полный отчет о ваших передвижениях и уже тогда поддерживал с Джамалем связь, о которой ты, в целях безопасности, не догадывалась. Даже вмешательство израильских ВВС в тот день, когда твой муж получил серьезное ранение, а тебе и остальным удалось спокойно покинуть Анмар — подстроено мной, генералом и Джамалем, Рика. Все это время...

— Все шло по какому-то неизвестному мне плану, о котором ты знал! — вспыхиваю вдруг я, не в силах поверить в то, что так долго была слепым котенком, безвольно барахтающемся в крохотной коробке.

— Нет, все не так, Рика. Смит и остальные не сообщали мне всей информации, так как знали, что я буду против твоего участия в операциях. Я не знал, что они планируют совместную миссию с Искандером, понятия не имел, что тебя вновь отправят в Анмар, сыграв на твоих чувствах к Каттану! Мы с Джамалем опоздали на пару дней. Согласно договоренности, это я должен был вывезти тебя в Анмар: под другим именем, в качестве законного опекуна. Свадьба планировалась на следующий день после твоего приезда...

— И ты спокойно выдал бы меня замуж за восточного мужчину? А наличие двух жен тебя не смущало? Ты во всем слепо верил Джамалю? — засыпаю подозрительными вопросами я, пытливо вглядываясь в черты лица Мэттью. Его скулы подрагивают, выражая внутреннее негодование.

— Рика, конечно бы выдал! Когда это единственный способ сохранить тебе жизнь. И я видел, как он смотрел на тебя. наблюдал за той операцией посреди пустыни, когда с Ильдаром Видадом было покончено. Он смотрел на тебя так, как я всегда смотрел на свою жену. С одержимостью, любовью, невыносимой нежностью. Я был тронут и мог сомневаться в его словах насчет чего угодно, но только не в тех, где он говорил, что отдаст за тебя жизнь, — папа раздвигает губы в улыбке, и я невольно опускаю взор, испытывая дискомфорт от

этих слов. Не нужно Джамалю отдавать жизнь за меня. ему нужно прожить ее вместе со мной. Все, чего хочу.

— А что насчет кольца?

— Как ты понимаешь, для Башара главной целью являлась спрятанная в кольце информация. *Он получил ее, как только оно вернулось к Джамалю.* Джамаль все это время также вел двойную игру. Согласно главному плану, сегодня Джамаль должен был появиться на закрытом собрании, чтобы усыпить бдительность и не вызвать опасений у полковника Кадера и главы правительства. Но вместо заявления о своём наследовании они бы с генералом Башаром озвучили список доказательств в присутствии нового наследника, прибывшего в качестве юриста; предоставили бы все имеющиеся у них данные, разоблачающие Искандера, Кадера, Видада и остальных преступников, стоящих во главе «Шатров Махруса». Из зала совещания виновники бы уже не вышли, хотя это и произошло. Разница лишь в том, что Кадер погиб во время теракта на мосту, а Джамаль пропал без вести...

— Но почему все пошло не так? — затаив дыхание, продолжаю обсыпая вопросами Мэтью, вгрызаясь зубами в кулак. — Папа, я не верю, что потеряла его. я просто не вынесу этого, — мне с трудом даются эти слова, и от ответа, читающегося в глазах отца, становится дурно. Он опять смотрит на меня с сочувствием и жалостью.

— Милая, ты не должна терять надежды. Его нет в списке погибших, — целует в лоб Мэтью, но я уворачиваясь, не в силах сейчас принимать так называемую «поддержку». Да и нужна ли она? Разве чьи-то слова что-то решат? Если самое страшное уже произошло, это никак не изменить. Никогда не ощущала себя настолько беспомощной перед решением судьбы.

— Это слабое утешение.

— Рика, я понимаю, что ты чувствуешь. Поверь, я сам потерял любимую, и никому не пожелаю пройти через подобное. Ты не должна думать об этом до тех пор, пока не назовут все имена погибших. Уверен, что Джамаль выйдет на связь так быстро, как сможет, — ободряющим тоном замечает отец, пытаясь исправить свой «промах».

— Почему не удалось придерживаться изначального плана и добиться самого благоприятного исхода событий, без большого

количества жертв?

— Искандер и ЦРУ активизировались, когда появилась информация о закрытом совещании. Агенты ЦРУ, находящиеся на территории Анмара, были экстренно отправлены в Асад, и вероятность их внедрения на совещание возросла в разы, как и угроза ликвидации настоящего наследника и распространения секретных данных, которые обсуждались на совещании. Поверь, ЦРУ куда выгоднее работать с Искандером, который пообещал Американской стороне большой процент от добываемых алмазов и нефти на срок в тридцать лет. После твоего звонка в штаб все ресурсы ЦРУ и Искандера экстренно бросили на уничтожение мнимого наследника. Это отвлекающий маневр, Рика, вынужденная мера...

— Вынужденная мера?! Папа! Хочешь сказать, что я стала триггером взрыва и возможной смерти Джамалья? — Выдыхаю я, начиная мучительно умирать, ощущая себя так, словно меня схватили за горло железной хваткой и разум перекрыли поступление кислорода в легкие.

— Нет, Рика, нет. Ты не понимаешь, Джамаль знал, на что идет, знал, какие будут риски.

— Он попросил меня сделать это, зачем? Зачем так подставил себя, я не понимаю! — кричу я, нервно оттягивая себя за волосы, ощущая острую боль у корней волос.

— Милая, успокойся. — легко сказать «успокойся», когда стоишь на тонкой ниточке над самой бездной, и любое дуновение ветра может столкнуть тебя в пропасть. А так я вижу свое будущее без Джамалья. Как долбаную пропасть, черную дыру, бессмысленное существование. он не может оставить меня! Не сейчас, никогда! У нас впереди слишком много всего, о чем мы мечтали, несмотря на то, что никогда не признавались друг другу вслух о своих мечтах.

— Папа, мне нужно знать, где он. пожалуйста, позвони Башару. Свяжись с генералом. Сделай хоть что-нибудь. Я уверена, кто-то должен знать, что с ним. умоляю, — вцепившись в форму отца, я заливаюсь слезами, умоляя его предпринять хоть что-нибудь, действовать.

Ожидание невыносимо для меня, каждая секунда неизвестности равна вечности.

— Я уже сделал это, Рика. Тридцать минут назад, до того, как прийти к тебе. Я рассказал тебе все, что знаю на настоящий момент — местонахождение Джамала

Каттана неизвестно, повсеместно ведутся аресты фигурантов закрытого внутреннего расследования, а также членов семей, причастных к преступной группировке. Большинство из них ждет смертная казнь. Кстати, рыжую девушку... которая хотела отравить тебя и Лейлу, поймали в Черухе и уже заключили под стражу, — внезапно произошедшее сегодня днем кажется чем-то далеким и неважным, незначительным. Воспоминания о беременности Аиды и вовсе не вызывают ничего, кроме равнодушия. Все мои мысли заняты лишь надеждами на то, что Джамаль вот-вот появится в дверном проеме — целый и невредимый. Здоровый. Сильный. Любимый. Вот что действительно важно: ценить каждое мгновение с близкими, любимыми, но, как и бывает, зачастую мы предпочитаем ссориться друг с другом и медленно убивать обидами, оскорблениями, унижением, равнодушием. Осознание масштабов того, насколько дорог тебе родной человек, приходит слишком поздно. Хорошо, что ко мне это осознание пришло вовремя. но так было не всегда, если вспомнить операцию на границе с Израилем.

Я действительно стала другим человеком, наверное, стала собой, Мединой. Какой бы одержимостью ни являлась для меня любовь, как сильно она ни основывалась бы на страсти и эмоциях, сейчас я ощущаю ее куда глубже. Для меня любовь — это когда два человека становятся лучше, находясь рядом, раскрывают в себе новые, самые лучшие и яркие грани. Я не хочу, чтобы это заканчивалось, я не верю, что нам вновь предначертан такой печальный финал.

— Я не могу, не хочу больше. хватит, — порывисто затыкаю уши, сжимая локтями голову, перегруженную потоком новой информацией. — Что с Лейлой? — слабым и упавшим от шока голосом задаю последний вопрос я, вспоминая о том, что девушка находилась на грани смерти.

— Она в больнице. Благодаря тебе с ней все в порядке. Выпишут через пару дней, — папа сжимает мои ладони в своих, будто заранее чувствуя, то, что я собираюсь утопить эту прекрасную комнату и виллу, подаренную Джамалем, в своих слезах.

— Папа, что же мне делать дальше? Папа, я не смогу... без него. И ждать не могу, папа. мне так страшно, — признаюсь я, ощущая, как внутренние плотины срывают с петель, вынося из берегов громкие всхлипы и прерывистые рыдания в голос. Отец прижимает к себе, как когда-то пятнадцать лет назад, когда только привел меня в мой новый дом, и я знаю, что сейчас я ничем не отличаюсь от той едва живой девятилетней крохи.

— Маленькая, тебе нужно успокоиться. И просто ждать.

— Сколько. сколько ждать, — кричу я, пытаюсь его оттолкнуть. Мне не хочется, чтобы кто-либо видел меня в таком состоянии, не хочется делиться своими переживаниями даже с отцом. но именно его поддержка и крепкие объятия помогают мне справиться с внутренними порывами выбежать к океану и ринуться в гущу штормовых волн, которые всегда качают море во время грозы. Темнота за панорамным окном вдруг озаряется вспышкой яркого света, к ней почти мгновенно добавляется размашистый раскат грома, заставляющий лепестки люстры хаотично затрепетать на весу.

— Просто ждать, Рика. Ты ничего здесь не можешь сделать, — обнадеживающий голос отца, заглушаемый очередным воем небес, звучит для меня фактически как приговор.

ГЛАВА 16

«Надо мною, кроме твоего взгляда, не властно лезвие ни одного ножа.»

Владимир Маяковский

Эрика

Довольно непривычно «загорать» не в открытом купальнике, а длинном платье-рубашке пудрового цвета, подол которого я слегка поднимаю до уровня колен, опасаясь сгореть под жалящим солнцем Анмара. С долей тревоги взглянув на часы замечаю, что их стрелки указывают на цифру одиннадцатью перевожу взгляд на Резу с Эмилией, что увлеченно о чем-то спорят друг с другом, выстраивая замок из мокрого песка. Довольно интересно наблюдать за тем, как они разделяют обязанности при совместном строительстве. Сначала Реза нарисовал и спроектировал будущий дворец и минут пятнадцать объяснял Эми, как они будут его воздвигать, и четко обозначил фронт работ для девочки, приказав ей заниматься женской половиной замка и садом. Мальчик взял на себя проектирование и строительство мужской, самой сложной части жилища и укладкой крепкого забора. Пока Эмили возилась с украшением куполов «замка Аладдина и Жасмин» найденными на берегу Персидского залива ракушками, Реза закончил с крепостью и теперь тщательно проверял ее работу, опуская пару замечаний в сторону Эми, отчего она постоянно надувала пухлые губы и обижалась на друга. Их ссоры длились не больше пяти минут.

На шестую они уже дружно заливаются смехом и кидают друг в друга неиспользованные ракушки. На их лицах отражено все, о чем мечтаю сейчас я: детская непосредственность, беззаботность, счастье... настоящая, искренняя улыбка, спровоцированная порывом души, а не натянутое «нечто», форму которого вынуждены принимать мои губы.

Три недели. Джамаль нет три недели.

Я улыбаюсь для детей, для отца, говорю, что «все хорошо», когда у меня спрашивают, как я себя чувствую и почему опять не ем. Почему у меня проснулась «аллергия» на цветение, когда в самый неподходящий момент прикрываюсь ей, стараясь не разрыдаться за завтраком «без повода». Ведь нет повода, нет, правда... Джамаль пропал без вести, он не погиб — и пока жива эта версия, я не имею права раскисать и прощаться с ним. Не имею. Да только эти мысли не помогают мне избежать удушливых спазмов, одолевающих ночью: когда задыхаюсь от боли и бессилия, умираю от острой потребности прижаться к его груди, ощутить его глубокое дыхание, гулкое биение сердца и то, как он отвечает мне, притягивая к себе ближе.

В моей жизни были тяжелые моменты, были и по-настоящему трагичные, но никогда мне не было так трудно, как сейчас. Так больно и страшно. Жить, сгорая каждый день без новостей, теряясь в догадках и собственных версиях того, почему Джамаль не выходит на связь.

Его нет три недели.

Мне страшно, что через три года я так же приду на этот пляж и подумаю о том, что его нет уже три года. Буду ли я ждать? Конечно... столько, сколько потребуется... пока он не вернется ко мне.

Радуется, что Эмили в безопасности, как и Реза, который пытался сбежать из резиденции Искандера вместе с остальными детьми, как только того взяли под стражу. Арьян, сам принц Анмара, лично пригласил меня во владения короля, куда были перенаправлены сбежавшие дети, где я и нашла мальчика. Уговаривать его переехать ко мне долго не пришлось — Эмилия с

Аделой на тот момент уже находились на вилле, и каждый раз мое сердце пело от радости, когда я видела, как воссоединенные дочь и мать не могут наобниматься и наговориться друг с другом.

— Медина, — от беспокойных мыслей меня отвлекает голос Лейлы. Она обычно не ходит на пляж, но сейчас я вижу, как девушка опускается на лежак рядом со мной и поднимает на меня прямой и открытый взгляд черных глаз. Лейла тоже переживает непростые времена, стресс и нервное напряжение сказываются на её милостивом

лице с полным отсутствием макияжа, на смену которому пришли опущенные уголки губ и вечно напряженные брови. Проходя мимо её спальни, я часто слышу, как она тихо плачет, изредка всхлипывая навзрыд, задавая себе вслух лишь один вопрос: «Почему?».

Она потеряла отца, человека, которого считала главным мужчиной в своей жизни, несмотря на наличие мужа. Еще больше она подавлена тем, что все это время не знала, какие чудовищные дела проворачивает Таир Кадер, являющийся виновником процветающих в Анмаре «Шатров Махруса», уничтожая и губя человеческие жизни. Почти вся её семья оказалась олицетворением обмана и лжи, а «лучшая подружка» едва ли не отравила её, несмотря на то, что бокал, щедро снабженный Аидой ядом, предназначался мне. Лейлу выписали через пару дней после того рокового дня, когда Мэтью рассказал мне всю правду о «за кулисы» этого парада безумия. И только неделю назад девушка начала выходить из своей спальни и помогать мне в работе по дому — а именно этим я сейчас и занимаюсь в свободное время, стараясь заполнить тревожные мысли более полезным и созидательным делом.

— Привет, Лейла. Как себя чувствуешь? Рада, что ты наконец вышла из своей спальни днем, — ободряющим тоном приветствую первую жену Джамала.

— Не очень, Рика. Я не могу здесь больше оставаться, — резко сжимая кулаки, твердо произносит девушка.

— Почему? — не сказать, что я сильно удивлена. Чувствовала, что все к этому и идет, и, учитывая обстоятельства гибели отца Лейлы, подобный исход вполне ожидаем.

— Потому что понимаю, что не могу смириться с тем, что произошло. Моя жизнь повернулась на сто восемьдесят градусов. То, во что я верила, то, что считала святыней — разрушено. Моя мать убита горем и находится в таком же подвешенном состоянии. Она не верит в грехи отца, не может принять того, что он вел двойную жизнь и являлся... преступником, — девушка нервно сплывает, глядя на меня из-под опухших из-за слез ресниц. — Я чувствую, что мне нужно уехать, и я нужна матери. К тому же я не знаю, что чувствую теперь к Джамалу. Я всем сердцем любила его, но, кажется, совершенно не знала своего мужа, как и своего отца. горькое

совпадение, не находишь? — тихо заканчивает Лейла, поднимая на меня взор полный боли и отчаяния.

— Я все понимаю. Можешь не объяснять, если тебе тяжело говорить об этом.

— Поверь, я искренне надеюсь, что Джамаль-джан жив. Я молюсь за него каждый день. Я понимаю, что мой отец принес много горя невинным людям, но я любила и его тоже. Я думаю, что не смогу жить с человеком, который фактически убил моего отца. каким бы чудовищем он ни был, — губы девушки начинают мелко дрожать, воздух покидает мои легкие, когда мысли вновь возвращаются к тому факту, что, скорее всего, Джамаль умер во время теракта на мосту вместе с Таиром Кадером.

В голове не укладывается, что он никак себя не подстраховал, не нашел способа выжить в эпицентре взрыва. Возможно, он планировал прыгнуть в воду перед взрывом... но, видимо, что-то пошло не так. Он мог утонуть или пострадать от взорванных обломков кортежа. Могло произойти что угодно, иначе он бы давно дал знать, что он жив!

Боже, от бесконечных вопросов и мечущихся мыслей можно сойти с ума, неизвестность убивает меня ежесекундно.

— Ты можешь остаться, Лейла. Здесь, в моем доме. Столько, сколько тебе потребуется, я тебя не гоню. Куда же ты пойдешь? — я сама не ожидаю от себя такого радушия, но девушку мне искренне жаль. Она действительно потеряла все, свою жизнь и веру в будущее, и мне она ничего плохого не сделала, зачинщицей всего «зла» всегда выступала Аида, которую нашли и арестовали за покушение на жизнь Лейлы. Даже вспоминать не хочу об этой рыжей гадюке, которая чуть глаза мне не выколола и посмела лгать о том, что беременна от Джамали. Допрос и пятиминутное узи подтвердило, что девушка не является будущей матерью и не может рассчитывать на смягчение срока.

— Ты и так много для меня сделала, приняла в этот дом, спасла мне жизнь, Медина. Удивительно, зачем. Знаю же, как была тебе неуютна. Ты могла бы смотреть, как я задыхаюсь, или слишком поздно позвать на помощь. врачи говорили, что я выжила только благодаря тому, что ты прочистила мой желудок, и быстро доставила меня в больницу. И несмотря на то, что моя жизнь сейчас напоминает

кошмар, я все равно знаю и чувствую, что выжила не зря. Я начинаю верить, что и мою судьбу однажды озарит солнце.

— Мактуб, Лейла. Так и будет, — принимая ее благодарность, искренне заверяю девушку я. — Ты не виновата ни в чем. И можешь здесь остаться. Тебя никто не выгоняет. Джамаль вернется, и мы решим, что делать дальше, — последнее предложение дается мне с большим трудом, на слове «вернется» сердце предательски сжимается от боли.

— Я уеду в Арис, к своим дальним родственникам. Я уже все решила — буду жить у них. Завтра приедет человек и поможет мне переехать.

— Кто? — удивленно вскидываю брови, замечая, как лицо Лейлы слегка розовеет от смущения.

— Я познакомилась с одним хорошим мужчиной в клинике. С моим врачом, честно говоря. Он был так добр и заботлив по отношению ко мне. Он... европеец, и... Медина, не осуждай меня. Между нами нет и не было ничего, я по-прежнему являюсь женой Джамала и принадлежу ему перед Аллахом, — лучше бы о последнем Лейла не напоминала. — Себастьян предложил свою помощь, мы созванивались по телефону по поводу моего здоровья. Пожалуйста, не говори, что я грешная, ужасная жена и человек, просто.

— Просто в вашем браке с Джамалем было больше расчета, а не чувств, — сомневаюсь, что они вообще были, но не произношу этого вслух. — Я никто, чтобы осуждать тебя, Лейла.

— Между нами ничего нет. Он просто очень добр ко мне, и. — снова начинает оправдываться Лейла, нервно вцепившись в ткань своего платья.

— Лейла, можешь ничего мне не объяснять. Я понимаю и принимаю твое решение.

— В любом случае, я должна уехать. Даже *если* Джамаль вернется.

— Когда он вернется, Лейла, — настойчиво перебиваю я, вспыхивая от неконтролируемого гнева.

— Да, *когда*... я не смогу жить с убийцей моего отца и человеком, отправившим в тюрьму моих братьев. На допросе Амин Башар мне подробно рассказал, кем является в этом спектакле отец и какую роль в нем сыграл мой муж. Ты думаешь, он жив, Медина? Три недели... Джамаль нашел бы способ, дал бы нам знать...

— Лейла, — решительным тоном отрезаю я, бросая на нее уничтожающий взгляд, под влиянием которого она тут же прикусывает свой длинный язык. Слышать ничего не хочу о том, что Джамаль «нашел бы способ сказать, что жив». Это сильнее меня, не могу и не хочу воспринимать сомнения от кого-либо, кроме себя.

— Прости. Я не хотела причинить тебе боль, — мы одновременно встаем с лежаков на горячий песок и даже аккуратно обнимаемся, похлопав друг друга по плечам. В этом жесте нет искренней симпатии друг к другу, лишь уважение и сочувствие. Большого и не надо.

— Я надеюсь, у тебя все будет хорошо.

— Взаимно, дорогая Медина. И, кстати, Аида врала, когда говорила те ужасные вещи. порой она признавалась мне, что не чувствует «присутствие» Джамали в их близости. Так что все, о чем она говорила, можешь смело делить на ноль.

— Уже разделила. Спасибо, Лейла, — девушка расцепляет объятия и, окидывая меня долгим, прощальным взглядом, направляется в сторону дома, быстро ступая по раскаленному песку, удерживая раздувающееся на ветру длинное платье.

В попытке вновь вернуть умиротворенное состояние я перевожу взгляд на Эмили и Резу, но с удивлением отмечаю, что девочка уже бежит ко мне, озаряя все вокруг искренней, полной жизни улыбкой, от которой расцветает все вокруг, увеличивается резкость, контрастность и краски. Она невероятно заряжает меня своей любовью к жизни, отражающейся в зелено-карих глазах, меняющих цвет в зависимости от настроения: иногда они темнеют, приобретая оттенок малахита, или наоборот светлеют, становясь двумя ограниченными янтарями. Эми радуется каждой минуте, проведенной в безопасности, рядом с Аделой и Резой, мной... она излучает вибрации благодарности за спасение, хотя благодарить ей нужно не нас, а Джамали в первую очередь. Как его не любить после этого? Уверена, что он все сделал для того, чтобы спасти Эмили, стоило мне лишь поделиться с ним своей болью и тревогой за нее.

— Медина! — зовет Эми, улыбаясь до глубоких ямочек на щеках. Ей пришлось через многое пройти в плену, но, кажется, в компании матери и лучшего друга она быстро оправилась от психологической травмы, как и сам Реза. Хотя, конечно, мне предстоит с поработать с

ними обоими. В будущем я бы очень хотела получить образование квалифицированного детского психолога. Интересно, Джамалю бы понравилась эта идея?

— Смотри, что я нашла, Медди, — заговорщицким тоном шепчет Эмилия, протягивая мне тяжелый пакет, до краев наполненный ракушками и разноцветными камнями, которые девочка нашла на берегу. — Завтра у Резы день рождения, и я подумала. — Эми нервно кусает губы, явно испытывая долю смущения.

— Хочешь сделать ему подарок своими руками? — высыпаю содержимое пакета на лежак, перебирая мягкие овальной формы камушки, почти одинаковые по размеру.

— Да. Ты сможешь мне? Нужно в каждом сделать дырочку и нанизать на прочную нитку. Получатся интересные четки, — высказывает вслух свою идею девочка. Я впервые за долгое время раздвигаю губы в искренней улыбке. История повторяется? Забавное совпадение.

— Я попрошу Али помочь нам, и вечером мы займемся плетением, — обещаю я, имея в виду руководителя стройки, который сейчас по проекту Джамалая воздвигает пристрой на территории виллы, в котором по плану будет небольшой семейный spa-центр с марокканской баней и бассейном. Эмили порывисто обнимает меня, вызывая своим действием в душе целый шквал теплых эмоций, до краев заливающих грудную клетку привязанностью и нежностью. Не думала, что во мне так развит материнский инстинкт. Я настолько прикипела к этим ребятам, что не представляю, как отпущу их, когда придет время. Я бы так хотела, чтобы у нас с Джамалем были дети. Минимум трое. Но мечтать сейчас о маленьких карапузах, ползающих по коридору в нашем огромном доме, слишком больно.

— Пойдешь строить замок с нами? Пошли, Медди, — подначивает Эмили, увлекая за собой в сторону Резы, хватая меня за руку. Судорожно выдыхаю, ощутив знакомую каждой девушке тянущую боль внизу живота, инстинктивно прикладывая ладонь к болезненной зоне.

— Тебе нехорошо, Медина? Позвать маму? — с тревогой спрашивает девочка, ее аккуратные бровки начинают напоминать мне идеальный перевернутый «домик».

— Честно говоря, я неважно себя чувствую, Эмили. Я бы с радостью поиграла с вами, но, наверное, мне лучше поспать. Я позову твою маму. Она побудет здесь с вами. Хотя уверена, что в компании Резы тебе нечего бояться, — шучу я, проводя ладонью по ее шелковистым русым локонам, на которые так часто засматривается Реза.

— Хорошо. Но вечером ты поможешь мне с четками? — уточняет Эмилия, продолжая внимательно разглядывать меня. Невольно чувствую себя пациентом на приеме у доктора.

— Да. Я отдам камушки Али прямо сейчас. Заберешь их у него и принесешь в мою спальню, — обещаю я, Эмили кивает, ещё раз обняв меня, перед тем как вприпрыжку ринуться в сторону Резы, который, кажется, собирается построить не замок, а целый город. Звоню Аделе, и через пять минут женщина уже радостно семенит ко мне. Обменявшись парой дежурных фраз с женщиной, я наконец скрываюсь в прохладном доме. Перед тем, как уйти к себе в спальню, я отправляюсь на кухню и застаю Зару за разбором пакетов из магазина.

— Зара, ты купила то, о чем я тебя просила? — мягко интересуюсь я, стараясь не выдать своего волнения и унять вибрирующую дрожь в голосе. — Да, Медина. Пять штук, — Зара поднимает на меня тяжелый взгляд и протягивает пакет с таинственным содержимым.

— Не говори никому. Ни Аделе, ни папе о том, что я просила тебя купить... я уверена, что это не то, о чем я думаю, но просто на всякий случай. Не хочу, чтобы кто-либо узнал, — и в голове проскальзывает банальная, но искренняя в этот момент мысль *«Не хочу, чтобы кто-либо узнал раньше него»*.

Зара понимающе кивает и, слегка поджимая губы, пытается поддержать в непростой и волнительной ситуации:

— Я навещу тебя вечером. Позови, если что-то понадобится, — любезно предлагает свою помощь Зара, но что-то мне подсказывает, что сегодня вечером, вне зависимости от результатов теста, я никого не захочу видеть. Кроме Эмили. Я обещала помочь ей с браслетом. Через пятнадцать минут я закрываюсь в ванной и окидываю взглядом свой исключенный вид в зеркале: платье-рубашка настолько промокло от волнения, что прилегает к телу, обрисовывая контуры нижнего белья. По лбу стекают капельки пота, кожа рук усыпана мурашками.

Вена на шее пульсирует, демонстрируя степень внутреннего волнения и напряжения. Жуткое зрелище. Нервно провожу рукой по влажным волосам, стараясь пригладить вставшие дыбом от ветра на пляже волоски.

У меня задержка больше десяти дней.

Сначала я списала сбой в цикле на стресс и акклиматизацию, оттягивала момент истины как могла, пока не устала томить себя еще одной неизвестностью. Мне нужно просто сделать это и узнать правду. Мой организм всегда работает как часы, и задержка в две недели — это в любом случае повод обратиться к врачу. Раскрываю пачку теста на беременность, ощущая, как голову мгновенно накрывает поволокой густого тумана. Я не думаю, просто совершаю на автомате все необходимые действия, ощущая, как сердце стучит в груди, словно отбойный молот. Судорожно выдыхаю, когда вглядываюсь в небольшой экран на тесте, который решит мое будущее. Слезы внезапным ручьем начинают стекать из моих глаз, когда я замечаю бледную, едва заметную, вторую полоску.

— Господи, — отчаянно хватаюсь за край ванны, стараясь удержать себя на ногах. Включаю душ, наспех раздеваюсь, забираясь под струи теплой воды, стараясь осознать то, что только что увидела.

И не могу. Никак не могу осознать.

Противоречивые чувства накрывают с головой: страх и счастье, отчаяние и радость, любовь и разочарование от того, что Джамаль сейчас не стоит по ту сторону двери, не может разделить этот момент со мной. Я не могу увидеть его реакцию, я не могу понять, что сама чувствую. Тот самый момент, когда хочется рыдать от полной потерянности и тихо плакать от радости.

— Ты просто обязан выжить, Джамаль Каттан, — шепчу я, когда выхожу из душа и протираю рукой запотевшее зеркало. — У нашего малыша будет отец. Иначе я просто... — я осекаюсь, колени подкашиваются мгновенно. Опускаюсь на крышку унитаза, распаковывая второй тест. За вечер я сделала три, и каждый раз осознала, что нет никакой ошибки. Внутри меня зарождается жизнь. Часть меня и часть моего любимого мужчины. Я так хочу сказать ему об этом. И сделаю это, во что бы то ни стало! Вопреки судьбе, всему миру. Мактуб не мог ошибиться, как и мое сердце. Джамаль жив. Я знаю, я верю и жду.

ЭПИЛОГ

«Я был попросту слеп. Ты, возникая, прячась, даровала мне зрячесть. Так оставляют след.»

Иосиф Бродский

Кемар. Аззам. 17 лет назад

— Не родной я вам, выходит? — охрипшим голосом спросил Джамаль, и, обняв отца, на плече его лицо спрятал. В горле зацарапало, плакать хотелось, но слёз не было, только в груди горело так, что дышать больно.

— Да, как не родной, Джамаль? Мы тебя на своих руках с матерью вынянчили, есть в тебе наша кровь или нет — не имеет значения. Ты дальше слушай, чтобы понять все правильно, — Омар Камаль издал судорожный вскрик, полный мучения. Джамаль видел, как тяжело отцу продолжать рассказ, и его собственное сердце в этот момент почти не билось. Мальчик знал, что правда, которую скрывал Омар долгие годы, навсегда перевернет его жизнь, но остановить не мог.

— Что случилось дальше? — едва слышно подтолкнул Джамаль отца. В ушах отчаянно стучал пульс, в горле пересохло.

— Три дня ожесточенных боев в окрестностях Аззама мы провели в подвале, — судорожно сглотнув, начал Омар Камаль. — По счастливой случайности снаряды не затронули ни один дом в поселке. В ту ночь, когда в наш дом вошли военные, было особенно тихо, и мы вздохнули с облегчением, решив, что опасность миновала. В считанные секунды неожиданные гости нашли наше укрытие и взломали дверь. Но внутрь вошел только один человек. В военной форме. Он, молча осмотрел убежище, а потом назвал свое имя и сказал, что не причинит нам вреда. Моя жена схватила ребенка и спряталась в самый дальний угол, а я уже знал, кто передо мной. Полковник Амин Башар. Его имя упоминала перед своей смертью

мать ребенка, которого я забрал в свой дом. Все ее слова, которые я счел безумным бредом умирающей, мгновенно всплыли в моей памяти и обрели пугающий смысл.

— Что она сказала... — голос мальчика сорвался от волнения. — Перед тем, как умереть?

— Девушка сказала, что когда-то ее звали Карен Остен, до того, как она стала Маликой, женой короля — Махмуда аль-Мактума. А новорожденный младенец — его сын, первенец, наследник. Она повторяла, что я обязан найти полковника Башара, что только ему можно верить, никто другой не должен знать о ребенке. Как я мог поверить ей тогда? Разве могла жена короля оказаться в пустыне? Раненая, беременная, полуголая? Джамаль задержал дыхание и зажмурился, не в силах поверить в то, что услышал. По телу прошелся ледяной озноб, который сменился удушливым жаром.

— Она не бредила. Это правда, — глухим голосом продолжил за отца Джамаль. Омар Камаль кивнул, бросив на сына полный нечеловеческих мучений взгляд.

— Генерал Башар подтвердил каждое ее слово. У меня не было выбора. Я понимал, что должен отдать ребенка. Никогда не забуду этот момент. Сара кричала, рыдала, умоляла меня сделать хоть что-то. Я боялся, что она сойдет с ума, не выдержит ещё одной потери. Я сам забрал младенца из рук жены. Помню, как рвалось на части мое сердце, когда я держал его в последний раз, глядя в темно-янтарные глаза, прежде чем передал смутившемуся генералу. Амин Башар не ожидал, что мы так сильно успели прикипеть к мальчику.

— Темно-янтарные глаза? — словно очнувшись, спросил Джамаль, в смятении взглянув на отца.

— Да, Джамаль. Карие глаза, светлая кожа и черные, как смоль, волосы. Очень красивый ребенок. Башар спросил меня, какое имя мы ему дали. Я ответил: «Арьян».

— Я не понимаю...

— Я тогда тоже ничего не понимал. Мы с Сарой оторвали Арьяна от своего сердца, как родного. Наше горе было безгранично. Когда Башар ушел, мы не поднялись наверх, хотя больше не прозвучало ни одного взрыва. Мы словно замерли в страдании. Полковник вернулся следующей ночью, застав нас в отчаянном состоянии. Он был не один. Держал в руках крошечный плачущий сверток. Твоя мать

очнулась первой. Сара подбежала к Амину Башару, выхватила у него ребёнка, взгляделась в его лицо и замерла в потрясении.

— Это был другой мальчик? — с трудом выговаривая слова, тихо спросил Джамаль.

— Да. Это был ты, — глаза Омара Камалья заблестели, губы изогнула ласковая и одновременно болезненная улыбка. — И ты плакал, так горько и отчаянно, что ни я, ни твоя мать не допустили ни одной мысли, чтобы отказаться от тебя и вернуть Башару.

— Он сказал, что случилось с моими настоящими родителями? — сдавленно спросил Джамаль, чувствуя, как на глазах закипают слезы.

— Твою мать вывезли из Европы для продажи, но она пришлась по вкусу одному из главарей, и он оставил ее себе в качестве рабыни. Спустя несколько месяцев ее освободили военные Анмара, когда накрыли один из лагерей Шатров Махруса, — тяжело вздохнув, ответил Омар. — К тому моменту измученная и испуганная девушка находилась на последнем месяце беременности. Сразу после твоего рождения, не справившись со стрессом, она покончила с собой.

— Значит, моим отцом был работорговец, преступник... — обречённо пробормотал Джамаль, пряча пылающее лицо в ладонях. Омар порывисто обнял сына, прижимая к себе.

— Я твой отец, мальчик. Другого нет и никогда не будет. Мы полюбили тебя всем сердцем, ты вернул жизнь и

надежду в наш дом, — твердо произнес Омар. — Я должен сказать еще кое-что важное, Джамаль. — серьезным тоном добавил он, привлекая внимание сына. — Полковник просил сохранить в тайне все, что случилось с Махрuse, и о его появлении в нашем доме. Он предлагал мне много денег за спасение наследника. Очень много. Я отказался. Аллах руководил мной в ту ночь в пустыне, я лишь исполнял его волю. Человеческая жизнь не имеет цены. Именно это я и ответил Амину Башару. Я хотел вернуть ему кольцо, которое снял с погибшей Карен Остен, но он не взял. Оставил его нам, как дар, и сказал, что когда ты достигнешь зрелого возраста, то сможешь поступить на службу под его личное покровительство, и он позаботится о твоей карьере. Чтобы полковник Башар понял, кто ты, достаточно будет показать кольцо.... В конечном итоге Джамаль Камаль оказался под покровительством Амина Башара, дослужившего до генеральского звания, но совершенно иным,

кровавым путем... Ни будущий генерал, ни бедный реставратор мечетей Омар Камаль, ни сам Джамаль не могли предположить, какую гибельную и сокрушительную роль сыграет фамильный перстень Карен Остен для Аззама и его жителей, запустив череду трагических и необратимых событий. Человеческая жизнь не имеет цены — считал Омар Камаль. Он не учел ещё одного важного факта. Человеческая жестокость и алчность не имеют границ. И нелюди, обладающие определенным влиянием, готовы платить любую цену за укрепление своей власти, даже если на кону стоят сотни невинных жизней. Но рано или поздно возмездие настигнет каждого. Неважно, сколько пройдет времени до свершения правосудия — этот момент настанет. Мактуб настигнет каждого, заставит взглянуть в лицо своим призракам и заплатить за совершенные преступления ту цену, которую они однажды не погнушались взять с других.

Джамаль

Пробираться тайком в собственный дом мне еще не приходилось. Я мог бы войти через главный вход и не изображать из себя сталкера-полуночника, но после трех недель отсутствия и полной неизвестности мое внезапное появление вызвало бы ажиотаж и нешуточный переполох. Надеюсь, что никто не упадет в обморок, когда увидит меня утром, решив, что в доме поселился призрак.

Мне огромных трудов стоило заставить генерала дать разрешение на мое «воскрешение» и возвращение в мир живых. Сыграло на руку то, что три часа назад состоялся арест последнего фигуранта политического заговора, возглавляемого Дамиром Видадом. Он сам, его сероглазая преданная любовница и «бизнес- партнеры» уже дали признательные показания, подтвердив причастность к планам свержения Махмуда аль-Мактума, взаимовыгодное сотрудничество с организаторами крупномасштабной работорговли на Ближнем Востоке и других тяжких преступлениях. Самая длительная секретная спецоперация в истории существования АРС, длящаяся не менее тридцати лет, закончилась в течение всего двадцати дней. Риск, на который мне пришлось пойти, принес свои результаты. Победа далась нелегко и не без жертв, но главная цель достигнута. Шатры Махруса уничтожены, плавари и все, кто имел отношение к покровительству

преступной деятельности, находятся в тюрьме. Внезапность происходящего и преданные огласке информационные файлы, перехваченные мной во время операции по уничтожению младшего брата экс-главы правительства, сыграли ключевую роль в свершении правосудия.

Премьер-министр рассчитывал совершенно на иной итог закрытого совещания; я жалею, что не видел выражения лица этого хладнокровного самоуверенного ублюдка, когда король представил настоящего наследника кабинету министров, а тот в свою очередь загрузил на экран в центре круглого стола данные, подтверждающие связь большинства из присутствующих с преступной группировкой «Шатры Махруса». Ликвидация собственного брата не спасла Дамира аль-Видада от возмездия короля, а документы, которые он хранил в своем сейфе, не имеют ни малейшей юридической силы — их подписывал архитектор Джамаль Каттан, а не старший сын короля. Но наличие данных документов подтверждает участие главы правительства в политическом заговоре. Полная картина преступления дополнится свидетельскими показаниями. Моими. Впереди бесконечная вереница судебных заседаний. И каждый, кто окажется на скамье подсудимых, вовсе не обрадуется моему чудесному воскрешению. Казнь Дамира состоится через несколько недель. И она будет первой в череде многих. Его вина уже полностью доказана. Подобная участь ждет и остальных. Махмуд аль-Мактум всегда славился своей жестокостью по отношению к врагам и предателям. Теперь, когда необходимость играть роль умирающего безумца отпала, король обрушит свой гнев на виновных в стократном объеме. Да, король никогда не был болен, а его экспрессивное поведение — не более чем неисправимая черта характера.

После того, как в Нью-Йорке вскрылась цепочка «Ильдар Видад — Таир Кадер — Дамир Видад», генерал организовал наши совместные действия таким образом, чтобы спровоцировать преступников, заставить их ускорить реализацию вынашиваемых планов. Надо признать, что до операции «Ядовитый любовник» я сомневался, что полковник Кадер причастен к многочисленным преступлениям. Все доказательства его вины я получил позже.

Во время взрыва на мосту мы с полковником находились в одном автомобиле. В СМИ сообщили, что взрывы раздались одновременно.

Это неправда. После первого у нас было несколько секунд. Кадер понял... Каким-то шестым чувством, без которого он бы не достиг карьерных высот, полковник догадался, что я сдал их, и потянулся к кобуре. Я оказался быстрее и выстрелил первым. И когда собирался выпрыгнуть из автомобиля, раздался второй взрыв. Спасло то, что я успел нажать на ручку двери. Ударной волной меня вышвырнуло из вылетевшей с моста машины. Водитель погиб на месте, а ещё один агент Кадера захлебнулся, когда автомобиль упал в реку. Если бы я остался внутри, у меня не было бы ни одного шанса выжить...

Но я обещал вернуться. Я обещал. Наверное, эта мысль и данная клятва помогли мне не потерять сознание и продолжать бороться за собственную жизнь. В состоянии шока не чувствовал боли от ожогов и изрешетивших правую руку осколков стекла. Погрузившись под воду, я каким-то немислимым способом сумел выплыть на поверхность, где меня выловили военные генерала. Я отключился в реанимобиле по пути в госпиталь, и после хирург, который оперировал меня, сказал, что чудом вытащил меня с того света. Мое сердце останавливалось дважды... Я не помню. Никаких темных тоннелей и яркого света. Ничего не было. Ни одного гребаного видения. Я не планировал уходить.

Я обещал, что вернусь. Никаких *«если суждено, я выживу и найду тебя»*. Мы и так слишком долго ждали. Самодельные четки Эйнин на моем запястье обуглились и почернели, но я не потерял их. Словно неведомая сила, вложенная в оберег, сделанный руками маленькой Медины, продолжала хранить меня даже когда все вокруг пылало в огне.

Я не мог себе позволить умереть и обречь Эйнин на бесконечное чувство вины. Заставив ее позвонить в штаб и озвучить ложные сведения, я, в отличие от Эйнин, понимал, что ЦРУ попытается ликвидировать кортеж до того, как лже-наследника доставят на закрытое совещание. Это была вынужденная мера. Другого варианта отвлечь находящуюся в Асаде агентуру ЦРУ от происходящего в здании правительства не было. Оправданный риск во имя благой цели, но Эйнин восприняла бы мою гибель иначе.

И три недели в госпитале стали для меня настоящим адом. Я готов был покинуть стены больницы сразу после перевода из реанимации в обычную палату, но генерал Башар выставил охрану у дверей,

безапелляционно уведомив, что пока все соучастники Кадера и Видада не окажутся в тюрьме, мне, как основному свидетелю, безопаснее находиться под круглосуточным надзором военных. Физически мне становилось лучше, молодой организм быстро восстанавливался под наблюдением лучших медиков страны, чего нельзя сказать о внутреннем состоянии. Я снова чувствовал себя загнанным в клетку, и никакие обещанные генералом государственные награды не стирали этого ощущения. Любая связь с внешним миром — под запретом. Никаких сообщений и личных звонков. В качестве компенсации за моральные мучения меня ежедневно информировали о том, что происходит с моей семьей. И поступающие данные только усугубляли ситуацию.

О том, что вытворила Аида, мне сообщили только через неделю, видимо, предварительно взвесив все риски. Во время последнего нашего разговора она вела себя странно, но все равно у меня в голове не укладывалось, что тихая Аида пыталась отравить Лейлу, напала с ножом на Эйнин. Как она посмела? Я спас её однажды, защитил от позора, привел в свой дом, дал свое имя и жизнь, о которой она и мечтать не могла. Я содержал ее брата и его семью... Моя наблюдательность и внимательность к деталям в ситуации с Аидой дали сбой в силу самонадеянности и уверенности в ее абсолютной покорности. Я чувствовал себя хозяином положения, никогда не наблюдал за второй женой со свойственным мне пристрастием, хотя стоило. Особенно после того, как Аида опоила меня травяным отваром с неизвестным составом.

Моя неосторожность чуть не стоила Эрике и Лейле жизни. С тяжелым сердцем я вспоминал, как высмеял опасения Эйнин о том, что мои жены возненавидят ее. Так и вышло. Угроза затаилась не только за стенами дома, но и внутри, и меня не оказалось рядом, чтобы предотвратить трагедию. В тот же день, когда я узнал о выходе Аиды, мне по требованию предоставили доступ к записям с камер видеонаблюдения, и я воочию увидел, как разворачивались события. Моя Медина оказалась не из робкого числа, она не растерялась и в одиночку смогла не только постоять за себя, но и помочь Лейле. Но это я должен был сделать. Я. Бесшумно поднявшись по запасной лестнице, я уверенно ныряю в коридор на третьем этаже, направляясь стремительной походкой к комнате, где, обнимая подушку, спит моя

измученная безызвестностью Эйнин. Я точно знаю, куда идти, потому что доступ от камер этого дома мне тоже предоставили. Дали попробовали поспорить со мной. Находясь в военном госпитале, под круглосуточной охраной, за чертой города, я был с Эйнин каждую минуту. Ее слезы и отчаяние разрывали мое сердце, хотелось выломать двери, разбить окна и вернуться к ней, но генерал Амин Башар был непреклонен, как скала, пока последний фигурант закрытого расследования не оказался в тюрьме.

Все мои ранения и ожоги ничто по сравнению с тем, что я испытывал, наблюдая за Эйнин несколько недель. Я видел всё. Как она улыбалась через силу, занимаясь Резой, Эмили и своим братом, на время отвлекаясь от мыслей, которые мучали ее бессонными ночами, как искреннее переживала за Лейлу, уговаривая ее остаться, хотя наверняка меньше всего хотела, чтобы она передумала. Я видел даже то, что она скрывала от своего отца, оставаясь в тишине своей спальни; как металась по кровати, сверля отсутствующим взглядом потолок, как, начиная задыхаться от недостатка кислорода, вскакивала и выбегала на балкон, а потом опускалась и сидела на полу, обхватив колени руками. Я видел, как Эйнин пробиралась в мою мастерскую, когда дом засыпал, и перебирала новые купленные ею кисти, тюбики с красками и наброски, на каждом из которых была она... *Только она*. Я видел, как, забравшись на тахту, Эйнин беззвучно плакала, свернувшись в позу эмбриона, а потом часами смотрела на свои портреты, прижимаясь губами к обручальному кольцу и шептала слова, которые не могла уловить ни одна камера. Я знаю. все они обо мне, для меня. Я умирал сам, глядя на ее страдания, но ничего не мог поделать. А у нее не было даже этого — возможности видеть меня или хотя бы знать, что я жив. Только вера, надежда и молитва, которая снова сохранила мне жизнь.

С первыми лучами рассвета Эйнин натягивала на лицо мягкую улыбку и возвращалась к повседневным делам, она даже строительство по моим чертежам развернула. Каким-то чудом убедила Аделу задержаться, и я уверен, что в конечном итоге она уговорит ее остаться в Асаде навсегда. Превозмогая страх и боль, моя сильная дерзкая девочка держалась с достоинством и уверенностью, которые всегда в ней были и никуда не исчезли, просто трансформировались в совершенно иное качество.

Я заставил тебя повзрослеть, Эйнин, но я надеюсь, что ты оставила для меня толику своего безумного темперамента и стержневого нрава. Мне нужна моя тигрица, моя своенравная бестия, моя нежная потерянная девочка и страстная бунтарка. Наши безумные споры, яростные столкновения и обжигающие примирения.

Мы будем гореть. Я знал это с самого начала. Наша любовь, зародившаяся в огне, под пулями, не могла быть другой. Она жжет и ранит, она заставляет чувствовать, окрашивая мир в цвета и оттенки, о существовании которых бедный азамский художник даже не подозревал.

— Я вернулся, Эйнин, — шепчу едва слышно, вытягиваясь на кровати рядом со спящей женой и неотрывно глядя на нее. — Я так безумно скучал. — Не решаюсь прикоснуться, просто смотрю, как она мерно дышит, как дрожат длинные ресницы. Не могу поверить, что вижу ее вживую, что она не моя больная фантазия в лихорадочном бреде. Подняв правую ладонь, подушечками пальцев провожу по разметавшимся по подушке темным волосам, придвигаюсь ближе, жадно вдыхаю знакомый аромат ее кожи, по которому дико изголодался. Не хочу будить ее. Только я знаю, как редко ей удавалось забыться крепким сном за последние недели. Я тоже почти не спал, мое сердце ежесекундно рвалось сюда, к моей укрощенной Медине. Нам предстоит так много сказать друг другу, но сейчас я просто смотрю. В полумраке ее лицо кажется особенно уязвимым, уставшим и в то же время светящимся изнутри. Задерживаю взгляд на полных чувственных губах, подыхая от дикой потребности накрыть их своими, целовать до полной потери дыхания. Я боюсь напугать ее. Моя бесстрашная тигрица... Не удивлюсь, если она выпустит свои коготки, прежде чем поймет, кто осмелился забраться в ее постель. Сердце молотится в груди, стянутая бинтами правая рука и плечо ощутимо пульсируют от боли. Нет, я не готов к схватке. Я впервые согласен проиграть ей без боя. Хотя. я всегда проигрывал, даже когда считал, что победил. Вздохнув, я снова немного смещаюсь, принимая более комфортное положение.

— Ты создана для меня, Эйнин, — произношу одними губами слова одного из наших тайных заклинаний и застываю в напряжении, замечая, как пушистые ресницы Эрики распахиваются. Кислород разом покидает легкие. Голубоглазое наваждение. Целый мир в глазах

одной девочки. Моря и океаны, которые и не снились тринадцатилетнему Джамалю Камалю, он увидел впервые в бездонных лазурных глазах Эйнин. Девятый вал на гребне неудержимой страсти, обрушившейся на нас, но не сокрушившей. Мы выжили, Эйнин, и обрели нечто большее. Сонный отсутствующий взгляд останавливается на моем лице. Горькая нежная улыбка вздрагивает в уголках ее губ.

— А ты для меня, Джамаль, — шепчет она в ответ, утыкаясь носом в мое плечо, все еще пребывая в объятиях сновидения. — Ты — мой, — выдыхает Эйнин. Ее ресницы опускаются, щекоча мою кожу. Я обнимаю ее забинтованной рукой, запуская пальцы в шелковистые волосы и лаская затылок массирующими движениями.

— Твой, — отвечаю тихо. — Только твой. Ты добилаась своего, Эйнин.

— Я так скучаю по тебе, Джамаль, — с болью произносит Эрика, крепче прижимаясь ко мне. — Ты нужен мне сейчас. Очень нужен.

— Я знаю, альби. Я здесь, с тобой. Никогда больше не оставлю. Все закончилось, девочка, — мои пальцы перемещаются на нежные скулы, мягко поддевают подбородок, запрокидывая ее лицо. Дрогнув, ресницы Эрики снова открываются. На мгновение мы оба перестаем дышать, бесконечно долго глядя в глаза друг друга. Я вижу, как осознанное выражение в расширившихся зрачках Эйнин стирает остатки сна, вспыхивают серебристыми искрами набежавшие слезы, молчаливо стекающие по впалым щекам. Я с трепетной нежностью стираю их пальцами, ожидая взрыва, истерики, обвинений, которые непременно последуют после того, как первая волна потрясения схлынет.

— Я знала, что ты жив. Ни на минуту не усомнилась, — глухим шепотом нарушает она напряженное молчание, и мы оба шумно вздыхаем. — Боже, живой. Я так сильно боялась, Джамаль, — она порывисто обхватывает мое лицо тёплыми ладонями, сверля настойчивым горячечным взглядом.

— Я обещал, что вернусь, Эйнин, — мягко напоминаю я.

— И я поверила. Как всегда, поверила. Я ждала, каждый день ждала тебя, Джамаль, — снова вздохнув, она закрывает глаза, прижимаясь губами к моим. Солёный, полный горечи и нежности поцелуй. Почти невинный, робкий и отчаянный. Слишком короткий,

чтобы я успел ответить. Оторвавшись, она упирается ладонями в мои плечи, скользнув взглядом в виднеющиеся в распахнутом вырезе рубашки бинты. Вздрогнув, она застывает на долю секунды, а потом резко толкает меня на спину и, склонившись, быстро расстегивает оставшиеся пуговицы, распахивает полы. Ее пальцы изучающе скользят по новым багровым шрамам и медицинской повязке, скрывающей те, которые зарубцуются ещё не скоро. Сердце рвется на части, когда я замечаю неприкрытую боль во взгляде Эйнин, снова остановившемся на моем лице.

— Все в порядке, альби. Это просто царапины и пара ожогов, — тихо говорю я. Она стаскивает меня рубашку полностью, в ужасе глядя на чернеющие гематомы по всему телу.

— Ты рисковал жизнью. И это не царапины. Ты не в порядке, черт побери, — всхлипнув, яростно восклицает Эрика.

— Цель оправдывает средства. Результат того стоил, Эйнин. Прости, что я не придумал другого способа, — хрипло говорю я, дотрагиваясь до ее плеча, нежно лаская кожу под тонким шёлком ночной рубашки.

— Если бы ты погиб, я бы не простила себя, — натянутым подавленным тоном отзывается Эрика, продолжая смотреть на меня сверкающим взглядом.

— Именно поэтому я выжил, детка. Все закончилось. Миссия выполнена. Шатры уничтожены, заговор Советника разоблачен, все виновные дожидаются суда в тюрьмах Анмара, — пытаюсь выдавить из себя ободряющую улыбку, но она выходит кривой и жалкой. Мы оба понимаем, что я осознанно пошел на риск, и обещание вернуться могло оказаться невыполненным.

— Это жестоко, Джамаль. Сделать меня своей, подарить надежду и уже утром оставить, вернувшись к своим планам по спасению мира. Почему ты не сообщил? Как ты мог заставить меня пройти через весь этот кошмар в одиночку? — дрогнув, ее голос срывается. Закусив губу, она стирает ладонями безмолвные слезы.

— Прости, Эйнин, — горько усмехнувшись, Эрика отстраняется. — Иногда обстоятельства не оставляют нам выбора, — я хватаю ее запястья, не позволяя отвернуться от меня. — Теперь все будет по-другому, альби.

— Как по-другому, Джамаль? — ее прямой требовательный взгляд выворачивает мою душу наизнанку.

— Это мы решим вместе. Ты и я. Начнем прямо сейчас, Эйнин.

— Ты и я? Ты забыл, что есть ещё Лейла и Аида?

— Я не забыл, Эйнин, — приподнявшись, я оперся спиной об изголовье кровати и притянул Эрику на свои колени.

Крепко обнял ее вздрагивающие плечи, согревая теплом моего тела. — Я все знаю, малышка, — шепчу я, зарываясь носом в ее растрёпанные волосы. — Видел все, что происходило с момента моего отсутствиям гордился тобой, Медина.

— Все-все? — после непродолжительной паузы напряжённо уточняет Эйнин. Я киваю, прижимая ее ближе. Ладони плавно перемещаются с хрупких плеч к тонкой талии, скользят вниз по бедрам и застывают, когда я слышу следующий вопрос. — И мою драку с Аидой?

— Всё, Эйнин, — глухо подтверждаю я. — Мне жаль. Это моя вина. Я сражался со внешним врагом и не заметил опасность, исходящую от Аиды. В доме было полно камер и охраны. Ничто не предвещало трагедии. Я не оправдываюсь, Эйнин, а говорю, как есть. Ты знаешь, с какими серьёзными противниками нам приходилось иметь дело. В сложившихся обстоятельствах я просто недооценил женскую ревность.

— Она умело пускала пыль в глаза, Джамаль. Но я ее сразу раскусила, — натянутым тоном отзывается Эйнин. — Именно она, а не Лейла была провокатором всех конфликтов.

— Возможно, мой последний разговор с Аидой послужил спусковым механизмом.

— Что ты ей сказал? — повернувшись на моих коленях, Эрика вскидывает на меня вопросительный взгляд. Я нежно провожу от ее локтя до плеча, ощущая, как покрывается мурашками бархатистая кожа под шероховатыми подушечками моих пальцев. Замираю на широких кружевных бретелях, наслаждаясь почти невинными прикосновениями.

— Правду, — отвечаю я, глядя в прекрасные глаза Эйнин, в которых отражается бесконечная гамма эмоций и чувств. — Что я полюбил тебя ещё мальчишкой и искал долгие годы; что если бы нашел раньше, то никогда бы не женился ни на ней, ни на Лейле.

— Ты самый безжалостный мужчина из всех, что я знаю, Джамаль, — зарывшись пальцами в мои волосы, вздыхает обреченно Эрика. — Как по отношению к тем, кого любишь, так и к тем, кому повезло меньше. Что с Аидой будет теперь?

— Законы Анмара жестоки в отношении подобных преступлений. Возможно, я смогу повлиять на судебный процесс и заменить приговор ссылкой из страны.

— Когда все случилось, я хотела Аиде смерти. Сейчас нет. Я понимаю ее ярость, Джамаль, — Эйнин одергивает руку, скользнув пальцами по напряжённым мышцам на моих плечах. — Я чувствовала то же самое, когда ты привез меня в свой дом.

— Но ты оказала первую помощь Лейле, несмотря на ревность, и поддерживала потом. Именно ты просила ее остаться, — напоминаю я.

— Она все ещё может передумать, если узнает, что ты вернулся, — Эйнин опускает взгляд, чтобы я не заметил мелькнувшей в нем боли.

— Я стрелял в Таира Кадера до того, как взорвался автомобиль, — властно удерживая ее подбородок, произношу я. — Мне предстоит свидетельствовать на многочисленных судах против его сыновей и братьев, которых со стопроцентной вероятностью казнят. Их похоронят как преступников и предателей, в то время как я буду приставлен к награде за содействие в самой масштабной секретной операции за историю АРС, после чего получу звание полковника и возглавлю отдел, которым руководил отец Лейлы. А еще через пять лет стану генералом и отправлю в заслуженную отставку Амина Башара. Не думаю, что Лейлу порадует мой карьерный рост, учитывая обстоятельства. Все, что я могу сделать для нее сейчас — отпустить и финансово позаботиться о тех ее родственниках, которые непричастны к деятельности Таира Кадера.

— Ты возглавишь АРС? — пропустив последнюю фразу, потрясенно переспрашивает Эрика.

— Да, — киваю я. — Это решенный вопрос. Официально я смогу занять пост директора АРС по достижении тридцати пяти лет. Есть время передумать, — скептически добавляю я, прекрасно зная, что никогда не откажусь от обещанной мне должности.

— А кем буду я, пока ты и дальше будешь спасать свою страну от внутренних и внешних угроз?

— Нашу страну, Эйнин. — мягко поправляю я. — И пока я ее спасаю, ты будешь моей женой, любящей и любимой.

— Единственной?

— Ты всегда была единственной, — я беру ее ладонь и прижимаю к груди напротив своего бешено бьющегося сердца. — И всегда будешь. Ты моя, Эйнин. Теперь ты наконец-то убедились в этом?

— Вообще-то ты не оставил мне выбора, — осторожно дотрагиваясь до свежего рубца на бицепсе, вздыхает Эрика с напускной покорностью.

— Мактуб, — улыбаюсь я и, наклонившись, нежно целую кончик ее носа.

— Мактуб, — отвечает Эрика, запрокидывая голову и подставляя свои чувственные губы, в которые я впиваюсь с жадностью изголодавшегося хищника. С гортанным стоном углубляю поцелуй, проворно забираясь ладонями под шелковую ночную рубашку, сминая пальцами упругие ягодицы. Она неожиданно упирается ладонями в мою стальную грудную клетку, выталкивая разгулявшийся язык из своего рта.

— Подожди, — прерывисто шепчет она. Я с нетерпеливым рыком обхватываю протестующую жену за талию, усаживая на себя таким образом, чтобы ее стройные длинные ноги оказались по обе стороны от моих бедер.

— Не могу, Эйнин. Я и так слишком долго ждал. Подыхаю, как хочу тебя. Потом можешь спрашивать и просить, о чем угодно, но сейчас дай мне....

— Тебе будет больно, — обрывает она меня на полуслове смехотворным заявлением. Я удивленно всматриваюсь в ее встревоженное личико. Взгляд Эрики прикован к рубцам, шрамам и синякам, обильно раскрасившим мой торс. Она неуверенно дотрагивается до бинтов на правой руке, облизывает свои сексуальные губы, вызывая у меня дикий приступ животной похоти.

— Мне больно от того, что я все ещё не в тебе, детка, — хрипло бормочу я, сжимая ее задницу и толкаясь бедрами вверх, позволяя почувствовать свою железобетонную готовность через плотную ткань брюк и ее нижнее белье.

— Ты все-таки озабоченный, Джамаль Каттан, — шумно выдыхает Эйнин в мои губы и снова уклоняется от поцелуя, с тревогой

наблюдая за мной. — Ты уверен, что нам стоит заниматься сексом прямо сейчас?

— Хочешь подождать пару недель, Эйнин? — в ее глазах плавится горячее желание, сомнение и беспокойство. Тем не менее она кротко кивает, чем поражает меня в самое сердце. Эрика Доусон, вернись сейчас же. Хочу свою стерву. — Честно говоря, я надеялся на более горячий прием, учитывая, что ты ни разу не изменяла мне со своим резиновым дружкой, — усмехаюсь я, через голову стаскивая с Эрики ночнушку. Ее нежная кожа покрывается знакомым мне румянцем, когда я накрываю ладонями полные красивые груди, поглаживая пальцами затвердевшие соски и продолжая тереться эрекцией о ее промежность.

— В ванной тоже установлены камеры? — вздернув брови, она наконец-то включается в игру. Я отвечаю с невозмутимой улыбкой.

— Ты думаешь, я скажу правду?

— Я надеюсь, что с этого момента ты будешь всегда говорить мне только правду, Джамаль, — с внезапной серьезностью отвечает Эрика. — Даже если по твоему мнению эта правда будет представлять для меня опасность. Я не хочу больше пережить ни одного подобного дня, что провела в этом доме в полнейшем неведении. Ты расскажешь мне всё...

— Клянусь, что расскажу, но чуть позже, — накрываю пальцем ее губы, призывая к молчанию. — Вернемся к нашим планам.

— Твоим, хочешь сказать? — резко уточняет Рика и громко вздыхает, когда, сдвинув в сторону полоску кружевных трусиков, я даю волю своим пальцам, которые безошибочно находят все самые чувствительные укромные местечки моей осмелевшей жены.

— Нашим, — шепчу я, наклоняясь и впиваясь в полные губы стремительным порочным поцелуем. — *Только нашим*, — добавляю я, когда минуту спустя отрываюсь, чтобы сделать вдох. Эйнин протестующе стонет, ерзая на моих коленях и нетерпеливо дергая ремень на моих брюках. — Тебе придется сегодня потрудиться, детка, — срывающимся голосом сообщаю я, помогая ей избавиться меня от брюк и разрывая к чертям ее трусики на жалкие лоскутки.

— Готова начать? — не дожидаясь ответа, приподнимаю ее бедра и насаживаю сверху на каменный член. Наконец-то. Наши губы и тела соединяются одновременно. Стоны, дыхание, биение сердец

сливаются в унисон. Время останавливается, стирая свои границы, пока мы берем все, что оно задолжало нам на часы разлуки, и никакая сила не способна сейчас оторвать нас друг от друга.

Мы выдыхаемся только на рассвете, когда первые солнечные лучи окончательно выгоняют полумрак из пропахшей сексом спальни. Вместе принимаем душ и, не разрывая объятий, обессиленно падаем на смятую кровать. Удовлетворённая и уставшая Эйнин сворачивается у меня под боком, блуждая нежными пальчиками по моему телу. Моя отяжелевшая голова и натруженный организм нуждаются в полноценном отдыхе и сне, но у Эйнин, конечно же, другие планы. Пришло время вопросов, на которые я обещал ответить. И мне приходится сдерживать слово. Как на допросе с пристрастием. Не опуская ни одной мелочи. Четко, коротко, по существу. Когда я отвечаю на последний вопрос, она вдруг замолкает на несколько минут. Я даже успеваю подумать, что ее сморил сон. Опустив голову, я натываюсь на внимательный, изучающий и совершенно неспящий взгляд Эйнин.

— Разочарована, что я не принц? — с мягкой иронией спрашиваю я, шутливо щёлкнув ее пальцами по вздернутому носику. Она хмурится, явно озадаченная моими словами.

— Даже не знаю, что хуже — быть женой будущего короля или директора спецслужб. Оба варианта не оставляют ни малейшей надежды на спокойную размеренную и уединенную семейную жизнь, — выдает она весьма странную концепцию видения нашего совместного будущего.

— А ты хочешь тихой семейной жизни? — с сомнением спрашиваю я.

— Я не хочу бояться, Джамаль, — быстро отвечает Эйнин.

— Если любишь кого-то, то всегда испытываешь страх потери. Это неизбежно. Все эти дни я боялся, что ты не дождешься меня и уедешь вместе с отцом и братом в Нью-Йорк, — я накрываю ладонью ее щеку, большим пальцем лаская распухшие от страстных поцелуев губы.

— Я бы вернул тебя, но мне было бы чертовски больно.

— Я бы осталась в любом случае, Джамаль, — произносит она. Ее взгляд прямой, искренний и уверенный.

— Почему? — хрипло спрашиваю я, ощущая, как грудную клетку сдавливает очередной спазм.

— Потому что это мой дом, который ты построил для меня, создав в мастерской целую галерею моих портретов, которые кричат о твоих чувствах. И я принадлежу тебе. Я создана для тебя. Никогда и никто не причинял мне столько боли и счастья. Я счастлива, что могу сказать тебе об этом, глядя в глаза. Я безумно тебя люблю, Джамаль.

— Не безумнее, чем я тебя, Эйнин, — хрипло отзываюсь я, замороженно наблюдая за светящимися в ее голубых глазах искрами. Мне определённо нравится ее внезапно проснувшееся красноречие. — И есть кое-что еще. То, что ты мне еще не сказала.

— О чем ты? — сдвинув брови, спрашивает Медина.

— Просто ответ. Да или нет.

— Я не понимаю... — качает головой, хлопая ресницами и озадаченно глядя на меня.

— До первого заседания суда, где я обязан буду присутствовать, осталось ровно две недели. Я собирался их провести с тобой на райском острове, который ты описывала в нашу брачную ночь. Мне нужно знать ответ, Эйнин, чтобы выбрать, насколько необитаемым он будет, чтобы избежать опасности твоему здоровью.

— Моему? — хмурится в недоумении Эйнин. — А как насчет твоего?

— Рика, — я загадочно улыбаюсь, скользнув ладонью на ее живот. Она вздрагивает, зрачки заметно расширяются, когда до нее наконец-то доходит, на что я намекаю. — Да или нет? — повторяя свой вопрос.

— Черт, ты и это видел! — неожиданно закипает Медина.

— Я должна была сказать тебе! Я! Сама! Джамаль, ты уберешь эти чертовы камеры!

— Ты действительно должна сказать мне, — поспешно соглашаюсь я. — Прямо сейчас.

— Ты уберешь камеры? — внезапно притихшим голосом спрашивает Эрика, опуская ресницы. — Лучше купим радио-няню, через восемь месяцев.

Это «да». Да. Сердце замирает на долю секунды, чтобы со следующим ударом взорваться от непередаваемого ощущения счастья. Я догадывался, и видит Аллах, это лучшая новость за долгие годы. Моя строптивая тигрица скоро подарит мне сына. Или дочь. Неважно. У нас будет много детей. Ее любви хватит на всех. Я знаю. В том, что Эйнин будет самой лучшей матерью, я никогда не сомневался. Я

крепко сжимаю ее в своих руках, не рассчитав силу, и она сдавленно смеется, не забывая возмущённо фыркать.

— Поосторожнее, Асад. Теперь тебе придется носить меня на руках и терпеть мои бесконечные беременные капризы, — самоуверенно заявляет она. Моя идеально стервозная жена. Я обожаю ее.

— Поверь, детка, после всего, что я с тобой натерпелся, мне уже ничего не страшно, — зарываясь лицом в ее волосы, отвечаю я.

— То есть можно начинать капризничать? — мгновенно реагирует плутовка.

— Валяй.

— Как насчет двух недель на... Мальдивах?